

О. Ю. Климов

ПЕРГАМСКОЕ ЦАРСТВО

**Проблемы политической истории
и государственного устройства**

Факультет филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета
Нестор-История
Санкт-Петербург
2010

Ответственный редактор:
зав. кафедрой истории Древней Греции и Рима СПбГУ,
д-р истор. наук проф. *Э. Д. Фралов*

Рецензенты:
д-р истор. наук проф. кафедры истории Древней Греции и Рима
Саратовского гос. ун-та *В. И. Кащеев*,
ст. преп. кафедры истории Древней Греции и Рима СПбГУ *М. М. Холод*

Климов, О. Ю.

К49 Пергамское царство: проблемы политической истории и государственного устройства. — СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. — 400 с. — (Историческая библиотека).

ISBN 978-5-8465-0702-9 (Факультет филологии и искусств СПбГУ)

ISBN 978-5-98187-475-8 (Нестор-История)

В монографии рассматривается политическая история Пергамского царства, образовавшегося в Малой Азии после походов Александра Македонского и развивавшегося в III–II вв. до н. э. до завоевания его Римом. Большое внимание уделено исследованию важнейших политических институтов, состояния армии и флота, характеристике налоговой, финансовой, религиозной политики династии Атталидов, их градостроительной деятельности. В монографии полно рассматривается развитие городов Малой Азии, входивших в состав Пергамского царства. Характеризуется система городского самоуправления, взаимоотношения полисов с царями и политика, которую проводила центральная власть в отношении городов.

Монография предназначена для историков, политологов, специалистов по истории государства и права — преподавателей вузов, учителей средних школ, аспирантов, студентов и всех лиц, интересующихся древней историей и культурой.

ББК 63.3(0)32

Klimov, Oleg Yu.

The Kingdom of Pergamon: Political Institutions and History. — St. Petersburg : St. Petersburg State University Faculty of Philology and Arts; Nestor-Historia, 2010. — 400 p. — (Historical Library).

ISBN 978-5-8465-0702-9

ISBN 978-5-98187-475-8

The book is devoted to the problems of political history and institutions of Pergamon state where the Attalids dynasty ruled for 150 years. The Kingdom of Pergamon existed in the Asia Minor in III–II centuries B.C. It constituted a part of the Hellenistic world and played a remarkable role in the system of international relations that was established in the East-Mediterranean region as well as in the development of the Hellenistic culture. All the political institutions of the Pergamon Kingdom such as royal power, king's court, regional administration, cities, army, rural communities, taxes, royal cults, etc. are examined by the author of the book.

Введение

Походы Александра Македонского и создание империи, в состав которой вошли земли от Балканского полуострова до Индии, послужили началом новой — эллинистической — эпохи в истории греческого мира и многих стран Востока. Держава, созданная Александром, распалась вскоре после смерти своего создателя, и началась кровавая борьба между его полководцами, в ходе которой возникли новые государства — эллинистические.

Эллинистический мир занял среди цивилизаций древности совершенно особое место. Он включил в свой состав огромные территории, множество народов, говоривших на разных языках, обладавших разной культурой, особенностями быта, хозяйственной деятельности, религии, психологии. В рамках эллинистического мира стали формироваться качественно новая социальная, экономическая, политическая система, материальная и духовная культура. Во многих отношениях этот новый мир представлял собой определенное единство с множеством черт, присущих всем эллинистическим государствам.

Вместе с тем большое значение сохраняли региональные особенности, которые проявлялись в самых разных аспектах развития. В этом отношении можно говорить о неоднородности эллинистического мира, порожденной природным и географическим своеобразием того или иного региона, этническими традициями населения, особенностями сложившейся социально-экономической системы.

В политическом отношении эллинистический мир также никогда не был единым, но всегда представлял собой совокупность государств, между которыми складывались весьма напряженные отношения.

Среди эллинистических государств наиболее влиятельными были Македония, во главе с правившими там царями из династии Антигонидов, Египет, где воцарился род Птолемеев, а также огромное по территории государство, включавшее в себя земли от Малой Азии

до Индии, в котором правила династия Селевкидов. Кроме названных великих царств возникло еще несколько относительно небольших государств, среди которых видное место занимало Пергамское царство. Оно существовало лишь полтора столетия, от 283 до 133 г. до н. э., но сыграло заметную роль в истории Древнего мира. Правители Пергама, лавируя между могучими государствами, сумели сохранить самостоятельность, а в дальнейшем, с конца III в. до н. э., вступив в союзнические отношения с Римом, значительно расширили подвластную им территорию, овладев частью западных и центральных областей Малой Азии. Пергамские цари превратили свою столицу в крупный благоустроенный город, сделали его одним из центров культуры, науки и искусств. В Пергаме развернулось строительство великолепных по своим архитектурным достоинствам построек — театра, гимнасиев, храмов. Ко двору приглашались крупные ученые, писатели, архитекторы и скульпторы, была создана прекрасная библиотека, которая немногим уступала знаменитому собранию книг в Александрии Египетской. Наконец, Пергамское царство, история которого известна от момента возникновения до его гибели, представляет собой весьма наглядный образец эллинистического государства, на котором можно исследовать как многие типичные в целом для эллинизма черты, так и региональные особенности, проявлявшиеся в такой уникальной области Древнего мира, как Малая Азия.

Наличие источников, освещающих разные периоды истории и развития государства, позволяет исследовать динамику многих социальных и политических процессов: становление самостоятельного государства, формирование института царской власти, складывание центрального управления и системы управления страной, развитие полисов, вошедших в состав государства, и многие другие.

Население Пергамского царства составляли греки, македоняне и местные малоазийские этносы, которые испытали значительное влияние греческой культурной традиции и были сильно эллинизированы. Пергамское царство возникло в регионе, отличавшемся высокой степенью урбанизации. По этой причине в состав государства вошло большое число греческих полисов и старых восточных городов. Наряду с ними формировались общины иного типа — военные колонии, храмовые общины. Особенно важная роль принадлежала полисам. Материалы, касающиеся Пергамского царства, предоставляют прекрасную возможность исследовать развитие городов, вошедших в состав эллинистического государства, а также

определить важнейшие направления политики короны в отношении гражданских общин царства.

Пергамское государство также являет собой пример царства, в котором значительное развитие получил культ правителя, где власть проводила целенаправленную идеологическую политику в области религии, использовала политическую пропаганду средствами изобразительного искусства и монументальной архитектуры.

Наконец, Пергамское царство было вовлечено в значительные политические события и процессы, протекавшие в Средиземноморье в III–II вв. до н. э.: усиление влияния Рима в Восточном Средиземноморье, война с Антиохом III, поэтому события политической истории Пергамского царства пересекались с историей многих других государств данного периода. Вследствие этих причин исследование политической истории царства также представляет собой весьма актуальную научную задачу.

Таким образом, изучение истории Пергамского царства и его политических институтов составляет важное направление исследования эллинистического мира и вообще древних обществ, без которого научная картина развития древности будет неполной и неточной.

Источники. История Пергамского государства нашла разностороннее и достаточно полное отражение в источниках. Среди них сочинения древних греческих и римских авторов, надписи, археологические материалы, монеты.

К сожалению, современные исследователи обладают лишь частью богатого научного исторического наследия античности. Известно, что истории Пергамского царства было посвящено немало трудов греческих и римских авторов. При дворе Атталидов сложилась собственная историческая школа, продолжением которой стали труды историков Пергама римского времени. Известно, что деятельность Аттала I была описана наставником царя писателем Лисимахом и историком Неанфом из Кизика. Афинский историк III в. до н. э. Филарх описал войны Эвмена I с Антиохом II. Известный ученый — грамматик и писатель II в. до н. э. Аполлодор, работавший некоторое время в Пергаме при дворе Аттала II, составил в стихах «Хронику», в которую вошли события от Троянской войны по 144 г. до н. э. Историю Атталидов описал также Тимаген, выполнивший труд по истории эллинистических царств. В более позднее время — во II в. н. э., при римском императоре Адриане, — грамматик Телеф составил историю Пергама и его царей. К сожалению, ни одно из указанных сочинений не сохранилось и они известны лишь

по названиям¹. В Пергаме при царском дворе, как это было принято во всем эллинистическом мире, велись ежедневные записи наиболее значительных событий. Эти своеобразные «дневники» тоже утрачены. О них нам известно из одного упоминания в надписи (RC. 66. Стк. 14–15).

В числе сохранившихся древних исторических повествований основными являются произведения двух великих историков древности — Полибия и Тита Ливия.

Полибий², жизнь которого пришлось на середину II в. до н. э., был весьма эрудированным человеком, талантливым историком и мыслителем. Он взялся за перо после основательного изучения трудов историков-предшественников и современников, а также официальных документов из архивов Рима, Македонии, Родоса, Ахейского союза. Прекрасное знание многих событий определялось также тем, что он являлся их свидетелем и участником. Историк был хорошо осведомлен в тех фактах, о которых писал, точен в рассказе, пытался сохранять объективность при анализе событий. Правда, в общей идее произведения, подборке фактов, трактовке событий проявилась такая характерная особенность его взглядов, как проримская ориентация и проримские симпатии. Центральным сюжетом «Истории» Полибия является возвышение Рима, превращение этой первоначально небольшой общины Италии в господина всего Средиземноморья. Данная идея книги определила ее композицию, отбор материала, его подачу, оценку событий и многое другое.

Излагая историю Рима и государств Западного и Восточного Средиземноморья середины III — середины II в. до н. э., Полибий уделил немалое внимание царству Атталидов. Он подробно описал борьбу Аттала I с Ахеем, поход пергамского монарха вдоль западного побережья Малой Азии с целью восстановить власть над грече-

¹ Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 135–136; Hansen E. The Attalids of Pergamon. Ithaca; London, 1971. P. XVII.

² Polybius. Historiae / Ed. a L. Dindorfio curatam retractavit Th. Buttner-Wobst. Vol. 1–5. Lipsiae, 1882–1904; Полибий. Всеобщая история. Т. 1–3. СПб., 1994–1995. О Полибии см.: Немировский А. И. Полибий как историк // ВИ. 1974. № 6; Мирзаев С. В. Полибий. М., 1986; Тыжов А. Я. Полибий в Риме // Античная гражданская община. Проблемы социально-политического развития и идеологии. Л., 1986. С. 92–10; он же. Политическая миссия Полибия в Элладу // Город и государство в античном мире. Проблемы исторического развития. Л., 1987. С. 107–115; Самохина Г. С. Полибий: эпоха, судьба, труд. СПб., 1995; Brown T. Polybius account of Antiochus III // Phoenix. 1964. Vol. 18. N 2. P. 124–136; Pedech P. La Methode historique de Polybe. Paris, 1964; Sacks K. Polybius on the Writing of History. Berkeley; Los Angeles; London, 1981; Walbank F. W. Polybius. Berkeley; Los Angeles; London, 1972; idem. A Historical Commentary on Polybius. Oxford, 1957–1979. Vol. 1–3.

скими городами, войну с Антиохом III, устройство Малой Азии после Апамейского мира и другое. Общее отношение Полибия к Атталидам и Пергамскому царству положительное: историк дает высокую оценку Атталу I, Эвмену II, царице Аполлониде и другим представителям династии. Действия пергамских царей встречают одобрительное отношение историка. Основное внимание Полибий уделил фактам внешнеполитической истории царства, дипломатическим переговорам, войнам, менее основательно описал государственный строй, взаимоотношения царей с городами и подданными. Материалы относительно внутренней истории царства Атталидов даны в качестве дополнения к внешней истории, попутно. Тем не менее многие сведения, содержащиеся в сочинении Полибия, имеют огромное значение, нередко они не дублируются данными иных авторов.

Очень важным нарративным источником является «Римская история от основания города» Тита Ливия³, жившего позже — в I в. до н. э. — I в. н. э. Тит Ливий описал политику Рима в отношении государств Восточного Средиземноморья, войны с Македонией, государствами Греции и державой Селевкидов. При этом он охарактеризовал ту роль, которую играло царство Атталидов в международных отношениях, а также взаимоотношения Рима и Пергама. Но Ливий описывал историю своего государства, поэтому события, происходившие в Малой Азии и вообще в Восточном Средиземноморье, интересовали его лишь в той мере, в какой они были связаны с историей Рима. Например, в работе Ливия сказано о посольствах, прибывавших к римскому сенату от царей Пергама, Вифинии, Понта, воевавших между собой, но войны между этими малоазийскими государствами не описаны. Следует учитывать также, что Ливий не был современником событий III–II вв. до н. э., а изучал их по историческим трудам и официальным документам. Широко распространено мнение о том, что в основу рассказа о событиях истории на Востоке Тит Ливий положил сочинение Полибия. Действительно, в

³ *Titī Livī. Ab urbe condita libri* / Ed. M. Hertz. Vol. 1–4. Lipsiae, 1857–1863. Русские издания: *Ливий, Тит. История Рима от основания города* / Под ред. П. Адрианова. Т. 1–6. М., 1892–1899; под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирнова. Т. 1–3. М., 1989–1994. О Ливии см.: *Тэн И. Тит Ливий. Критическое исследование*. М., 1900; *Немировский А. И. Социально-политические и философско-религиозные взгляды Тита Ливия* // ВИ. 1977. № 7; *Кузнецова Т. И., Миллер Т. А. Античная эпическая историография. Геродот. Тит Ливий*. М., 1984; *Дуров В. С. Художественная историография Древнего Рима*. СПб., 1993; *Walsh P. G. Livy. His Historical Aims and Methods*. Cambridge, 1961; *Nissen H. Kritische Untersuchungen über die Quellen der IV. und V. Dekade des Livius*. Berlin, 1863.

тех случаях, когда сохранились описания событий, составленные Полибием и Титом Ливием, их версии в основном совпадают. В целом историк сообщает ряд очень ценных сведений по истории Пергама, но, как и Полибий, не дает систематизированного изложения истории государства Атталидов и предлагает немного информации относительно внутреннего развития царства.

Греческий географ и историк I в. до н. э. — I в. н. э. Страбон в своем сочинении «География» изложил множество разнообразных сведений о Пергаме и многих других городах Малой Азии, об отдельных областях и народах, проживавших в этом весьма важном регионе античного мира. В этом отношении сочинение Страбона не имеет себе равных в античной литературной и научной традиции. В частности, он очень полно излагает историю всех областей Малой Азии — Мисии, Троады, Памфилии и других. Охват исторических событий весьма широк: он начинает изложение с мифических времен, пересказывает мифы и сказания о возникновении области, города, объясняет происхождение названий, рассказывает о наиболее значительных людях, местах, памятниках, постройках.

Страбон также включил в свой рассказ краткий очерк истории династии Атталидов, который содержит весьма ценную информацию. В частности, Страбон сообщает о продолжительности правления всех царей Пергама, что позволяет восстановить хронологию истории государства, рассказывает о территориальном росте царства, о наиболее важных событиях его истории. Страбон осуществляет изложение кратко, лаконично, тщательно отбирает сведения и предлагает достоверную информацию. Вместе с тем его описание характеризуется малой критичностью, фрагментарностью, выборкой наиболее ярких и примечательных событий, которые нередко подаются вне системы и логики.

Ряд важных сведений из истории царства Атталидов излагает Аппиан⁴ в той части своего исторического сочинения, которая посвящена государству Селевкидов и его войнам с Римом. Главное внимание историка приковано к событиям времени правления Антиоха III, современниками которого являлись пергамские цари Аттал I и Эвмен II. Аппиан описал развитие отношений Антиоха III с Римом и Пергамским царством, основные события войны, битву при Магнесии, мирный договор в Апамее. Хотя рассказ Аппиана отличается поверхностностью и интересом прежде всего к ярким сторонам

⁴ Appiani Historia Romana / Ed. L. Mendelssohn. Vol. 1–2. Lipsiae, 1879–1881; Schwartz E. Appianus // RE. Hbhd. 2. 1896. Sp. 216–237.

происходящего, в его произведении даны многие весьма полезные сведения, дополняющие материалы Полибия и Тита Ливия.

Дополнительные, нередко весьма важные факты содержатся в трудах многих других греческих и римских авторов: Диодора Сицилийского, Павсания, Плутарха, Юстина, Валерия Максима, Луция Аннея Флора, Саллюстия, Юлия Обсеквента, Евтропия, Орозия⁵.

В дошедшей до нашего времени античной исторической традиции правители Пергамского царства и их деятельность оценивались неоднозначно. В трудах Полибия, Тита Ливия, Страбона дана положительная характеристика Атталидов, доходящая в некоторых случаях до идеализации отдельных представителей династии. Весьма отчетливо идеализация пергамских царей выражена в труде Полибия. Негативное отношение к ним передали Юстин и Диодор, которые акцентировали преимущественно недостатки и пороки последнего представителя династии Аттала III.

Особенность исторических произведений греческих и римских авторов состоит также в том, что они отразили главным образом внешнюю политику государства. О событиях внутренней истории Пергамского царства и о политике царей в сочинениях Полибия, Тита Ливия, Диодора, Страбона и других писателей сообщается совсем немного сведений.

В изучении истории Пергамского царства, его политической истории и государственных институтов поистине неоценима роль эпиграфического материала⁶. Отдельные надписи Пергама были извест-

⁵ Diodorus Siculus. *Bibliotheca Historica* / Ed. L. Dindorf. Vol. 1–4. Lipsiae, 1866–1868; Schwartz E. *Diodoros* // RE. Hbhd. 3. 1903. Sp. 663–712; Flori L. A. *Epitomae rerum Romanorum*. Lipsiae, 1829; Rossbach O. L. *Annaeus Florus* // RE. Hbhd. 12. 1909. Sp. 2761–2770; Justinus. *Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi*. Lipsiae, 1935; Boerma J. *Historische Kommentar zu Justinus Epitome Historiarum Philippicarum des Pompeius Trogus*, I. XXVII–XXXIII, und zu den Prologi dieser Bücher. Haag, 1937; Cornelius Nepotis *Vitae cum fragmentis*. Lipsiae, 1977; Julius *Obsequens*. T. *Livi ab urbe condita librorum CXLII Periochae*. Lipsiae, 1853; Fiehn C. *Obsequens, Julius* // RE. Hbhd. 34. 1937. Sp. 1743–1744; Eutropii *Breviarium Historiae Romanae*. Londini, 1821; Gensel H. *Eutropius* // RE. Hbhd. 11. 1909. Sp. 1521–1527.

⁶ Fränkel M. *Die Inschriften von Pergamon*. Bd. 1–2. Berlin, 1890–1895; Dittenberger W. *Orientis Graeci Inscriptiones Selectae*. Vol. 1–2. Leipzig, 1903–1905; Dittenberger W. *Sylloge Inscriptionum Graecarum*. 3 ed. Vol. 1–4. Leipzig, 1915–1924; *Monumenta Asiae Minoris Antiqua*. Publications of the American Society for Archaeological Research in Asia Minore. Vol. 1–8. Manchester, 1928–1956; Welles Ch. B. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period*. New Haven, 1934. В настоящее время продолжается издание многотомной серии: *Die Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien*. Bonn, в которой собраны все известные надписи разных периодов. Изданы надписи городов Кизик, Кимы, Калхедон, Эритры, Клазомены, Илион, Лампсак, Парий, Магнесия у горы Сипил и многих других.

ны еще в эпоху Возрождения, но основное их число открылось исследователям в ходе археологических раскопок, которые ведутся в Пергаме и других городах Малой Азии уже более ста лет⁷. До этого вся информация, которой располагали исследователи, ограничивалась рассказами древних греческих и римских писателей о деятельности отдельных правителей, о некоторых наиболее ярких и значительных событиях истории государства. Огромное значение надписей определяется их большой информативностью, значительным количеством, объективным характером и разнообразием информации.

К настоящему времени найдено и опубликовано около трехсот надписей Пергама эллинистического периода и десятки тысяч надписей других городов Малой Азии классического, эллинистического и римского времени. Среди эллинистических надписей особое значение имеют документы двух видов — постановления народных собраний и царские письма городам. Надписи представляют собой, как правило, официальный текст и предлагают такую информацию, которая зачастую оказывалась вне поля зрения античных историков и писателей. Они характеризуют внутреннее состояние городов, развитие полисного строя, политику царской власти, дополняют информацию древних авторов о некоторых политических событиях.

Кроме надписей, археологические исследования в Пергаме и других городах Малой Азии дали богатейший материал вещественных источников⁸. Археологические исследования античных городов Малой Азии ведутся уже более ста лет. В истории раскопок важное место заняло изучение памятников античного Пергама⁹. Интерес к древностям Пергама и других городов Малой Азии проявляли самые разные люди: в 1250 г., незадолго до своего восшествия на престол, с пергамскими руинами ознакомился византийский император Феодор II Ласкарь. Двумя столетиями позже, в 1431 и 1444 гг. холм Пергама и его древности осматривал знаменитый Кириак Анконский. В XVII в. в Пергаме побывали знатный анг-

⁷ О поисках надписей Малой Азии и первых научных публикациях см.: Новосадский Н. И. Греческая эпиграфика. М., 1909. С. 96–99, 105, 111, 117, 129–131, др.

⁸ Описание построек Пергама дано в большом количестве работ: Die Altertümer von Pergamon. Bd. I–XI. Berlin, 1885–1969; Deubner O. Das Asclepieion von Pergamon. Berlin, 1938; Hiepe R. Die Pergamonaltäre. Leipzig, 1961; Rohde E. Pergamon. Burgberg und Altar. Berlin, 1982; Hansen E. Op. cit. P. 237–298.

⁹ История раскопок Пергама кратко раскрыта в работе: Rohde E. Pergamon. S. 13–21.

лийский путешественник Томас Ховард и его спутник Уильям Петти, в XVIII–XIX вв. — целый ряд других европейских путешественников¹⁰.

Археологическое изучение города начал в сентябре 1878 г. немецкий инженер и археолог Карл Хуман, который во время строительных работ обратил внимание на замечательные памятники на пергамском холме¹¹. Раскопки К. Хумана продолжались с перерывами до 1886 г. Кроме него в археологических исследованиях пергамских древностей важную роль сыграли А. Конце, В. Дерпфельд, В. Кольбе, К. Шухардт, Р. Бон, Т. Виганд, Э. Берингер и другие ученые.

В ходе раскопок в Малой Азии были изучены сами города с их основными постройками — агорой, храмами, театрами, гимнасиями, крепостными укреплениями, жилыми домами, что позволило определить уровень экономического развития полисов, особенности эллинистического градостроительства, степень благоустройства городов и многое другое. Раскопки дали также огромное количество предметов быта, что позволяет составить более полное представление о культуре и истории государства Атталидов, решить некоторые вопросы, связанные с развитием экономики. Кроме того, археологические исследования открыли многие произведения искусства Пергама — скульптуры, мозаики, вазовой живописи.

Ценным источником являются монеты. Они в определенной степени показывают уровень благосостояния государства, развития торговли, состояние государственных институтов, характеризуют положение городов в составе царства, финансовую политику династии, внутреннюю и внешнеполитическую деятельность государственной власти¹².

¹⁰ О путешествиях по Малой Азии см.: *Chandler R. Travels in Asia Minor*. Oxford, 1775; *Fellows Ch. A journal written during an excursion in Asia Minor*. London, 1839; *Fellows Ch. Travels and reseaches in Asia Minor*. London, 1852; *Texier Ch. Asie Mineure. Description geographique, historique et archeologique de la Chersonnese d'Asie*. Paris, 1862; *Sterrett J. R. S. The Wolf Expedition to Asia Minor*. Boston, 1888; *Voyages archeologique en Grece et en Asie Mineure sous la direction de Philippe Le Bas (1842–1844)*. Paris, 1888; *Entdeckungen in Hellas. Reisen deutscher Archaeologen in Griechenland, Kleinasien und Sizilien* / Hrsg. H. A. Stoll. Berlin, 1979.

¹¹ О К. Хумане см.: *Шмоль Г. А. Боги и гиганты*. М., 1971; *Der Entdecker von Pergamon Carl Humann* / Hrsg. C. Schuchhardt und T. Wiegand. Berlin, 1930.

¹² *Imhoof-Blumer Fr. Die Münzen der Dynastie von Pergamon* // ABA. 1884. Abh. III; *Fritze H., von. Die Münzen von Pergamon* // ABA. 1910. Abh. I; *Rostovtzeff M. SEHWW. Vol. 2. P. 654–659*; *Hansen E. Op. cit. P. 216–224*; *Head B. Historia Numorum. A Manual of Greek Numismatics*. Oxford, 1911. P. 520–688; *Westermarck U. Das Bildnis des Philetairos von Pergamon*. Stockholm, 1961.

Политическую и социальную историю Пергамского царства, религиозную политику Атталидов позволяют понять также произведения искусства, открытые при археологических исследованиях. Среди памятников искусства Пергама наиболее значительное место принадлежит, несомненно, знаменитому алтарю Зевса с его выдающимися скульптурными фризами с изображением гигантомахии и мифологической истории Телефа. Также при раскопках было открыто немалое число скульптур и произведений прикладного искусства. Произведения пергамского изобразительного искусства имеют выдающееся значение для мировой культуры. Помимо этого, они важны как исторический источник: в известной степени они раскрывают политику династии, официальные эстетические ориентиры и идеологические установки.

В последние годы определенная часть материалов источников по истории античного мира, в том числе Пергамского царства, получила отражение в электронной информационной сети Интернет. Благодаря этому появилась возможность знакомиться с результатами, например, новых археологических исследований городов Малой Азии. Так, в «Проекте Персей» университета Тафта (США) имеются разделы, посвященные памятникам классической древности и греческой фортификации, на которых отражены данные о городах Анатолии¹³. Следует отметить, что пока в сети Интернет материалы археологических источников представлены в виде иллюстраций и кратких описаний. Это, безусловно, полезно, но совершенно недостаточно для исследования.

В целом источники разнообразны, весьма информативны и позволяют не только получить общее представление об истории государства Атталидов и его основных политических институтах, но также исследовать и многие относительно частные вопросы, связанные с нашей темой.

К сожалению, источники неравномерно освещают периоды истории государства. Фрагментарна информация о развитии города Пергама в доэллинистический период. Деятельность первых двух правителей — Филетера и Эвмена I отражена лишь частично. Правление Аттала I

¹³ См., например, среди материалов «Проекта Персей»: 1. Princeton Encyclopedia of Classical Sites (PECS), в которой даны описания памятников многих городов Малой Азии и фотографии некоторых из них: <http://www.perseus.tufts.edu/cgibin/text?lookup=pecs+toc>; 2. Greek Fortification, предлагающий описания укреплений и десятки современных фотографий остатков стен, башен и других видов укреплений эллинистического времени городов Акс, Милет, Приена: <http://www.perseus.tufts.edu/cgibin/browser?object=building&field=Type&value=Fortification>.

раскрыто в источниках более полно, но они сообщают по преимуществу о его внешнеполитической деятельности и предлагают мало информации о внутренней политике. Правление Эвмена II (197–159 гг. до н. э.) получило наиболее полное отражение в источниках в силу того, что при нем государство переживало экономический и политический расцвет, вышло на арену широкой внешнеполитической деятельности. Последние десятилетия истории царства до его гибели в 129 г. до н. э. источники освещают неравномерно — преимущественно те события, которые вызывали повышенный интерес, например война Аттала II с Вифинией, восстание Аристоники, личность Аттала III.

Еще одной важной особенностью наших источников является отсутствие полного последовательного изложения истории царства Атталидов в трудах античных авторов. Единственным исключением является труд Страбона, но его обзор истории Пергамского царства настолько краток, что не снимает множества имеющихся неясностей и вопросов.

Историография. Изучение истории Пергамского государства имеет давнюю традицию. Первым известным нам сочинением на эту тему является книга Ван Капелле, представляющая в настоящее время лишь библиографический интерес. Автору не были известны надписи Пергама, археологические и иные материалы, его труд содержит лишенный какого-либо анализа пересказ сведений античных авторов. Первой исследовательской работой является сочинение Е. Тремера¹⁴, который посвятил свою книгу тщательному рассмотрению греческой мифологической традиции о Малой Азии и Пергаме и изучению ранних этапов истории государства, в частности развитию Пергама до Атталидов, правлению Филетера, некоторым событиям времени царствования Аттала I. При всех своих достоинствах данная работа не предлагает достаточно полного очерка событийной истории, не содержит описания политических институтов Пергамского царства.

Книга Й. Уссинга «Пергам. Его история и памятники»¹⁵ имела задачей прежде всего представить достижения культуры Пергамского царства. Поэтому автор дает лишь общий обзор истории государства, а основное внимание уделяет описанию городских архитектурных памятников и скульптур. По этим причинам ни одна из названных

¹⁴ *Van Capelle A. C. Commentatio de regibus et antiquitatibus Pergamenis. Amsterdam, 1840; Thraemer E. Pergamos. Untersuchungen über die Frühgeschichte Kleinasiens und Griechenlands. Leipzig, 1888.*

¹⁵ *Ussing J. Pergamos. Seine Geschichte und Monumente. Berlin, 1899.*

работ не заполняет собой лакуну в изучении политического строя Пергамского царства.

Ценным вкладом в изучение истории государства Атталидов и его институтов стали работы Дж. Кардинали, особенно книга «Царство Пергам»¹⁶. В ней, в отличие от всех предыдущих трудов, тщательно исследованы государственные институты царства и полисный строй города Пергама и других полисов, описаны многие события политической истории, по возможности проанализировано экономическое состояние государства. Труд Дж. Кардинали, безусловно, является основательным и глубоким научным исследованием, но в книге рассмотрена лишь часть относящихся к истории государственности вопросов, так, недостаточно полно охарактеризованы институт царской власти, органы центрального управления страной. Кроме того, в последующие после выхода книги годы были открыты новые важные эпиграфические документы, значительно дополняющие и уточняющие наши представления об истории царства Атталидов. Больших успехов добилась также археология, материалы которой позволяют существенно дополнить и откорректировать представления, формирующиеся на основе письменных источников, использованных Дж. Кардинали.

Среди сочинений по истории Пергамского царства выдающееся место принадлежит трудам М. И. Ростовцева¹⁷. Истории царства Атталидов посвящены отдельные написанные им главы в «Кембриджской древней истории» и главы в классической «Социальной и экономической истории эллинистического мира»¹⁸. М. И. Ростовцев

¹⁶ *Cardinali G.* Il regno di Pergamo. Roma, 1906; *idem.* La morte di Attalo III e la rivolta d'Aristonico // *Saggi di Storia Antica e di Archaeologia offerti a G. Beloch.* Roma, 1910. P. 269–320.

¹⁷ О научном вкладе М. И. Ростовцева в исследование эллинизма см.: Скифский роман / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997; библиография — с. 221–226; *Бонгард-Левин Г. М.* М. И. Ростовцев и И. И. Бикерман (Новые архивные материалы) // ВДИ. 1995. № 4. С. 215–238; *Сапрыкин С. Ю.* Академик М. И. Ростовцев о Понтийском и Боспорском царствах в свете достижений современного антиковедения // ВДИ. 1995. № 1. С. 200–209; *Хайнен Х.* Эллинистический Египет в трудах М. И. Ростовцева // ВДИ. 1992. № 2. С. 163–179; *Фролов Э. Д.* М. И. Ростовцев: социально-экономическое направление в русском антиковедении (аналитический обзор) // История европейской цивилизации в русской науке. Античное наследие. М., 1991. С. 37–61; *он же.* М. И. Ростовцев и его место в науке об античности: судьба ученого // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции в память академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 10–12; *он же.* Русская наука об античности: Исторические очерки. СПб., 2006. С. 391–420.

¹⁸ *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. 1–3. Oxford, 1941; *idem.* Pergamum // The Cambridge Ancient History. Vol. 8. Cambridge, 1930. P. 590–618.

рассматривает историю Пергамского царства как неотъемлемую часть истории всего эллинистического мира и даже шире — всего Средиземноморья.

Ученый характеризует Пергамское царство, с одной стороны, как результат развития истории конца IV — начала III в. до н. э., с другой — как следствие многовековых процессов, развивавшихся в малоазийском регионе. М. И. Ростовцев отмечает, что Малая Азия со времени господства хеттов и позже, при Ахеменидах, Александре Македонском и его преемниках, была страной малых полусамостоятельных государств, в которых правили потомки племенных вождей, верховные жрецы храмовых общин или тираны городов. Захват власти в Пергаме полугреком Филетером явился одним из множества подобных событий.

Великолепное знание материала источников позволило ученому очень емко и точно охарактеризовать основные этапы политической истории Пергамского царства, показать развитие государственных институтов, религии и культуры.

Вместе с тем в силу специфики жанра трудов, в которых рассмотрена история Пергамского царства, изложение носит чрезмерно краткий и обобщающий характер, внимание ученого акцентируется лишь на наиболее важных вопросах. М. И. Ростовцев также в ряде случаев принимает некоторые спорные или, на наш взгляд, неточные и ошибочные положения по частным вопросам, которые будут отмечены по ходу дальнейшего изложения. Эти неизбежные неточности несколько не умаляют значение того основательного научного труда, который выполнил наш замечательный соотечественник.

Обобщением всего материала по истории и культуре Пергамского государства, накопленного к середине 40-х гг. XX столетия, стала книга Э. Хансен «Атталиды Пергама»¹⁹, в которой автор дала подробное изложение истории царства, общий очерк его основных политических институтов и весьма основательно осветила развитие культуры и искусства. В книге охарактеризованы религия, наука, изобразительное искусство, архитектура. Автор прекрасно владеет всей специальной литературой и источниками. Достоинством книги Э. Хансен является полнота освещения истории Пергамского царства: практически все стороны жизни государства нашли на ее страницах более или менее значительное место. В результате книга стала исследованием, необходимым для изучения не только истории собственно Пергама, но и эллинизма в целом. Вообще говоря, до сих

¹⁹ Hansen E. Op. cit.

пор эта работа не имеет равных по полноте использованного материала и по широте охвата проблем.

Вместе с тем работа Э. Хансен в ряде случаев страдает описательностью и отсутствием проблемного подхода. Вследствие этого автором не рассмотрены в достаточной степени некоторые важные вопросы, особенно спорные, чрезмерно кратко дан обзор государственной структуры, положения полисов в царстве, административно-территориального деления, институтов центральной власти, армии. Социальная система царства Пергам, его сельских местностей и городов совсем не охарактеризована.

Важная роль Пергамского царства в системе международных отношений Восточного Средиземноморья конца III—II в. до н. э., наличие достаточного числа содержательных источников позволили Р. Макшейну осуществить исследование по теме «Внешняя политика Атталидов Пергама»²⁰. В книге излагается комплекс вопросов, связанных с политической историей Пергамского царства и с международными отношениями в Восточном Средиземноморье в III—II вв. до н. э. Внешняя политика Атталидов рассмотрена автором на достаточно широком фоне исторических процессов и событий, происходивших в Средиземноморье. Р. Макшейн полно и подробно рассматривает историю Пергамского царства III в. до н. э. — многочисленные войны Эвмена I, его преемника Аттала I за сохранение государственной самостоятельности и за расширение границ царства, активную внешнеполитическую деятельность Эвмена II.

Но с некоторыми общими положениями американского исследователя трудно согласиться. В его изложении цари Пергама играли роль защитников эллинизма в Азии; их отношения с греческими городами строились на равноправных договорных началах. Рассматривая вопрос о взаимоотношениях династии с городами, Р. Макшейн идеализирует эту систему отношений, считая, например, что Аттал I являлся лишь лидером группы городов, связанных с ним союзническими отношениями. Ученый высказывает мысль о том, что полисы процветали и «наслаждались» (enjoyed) партнерством с богатыми Атталидами, а при Эвмене II даже обложенные данью полисы были вполне удовлетворены своим положением.

В ряде случаев роль Пергамского царства преувеличена. Например, по мнению Р. Макшейна, в войне с царем Сирии Антиохом III в 192—188 гг. до н. э. решающей силой был не Рим, а Пергам. Роль Римской республики в этом военном конфликте он уподобляет той,

²⁰ McShane R. The foreign policy of the Attalids of Pergamon. Urbana, 1964.

какую сыграли Соединенные Штаты Америки в Первой и Второй мировых войнах²¹. Отдельные события — восстание Аристоника и даже война с Антиохом III — получили у Р. Макшейна неоправданно краткое изложение. Между тем хорошо известно, что и то, и другое события стали действительно переломными не только в истории собственно царства Атталидов, но и в судьбе всего Восточного Средиземноморья II в. до н. э.

Значительный вклад в изучение истории Пергамского государства внес Р. Аллен, работа которого «Царство Атталидов. Конституционная история»²² посвящена рассмотрению отдельных событий политической истории и, главное, развитию государственных институтов и царского культа. Книга Р. Аллена построена по преимуществу проблемно, при этом важное место отведено уточнению некоторых конкретных фактов и черт политического строя Пергамского царства. Р. Аллен не предлагает читателю полного и последовательного изложения событий политической истории государства Атталидов, но делает ряд важных и содержательных экскурсов в область событийной истории. Анализируя положение Филетера в Пергаме после отделения от Лисимаха, ученый присоединяется к давно устоявшейся мысли о том, что признание власти Селевкидов Филетером носило формальный характер, в действительности же он обладал политической самостоятельностью²³. Тенденция к складыванию политически самостоятельного государства (*δυναστεία*) ярко проявилась при преемнике Филетера Эвмене I. Характеризуя деятельность Аттала I, Р. Аллен считает, что в период между 216 г. до н. э. — началом борьбы с наместником Селевкидов в Малой Азии Ахеем — и Второй Македонской войной между царством Селевкидов и Пергамом сложились дружественные отношения, которые скреплялись договорами²⁴. Последующее сближение Пергамского царства с Римской республикой объясняется угрозой со стороны Македонии. К этому объяснению можно добавить, что в начале II в. до н. э. упрочению союза с Римом способствовала и возникшая сирийская угроза. Р. Аллен справедливо, на наш взгляд, выступил против стремления ряда ученых (например М. Олло) приписать Атталу I имперские амбиции и широкие завоевательные планы в бассейне Эгейского моря²⁵.

²¹ Ibidem. P. 70, 72–73, 88, 171–172.

²² Allen R. E. The Attalid Kingdom. A Constitutional History. Oxford, 1983. См. нашу рецензию на данную работу Р. Аллена: ВДИ. 1988. № 2. С. 221–225.

²³ Ibidem. P. 13 f.

²⁴ Ibidem. P. 58–60. См. также: Polyb. XXI. 17, 6; App. Syr. 38.

²⁵ Ibidem. P. 66 f., 74.

События истории Пергамского царства II в. до н. э. ученый рассматривает относительно кратко. Он разделяет популярное в историографии мнение о том, что территориальный рост царства Атталидов после 188 г. до н. э. явился результатом римских благодеяний, наградой Эвмену II за верность Риму в борьбе против Антиоха III²⁶. На наш взгляд, роль союзников Рима — Пергама и Родоса в данной войне была более значительной, чем принято считать²⁷. Поэтому предоставление Пергамскому царству новых территорий по Апамейскому миру 188 г. до н. э. можно рассматривать как признание римским сенатом реальных заслуг своего главного союзника.

Р. Аллен справедливо отметил, что деятельность Аттала III известна нам только во враждебной Пергаму литературной традиции. Учитывая эту особенность источников, ученый достаточно осторожно оценивает личность и правление последнего пергамского царя и отмечает, что Аттал III продолжал политическую линию своих предшественников и уделял большое внимание развитию царского культа и вообще религиозной политике. Решение Аттала III передать царство Риму следует объяснять его личными качествами и обстоятельствами правления, а не зависимостью Пергамского царства от Рима при предшественниках последнего царя. Восстание Аристоника было вызвано завещанием Аттала III, а сам Аристоник являлся претендентом на престол²⁸.

Характеризуя развитие системы государственного управления, Р. Аллен поддерживает популярный в научных исследованиях тезис о большой роли военных побед Пергама в принятии Атталом I царского титула. По мнению ученого, в развитии политической структуры Пергамского царства важнейшим событием явился Апамейский мирный договор 188 г. до н. э., когда в выросшем территориально государстве были введены новые должности и создана система административно-территориального деления.

²⁶ Ibidem. P. 76, 78, др. Более или менее категорично данное суждение выражено в работах Т. Моммзена, Т. Франка, М. Кэри, Э. Бэдиана, Р. Эррингтона, Г. Скалларда и других ученых: *Моммзен Т.* История Рима. Т. I. М., 1936. С. 704; *Frank T.* Roman Imperialism. New York, 1921. P. 183, 186 etc; *Badian E.* Roman Imperialism in the Late Republic. Oxford, 1968. P. 2; *Errington R. M.* The Dawn of Empire. Rome's Rise to the world Power. Ithaca. New York, 1972. P. 183; *Cary M.* A History of the Greek World from 323 to 146 B.C. London, 1932. P. 213; *Scullard H. H.* A History of the Roman World from 753 to 146 B.C. London; New York, 1980. P. 272 f.

²⁷ Обоснование данной точки зрения дано в гл. 1, п. 3.

²⁸ Ibidem. P. 84–85.

Р. Аллен указал на значительную самостоятельность городов, входивших в состав царства, справедливо отметил, что при обычных обстоятельствах Атталиды не размещали в городах гарнизоны и не назначали должностных лиц с военной властью. Ученый охарактеризовал также и изменения, которые происходили в политическом строе городов Малой Азии, в том числе Пергама при Атталидах. П. Аллен допускает мысль о том, что Атталиды отдавали предпочтение политическому строю столицы и, может быть, поощряли принятие его другими городами²⁹. Данная точка зрения, несмотря на достаточно широкую ее популярность в науке, представляется спорной³⁰.

По мнению Р. Аллена, введение в городе Пергаме царских должностей *ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως* и *ὁ ἐπὶ τῶν ἱερῶν προσόδων* приходится на время после 188 г. до н. э. Это мнение не имеет прямых доказательств, поэтому вполне можно полагать, что названные царские должности вводились в городе в связи с принятием царского титула Атталом I и формированием при нем нового административного аппарата. Подводя итог обзору институтов Пергама, Р. Аллен приходит к выводу о сохранении в городе старых прав, системы управления, законов, но отмечает при этом, что политическая свобода столицы была ограничена практикой назначения царских должностных лиц, стратегов и прямыми царскими распоряжениями³¹.

Р. Аллен основательно рассматривает вопросы, связанные с религиозной политикой Атталидов и развитием царских культов. Он совершенно справедливо отмечает разницу между религиозным почитанием монархов (*worship*) и их обожествлением (*deification*). Кроме того, Р. Аллен подчеркивает разницу между централизованным государственным культом царя или членов его семьи и вводимыми в городах по их собственной инициативе культами отдельных царей. Очень важным новым положением, открытым Р. Алленом, является вывод, сделанный им на основе надписей Милета о том, что в этом городе Эвмен II был обожествлен при жизни³². Как известно, считалось, что культ Атталидов не развился до уровня признания богом живого носителя верховной власти. Вывод ученого дает, таким образом, принципиально новое представление о религиозной политике династии пергамских царей.

²⁹ Ibidem. P. 105–106.

³⁰ Аргументы против данной точки зрения рассмотрены в гл. 3, п. 2.

³¹ Ibidem. P. 176 f.

³² Ibidem. P. 145, 146, 119.

В целом книга Р. Аллена отличается основательностью, тщательным исследованием эпиграфического материала, в результате чего автору удалось внести некоторые существенные уточнения в события политической истории, сделать ряд новых наблюдений относительно развития государственного строя и религиозной политики Атталидов, а также предложить новые датировки некоторых известных надписей. В силу всех названных обстоятельств книга Р. Аллена представляет собой весьма значительный вклад в изучение проблем истории эллинизма и Пергамского царства.

В связи с обнаружением большого числа монет царства Атталидов и полисов Малой Азии в историографии сложилась традиция нумизматических исследований, без которых изучение политической истории и государственных институтов Пергамского царства было бы невозможным. Это работы, посвященные монетам собственно Пергамского царства (Фр. Имхоф-Блюмер, Х. фон Фритце, У. Вестермарк, Е. Робинсон), и обзорные труды по нумизматике эллинизма³³. Среди исследований по Пергамскому царству важное место также занимают работы, посвященные искусству царства Атталидов и знаменитому Пергамскому алтарю³⁴.

Основные события пергамской истории, краткий очерк его социального, политического строя содержится в обобщенном виде во многих общих трудах по истории эллинизма, городов Малой Азии, международных отношений в Средиземноморье — в сочинениях Б. Низе, К. Ю. Белоха, Ю. Керста, М. Кэри, В. Чериковера, В. Тарна, Дж. Гриффита, Эд. Виля, А. Х. М. Джоунза, Д. Мейджи, Э. Бикермана, Г. Бенгтсона, У. Уолбенка, Э. Грюена, Р. Биллоуса, Г. Козна и многих других ученых³⁵.

³³ *Imhoof-Blumer Fr.* Die Münzen der Dynastie von Pergamon // ABA. 1884. Abh. III; *Fritze H., von.* Die Münzen von Pergamon // ABA. 1910. Abh. I; *Rostovtzeff M.* SEHWW. Vol. 2. P. 654–659; *Head B.* Historia Numorum. A Manual of Greek Numismatics. Oxford, 1911. P. 520–688; *Robinson E. S. G.* Cistophori in the name of King Eumenes // NC. 1954. Vol. 14. P. 1–8; *Seltman C.* Greek Coins. London, 1933; *Westermarck U.* Das Bildnis des Philetaios von Pergamon. Corpus der Münzprägung. Stockholm, 1961.

³⁴ Например: *Schober A.* Die Kunst von Pergamon. Innsbruck; Wien, 1951; *Hiepe R.* Der Pergamonaltar. Leipzig, 1959; *Müller W.* Der Pergamon-Altar. Leipzig, 1964; *Rohde E.* Pergamon: Burgberg und Altar. Berlin, 1982.

³⁵ *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949; *Niese B.* Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd. 1–3. Gotha, 1893–1903; *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. Bd. 4. Abt. 1, 2. Berlin; Leipzig, 1925–1927; *Kaerst J.* Geschichte des Hellenismus. Leipzig; Berlin, 1926; *Cary M.* A History of the Greek World from 323 to 146 B.C. London, 1932; *Griffith G. T.* The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge, 1935; *Jones A. H. M.* The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940;

В зарубежной историографии также активно исследовались отдельные аспекты истории царства Атталидов. В работах М. Олло рассматривались главным образом проблемы политической истории Пергамского царства и роли государства Атталидов в системе международных отношений в Средиземноморье³⁶. Хр. Хабихт проанализировал отношения Пергама с Афинами и Вифинией. Кроме того, материалы царства Атталидов были им использованы в классическом труде, посвященном развитию царских культов в эпоху эллинизма³⁷. И. Кертеш посвятил свои работы характеристике рельефов Пергамского алтаря и роли монументального искусства в политике царства Атталидов³⁸. Социально-экономические отношения в эллинистических государствах, в том числе в царстве Атталидов, исследовал

idem. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1971; *Bickerman E.* Notes sur Polybe. I. La status des villes d'Asie apres la paix d'Apamee // REG. 1937. T. 50. P. 217–239; *Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2. München, 1944; *Magie D.* The «Agreement» between Philip V and Antiochus III for the partition of the Egyptian Empire // JRS. 1939. Vol. XXIX. Part I. P. 32–44; *idem.* Rome and the City-States of western Asia Minor from 200 to 133 B.C. // Anatolian Studies presented to W. H. Buckler. Manchester, 1939. P. 161–185; *Idem.* Roman Rule in Asia Minor. Vol. 1–2. Princeton, 1950; *Will Ed.* Histoire politique du monde hellenistique. T. 1–2. Nancy, 1966–1968; *Walbank W.* Polybius. Berkeley; Los Angeles; London, 1972; *Idem.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. 1–3. Oxford, 1957–1979; *idem.* Philipp V of Macedon. London, 1967; *idem.* The Hellenistic World. Brighton, 1981; *Gruen E.* The Hellenistic World and the coming of Rome. Vol. 1–2. Berkeley, 1984; *Cohen G. M.* Katoikia, katoikoi and Macedonians in Asia Minor // Ancient Society. 1991. Vol. 22. P. 41–50; *Billows R. A.* Kings and colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York; Koln, 1995.

³⁶ *Holleaux M.* L'expédition de Philippe V en Asie Mineure. La bataille de Chios (201 av. J.-C.) // Klio. 1909. Vol. IX. P. 450–460; *idem.* Recherches sur l'histoire des negotiations d'Antiochos III avec les Romains // REA. 1913. T. 15. Fasc. 4. P. 1–24; *idem.* Un nouveau document relatif aux premiers Attalids // REA. 1918. T. XX. P. 9–15; *idem.* Rome, la Grece et les monarchies hellenistiques au III-e siecle av. J.-C. Paris, 1921; *idem.* L'expédition de Philippe V en Asie (201 av. J.-C.) // REA. 1920. T. XXII. P. 237–258; 1921. T. XXIII. P. 181–212; 1923. T. XXV. P. 330–366; *idem.* La clause territoriale au traite d'Apamee // REG. 1931. T. XLIV. P. 304–319; *idem.* L'expédition d'Attale I-er en 218 // *Idem.* Etudes d'Epigraphie et d'Histoire Grecques. Vol. 2. Paris, 1940. P. 17–42.

³⁷ *Habicht Chr.* Über die kriege zwischen Pergamon und Bithynien // Hermes. 1956. Bd. 84. H. 1. S. 90–110; *idem.* Gottmenschen und Griechische Städte. München, 1956; *idem.* Athens and the Attalids in the Second Century B.C. // Hesperia. 1990. Bd. 59. P. 561–577 (периздана: Athens in Hellenistischer Zeit. München, 1944. P. 183–201). Русское издание: *Хабихт Хр.* Афины: История города в эллинистическую эпоху. М., 1999.

³⁸ *Kertesz I.* Das religionsleben von Pergamon und seine politische Bedeutung // Humanismus und menschenbild im Orient und in der Antike. Konferenz vortrage. Halle (Saale), 1977. S. 201–211; *idem.* Der Telephos-Mythos und der Telephos-Fries // Oikumene. 1982. Bd. 3. S. 203–215.

Х. Крайссиг³⁹. Восстание Аристоники стало темой изысканий В. Вавржинека, Й. Фогта, Хр. Милеты и других ученых⁴⁰. Многие частные вопросы истории царства Атталидов затрагивались в трудах большого числа других зарубежных исследователей.

В отечественной научной литературе история эллинизма заняла значительное место, при этом история Пергамского государства, напротив, не получила достаточного освещения. Ф. Ф. Соколову принадлежит единственная в русской дореволюционной историографии работа по истории Пергама, в которой проанализированы главные положения договора Эвмена I с наемниками⁴¹.

Более значительный интерес отечественных специалистов вызвали по преимуществу события последних лет жизни государства и некоторые черты военной организации царства Атталидов. О. Н. Юлкина посвятила специальную статью знаменитому декрету Пергама 133 г. до н. э.⁴² По ее мнению, восстание свободной бедноты и рабов в царстве Атталидов началось еще при жизни Аттала III. О. Н. Юлкина считала Аристонику выразителем интересов и вождем поднявшихся на борьбу рабов и свободной бедноты. К. М. Колобова в работе «Аттал III и его завещание» исследовала некоторые аспекты деятельности последнего пергамского царя, обстоятельства его странной смерти и вопрос о царском завещании. К. М. Колобова выразила мысль о том, что образ последнего царя Пергамского государства в античной историографии был искажен: ему придали черты классического злодея и деспота, каковым последний правитель Пергамского царства в действительности не был. По мнению К. М. Колобовой, Аттал III пал жертвой римской экспансионистской политики и интриг⁴³. В целом идея

³⁹ *Kreissig H.* Hellenistische Grundbesitzverhältnisse im oströmischen Kleinasien // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 1967. Bd. 1. S. 200–206; *idem.* Die Polis in Griechenland und im Orient in der hellenistischen Epoche // *Hellenische Poleis*. Bd. 2. Berlin, 1973. S. 1074–1084; *idem.* Wirtschaft und Gesellschaft in Seleucideneich. Die Eigentums- und die Abhängigkeitsverhältnisse. Berlin, 1978.

⁴⁰ *Vavřinek V.* La revolte d'Aristonikos. Praha, 1957; *Vavřinek V.* On the structure of the Slave Revolts // *Socialen Problemen in Hellenismus und im Römischen Reich* / Ed. P. Oliva und J. Burian. Praha, 1973. P. 203–212; *Vavřinek V.* Aristonikos of Pergamum: Pretender on the Throne or Leader of a Slave Revolt // *Eirene*. 1975. Vol. 13. P. 109–129; *Vogt J.* Pergamon und Aristonikos // *Atti del terzo congresso internazionale d'epigraphia greca e latina*. Roma, 1959. S. 45–54; *Mileta Chr.* Der Aristonikosaufstand // *Das Altertum*. 1985. Bd. 31. H. 2. S. 119–123.

⁴¹ *Соколов Ф. Ф.* Договор Евмена с наемными воинами // *Тр. Ф. Ф. Соколова*. СПб., 1910. С. 405–410.

⁴² *Юлкина О. Н.* Пергамский декрет 133 г. до н. э. // *ВДИ*. 1947. № 4.

⁴³ *Колобова К. М.* Аттал III и его завещание // *Древний мир: Сб. статей*. М., 1962.

К. М. Колобовой, хотя и не имеет достаточной доказательной базы, представляет несомненный интерес, а предложенная ею версия событий вполне вписывается в общий контекст политических процессов Восточного Средиземноморья середины II в. до н. э.

Л. П. Маринович на основе анализа некоторых надписей сделала важный вывод об одной особенности армии Пергамского царства при Атталей I: к военной службе привлекались граждане столицы государства⁴⁴. Мнение Л. П. Маринович подкрепляется рядом прямых и косвенных свидетельств, касающихся военной организации полисов и военной подготовки граждан в эпоху эллинизма⁴⁵. Заметим, что этот частный вывод Л. П. Маринович имеет большое значение для понимания политической системы эллинистической монархии и позволяет по-иному взглянуть на принципы организации эллинистической армии и на характер взаимоотношений царей с подвластными им полисами.

Отдельные сюжеты политической истории Пергамского царства затронуты в исследованиях С. Ю. Сапрыкина, посвященных Понтийскому государству и Геракле Понтийской. В ряде других работ С. Ю. Сапрыкин рассмотрел некоторые общие вопросы международных отношений в эллинистическом мире, имеющие немалое значение для темы нашего исследования⁴⁶.

История Вифинского царства — исторического «соседа» и постоянного соперника Пергама была основательно изучена О. Л. Габелко в ряде работ, прежде всего в монографии «История Вифинского царства»⁴⁷. Автору удалось полно охарактеризовать важнейшие

⁴⁴ Маринович Л. П. О некоторых особенностях армии Пергамского государства // Проблемы античной истории и культуры (Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран «Эйрене»). Т. 1. Ереван, 1979. С. 156–162.

⁴⁵ См. подробнее: Климов О. Ю. Военная организация городов Малой Азии в эпоху эллинизма // Античный мир и археология древней Ойкумены: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9. Саратов, 1993. С. 50–59.

⁴⁶ Сапрыкин С. Ю. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1979. № 3. С. 43–59; он же. Академик М. И. Ростовцев о Понтийском и Боспорском царствах в свете достижений современного антиковедения // ВДИ. 1995. № 1. С. 200–209; он же. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996; он же. Насильственный и ненасильственный мир в эллинистическую эпоху // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. Ч. 1. С. 159–177.

⁴⁷ Габелко О. Л. Некоторые особенности царской власти в Вифинии (к проблеме взаимодействия фракийских и общезеллинистических традиций) // ВДИ. 1995. № 3. С. 161–172; он же. Гераклея Понтийская и Вифиния в раннеэллинистический период: политико-географический аспект // ВДИ. 1999. № 2. С. 114–126; он же. Этнический и социальный аспекты психологии Вифинского общества в эллинистическую эпоху: попытка реконструкции // Социальные структуры и социальная психология античного мира: Докл. конф. М., 1993. С. 60–68; он же. История Вифинского царства. СПб., 2005; он же. Династиче-

политические и этнические процессы, протекавшие в северо-западном регионе Малой Азии, последовательно восстановить событийную историю царства. Вопросы пергамской истории затрагиваются О. Л. Габелко, как правило, в той связи и степени, в какой они касаются истории Вифинии. Автор во многих случаях предлагает уточненную характеристику событий, иногда — их собственную детальную реконструкцию. При этом О. Л. Габелко выражает ряд интересных мнений и наблюдений, которые, безусловно, способствуют более полному и точному пониманию истории эллинистической Малой Азии и, в частности, государства Атталидов.

Наконец, события последних этапов истории Пергамского царства, главным образом правление Аттала III, личность царя, загадка его завещания, были рассмотрены А. П. Беликовым в монографии, посвященной взаимоотношениям Рима с эллинистическим миром⁴⁸. Автор высказывает и аргументирует вывод о том, что гибель Пергамского царства и превращение его территории в провинцию Азия явилось результатом римских дипломатических махинаций. А. П. Беликов уделил большое внимание проблеме личности Аттала III, высказав предположение, что царь страдал психическим заболеванием, следовательно, его завещание не имело юридической силы, а присоединение территории Пергамского царства к Риму явилось незаконным.

Всеми перечисленными сочинениями исчерпывается круг работ по истории Пергамского царства в отечественной науке⁴⁹. Вместе с тем одним из достоинств отечественного антиковедения, особенно последних десятилетий, является большое внимание к вопросам истории эллинизма, которые исследуются на концептуальном и конкретно-историческом уровнях⁵⁰. Но так как наша работа посвящена

ская история эллинистических монархий Малой Азии по данным «Хронографии» Георгия Синкелла // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал: Сб. науч. тр. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. Казань, 2005. С. 86–106.

⁴⁸ Беликов А. П. Рим и эллинизм: Проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003.

⁴⁹ По понятным причинам мы исключаем из обзора наши работы по проблемам истории Пергамского царства.

⁵⁰ См.: Сопова Н. К. Проблемы истории эллинизма в советской историографии // Учен. зап. Т. 21 (сер. историческая). Хабаровск, 1969. С. 137–151; Историография античной истории. С. 362–364; Самохина Г. С. Советская историография эллинизма (Основные проблемы развития) // Изучение и преподавание историографии в высшей школе. Петрозаводск, 1985. С. 42–47.

Полный обзор историографии на конец 70-х гг. прошлого столетия по проблеме эллинистического полиса см.: Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 23–79.

конкретному эллинистическому государству, мы не ставим задачу выполнить обзор и анализ всех исследований по эллинизму.

Важно заметить, что изучение эллинистической истории в СССР и России значительно активизировалось именно в 70–90-е гг. прошлого столетия. В последние десятилетия эллинистическая проблематика заняла заметное место в планах научных разработок многих кафедр университетов и институтов страны, осуществлялась подготовка исследователей через систему аспирантуры, появились новые труды, расширилась их тематика. Значительное внимание было уделено социально-политической проблематике, например теме полиса, проблеме взаимоотношений монархии с городами, развитию общин различного типа, входивших в состав эллинистических царств.

Отечественная наука активно занималась общей характеристикой эллинизма⁵¹. Основы концептуального понимания данного исторического феномена заложили А. Б. Ранович⁵², К. К. Зельин⁵³, Г. А. Кошеленко⁵⁴, Е. С. Голубцова⁵⁵, И. С. Свенцицкая⁵⁶, Э. Д. Фро-

⁵¹ О разработке концептуального понимания эллинизма см.: *Фролов Э. Д.* История эллинизма в биографиях его творцов // Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 17–18; *Кошеленко Г. А.* Эллинизм: к спорам о сущности // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 7–13.

⁵² *Ранович А. Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.; Л. 1950.

⁵³ *Зельин К. К.* Некоторые основные проблемы истории эллинизма // СА. 1955. Т. XXII. С. 99–108; *он же.* Основные черты эллинизма // ВДИ. 1953. № 4. С. 145–156.

⁵⁴ *Кошеленко Г. А.* Городской строй полисов Западной Парфии // ВДИ. 1960. № 4. С. 73–82; *он же.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

⁵⁵ *Голубцова Е. С.* Очерки социально-политической истории Малой Азии в I–III вв. (Независимая сельская община). М., 1962; *она же.* Формы зависимости сельского населения Малой Азии в III–I вв. до н. э. // ВДИ. 1967. № 3; *Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И.* Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н. э. М., 1969; *она же.* Сельская община Малой Азии (III в. до н. э. — III в. н. э.). М., 1972; *она же.* Идеология и культура сельского населения Малой Азии в I–III вв. н. э. М., 1977; *она же.* Племена и народности Малой Азии в III в. до н. э. — III в. н. э. М., 1987; *она же.* Полис и монархия в эпоху Селевкидов // Эллинизм: восток и запад. М., 1992; *она же.* Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998.

⁵⁶ *Свенцицкая И. С.* Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 1963; *она же.* Зависимое население на землях городов Западной Малой Азии в период эллинизма // ВДИ. 1957. № 3. С. 91–103; *она же.* Категория ΠΑΡΟΙΚΟΙ в эллинистических полисах Малой Азии // ВДИ. 1959. № 2. С. 146–153; *она же.* Земельные владения городов Западной Малой Азии в период эллинизма // ВДИ. 1960. № 3. С. 89–104; *она же.* Гражданин и полис в эллинистических государствах // *Eirene*. 1967. № 6. С. 27–34; *она же.* К вопросу о гражданских и имущественных правах в эллинистических полисах Малой Азии // ВДИ. 1966. № 2; *она же.* Особенности гражданской общины на эллинистическом Ближнем Востоке // ВДИ. 1999. № 3. С. 23–38.

лов⁵⁷. Однако концептуальное решение проблемы эллинизма в отечественной науке еще впереди. При этом в изучении конкретных этапов истории эллинизма, важнейших проблем, аспектов развития, в исследовании отдельных регионов эллинистического мира были достигнуты немалые успехи. В трудах А. П. Беликова, Т. В. Блаватской, Е. С. Голубцовой, В. Д. Жигунина, Ю. Е. Журавлева, К. К. Зельина, В. И. Кашеева, Г. А. Кошеленко, Л. П. Маринович, А. И. Павловской, А. Г. Периханян, А. Б. Рановича, Г. С. Самохиной, И. С. Свенцицкой, Э. Д. Фролова, А. Б. Шарниной, А. С. Шофмана и других ученых⁵⁸ характеризовались основные этапы политической истории эллинистического мира, социальная система, сложившиеся формы собственности, земельные отношения, система международных отношений, культура, религия.

Историю отдельных эллинистических государств или регионов эллинистического мира исследовали О. Л. Габелко, О. М. Зельдина, С. С. Казаров, Е. А. Круглов, Ю. Н. Кузьмин, И. А. Ладынин, Ю. Н. Литвиненко, О. Б. Лопухова, Е. А. Молев, С. В. Новиков, С. Ю. Сапрыкин, Г. Х. Саркисян, С. К. Сизов, И. Ш. Шифман и другие ученые⁵⁹.

Материалы Пергамского царства и городов Малой Азии использовались отечественными исследователями для изучения разнообразных исторических сюжетов, но обобщающие работы, специально посвященные Пергамскому царству, не были опубликованы⁶⁰.

Завершая краткий историографический обзор, отметим, что в зарубежной науке проделана значительная работа по изучению истории Пергамского царства; в отечественной науке подобные работы до недавнего времени выходили редко и круг поднимаемых в них проблем был очень узким.

⁵⁷ Фролов Э. Д. Античная государственность на рубеже классики и эллинизма // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Эллинизм и Причерноморье». Цхалтубо, 21–27 мая 1982 года. Тбилиси, 1982. С. 93–96; *он же*. Предэллинизм на Западе: кризис полисной демократии и «младшая тирания» в греческих полисах // История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ. М., 1989. С. 245–260; *он же*. Исторические предпосылки эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура / Под общ. ред. Е. С. Голубцовой. М., 1990. С. 14–58; *он же*. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001.

⁵⁸ В связи с большим числом работ, на которые необходимо сделать ссылку, мы предлагаем читателю обратиться к списку литературы, который приводится в конце книги.

⁵⁹ См. предыдущую сноску.

⁶⁰ Исключение составили указанные выше статьи К. М. Колобовой, О. Н. Юлкиной, Л. П. Маринович, О. Л. Габелко и работы автора настоящей монографии.

Изучение историографической традиции о Пергамском царстве оставляет противоречивое впечатление по той причине, что имеется целый ряд вопросов и тем, достаточно обеспеченных источниками, но при этом не получивших должного освещения ни в зарубежной, ни в отечественной литературе.

При имеющейся в распоряжении исследователей базе источников не на все поставленные вопросы можно дать ответ, не все возникающие в ходе исследования проблемы поддаются решению. К сожалению, источники в некоторых случаях раскрывают события в деталях, в других — лишь упоминают о важных исторических фактах и процессах, в третьих — замалчивают отдельные события или направления деятельности пергамских царей. В целом обобщение имеющихся материалов источников и данных продолжительной исследовательской традиции о Пергамском царстве — задача актуальная и своевременная.

Содержание глав книги определяется теми задачами, которые автор ставит перед собой на основании всего сказанного выше. Предлагаемая вниманию читателей работа посвящена рассмотрению основных вопросов политической истории Пергамского царства и истории его государственных институтов. В первой главе анализируется политическая история Пергамского царства. Поскольку на русском языке история Пергама в общем виде не излагалась, автор счел необходимым сделать очень краткий очерк событий истории государства Атталидов, акцентируя основное внимание на наиболее важных и дискуссионных ее аспектах. Подчеркнем, что для автора данный раздел работы носит вспомогательный характер и важен не сам по себе, а для более полного понимания процессов становления и развития политических институтов.

Во второй главе автор суммировал основные материалы источников и результаты исследований разных ученых, относящиеся к вопросу о государственном строе Пергама, — о положении царя и основных чертах царской власти, органах центрального и местного управления, административно-территориальном делении страны, о финансовой и налоговой системах, об армии и флоте.

Третья глава посвящена проблеме положения полисов в составе Пергамского царства. Данная тема, при всей своей важности, не была объектом специального исследования ни в зарубежной, ни в отечественной литературе. Этот обзор взаимоотношений полиса и монархии дается с двух позиций. Во-первых, кратко показано развитие городов — их экономики, социальной структуры, полисного строя. При этом характеристика экономического и социального развития

дана обзорно, кратко, лишь в целях создания общей картины эволюции городов и для того, чтобы показать контекст, исторический фон, на котором происходили именно политические процессы. Кроме того, следует указать еще на две причины подобного подхода. Характеристика экономического развития городов на основании археологических материалов, число которых постоянно стремительно нарастает, требует специального обобщающего труда. Анализ социального развития городов, напротив, затруднен общим недостатком источников и их ограниченной информативностью. Во-вторых, освещается политика династии Атталидов в отношении городов — управление полисами, экономическая эксплуатация или, напротив, меры царей по поддержанию городской экономики и созданию условий для ее развития, наконец, градостроительная деятельность династии.

Четвертая глава посвящена религиозной политике Атталидов — царским культам, введению почитания ряда новых богов, созданию и деятельности религиозной коллегии атталистов, сооружению Пергамского алтаря Зевса и роли искусства в идеологической политике династии. При этом также следует сделать важную оговорку: религиозная жизнь царства не рассматривается во всей своей полноте и сложности, но характеризуется прежде всего в той степени и с тех сторон, которые раскрывают ее политическое значение.

В целом, по мнению автора, такая структура книги и избранный для освещения круг проблем позволят создать целостное и полное представление о политических аспектах истории государства Атталидов. Вопросы развития культуры в Пергамском царстве остаются вне сферы нашего внимания именно в силу того, что они требуют более подробного специального рассмотрения.

В завершение благодарю своих коллег, высказавших ценные замечания и рекомендации в процессе работы над рукописью. Все их пожелания по возможности учтены, что позволило значительно улучшить книгу.

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПЕРГАМСКОГО ЦАРСТВА

1.1. История доэллинистического Пергама

История Пергамского царства продолжалась полтора столетия — с 283 по 133 г. до н. э. и составила лишь одну из страниц богатой и сложной древней истории Малой Азии¹.

Малая Азия сыграла весьма значительную роль в истории Древнего мира. Именно в этом регионе возник один из наиболее ранних очагов земледелия и скотоводства, началось формирование цивилизации. Археологические исследования показали, что Анатолия стала одной из наиболее развитых областей Старого Света уже в эпоху неоли-

1. Пергамский холм. Акварель. Кристиан Вильберг. XIX в.

¹ Иллюстрации за № 1–4, 16.2, 24.1, 26–30, 36, 38, 39–43 воспроизводятся по книге: Rohde E. Pergamon. Burgberg und Altar. Berlin: Henschelverlag. Kunst und Gesellschaft, 1982.

2. Пергамский холм. Акварель. Кристиан Вильберг. XIX в.

3. Пергамский холм. Акварель. Кристиан Вильберг. XIX в.

та — нового каменного века. Населявшие полуостров племена рано — в VIII тыс. до н. э. — осуществили переход к земледелию и скотоводству, создав достаточно устойчивое многоотраслевое хозяйство. Наиболее впечатляющими памятниками этой эпохи являются раскопанные в Южной Анатолии поселения Хаджилар и Чатал Гююк².

² Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982. С. 79 сл.; История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия. М., 1983. С. 52 сл.; Mellart J. Catal Huyuk. A Neolithic Town in Anatolia. London, 1967.

4. Пергамский холм. Фото начала XX в.

В Малой Азии возникли также ранние очаги металлургического производства. Уже в VII тыс. до н. э. началось использование меди. В V, IV и особенно в III тыс. до н. э. наметился заметный прогресс в изготовлении орудий из металлов, в развитии земледелия и скотоводства. Продолжал свою историю поселок Хаджилар, возникли новые центры металлургии и земледелия — Мерсин, Бейджесулан в юго-западной части полуострова, знаменитая Троя — на северо-западе³.

Основной этнический массив населения этого времени составляли, очевидно, народы абхазо-адыгской группы — это каски или каскейцы, а также племена, которых принято называть протохеттами. Кроме них проживали и другие народы, но их этническую принадлежность определить невозможно.

³ История Древнего Востока. Ч. 2. Передняя Азия и Египет. М., 1988. С. 31 сл.; Массон В. М. Первые цивилизации. Л., 1989. С. 105–115.

Конец III — начало II тыс. до н. э. ознаменовался значительными этническими переменами в Малой Азии. Они были связаны с переселением индоевропейских племен, которые покинули территорию своего первоначального обитания и отдельными группами стали заселять новые территории. Где находилась прародина индоевропейских народов и, следовательно, откуда и какими путями происходило переселение индоевропейцев — вопрос до сих пор дискуссионный. В Малую Азию двинулись те группы индоевропейцев, которые стали предками хеттов и ряда других народов. В результате их переселения на полуострове изменилась этническая и политическая ситуация.

Во II тыс. до н. э. на территории Малой Азии возникло одно из наиболее значительных государств Древнего Востока — Хеттская империя, в состав которой входили области центральной и восточной части Анатолии. На западе полуострова развивались самостоятельные государства, в том числе Троя. В XIV–XIII вв. до н. э. на западном и южном побережье Малой Азии появилось много греческих (ахейских) поселений, основанных выходцами с территории Балканской Греции. В это же время империя хеттов пережила свой расцвет.

Хетты создали сильное государство, мощную армию, подчинили своей власти многие народы и племена Малой Азии и уверенно вступили в борьбу за Восточное Средиземноморье. В ходе ее хеттам пришлось столкнуться с египтянами, в результате чего развернулась серия кровопролитных войн. В первой трети XIII в. до н. э. между хеттами и египтянами был заключен мирный договор, по которому территория Восточного Средиземноморья делилась между соперниками примерно пополам. Хетты получили возможность больше внимания уделять делам в Малой Азии, где стали нарастать серьезные политические проблемы.

В конце II тыс. до н. э. на полуострове произошли новые значительные перемены в расстановке политических сил, в этнической картине, в экономическом и социальном развитии. В Малую Азию вторглись ряд народов — «народы моря», мушки, фригийцы, фракийцы и другие. Хеттская держава, Троя и ряд других крупных и известных государств погибли.

На основании некоторых косвенных исторических данных и мифологической традиции можно предполагать, что начало истории Пергама относится ко II тыс. до н. э. Время возникновения древнейшего поселения на месте города Пергама неизвестно. Имеющиеся в настоящее время археологические данные, в частности находки на

5. Геракл с младенцем Телефом
(Фрагмент фриза Телефа алтаря Зевса)

Пергамском холме керамики VIII в. до н. э., позволяют считать, что к этому времени поселение уже существовало. Вполне возможно, что возникло оно значительно раньше: по соседству с Пергамом на равнине Каика и в устье реки были найдены археологические материалы III тыс. до н. э.⁴

Первоначальные обитатели этих мест не были греками. Память о них сохранилась в названиях реки Каик, города Тевфрания и самого Пергама. Слово «Пергам» и родственные ему встречаются на исторической карте Малой Азии, Крита и других островов Эгейско-

⁴ Hansen E. The Attalids of Pergamon. Ithaca; London, 1971. P. 8. См.: Дьяконов И. М. Урарту, Фригия, Лидия // История Древнего мира. Т. II. Расцвет древних обществ. М., 1989. С. 46–69.

го моря и означает «крепость, цитадель»⁵. Именно в таком смысле употребляет это название Гомер, называющий кремль Трои Пергамом (τὸ Πέργαμον — Hom. II. VII. 345).

Древнейшая история Пергама и равнины реки Каик отражена в греческой мифологии. Согласно мифам царь области Аркадия Алей получил предсказание о том, что рождение внука принесет ему несчастье. Тогда он обрек на безбрачие свою дочь Авгу, но она родила от героя Геракла сына Телефа. По приказу Алея Авгу вместе с мальчиком заключили в ящик, который бросили в море. Волнами ящик прибило к берегам Мисии. Тевфрант, царь этой малоазийской области, взял Авгу в жены, а Телефа усыновил. После смерти своего приемного отца Телеф стал царем Тевфрании. Ему пришлось воевать с греками, которые, отправившись в поход против Трои, по ошибке высадились на берегах Мисии и начали опустошать страну. Телеф сумел отразить вторжение, но получил в сражении рану, которая долго не заживала. Позже, приняв помощь от Ахилла, копьем которого он был ранен, и излечившись, Телеф указал грекам путь в Трою.

Как полагают исследователи, миф о Тевфранской войне связан с реальными фактами походов греков в Малую Азию, основания ими поселений и городов, столкновений с местным населением. Наконец, данная мифологическая традиция отразила факт существования ранней государственности в бассейне реки Каик⁶. Имеется еще один вариант мифа о Телефе. По нему Авга была продана в Мисию, а Телеф — брошен в лесу, где его вскормила лань. Став взрослым, Телеф отправился на поиски матери и в конце концов стал царем Мисии (Apollod. II. 7, 5; III. 9, 1; Strab. XII. 8, 4; XIII. 1, 69; Paus. VIII. 4, 9)⁷.

В более позднее время миф о Телефе нашел отражение в изобразительном искусстве Пергама. Внутренний двор знаменитого алтаря Зевса в Пергаме был украшен рельефным фризом, раскрывающим изложенный выше сюжет⁸.

⁵ Hansen E. Op. cit. P. 4–8; Thraemer E. Pergamos. Untersuchungen über die Frühgeschichte Kleinasiens und Griechenland. Leipzig, 1888. S. 366. Not. 3.

⁶ Hansen E. Op. cit. P. 6.

⁷ Разбор мифологической традиции см.: Грейвз Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 409–411; Hansen E. Op. cit. P. 7–8; Rohde E. Pergamos. Burgberg und Altar. Berlin, 1982. S. 117 f.

⁸ Rohde E. Op. cit. S. 116 f.; Bauchhenss-Thuriedl C. Der Mythos von Telephos in der antiken Bildkunst. Würzburg, 1971; Kertesz I. Der Telephos-Mythos und der Telephos-Fries // Oikumene. 1982. Bd. 3. S. 203–215.

6. Одна из сцен фриз Телефа алтаря Зевса

Другой миф — о внуке героя Ахилла Пергаме — имеет, по мнению специалистов, более позднее происхождение и представляет собой искусственную конструкцию. Сын Ахилла Неоптолем (Пирр), участвовавший в разгроме Трои, захватил в качестве пленницы Андрому, которая родила ему сына Пергама. Последний вторгся в Мисию, разбил в сражении армию царя Тевфрании и основал новый город, дав ему свое имя (по другому варианту он переименовал Тевфранию) (Paus. I. 2, 1–2; IvP. Bd. 2. S. 219–220. № 189)⁹.

В связи с тем, что Гомер называет Пергамом крепость знаменитой Трои (Илиона), Р. Карпентер высказал предположение, которое в принципе было принято Л. С. Клейном, о том, что в «Илиаде» соединились в единый сюжет два повествования о походах ахейцев в Малую Азию — один против Трои, другой — в Тевфранию, где

⁹ Hansen E. Op. cit. P. 7.

находился Пергам¹⁰. Подобное понимание сведений «Илиады» позволяет предполагать существование Пергама как города в конце II тыс. до н. э., но, разумеется, эта идея нуждается в дополнительном серьезном обосновании.

При всей сложности, а часто и невозможности поиска в мифологических сюжетах реальных событий и исторических персонажей можно все-таки с уверенностью заключить, что традиция передает факт существования в долине реки Каик по соседству с холмом, где позже возник город Пергам, раннего государства, его контактов с греческим ахейским миром. Видимо, мифология отразила время конца II тыс. до н. э., то есть период окончания микенского периода и начала «темных веков». В принципе, в связи с древним догреческим характером названия города и наличием глубокой мифологической традиции, вполне возможно допустить существование поселения на месте Пергама уже во II тыс. до н. э.

На рубеже II–I тыс. до н. э. народы, населявшие Малую Азию, вступили в железный век. Внедрение нового металла способствовало решительным сдвигам в развитии хозяйства и культуры. В это же время в западной и центральной частях полуострова возникли Фригийское царство, распавшееся в VII в. до н. э., и Лидийская держава, которая в VII–VI вв. до н. э. пережила короткий, но яркий период расцвета. В VIII–VI вв. до н. э. в состав Лидии входила область долины реки Каик с расположенным на высоком холме Пергамом, который, возможно, превратился к этому времени в город.

В 546 г. до н. э. Лидийское царство пало в борьбе с Персией, и территория Малой Азии перешла под власть династии Ахеменидов. Населявшие побережье малоазийского полуострова греки были вынуждены признать владычество персидского царя. Греки были обязаны платить подати в казну персидского царя, исполнять воинскую повинность, поставлять персам строителей и архитекторов. Эллинские города входили в состав больших административно-территориальных округов — сатрапий и подчинялись царским наместникам — сатрапам. Во главе многих городов персы поставили правителей — тиранов из числа местной греческой знати¹¹. В богатом и развитом полисе Милете в конце VI в. до н. э. власть осуществляли тираны Гистией, затем

¹⁰ Клейн Л. С. *Анатомия «Илиады»*. СПб., 1998. С. 32.

¹¹ Дандамаев М. А. *Политическая история Ахеменидской державы*. М., 1985. С. 111 сл.; Дандамаев М. А., Луконин В. Г. *Культура и экономика Древнего Ирана*. М., 1980. С. 116–117, 192–193, др. О политике персов в отношении малоазийских греков см.: McShane R. *The Foreign policy of the Attalids of Pergamum*. Urbana, 1964. P. 12–19; Dusinger E. *Aspects of Empire in Achaemenid Sardis*. Oxford, 2003. P. 7–11.

Аристагор. В середине V в. до н. э. Фемистокл, вынужденный бежать из Греции, был принят персидским царем и поставлен управлять эллинскими городами Магнесия-на-Меандре, Лампсак, Миунт, Перкота, Палескепис, которые получил, по словам античных авторов, на хлеб, на вино, на рыбу, на постель и на одежду (Diod. XI. 57, 7; Thuc. I. 138, 5; Plut. Them. 29; Moral. 328 E–F; Strab. XIV. I, 70; Nepos. Them. X. 2–3)¹², то есть с правом извлекать доходы из своего владения. Бежавший в Персию царь Спарты Демарат стал владельцем городов Тевфрания и Галисарна в Мисии (Herod. VI. 67; 70; Xenoph. Hell. III. 1, 6), которые затем передал по наследству своим сыновьям Проклу и Эврисфену. Оба названных города находились в долине реки Каик южнее Пергама.

Одним из перешедших на сторону Персии во время греко-персидских войн деятелей был Гонгил, происходивший из города Эретрия, расположенного на острове Эвбея. Гонгилу были предоставлены в управление несколько городов. Греческий историк V–IV вв. до н. э. Ксенофонт, принимавший участие в походе персидского царевича Кира, правившего в Малой Азии в одной из сатрапий, против своего брата царя Артаксеркса II в 401 г. до н. э., после завершения этого трудного предприятия побывал в составе военного отряда в Пергаме и нескольких соседних с ним городах. В сочинении «Греческая история» Ксенофонт сообщает о том, что на сторону спартанского командующего Фиброна «перешли... братья Горгион и Гонгил, владевшие первый — Гамбрием и Палегамбрием, а второй — Мириной и Гринеем. И эти города были царским даром Гонгилу за то, что он единственный из эретрийцев был изгнан за персофильтство» (Xenoph. Hell. III. 1, 6. Пер. С. Я. Лурье). Горгион и Гонгил являлись сыновьями или, что более вероятно, внуками последнего. Города Гамбрий и Палегамбрий располагались в долине реки Каик к юго-востоку от Пергама, а Мирина и Гриней находились на побережье Эгейского моря недалеко от устья реки Каик. Письменная традиция надежно подкрепляется данными нумизматики: город Гамбрий около 399 г. до н. э. выпускал монеты с легендой ГОРГИ (монета Горгиона)¹³.

В другом своем знаменитом труде — книге «Анабасис» — Ксенофонт сообщает о том, что в городе Пергаме его вместе с военным отрядом приняла Геллада — жена эретрийца Гонгила (VII. 8, 8). Геллада, возможно, была женой сына Гонгила, перешедшего на

¹² Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика... С. 148–149.

¹³ Head B. V. Historia Numorum. Oxford, 1911. P. 596.

7. Монета Гамбрия (2-я пол. IV — начало III в. до н. э.) (слева)

8. Монета Гамбрия (IV в. до н. э.) (справа)

сторону персов, а братья Горгион и Гонгил — его внуками. К сожалению, рассказы Ксенофонта не вносят ясность, какому из двух семейств — Демаратидам или Гонгилидам принадлежал Пергам. В «Греческой истории» он так пишет о действиях спартанского военачальника Фиброна: «Ему удалось взять добровольно сдавший-ся город Пергам, а также Тевфранию и Галисарну, над которыми начальствовали Эврисфен и Прокл, потомки лакедемонянина Демарата» (III. 1, 6. Пер. С. Я. Лурье). Для объяснения возникающей при чтении Ксенофонта неясности было даже высказано предположение о том, что Геллада — жена Гонгила приходилась сестрой Эврисфену и Проклу и проживала, таким образом, во владениях своего семейства. Но это предположение не имеет доказательной основы и может быть отвергнуто с помощью следующего довода. Ксенофонт в «Анабасисе» говорит о том, что Прокл, сын Демарата, привел военную помощь из городов Тевфрании и Галисарны (VII. 8, 17), но

9. Монета Питаны (сер. IV в. до н. э.)

10. Монета Лампсака (сер. IV в. до н. э.)

не из Пергама. Следует полагать, что в числе других владений эретриец Гонгил получил и Пергам, власть над которым сохранила в дальнейшем жена его сына, а внуки унаследовали по два других города¹⁴.

Из рассказа Ксенофонта можно заключить, что власть правителей Гонгилидов и Демаратидов в своих городах была очень сильной. Они создали собственные военные отряды, поддерживали между собой дружественные отношения и, видимо, не боялись враждовать со знатными персами, имения которых находились неподалеку. Так, Геллада предложила Ксенофонту, пришедшему в Пергам с большим военным отрядом, напасть на владения перса Асидата, проживавшего на равнине Каика. Грекам, первый поход которых завершился

¹⁴ *Pareti L.* Per la storia di alcune dinastie greche nell'Asie Minore // AAT. 1911. Vol. XL-VI. P. 618 f.; *Magie D.* RRAM. Princeton, 1950. Vol. 2. P. 725-726.

11. Монета Пергама середины V в. до н. э. Возможно, изображен Эврисфен или Гонгил

неудачей, помогли своими силами Гонгил и Прокл (Xenoph. Anab. VII. 8, 9–22)¹⁵.

Дальнейшая судьба Гонгилидов и Демаратидов неизвестна. Скорее всего, их лишили власти после окончания войны Спарты с Персией и заключения в 387 г. до н. э. «Царского», или Анталкидова, мира. Не исключено, что персидские власти предоставили населению перечисленных городов самоуправление. В Гамбрии в IV в. до н. э. появились монеты с новой легендой — ГАМ (монета гамбрийцев), то есть имя правителя было заменено названием города¹⁶.

К доэллинистическому времени относятся самые ранние эпиграфические свидетельства по истории Пергама, которые проливают дополнительный свет на политическую историю города. В конце 80-х гг. XIX в. в окрестностях Пергама, в небольшом турецком селении, была найдена греческая надпись, использованная при строительстве жилого

дома. Документ был составлен во время правления римского императора Адриана во II в. н. э., но рассказывает о наиболее ярких событиях предшествующей истории (OGIS. 264). «Хроника Пергама», как нередко именуют надпись специалисты, к сожалению, значительно повреждена. Два события доэллинистической истории лишь упомянуты в документе. Первое — введение в Пергаме выборной должности притана неким Архием, который сам и стал первым пританом (стк. 1–4). Это короткое сообщение подкрепляет высказанное выше предположение о том, что в IV в. до н. э. персы предоставили городу самоуправление. Именно в связи с этим мог-

¹⁵ Е. Тремер и Э. Хансен считали Пергам владением Гонгилидов: *Thraemer E. Op. cit. S. 220–221; Hansen E. Op. cit. P. 9.*

¹⁶ *Head B. V. Op. cit. P. 528.*

12. Александр Македонский (фрагмент мозаики. Римская копия греческой картины)

ла быть введена должность притана, который во многих греческих полисах являлся руководителем выборных должностных лиц, а также нередко был эпонимным магистратом, то есть давал свое имя году.

В связи с данным сообщением «Хроники Пергама» исследователи давно обратили внимание на сообщение греческого историка Павсания о том, что «Архий, сын Аристэхма, после того как, получив вывих на охоте Пиндаса, был вылечен в Эпидавре, ввел почитание бога (Асклепия — бога врачевания. — *О. К.*) в Пергаме» (II. 26, 8. Пер. С. П. Кондратьева). По всей видимости, упоминаемый в «Хронике Пергама» и в повествовании Павсания Архий есть одно лицо¹⁷.

Второе событие, о котором идет речь в «Хронике Пергама», связано с личностью Оронта, сына Артасира, бактрийца родом, который восстал против царя Артаксеркса (OGIS. 264. Стк. 4–6). В источниках по истории державы Ахеменидов первой половины IV в. до н. э. упоминаются два значительных деятеля с именем Оронт. Один из них являлся зятем царя Артаксеркса II, сатрапом Ионии и участником «Великого восстания сатрапов» Малой Азии 367–359 гг. до н. э.

¹⁷ Fränkel M. IvP. Bd. 2. S. 378; Dittenberger W. OGIS. Vol. 1. P. 427. Not. 2; Hansen E. Op. cit. P. 11.

13. Александр Македонский.
Портрет на монете

на холм, на старое место города (стк. 6–8). Причины переселения не ясны. Возможно, действия Оронта связаны с событиями войны с персидским царем.

Наконец, Пергам снова упоминается в источниках в связи с трагическими событиями, которые разыгрались после смерти Александра Македонского. Весной 334 г. до н. э. начался поход греко-македонского войска, возглавляемого молодым царем Македонии Александром, против Персидской державы. После первой же победы греков в мае 334 г. до н. э. при реке Граник в северо-западной части Малой Азии армия македонского царя стала стремительно продвигаться вдоль западного побережья и в глубь полуострова. Греческие и местные малоазийские города, за редким исключением, не оказывали сопротивления и были включены в состав созданной в ходе войны против персов державы. В истории народов Малой Азии и Ближнего Востока начался новый период, который получил в науке название эллинистического.

Положение Пергама в составе империи Александра неизвестно. Краткая информация о городе появляется в источниках в связи с тем, что Пергам на четырнадцать лет стал местом заключения одного из сыновей Александра — Геракла, матерью которого была Барсина, дочь персидского сатрапа Артабаза. Сначала Геракл рассматривался как возможный претендент на власть в империи, но, по существу, сразу стал игрушкой в политической борьбе, развернувшейся между

Другой при царе Артаксерксе III был сатрапом Мисии и в 356 г. до н. э. присоединился к мятежу сатрапа Фригии Артабаза. Выступление продолжалось до 352 г. до н. э., после чего Артабаз бежал в Македонию, а Оронт сдался царю. По мнению М. А. Дандамаева, это были разные деятели¹⁸. Другие ученые (Р. Шмидт) считают их одним и тем же лицом¹⁹. «Хроника Пергама» сообщает о том, что Оронт установил власть над жителями Пергама и переселил их опять

¹⁸ Дандамаев М. А. Политическая история... С. 245 сл., 249.

¹⁹ Hansen E. Op. cit. P. 11–12. Об Оронте см.: Judeich W. *Kleinasiatische Studien*. Marburg, 1892. S. 123–130; 193–225; Beloch K. J. GG. Berlin; Leipzig, 1925. Bd. 3. Abt. 2. S. 138–140; Schmitt R. *Orontes* (2) // *Encyclopaedia Iranica*. <http://www.iranica.com/articles/sup/Orontes.html>.

соратниками Александра, и в конечном счете погиб (Diod. XX. 20, 1–2; 28. 1, 3; Plut. Alex. 21; Curt. X. 6, 11–13, 17, 20; Justin. XI. 10, 2; XIII. 2, 7; XV. 2.)²⁰. По археологическим свидетельствам Пергам еще до воцарения Атталидов являлся достаточно сильной крепостью, вследствие чего и был избран местом заточения Геракла.

1.2. Образование Пергамского государства: правление первых Атталидов

Образование Пергамского царства, как и всех других эллинистических государств, приходится на смутный период истории Восточного Средиземноморья, когда после смерти Александра Македонского развернулась безжалостная борьба за раздел его державы²¹. Воевавшие между собой полководцы Александра в 311 г. до н. э. заключили мирный договор, по условиям которого Малая Азия перешла под власть Антигона. Возвышение последнего заставило в дальнейшем всех его противников объединиться. Летом 301 г. до н. э. при городе Иссе во Фригии Антигон был разгромлен соединившими свои силы полководцами Лисимахом, Птолемеем и Селевком. Южные области полуострова Малая Азия вошли в состав владений Селевка. Отдельные города западного побережья Анатолии остались под властью сына Антигона Деметрия, который позже утратил их и вообще вышел из борь-

14. Царь Лисимах

²⁰ Шофман А. С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. С. 37, 65.

²¹ О борьбе за раздел державы Александра Македонского см.: Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 2. М., 1893; Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. Гл. 3; Шофман А. С. Распад империи...; Bengtson H. Die Nachfolger Alexanders des Grossen. München, 1987. О политической деятельности Лисимаха и его государстве см.: Bengtson H. Die Nachfolger... S. 126–133; Hammond N. G. L. The Macedonian State. The Origine, Institutions and History. Oxford, 1992. P. 278–281, 288–294; Lund H. Lysimachus. A Study in Early Hellenistic Kingship. London; New York, 1992. P. 107–111, 118–127, etc.; Делев П. Лизимах. София, 2004.

бы. Основная часть Малой Азии была присоединена к владениям могущественного царя Лисимаха.

В ходе этих событий выдвинулся основатель царского дома Атталидов Филетер. К моменту битвы при Ипсе Филетер был уже человеком зрелого возраста, достаточно опытным военным деятелем. Если верно сообщение некоторых поздних античных авторов о том, что Филетер прожил до 80 лет, то дата его рождения определяется временем около 343 г. до н. э.²² Происходил Филетер из Тиоса, небольшого городка на черноморском берегу Пафлагонии. Его отец Аттал был македонянином, а мать Боа — пафлагонийкой. Согласно античным сведениям из-за приключившегося с ним в раннем детстве несчастья Филетер стал евнухом.

Военную и гражданскую службу Филетер начал в государстве Антигона под командованием Докима — коменданта небольшого города Синнада (Paus. I, 8, 1). Незадолго до битвы при Ипсе Доким предусмотрительно перешел на сторону вторгшегося с войсками в Малую Азию царя Лисимаха и сдал ему город. Вместе со своим командиром на службу к Лисимаху перешел и Филетер. Последний получил от Лисимаха назначение в крепость Пергам хранителем сокровищницы, в которой находилось 9 тысяч талантов. По словам Страбона, Филетер «получил прекрасное воспитание, почему и был удостоен такого доверия» (XIII. 4, 1). В государстве Лисимаха правителем небольшого городка Амастрида на побережье Черного моря был некий Эвмен. Некоторые специалисты считают его братом Филетера²³.

Источники не позволяют точно определить характер власти Филетера в это время. По мнению ряда ученых, например Г. Бенгтсона и Р. Аллена, будущий основатель династии Атталидов, занимая должность «хранителя казны» (ὁ γαζοφύλαξ), обладал лишь гражданской властью²⁴. С этим мнением нельзя полностью согласиться. Известно, что уже через несколько лет после установления власти в Пергаме Филетер располагал собственными военными силами (OGIS. 748). Трудно представить, что размещенные в крепости сокровища не охранялись военным контингентом, власть над которым, наиболее вероятно, принадлежала именно Филетеру. Подобные факты соединения гражданской и военной власти в руках одного

²² Hansen E. Op. cit. P. 15.

²³ Ibidem. P. 16; Делев П. Указ. соч. С. 332–333, 339–340.

²⁴ Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. München, 1944. Bd. 2. S. 195; Allen R. E. The Attalid Kingdom: A Constitutional History. Oxford, 1983. P. 9.

а

б

15. Монета Лисимаха с изображением Александра: а — аверс, б — реверс

должностного лица в эпоху эллинизма, особенно пока не сложились государственные структуры и традиции управления, уже отмечались учеными²⁵.

В Пергаме, как и во многих других городах державы, чеканились монеты от имени царя Лисимаха с изображением богини Афины и головы Александра Македонского. Время выпуска монет определяют годами после 287 г. до н. э.²⁶

Держава Лисимаха оказалась недолговечной. Недальновидная, а в ряде случаев преступная политика, которую проводил Лисимах, имела итогом обострение противоречий в среде родственников, приближенных, высших государственных и военных чинов, а в дальнейшем вообще гибель державы. Третья жена Лисимаха Арсиноя, происходившая из царского рода Птолемеев, правивших в Египте, активно интриговала против старшего сына и наследника Лисимаха — Агафокла. В результате заговора последний погиб, смерть его вызвала возмущение и естественное опасение за свою жизнь многих приближенных царя (Paus. I. 10, 3–4). Действительно, по словам Юстина, «за этим последовали убийства первых лиц в государстве — казни людей, поплатившихся за то, что они жалели убитого юношу» (XVII. 1, 6. Пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского). «Поэтому, — продолжает свой рассказ Юстин, — и те, которые избегли

²⁵ См., например: Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 175, 184, 190 сл.

²⁶ Hadley R. A. Royal propaganda of Seleucus I and Lysimachus // JHS. 1974. Vol. 94. P. 55.

16. Монета Филетера с портретным изображением Селевка I (слева)
17. Селевк I Никатор (справа)

казни, и те, которые командовали войсками, один за другим начали переходить на сторону Селевка и стали побуждать его начать войну с Лисимахом, к чему Селевк и так был склонен, так как завидовал славе Лисимаха» (XVII. 1, 7–8). В это же время «и Филетер, которому были доверены все сокровища Лисимаха, глубоко пораженный кончиной Агафокла и, относясь подозрительно к действиям Арсинои, захватил Пергам, город на реке Каике, и, отправив вестника, он и себя и все свои богатства отдал во власть Селевка» (Paus. I, 10, 4. Пер. С. П. Кондратьева). Страбон дополняет этот рассказ сообщением о том, что Филетер изменил Лисимаху из ненависти к Арсиное, клеветавшей на него (XIII. 4, 1). Выступление Филетера против Лисимаха произошло в 283 г. до н. э.²⁷

²⁷ Bengtson H. Die Nachfolger... S. 133–135; Hammond N. G. L. The Macedonian State... P. 280, 294; Делев П. Указ. соч. С. 257–258, 278–279. Хронологию Атталидов см.: Allen R. Op. cit. P. 9–11, а также: Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М., 1976. С. 196, 259–270; Lund H. Lysimachus... P. 185–191, 193–198, 200–201.

Царь Сирии, Междуречья, Ирана и других восточных территорий Селевк I Никатор (311–281 гг. до н. э.) поспешил воспользоваться благоприятными для своих целей обстоятельствами и вторгся во владения Лисимаха. В 281 г. до н. э. противники сошлись в битве у местечка Корупедион. Лисимах потерпел поражение и погиб, а созданная им держава распалась. Малая Азия стала владением Селевка.

Каким было положение Пергама и его правителя в этот период? Павсаний сообщает о том, что Филетер признал власть сирийского царя (I. 10, 4). В материалах нумизматики эта зависимость нашла отражение: победу Селевка над Лисимахом правитель Пергама отметил выпуском тетрадрахм с именем Селевка. В дальнейшем Филетер стал чеканить монеты с именем и изображением Александра Македонского, после — с именем Селевка, а примерно с 275 г. до н. э. решил поместить на монетах с изображением Селевка свое собственное имя²⁸. При Селевке I в 281 г. до н. э. в Пергаме были выпущены тетрадрахмы с изображением слона. Подобные им монеты чеканились в Апамее (около 300 г. до н. э.), Селевкии-на-Тигре (после 290, может быть, после 285 г. до н. э.). Р. Хедли предполагает, что выпуск этих монет был связан с победами Селевка в битвах при Ипсе в 301 г. до н. э. и при Корупедионе в 281 г. до н. э., в которых большую роль сыграли боевые слоны²⁹. Если предложенное объяснение верно, мы получаем дополнительное свидетельство лояльности Филетера к сирийскому царю.

Видимо, с целью укрепить отношения с Селевкидами Филетер женил своего племянника Аттала на Антиохиде, дочери Ахея, полководца и родственника сирийских царей (Strab. XIII. 4, 2). Возможно, сирийские цари хотели таким образом обеспечить свое влияние на Пергам.

Источники приводят и другие примеры лояльности Филетера к Селевкидам. В 281 г. до н. э. Птолемей Керавн («Молния») старший сын царя Египта Птолемея I, обделенный своим отцом и намеревавшийся захватить власть с помощью царя Сирии Селевка I, коварно убил последнего (Paus. I, 16, 2; App. Syr. 62–63; Iustin. XVII, 2, 4). Правитель Пергама Филетер выкупил у Птолемея Керавна тело убитого Селевка за большие деньги, кремировал и отправил прах занявшему сирийский престол сыну убитого Антиоху I (281–261 гг. до н. э.).

²⁸ Hansen E. Op. cit. P. 17.

²⁹ Hadley R. Op. cit. P. 60.

Важно обратить внимание на то, что поставленного в городе Сарды Лисимахом хранителя сокровищ Феодота Селевк I вынудил сдать в начале 281 г. до н. э. (Polyaen. IV. 9, 4). Филетер же сумел сохранить за собой и власть и сокровища, скорее всего благодаря политической гибкости и активно демонстрируемой внешне преданности сирийским царям.

Анализ политики Филетера позволяет признать зависимость правителя Пергама от Селевка I и его сына Антиоха I номинальной, декларируемой внешне, но фактически неисполняемой. Попытки некоторых исследователей сместить акцент в сторону идеи о зависимости Филетера от Селевка строятся исключительно на свидетельствах изьявляемой Филетером покорности и лояльности, которые проявились в том, что он, по словам Страбона, «и себя и все богатства передал Селевку» (τά τε χρήματα καὶ αὐτὸν ἐδίδου Σελεύκῳ — Paus. I. 10, 4).

Обращаясь к характеристике политических систем и институтов древности, приходится признавать, что современные политические термины и понятия не могут всегда точно и адекватно отразить реалии древних обществ. Этот тезис убедительно подкрепляется сложной и длительной полемикой по поводу характера политической системы принципата. В случае с Филетером мы наблюдаем ситуацию, при которой декларируемая зависимость не выразилась в формах иных, кроме внешнего признания суверенитета Селевка. В реальности же, как в связи с этим писал Страбон, «среди таких смут (имеется в виду борьба Лисимаха с Селевком, поражение и гибель первого и убийство второго Птолемеем Керавном. — О. К.) евнух Филетер оставался в своем укреплении, все более и более усиливая его и располагая к себе обещаниями и разными одолжениями. Таким образом, в течение двадцати лет он оставался обладателем крепости и сокровищ» (XIII. 4, 1. Пер. Ф. Г. Мищенко). Действительно, Селевк I и его преемник Антиох I не сумели воспользоваться изьявленной Филетером покорностью: последний не только удержал в своих руках сокровища и крепость, но и распространил власть на округ Пергама и установил дружественные отношения с рядом городов Малой Азии и Балканской Греции.

Важно в этой связи обратить внимание на то, что Филетер сохранил свои сокровища: представляется мало вероятным, чтобы Селевк, в случае его реальной власти над Филетером, оставил огромные средства Лисимаха в Пергаме и не предпринял попытку фактически овладеть ими. Кроме того, Филетер уже через два года после отпадения от Лисимаха, в 281 г. до н. э., самостоятельно распорядился

18. Филетер. Предполагаемый скульптурный портрет (слева)
19. Филетер. Портретное изображение на тетрадрахме Эвмена I (вверху)

находившимися в крепости деньгами, выкупив у Птолемея Керавна тело убитого тем Селевка. Через несколько лет после отпадения от Лисимаха Филетер оказывал значительную помощь городу Кизик. Мог ли он свободно распоряжаться средствами из казны Селевка и Антиоха I в случае действительной зависимости от них? Поэтому многие исследователи истории Атталидов признают реальную независимость Филетера и превращение его фактически в правителя самостоятельного государства уже с момента выступления против Лисимаха, хотя это утверждение всегда сопровождается соответствующими оговорками³⁰.

В годы своего правления Филетер стал создавать систему дружественных отношений и союзов с соседними городами. В число наиболее близких союзников Филетера в первые же годы его правления вошел Кизик. Этот город, основанный выходцами из Милета, был расположен на берегу Пропонтиды на важных торговых путях. К эпохе эллинизма он превратился в развитый ремесленный и торговый центр, который был в состоянии обеспечить свою самостоятельность военной силой и дипломатией. Характерным свойством политики

³⁰ *McShane R. Op. cit. P. 30, 38; Allen R. Op. cit. P. 13 f.; Billows R. Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York; Köln, 1995. P. 104–105.*

Кизика в III–II вв. до н. э. стала устойчивая ориентация на союз с Пергамом. Найденная в Кизике надпись (OGIS. 748) сообщает о том, что Филетер уже в первые годы своего правления оказал городу ряд благодеяний. В 280/279 г. до н. э. Кизику было дано для организации празднеств двадцать талантов серебра и пятьдесят лошадей для охраны границ (стк. 4–7). В последующие годы Филетер предоставил городу освобождение от налога на покупаемый в его владениях и переправляемый через границу скот и другие товары (стк. 9–12), обеспечил охрану границ (стк. 13–14), выделил на оливковое масло для юношей города и на их воспитание внушительную сумму в 26 талантов (стк. 15–17), наконец, в 276/275 г. до н. э. во время войны с вторгшимися в Малую Азию галатами обеспечил город зерном (стк. 18–20).

Относящийся к первым годам его правления документ показывает, что Филетер уже в это время был фактически суверенным правителем, самостоятельно заключал договоры, оказывал военную помощь, выделял деньги, освобождал от налогов. В его распоряжении имелись собственные военные силы и огромные средства, захваченные у Лисимаха посредством измены.

Другой город, которому Филетер оказал благодеяние и с которым, очевидно, имел дружественные отношения, — это расположенный около устья реки Каик полис Питана. Его жители должны были платить Антиоху I за пользование царскими землями. Часть необходимых для этой цели средств была выделена Филетером (OGIS. 335. III. Стк. 135). Очевидно, политика благодеяний в отношении греческих городов стала достаточно известной в западной части Малой Азии, потому что к Филетеру обратились жители города Кимы с просьбой о помощи в приобретении вооружения для гражданского ополчения. Филетер откликнулся на просьбу и подарил им из своего арсенала 600 щитов (SEG. L. 1195).

Эпиграфические источники показывают, что Филетер активизировал политику также и на территории Балканского полуострова. Из надписей, найденных возле развалин древнего города Феспии в Беотии (Балканская Греция) (OGIS. 310, 311, 749), известно, что Филетер совершил пожертвование земельных наделов святилищам Гермеса и Муз. Трудно объяснить, почему именно данные святилища были удостоены внимания правителя далекого Пергама. Возможно, Филетер стремился таким образом легализовать свое небольшое государство, обеспечить ему определенную известность и признание в греческом мире. Более понятно желание правителя Пергама заручиться поддержкой со стороны влиятельного в греческом мире святилища Аполлона в городе Дельфы. Дельфийцы в благодарность за

благодетеля Филетера предоставили ему, племяннику Атталу и брату Эвмену дружбу, право первого получения ответа оракула, первого выступления в суде и другие льготы³¹.

Владения основателя династии Атталидов были незначительными — только центральная часть долины реки Каик. В верховьях ее находился форт Селевкидов Накраса, низовья принадлежали городу Питана.

При Филетере в Пергаме велись строительные работы: были возведены храмы Афины и Деметры, а в окрестностях города перестроено старое святилище почитаемой среди греков малоазийской богини Великой Матери богов (Кибелы)³².

Политическая деятельность основателя династии Атталидов продолжалась до его смерти в 263 г. до н. э. Итог его правления при внешней скромности выглядит достаточно значительным. Филетер сумел создать небольшое самостоятельное государство с собственными вооруженными силами, структурой управления, установить систему дружественных отношений с рядом соседних городов и государств. Безусловной заслугой Филетера также можно считать создание наследственного владения: свою власть он передал племяннику.

Унаследовавший власть в Пергаме преемник Филетера Эвмен I был сыном брата Филетера Эвмена (Strab. XIII. 4, 2.), который, по некоторым данным, возможно, являлся в государстве Лисимаха

20. Филетер. Портретное изображение на монете Эвмена I

³¹ Holleaux M. Un nouveau document relatifs aux premiers Attalids // REA. 1918. T. XX. P. 9–15; Hoffmann W. Philetairos // RE. 1938. Hbhd. 38. Sp. 2160; Hansen E. Op. cit. P. 19; Koehn Cl. Krieg-Diplomatie-Ideologie. Stuttgart, 2007. S. 62–63. О взаимоотношениях Филетера с городом Кимы см.: Manganaro G. Kyme e il dinasta Philetairos // Chiron. 2000. Bd. 30. P. 403–414.

³² Conze A., Schazmann P. Mamurt-Kaleh. Ein Tempel der Gottermutter unweit Pergamon. Berlin, 1911; Allen R. Op. cit. P. 16.

правителем города Амастриды. Филетер усыновил своего племянника. Из всех Атталидов Эвмен I (263–241 гг. до н. э.) привлёк наименьшее внимание античных авторов. В греческих и римских исторических сочинениях мы встречаем лишь разрозненные и краткие сообщения о некоторых событиях времени его правления. К сожалению, немного и эпиграфических материалов о его политике.

Важнейшее событие, связанное с периодом государственной деятельности Эвмена I, — разрыв отношений с Селевкидами, завершившийся военным столкновением около города Сарды, победителем в котором стал правитель Пергама (Strab. XIII. 4, 2). Битва датируется временем между 263 г. до н. э. (год прихода к власти Эвмена I) и 261 г. до н. э. (дата смерти Антиоха I)³³. Р. Макшейн, без достаточных на то оснований, определяет дату этого значительного события 262 г. до н. э.³⁴

Причина войны с Селевкидами в источниках не раскрывается. Р. Аллен считает, что Эвмен I, придя к власти, направил свою политику на создание самостоятельного государства с независимой от Селевкидов собственной властью — *δυναστεία*³⁵. Основанием для Р. Аллена служит рассказ греческого историка и географа Страбона, который отметил существенное различие в положении Филетера и Эвмена I. Первый «был обладателем крепости и сокровищ» (*κύριος τῶν τοῦ φρουρίου καὶ τῶν χρημάτων* — III. 4, 1), второй «был уже правителем окрестных местностей» (*ἤν ἤδη δυνάστης τῶν κύκλῳ χωρίων* — XIII. 4, 2). С Р. Алленом следует согласиться в том отношении, что положение Эвмена было более прочным и самостоятельным. При этом слово *ὁ δυνάστης* все-таки не имеет в данном случае характера официального титула, о чем пойдет речь ниже.

Непосредственным поводом к началу военного конфликта стало, по мнению Р. Аллена, распространение влияния пергамского правителя на город Питана, расположенный по соседству³⁶. Английский ученый убедительно показал, что в одной из надписей Пергама (документ касается территориального спора между Питаной и Митиленой и содержит изложение истории вопроса) Филетер предстает благодетелем города, который подчинялся Селевкидам, а Эвмен I рассматривался уже как правитель, обладавший властью над полисом (OGIS. 335. III. Стк. 141–142).

³³ Allen R. Op. cit. P. 20–21.

³⁴ McShane R. Op. cit. P. 42–43.

³⁵ Allen R. Op. cit. P. 20–21.

³⁶ Ibidem.

Некоторые ученые высказывали предположение о том, что Эвмен I вступил в борьбу с Селевкидами, установив дружественные отношения с правившей в Египте династией Птолемеев³⁷. Воевавший с Селевкидами Птолемей II Филадельф направил в 262 г. до н. э. свой флот вдоль берегов Малой Азии. В результате были захвачены города Эфес, Милет, побережье области Кария. Если союз Эвмена I с царем Египта в действительности существовал, тогда битва при Сардах представляет собой часть осуществлявшейся и на суше и на море крупномасштабной операции. Все же следует признать, что нет никаких убедительных свидетельств о союзе Египта и Пергама, с чем вынуждены соглашаться даже сторонники данной точки зрения. Так или иначе, победа над армией Антиоха I закрепила положение Пергама как самостоятельного государства. Свой выход из состояния формальной зависимости Эвмен I ознаменовал изменением типа монеты: вместо изображения Селевка стали чеканить портрет Филетера.

Внешнеполитическое положение Пергама при Эвмене I оставалось, несмотря на победу над Антиохом I при Сардах, весьма напряженным. Основная угроза для государства исходила со стороны царства Селевкидов. Антиох II (261–246 гг. до н. э.) завоевал всю Ионию, частично Памфилию и Киликию в южной части полуострова Малая Азия. Сирийскому царю подчинялись многие города западных областей Анатолии, в том числе и расположенные неподалеку от Пергама Эфес, Кима, Фокея, Эги, Мирина, где чеканились его монеты³⁸.

Другой враждебной Пергаму силой стала Македония, влияние которой резко возросло при энергичном царе Антигоне Гонате (283–239 гг. до н. э.). Последний имел дружественные отношения с царями Сирии и даже женился на принцессе из рода Селевкидов, а своего сына Деметрия связал узами брака с сестрой царя Антиоха II. Флот Македонии принял участие вместе с военно-морскими силами Селевкидов и Родоса в борьбе против Египта, корабли которого в битвах при островах Андрос и Кос были разбиты. Антигон Гонат захватил под свою власть ряд островов Эгейского моря и намеревался продолжить территориальные захваты.

Наконец, на полуострове Малая Азия угрозу Пергаму представляли племена кельтов, вторгшиеся из Европы еще в начале III в. до

³⁷ Жигунин В. Д. Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань, 1980. С. 90; *Beloch K. J.* GG. Bd. 4. Teil I. S. 593. Anm. 4; *Cardinali G.* Il regno di Pergamo. Roma, 1906. P. 13–14; *Rostovtzeff M.* SEHWW. Vol. 1. P. 555; *Crampa J.* Labraunda. Lund, 1969. Vol. 3. Part I. The Greek Inscriptions. P. 113–120; *Hansen E.* Op. cit. P. 22; *McShane R.* Op. cit. P. 43–47.

³⁸ *McShane R.* Op. cit. P. 45.

н. э. Избежать их опустошительных вторжений Эвмену I удавалось лишь благодаря выплате галатам денежных сумм (Strab. XII. 5, 1; Liv. XXXVIII. 16, 13–14).

Видимо, второму правителю Пергама достаточно успешно удавалось избегать внешних осложнений, и, за исключением упомянутой битвы при Сардах, прямых военных столкновений с Македонией, Сирией и другими враждебными ему силами не было. Скорее всего Эвмен I избрал политику нейтралитета, позволявшую ему лавировать в обстановке войн и конфликтов и постепенно незаметно укреплять собственные позиции. Кроме того, он все-таки представлял собой столь незначительную политическую величину, что цари крупных эллинистических государств едва ли принимали его всерьез.

Границы владений Эвмена I точно очертить сложно. На севере они доходили до горы Ида, у подножья которой было основано пергамское военное поселение Филетерия. На востоке владения Эвмена I увеличились незначительно; они включили в себя лишь верхнюю часть долины реки Каик. На юге граница Пергама доходила, возможно, до городов Эги и Темн, которые, по предположению Р. Аллена, в то время подчинялись Эвмену I. Важным территориальным обретением для Пергама стало побережье Эгейского моря от берегов Адрамиттийского залива на севере до устья реки Каик на юге, за исключением тех приморских областей, которые принадлежали Митилене³⁹.

В целом территориальный рост Пергамского государства не был значительным, и оно по-прежнему оставалось в ряду скромных и маловлиятельных государств, но выход к морю открыл возможность развития и использования во внешней политике военно-морских сил. Несмотря на то что прямые свидетельства в источниках о флоте Пергама относятся к более позднему времени — периоду правления преемника Эвмена I царя Аттала I, исследователи сходятся в мысли о том, что флот был создан при Эвмене I⁴⁰. Косвенное подтверждение это предположение получает в договоре Эвмена I с наемными воинами, которые давали клятву: «...если получу что от Эвмена, город, или укрепление, или корабль, или ценности... — все это сохранию и возвращу правильно и справедливо Эвмену...» (OGIS. 266. Стк. 36–38).

Из событий внутренней истории Пергамского государства времени правления Эвмена I известны всего два. При нем произошло изменение политики правителя в отношении гражданского коллек-

³⁹ Hansen E. Op. cit. P. 22–23; Allen R. Op. cit. P. 25–26.

⁴⁰ McShane R. Op. cit. P. 26; Allen R. Op. cit. P. 56.

тива столицы. Своеобразие политического развития города Пергама с момента установления власти Филетера, а в дальнейшем при Эвмене I заключалось, с одной стороны, в наличии правителя, положение и власть которого конституционно никак не определялись. Он стоял над городской конституцией и осуществлял власть силой. Другая сторона ситуации определялась сохранением в столице традиционного для греческого мира полисного строя, который характеризуется наличием замкнутой гражданской общины, собственных органов самоуправления полисом и другими чертами. Эвмен I перешел к практике назначения высших должностных лиц города Пергама — коллегии стратегов, которая прежде избиралась народным собранием. В связи с этим событием правитель направил гражданскому коллективу столицы письмо, в котором отметил успешную деятельность назначенных им на должность стратегов лиц. Собрание ответило на послание специальным постановлением (OGIS. 267).

Можно предположить еще одно изменение, внесенное Эвменом I в систему городских органов управления. До Эвмена I эпонимным магистратом в Пергаме был притан. Эту должность еще в IV в. до н. э. ввел некий Архий (OGIS. 264). Два названных выше документа — письмо Эвмена I городу и ответное постановление — датированы не по притану, а по жрецу. Надписи Пергама более позднего времени также указывают в качестве эпонимного магистрата жреца, а не притана или в некоторых случаях должностное лицо, соединявшее обе данные должности. Видимо, в связи с выдвижением в число главных городских магистратур коллегии стратегов произошло снижение роли притана, а его эпонимные функции были переданы жрецу. Письмо городу написано Эвменом I в повелительном тоне и свидетельствует об укреплении власти правителя в Пергаме, о намерении контролировать жизнь гражданской общины и управлять ею.

Другое значительное событие, происшедшее в годы правления Эвмена I, — заключение договора правителя с наемными воинами, в котором определялись условия их службы (OGIS. 266)⁴¹. Видимо, договор был заключен после мятежа наемников, продолжавшегося, как можно предположить на основании нескольких строк документа, четыре месяца⁴². Солдаты выступили организованно, во главе со своими командирами, сразу в двух крепостях государства — в Филетерии у горы Ида и в Атталии, требуя изменения условий службы.

⁴¹ Об условиях договора см. гл. 2, п. 5.

⁴² Соколов Ф. Ф. Договор Евмена с наемными воинами // Тр. Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910. С. 409.

Р. Аллен высказал предположение о том, что, поскольку в договоре датировка произведена еще по эре Селевкидов, восстание наемников произошло до битвы при Сардах Эвмена I с Антиохом I, то есть между 263 и 261 гг. до н. э.⁴³ Среди руководителей восстания назван Эвмен, сын Атгала, которого издатели надписи и исследователи считали сыном Атгала — брата Филетера, то есть двоюродным братом Эвмена I (М. Френкель), родным братом Атгала I (В. Диттенбергер и Ф. Ф. Соколов) или даже отцом Эвмена I (Ф. Ф. Соколов)⁴⁴. Эвмен, сын Атгала, состоявший в родстве с правившим домом, принял участие в выступлении, намереваясь, очевидно, использовать мятеж в личных целях. Правитель Пергама вынужден был пойти на уступки воинам и удовлетворить их основные требования. В результате командиры и Эвмен I заключили договор, в котором четко сформулировали условия службы солдат, а также принесли друг другу клятвы в верности. В конечном счете события сложились благоприятно для Эвмена I: он сохранил власть и, умирая в 241 г. до н. э., передал ее наследнику — Атталу I.

1.3. Возвышение Пергамского государства во второй половине III в. до н. э.

В 241 г. до н. э. Эвмена I сменил на пергамском престоле Аттал I. Новый правитель не был сыном своего предшественника. Страбон и Павсаний называют Аттала I сыном Атгала, который являлся братом Филетера, следовательно, Аттал I приходился Эвмену I двоюродным братом (Strab. XIII. 4, 2; Paus. I. 8, 2). Однако имеются основания сомневаться в правильности предложенной греческими писателями генеалогии. Эпиграфические материалы показывают, что отец Аттала I Аттал был сыном Атгала — брата Филетера, то есть приходился этому последнему Атталу внуком, а не сыном. В античной традиции, которая сохранилась в относительно позднем изложении Страбона и Павсания, Аттал, отец Аттала I, был забыт⁴⁵.

⁴³ Allen R. Attalos I and Aigina // ABSA. 1971. Vol. 66. P. 3. Not. 12.

⁴⁴ Fränkel M. IvP. Bd. I. S. 13; Dittenberger W. OGIS. Vol. 1. S. 439. Not. 36; Соколов Ф. Ф. Указ. соч. С. 409.

⁴⁵ Вопросы генеалогии подробно рассмотрены в гл. 2, п. 1. См.: Meyer E. Zum Stammbaum der Attaliden // Klio. 1923–1925. Bd. XIX. S. 465, 471; Allen R. Op. cit. P. 181–189; Hansen E. Op. cit. P. 26. Not. 2.

Таким образом, Эвмен I передал свою власть сыну двоюродного брата, но усыновил его. Мать Аттала I Антиохиды происходила из царского рода Селевкидов.

К власти Аттал I пришел в возрасте 28 лет (как полагают, он родился в 269 г. до н. э.)⁴⁶. Источники ничего не сообщают о его деятельности до восшествия на престол. Если же судить по первым годам правления Аттала I, то можно заключить, что к моменту воцарения он имел определенный опыт военной и государственной деятельности. О личности Аттала мало известно. Бесспорно, он был энергичным государственным и военным деятелем. Многие победы, связанные с его именем, говорят о полководческих способностях царя. Видимо, Аттал I был достаточно образованным человеком, ценившим искусство и понимавшим значение архитектуры, скульптуры, науки для славы государства; при нем в Пергаме велось активное строительство.

Личная жизнь царя сложилась счастливо. Около 223 г. до н. э. (но не позже 220 г. до н. э.) Аттал I женился на Аполлониде, происходившей из дружественного Атталидам города Кизика. Жена не принесла Атталу I богатства и связей со знатными родственниками, но прославилась своим благонравием, благочестием, любовью к мужу и четверем сыновьям: Эвмену, Атталу (будущие цари Эвмен II и Аттал II), Филетеру и Афеню. Полибий дает Аполлониде превосходную характеристику: «...супруга Аттала по многим причинам заслуживает нашего упоминания и похвалы... Женщина простого звания, Аполлониды сделалась царицей и сохранила за собой это достоинство до самой кончины... скромностью и обходительностью, серьезным и благородным характером...» (XXII. 20, 2. Пер. Ф. Г. Мищенко).

С начальным этапом правления Аттала I связано событие, которое оставило глубокое впечатление в сознании современников и потомков и во многом определило дальнейшую судьбу молодого государства, — это крупная победа над племенами галатов, проживавших в центральной части Анатолии. Кельты, известные также как галлы (так

21. Аттал I. Предполагаемый портрет

⁴⁶ Hansen E. Op. cit. P. 26. Not. 1.

называли их римляне) или галаты⁴⁷, составляли большую группу племен индоевропейского происхождения, населявших многие области Европы. Первоначально они проживали в пределах современной Франции, на территории Германии и Чехии; в V в. до н. э. проникли в Испанию и южную Францию; в начале IV в. до н. э. вторглись в северную Италию и заняли долину реки По. В середине IV в. до н. э. началось проникновение кельтов на территорию бассейна Дуная, в Иллирию, Фракию, Македонию. Они предпринимали даже попытки вторгнуться в Грецию, разграбили знаменитое святилище Аполлона в городе Дельфы, но в конечном счете были изгнаны из страны.

Несколько галльских племен, объединившихся под командованием вождей Леоннория и Лутария, подошли к берегам Пропонтиды (Мраморного моря), проливов Геллеспонт и Боспор, захватили полуостров Херсонес, город Лисимахию, опустошили округ торгового города Византия и наложили на его население дань.

В государстве Вифиния, которое занимало северо-западную часть Малой Азии, в это время боролись за власть Зипет и Никомед. Последний, не надеясь на собственные силы, заключил договор с галатами, помог им в 278/277 г. до н. э. переправиться через проливы в Анатолию и использовал в борьбе с соперником⁴⁸. Три племени галлов, переправившись в Анатолию, разделились: трокмы остались в северо-западной части полуострова в районе Геллеспонта, толистоагии двинулись на юг в Ионию и Эолию, а тектосаги направились в центральную область, которая получила название Галатия⁴⁹. Позже здесь поселились и другие племена галатов.

⁴⁷ Истории и культуре кельтов посвящена обширная литература: *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М., 1974. С. 236–238, 242–246; *Филипп Я.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961; *Граков Б. Н.* Ранний железный век (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977. С. 53–78; *Жигунин В. Д.* Международные отношения... С. 60–68; *История Европы*. Т. 1. М., 1988. С. 492–508; *Широкова Н. С.* Древние кельты на рубеже старой и новой эры. Л., 1989. С. 75–92, 93–110. О вторжении кельтов в Малую Азию см.: *Stahelin F.* Geschichte der Kleinasiatischen Galater. Leipzig, 1907; *McShane R.* Op. cit. P. 35 f. со ссылками на источники и литературу.

⁴⁸ Подробнее см.: *Габелко О. Л.* История Вифинского царства. С. 176–190; см. также: *Моисеева Т. А.* Переселение кельтов в Малую Азию и договор Никомеда Вифинского с галатами // Норция. Вып. 2. Воронеж, 1978. С. 74–76; *Дройзен И. Г.* Ук. соч. Т. 3. С. 47–48, 97–101; *Жигунин В. Д.* Указ. соч. С. 66–68; *Niese B.* Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd. 1. Gotha, 1893. S. 13–20, 25–26, 77–83; САН. Vol. 7. P. 104–105.

⁴⁹ Одно из племен по-разному именуется в источниках: толистоагии в надписях Пергама и толистоагии в нарративных источниках (*Stahelin F.* Op. cit. S. 42. Not. 3; *Hansen E.* Op. cit. P. 29. Not. 15).

Действия Никомеда I Вифинского имели следствием значительное изменение международной обстановки в Малой Азии — появилась новая весьма грозная сила, с которой населявшим полуостров народам пришлось бороться. Кельты нападали на города, убивали или уводили в плен людей, разоряли хозяйство, накладывали дань. От набегов галлов пострадали Кизик, Илион, Приена, Эфес, Милет, Эритры и другие города. Греческий писатель Павсаний приводит в своем сочинении стихотворные строки поэтессы Фаэнниды, содержащие описание бедствий греков: «Узкий пролив Геллеспонта пройдя, станет дерзко-надменным войско галатов, несущее гибель; оно незаконно Азию будет громить; еще большие беды назначит бог для живущих по берегу моря в ближайшее время» (X. 15, 3).

Ряд документальных свидетельств раскрывает драматичность сложившейся в западной части Малой Азии ситуации. Декрет из города Эритры, принятый в честь городской коллегии стратегов, показывает, что жители были вынуждены откупаться от кельтов деньгами (Syll.³ 410. Стк. 13–15). Другой документ — почетное постановление сельских общин поселений Неотейхос и Киддиукоме, принятое в 267 г. до н. э. в честь Ахея, влиятельного родственника и приближенного Антиоха I, а также в честь эконома и экологиста — двух должностных лиц Ахея, которые по поручению последнего выкупили из плена захваченных галатами жителей (стк. 6–15)⁵⁰.

Эллинистические цари проводили в отношении галатов двойственную политику: воинственность пришельцев заставляла воевать с ними и вместе с тем позволяла использовать их в качестве наемных воинов для борьбы с другими противниками.

Первую попытку обуздать пришельцев предпринял Антиох I, одержавший над ними победу в 275 г. до н. э. около г. Фиатира. (App. Syr. 65). Но галаты продолжали тревожить своими вторжениями греков. Филетеру, видимо, каким-то образом удалось избежать галльской угрозы. Возможно, он даже одержал над ними военную победу (IG. XI. 4, 1105)⁵¹. Известно, что Филетер оказывал помощь городу Кизик, предоставляя коней для охраны территории, деньги, зерно именно в годы войны с галатами (OGIS. 748). Эвмен I вынужден был откупаться от них деньгами. При Аттале I ситуация решительно переменилась: он отказался платить кельтам деньги (Liv. XXXVIII.

⁵⁰ Текст документа, комментарий к нему и анализ ситуации, в которой он был принят, см.: Worrle M. Antiochos I, Achaïos der Altere und die Galater // Chiron. 1975. Bd. 5. S. 59–87.

⁵¹ Hansen E. Op. cit. P. 30–31; McShane R. Op. cit. P. 38. Not. 24.

22. Изображение Филетера на тетрадрахме Аттала I

16, 14). Пожелавшие покарать правителя Пергама галаты толестоагии были встречены войском Аттала I у истоков реки Каик и наголову разбиты. Данное событие произошло в первые годы правления Аттала I, наиболее вероятно, в 238–235 гг. до н. э. (IvP. 20; 24; Strab. XIII. 4, 2; Liv. XXXVIII. 16; Justin. Prolog. XXVII; Polyb. XVIII. 41, 7–8; Paus. I. 25, 2)⁵². Павсаний рассказывает, что в Пергаме хранились трофеи, взятые у галатов, а битва была запечатлена на картине (1, 4, 6). Победа над галатами принесла Атталу I значительный политический капитал: он стал известен в греческом мире и полностью использовал возможности ситуации. К своему имени Аттал I прибавил почетное имя Сотер («Спаситель»). Был изменен монетный чекан: голову изображаемого на монетах Филетера стал покрывать лавровый венок. В Пергаме в память о победе были поставлены статуи и скульптурные группы. Но

самым значительным итогом стало то, что Аттал I принял после победы титул царя, поставив себя тем самым в один ряд с правителями крупных и могущественных государств. В качестве дополнительного основания к обретению Атталом I царского титула, вероятно, выступал также тот факт, что Аттал I стал первым представителем династии, рожденным в браке с женщиной царского рода, ведь его мать Антиохидда происходила из рода Селевкидов, хотя и от боковой его ветви⁵³.

В середине III в. до н. э. в государстве Селевкидов сложилась напряженная внутренняя и внешняя ситуация, вызванная Третей

⁵² Allen R. Op. cit. P. 34. См. также: Koehn Cl. Krieg... S. 116–117, 121–123, 127, etc.

⁵³ На это обстоятельство обратил внимание О. Л. Габелко. См.: Габелко О. Л. Династическая история эллинистических монархий Малой Азии по данным «Хронографии» Георгия Синкелла // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал: Сб. науч. тр. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. Казань, 2005. С. 104.

Сирийской войной (246–241 г. до н. э.) между Селевкидами и Птолемеями и борьбой за власть в Сирийском царстве между царем Селевком II и его младшим братом Антиохом Гиераксом («Ястребом»). Война между братьями проходила с переменным успехом. Селевк II разбил Антиоха в Лидии, но через год укрепивший свою армию отрядами наемников-галатов Антиох Гиеракс нанес брату поражение. Малая Азия в результате данных событий стала принадлежать Гиераксу. Последний усмирил своих галльских наемников, которые вышли было из повиновения и начали грабить и разорять греков, а также заключил союз с царем Вифинии — Зиелой, скрепив политические отношения династическим браком (Μεμνον. XXII (FHG. 537)).

Энергично набиравший силу пергамский царь Аттал I представлял для власти Антиоха Гиеракса определенную опасность. Между двумя правителями началась война, события которой известны мало⁵⁴. Неясны причины и повод к началу военных действий, а также последовательность сражений и хронология событий. Можно полагать, что инициатива исходила со стороны Антиоха Гиеракса. Он вторгся с армией на территорию Пергамского государства, имея на своей стороне отряды кельтов тектосагов и толистоагиев. Одна из надписей Пергама (OGIS. 275) говорит о победе над Антиохом, тектосагами и толистоагиями у Афродисиона. Афродисион был святилищем богини Афродиты, которое находилось у стен Пергама (Polyb. XVIII. 2, 2, 6, 4; Liv. XXXII. 33, 5)⁵⁵. Видимо, война в самом начале протекала неудачно для Атталы I, который не сумел остановить противника на границе (ср.: Iustin. XXVII. 3, 1). В дальнейшем пергамский царь нанес своему противнику серию поражений. Надписи Пергама упоминают победы над Антиохом в Геллеспонтской Фригии (OGIS. 274), затем в 229 или 228 г. до н. э. (по хронологии историка Евсевия (Euseb. Chron. 1. 253) — у озера Колое, в Лидии (OGIS. 278), и в Карии,

⁵⁴ Kopp F. Über die Galaterkriege der Attaliden // RhM. 1885. Bd. XL. S. 114–132; Niese B. GGMS. Bd. 2. S. 157–160; Ferrabino A. La guerre di Attalo I contro i Galati e Antioco Ierace // AAT. 1913. Vol. XLVIII. P. 233–244; Hansen E. Op. cit. P. 33–38; McShane R. Op. cit. P. 59–61; Allen R. Op. cit. P. 30–35; 195–199.

Некоторые специалисты считают, что победа Атталы I над галатами представляет собой лишь одно из событий в войне с Антиохом Гиераксом, который активно использовал кельтов в качестве наемников или союзников (Beloch K. J. GG. Bd. 4. Tl. 2. S. 546; Cardinali G. Op. cit. P. 23–34). Возражают против такого мнения Д. Мейджи, Э. Хансен и Р. Аллен (Magie D. RRAM. Vol. 2. P. 734. Not. 20; Hansen E. Op. cit. P. 32, 34–36; Allen R. Op. cit. P. 30. Not. 7; P. 33–34, 141).

⁵⁵ Dittenberger W. OGIS. Vol. 1. P. 453. Not. 8; Hansen E. Op. cit. P. 35.

на реке Гарпас (OGIS. 271, 279). Разгромленный Атталом I Антиох Гиеракс в 227 г. до н. э. бежал во Фракию, где вскоре погиб (Euseb. Chron. 1. 253). В результате царь Пергама на короткое время подчинил своей власти значительные территории Малой Азии, принадлежавшие ранее Селевкидам, — Лидию, Геллеспонтскую и Великую Фригии, Ликаонию. Селевк II, брат и противник Антиоха Гиеракса, оказался перед необходимостью борьбы с Атталом I, но, не успев ее начать, погиб. Его преемник Селевк III Сотер (226–223 гг. до н. э.) направил против правителя Пергама полководцев с войском. Царю Сирии оказал помощь в борьбе с Атталом I некий Лисий, которого ученые считают династом одной из областей Малой Азии⁵⁶. Пергамское войско снова одержало победы, в память о которых в городе были поставлены две надписи (OGIS. 272, 277). Встревоженный развитием событий в Малой Азии, Селевк III сам возглавил армию, перешел с ней в 223 г. до н. э. через горный хребет Тавр, но неожиданно был убит одним из воинов-галатов (Polyb. IV. 48, 7–8).

Свои победы Аттал I увенчал строительством на акрополе Пергама на территории святилища Афины памятника, надписи которого рассказывали о победах царя (OGIS. 273–279). День битвы при Афродисионе стал священным (IvP. 247.1). Покровительница города богиня Афина получила имя Никефора — «Приносящая победу». В честь ее был возведен памятник с перечислением побед Аттала I (IvP. 33–37), а за пределами города — выделен священный участок (Polyb. XVI. 1, 6)⁵⁷.

Важным результатом побед Аттала I над галатами и Антиохом Гиераксом явилось установление тесных отношений с ближайшими греческими городами. Возможно, отношения с полисами были оформлены договорами⁵⁸. Но территориальные приобретения Аттала I были кратковременными. Через несколько лет ситуация в Малой Азии решительно изменилась. Новый обладатель престола Селевкидов Антиох III, прозванный Великим (223–187 гг. до н. э.), встретил серьезные внешнеполитические и внутренние проблемы, связанные с обострением отношений с Птолемеем IV и с восстанием сатрапов и племен в восточных регионах царства. Сложная обстановка сложилась и в Малой Азии. Еще до прихода Антиоха III к власти наме-

⁵⁶ Dittenberger W. OGIS. Vol. 1. P. 450. Not. 2; P. 454. Not. 14; Hansen E. Op. cit. P. 36; Allen R. Op. cit. P. 35.

⁵⁷ Fränkel M. Das grosse Siegesdenkmal Attalos des Ersten // Philologus. 1895. Bd. LIV. S. 1–10; Hansen E. Op. cit. P. 36–37.

⁵⁸ McShane R. Op. cit. P. 61; Allen R. Op. cit. P. 55 (o Teoce).

стником сирийского царя в Малой Азии был назначен Ахей⁵⁹. Родственник Селевкидов, он приходился внуком тому Ахею, на дочери которого, Антиохиде, был женат Аттал, отец Аттала I. Таким образом, наместник Малой Азии приходился пергамскому царю двоюродным братом. Ахей занимал при сирийском дворе весьма высокое положение, пользовался расположением воинов. Во время неудачного похода Селевка III в Малую Азию в 223 г. до н. э., когда царь был убит, войско предложило царскую диадему Ахею, но последний проявил в тот момент политическую осторожность и дальновидность и отказался от царской власти в пользу младшего брата убитого царя Антиоха III.

Став наместником Малой Азии, Ахей начал войну с Атталом I, в ходе которой пергамский царь за два года лишился своих территориальных приобретений и даже был вынужден уступить некоторые свои исконные владения. В 220/219 г. до н. э. война между Ахеем и Атталом I временно прекратилась, вероятно, благодаря посредничеству города Византия (Polyb. IV. 48).

В ходе войн за малоазийские владения Ахей настолько укрепил свои позиции, что объявил себя в 220 г. до н. э. царем, «отважил-ся вести себя по-царски и писать городам», — по словам Полибия (V. 57, 5). Правда, воины, поддерживав полководца в этом, отказались воевать в Сирии с Антиохом III, «негодую при предположении, что они идут войной на того, кого сама природа поставила им царем» (Polyb. V. 57, 6). Ахей, продолжая завоевания в Малой Азии, в частности начав войну в области Писидия с городом Селге, вынужден был, очевидно, вывести войска из западных районов Малой Азии. Аттал I воспользовался изменившейся ситуацией. Летом 218 г. до н. э. пергамский царь открыл военную кампанию против Ахея⁶⁰. Его войско было усилено отрядами галатов-эгосагов. Аттал I направил армию к югу от устья реки Каик, подчиняя своей власти приморские

⁵⁹ Wilcken U. Achaios (4) // RE. 1893. Bd. 1.1. Sp. 206–207; Bengtson H. Griechische Geschichte: Von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. 5. Aufl. München, 1977. S. 416–417; Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). T. 2. Des avènements d'Antiochos III et de Philippe V à la fin des Lagides. 2. éd. Nancy, 1982. P. 15–17, 23–26, 47–51; Wolski J. The Seleucids. The decline and fall of their Empire. Krakow, 1999. P. 62, 72–73.

⁶⁰ Leuze O. Die Feldzüge Antiochos' des Grossen nach Kleinasien // Hermes. 1923. Bd. LVIII. S. 187–201; Robert L. La campagne d'Attale I-er en 218 // Robert L. Etudes Anatoliennes. Paris, 1937. P. 185–198; Holleaux M. L'expédition d'Attale I-er en 218 // Holleaux M. Etudes d'Epigraphie et d'Histoire Grecques. Vol. 2. Paris, 1940. P. 17–42; Hansen E. Op. cit. P. 41–44; McShane R. Op. cit. P. 62–65; Allen R. Op. cit. P. 37 f.

греческие города. Передаем далее слово Полибию, оставившему описание данного похода: «В то время как Ахей шел войной на селгеев, Аттал с галатами эгосагами обходил города Эолиды и все смежные с ними, раньше того из страха перешедшие на сторону Ахея. Большинство городов добровольно и охотно покорились Атталу; сила потребовалась против немногих. Первыми городами, покорившимися ему, были: Кима, Смирна⁶¹, Фокея, вслед за ними покорились эгияне и темниты, уstraшенные его приближением; от теосцев и колофонян явились послы с предложением взять под свою власть их самих и города их. И этих последних Аттал принял на тех же условиях, как и поименованных выше, получил от них заложников, но наиболее благосклонно обращался с послами от смирнян, потому что они постоянное всех блюли верность ему. Не теряя времени, он пошел дальше и после переправы через реку Лик пошел на поселения мисян, а оттуда прибыл к городу карсян, навел страх на них, а равно на гарнизон Дидимы-Тейхе, приобрел и эти поселения, переданные ему Фемистоклом, которого Ахей оставил было здесь начальником. Отсюда Аттал двинулся дальше, разграбил равнину Апии, перевалил через гору, именуемую Пелекантом, и расположился станом подле реки Мегиста.

В это время случилось лунное затмение. Галаты давно уже роптали на тягости похода, потому что шли с женами и детьми, которые следовали за ними в повозках. В затмении они видели дурное предзнаменование и объявили, что дальше не пойдут. Царь Аттал не имел от них никакой пользы; он знал также, что галаты совершают поход отдельно от остального войска, располагаются особым станом, вообще непокорны и заносчивы... Поэтому Аттал обещал отвести их теперь назад к месту переправы и дать им удобную для жительства область, а впоследствии исполнить все их требования, поскольку это будет возможно и справедливо. После этого Аттал отвел эгосагов к Геллеспонту, ласково обошелся с лампсакиянами, александрийцами и илионянами, потому что они оставались верными ему, и возвратился с войском в Пергам» (Polyb. V. 77–78. Пер. Ф. Г. Мищенко).

Итог похода Аттала I летом 218 г. до н. э. был значительным — он восстановил власть в северо-западной части Малой Азии, поставил под контроль многие прибрежные города. В дальнейшем влияние

⁶¹ Некоторые исследователи предполагают, что в текст Полибия вкралась ошибка: вместо расположенной южнее всех названных полисов Смирны должна быть указана Мирина, соседний с Кимой и Фокеей город: *Wilcken U. Attalos* // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 2162; *Hosek R. Kyme (A Historical Survey)* // Anatolian Collection of Charles University. Kyme I. Praha, 1974. P. 197. Not. 46; *Allen R. Op. cit.* P. 41. Not. 45.

Пергама в развитии полисов побережья ощущалось явно⁶². Видимо, с экспедицией 218 г. до н. э. связано событие, описанное Страбоном: Аттал, разрушив город Гергифа в Троаде, переселил его жителей к истокам реки Каик⁶³. Возникшая деревня сохранила прежнее название (Страбон отмечает, что это была именно деревня: XIII. 1, 70). Возможно, разрушение города в Троаде было вызвано сопротивлением, которое оказали его жители царю Пергамского государства.

Ахей между тем одержал победу в Писидии над городом Селге и присоединил к своим владениям также часть Памфилии. Возвратившись в свою резиденцию — прекрасно укрепленный город Сарды, он готовился к новой войне с Атталом I. Но возвышение Ахея вызвало серьезные опасения Антиоха III, вознамерившегося расправиться с опасным родственником. Весной 216 г. до н. э. сирийский царь вступил с армией на территорию Малой Азии и заключил союз с Атталом I (Polyb. V. 107, 4)⁶⁴. Данный факт свидетельствует о признании Антиохом III Пергамского царства самостоятельной политической силой, а Аттала I — равным ему по статусу правителем. Антиох III, видимо, признал за царем Пергама все его владения. Военные действия против Ахея затянулись. Последний укрепился в Сардах и отражал все попытки противника захватить город: «...непрерывно следовали одна за другою легкие стычки и правильные сражения, днем и ночью, причем обе воюющие стороны изобретали всевозможные засады, противозасады и нападения» (Polyb. VII. 15. Пер. Ф. Г. Мищенко). Наконец, один из командиров армии Антиоха III сумел, определив слабое место в обороне города, захватить его. Укрывшийся в крепости Ахей был через некоторое время с помощью хитрости и измены схвачен и казнен: ему отрубили руки, ноги и голову, а труп зашили в ослиную шкуру и пригвоздили к кресту (Polyb. VII. 15–18; VIII. 17–23). В 213 г. до н. э. война с Ахеем завершилась. Для Пергама победа имела значительные последствия: с могущественным царем Антиохом III установились дружественные отношения, с его стороны было получено официальное признание государства и его границ⁶⁵.

⁶² Rostovtzeff M. SEHWW. Vol. 1. P. 593; Hosek R. Op. cit. P. 198.

⁶³ Rostovtzeff M. Ibidem; Hansen E. Op. cit. P. 42. Not. 83.

⁶⁴ Авраменко И. Н. Взятие Сард войсками Антиоха III в освещении Полибия // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 30–37; Leuze O. Op. cit. P. 188–189; Wilcken U. Achaïos (4) // RE. 1893. Bd. 1.1. Sp. 206–207; Bengtson H. Griechische Geschichte... S. 416–417; Will E. Histoire politique du monde hellénistique. P. 15–17, 23–26, 47–51; Ma J. Antiochos III and the Cities of Western Asia Minor. Oxford, 2000. P. 54–61. О Сардах как крепости см.: Dusinger E. Aspects of Empire... P. 11–20.

⁶⁵ Allen R. Op. cit. P. 58–61, 65.

Последние полтора десятилетия своего правления Аттал I уделял немалое внимание событиям на Балканском полуострове и даже участвовал в них. В чем заключается причина переориентации внешней политики царя Пергама? Следует категорически возразить против предположения М. Олло о том, что царь Пергама вынашивал широкие экспансионистские планы и намеревался создать в Эгеиде мощную империю⁶⁶. Источники не содержат материалов для подобного толкования. Территориальный рост государства в Малой Азии при сложившихся к концу III в. до н. э. обстоятельствах был невозможен. Сирия прочно владела большей частью полуострова и представляла собой грозную силу. Вифиния, враждебное Пергаму царство, пользовалась поддержкой Македонии. Поэтому, намереваясь, очевидно, приобрести межэллинскую известность и надежных союзников, Аттал I обратился к делам Балканской Греции⁶⁷.

Около 219 г. до н. э. Аттал I установил дружественные отношения с Этолийским союзом⁶⁸. Это событие, не сыгравшее первоначально заметной роли, имело далеко идущие последствия, ибо Пергам оказался втянутым в целую цепь войн.

В 218 г. до н. э. полководец Карфагена Ганнибал начал войну с Римом (Вторая Пуническая война 218–201 гг. до н. э.). Уже в разгар военных действий в 215 г. до н. э. он вступил в союз с энергичным царем Македонии Филиппом V⁶⁹, намереваясь привлечь его к борьбе. Но римские дипломаты сумели в значительной степени нейтрализовать этот успех Ганнибала: они заключили в 211 г. до н. э. союз с Этолийской лигой, враждебно относившейся к Македонии. По римско-этолийскому соглашению в борьбу с Филиппом V могли вступить и союзники Этолии, в том числе Аттал I (Liv. XXVI. 24).

Первым крупным событием Первой Македонской войны (215–205 гг. до н. э.), в котором приняли участие войска пергамского царя, явилось взятие острова Эгина летом 210 г. до н. э.⁷⁰ Сохранилась посвяtitельная надпись царя Аттала богине Афине в честь этого

⁶⁶ Holleaux M. Rome, la Grece et les monarchies hellenistiques au III-e siecle avant J.-C. Paris, 1921. P. 202–208; ср.: Allen R. Op. cit. P. 66–67.

⁶⁷ Hansen E. Op. cit. P. 46.

⁶⁸ Hansen E. Op. cit. P. 46; McShane R. Op. cit. P. 100–102.

⁶⁹ О деятельности Филиппа V см.: Walbank F. W. Philipp V of Macedon. Cambridge, 1940.

⁷⁰ Начало Первой Македонской войны ученые датируют по-разному: 215, 214, 211 гг. до н. э. Благодарю В. И. Кашеева за необходимое уточнение. Прямых сведений об участии пергамских войск во взятии Эгины нет. См.: Niese B. GGMS. Bd. 2. S. 484. Not. 5; Hansen E. Op. cit. P. 47. Not. 102. Полибий сообщает о захвате острова этолийцами и римлянами (IX. 42).

успеха (OGIS. 281). Право на территорию острова имел Этолийский союз, но уступил его Атталу I за 30 талантов (Polyb. XXII. 11, 9–10). Эгина стала первым заморским владением царства Пергам и оставалась в его составе до самой гибели династии Атталидов.

Весной 209 г. до н. э. Этолийский союз на своем собрании, которое играло роль главного органа объединения, избрал Аттала I стратегом-автократом, вручив ему тем самым высшую власть (Liv. XXVII. 29). Но участие войск Пергамского царства в войне с Македонией, надо признать, было незначительным. В 209 г. до н. э. отряды Аттала I вместе с этолийцами и римлянами пытались преградить около города Ламия путь армии Филиппа V, но были дважды разбиты (Liv. XXVII. 30). Зимой 209/208 г. до н. э. Аттал I и римский командующий П. Сульпиций Гальба провели на Эгине, разрабатывая планы военной кампании. В начале лета 208 г. до н. э. возобновились военные действия, но Аттал I недолго участвовал в них. Его армия опустошила окрестности города Пепарета, разгромила и разграбила Опунт (Polyb. X. 42, 1, Liv. XXVIII. 5–7). Из найденных в Дельфах надписей известно, что Аттал I в 209 или 208 г. до н. э. разместил небольшой гарнизон в городе Лилея для защиты его от македонян⁷¹.

На этом пергамский царь был вынужден прервать свое пребывание в Греции: ему стало известно, что царь Вифинии Прусий I по требованию своего союзника Филиппа V начал войну против него в Малой Азии (Liv. XXVIII. 7–8).

Участие Пергамского царства в Первой Македонской войне оказалось бесславным и малорезультативным в военном отношении, но имело весьма значительные политические последствия: началось сближение Пергама с Римом, также, видимо, установились дружественные отношения с Афинами⁷².

Установление дружественных отношений с Римской республикой приобрело для Пергамского царства особое значение в связи с тем, что в Малой Азии Аттал I имел опасных противников в лице царства Селевкидов и Вифинского царства, а также в связи с тем, что в римской внешней политике с конца III в. до н. э. все большее значение стало приобретать восточное направление. Римляне в своей деятельности в Восточном Средиземноморье активно использовали дипломатию, с готовностью принимали на себя роль посредников и арбитров в

⁷¹ Fouilles de Delphes. T. III. Epigraphie. Fasc. IV. Livr. 2. Inscriptions de la Terrasse du Temple. Paris, 1954. N. 132–135 (A, B, C, D).

⁷² Allen R. Attalos I and Aigina // ABSA. 1971. Vol. 66. P. 2. Not. 8; McShane R. Op. cit. P. 111–115; Habicht Chr. Athen in Hellenistischer Zeit. München, 1994. S. 183–201.

межгреческих делах, применяли привлекательные для греков политические лозунги, а также нередко прибегали к военной силе союзных царств⁷³.

В 205 г. до н. э. завершилась Первая Македонская война. Римляне направили все силы на борьбу с Ганнибалом, армия которого по-прежнему оставалась на территории Италии и создавала для государства постоянную угрозу. Тит Ливий сообщает, что в Сивиллиных книгах было обнаружено предсказание о том, что враг (Ганнибал) будет изгнан из Италии, если в Рим привезут мать Идейскую (Liv. XXIX. 10), известную также под именем Великой Матери богов (Кибелы). Культовым центром Кибелы являлся город Пессинунт в малоазийской области Фригия. Атталиды высоко почитали эту богиню. Филетер перестроил старое святилище Матери Богов около Пергама, а позже одним из пергамских царей был возведен храм Кибелы в самом Пессинунте (Strab. XII. 5, 3). Поэтому римляне обратились за помощью к Атталу I. Как писал римский историк Тит Ливий, «в то время уже начинали скрепляться с Атталом, царем, дружественные связи, вследствие военных действий сообща против Филиппа, и можно было надеяться, что Аттал сделает для народа римского все, что будет в состоянии» (XXIX. 11. Пер. П. Адрианова). В 204 г. до н. э. в Пергам было направлено посольство. Аттал I принял его приветливо, сопроводил во Фригию в Пессинунт, где передал священный камень, который традиционно считался местными жителями воплощением Матери богов (Liv. XXIX. 11)⁷⁴.

Важным внешнеполитическим успехом Аттала I в эти годы стало сближение с Родосом. Этот островной полис превратился в эпоху эллинизма в один из наиболее развитых ремесленных и торговых центров, обладал достаточно мощным для защиты своих интересов флотом. До конца III в. до н. э. отношения Пергама и Родоса были враждебными, но агрессивные действия македонского царя Филиппа V заставили противников сблизиться⁷⁵.

⁷³ Подробнее см.: *Кащеев В. И.* Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н. э. М., 1993; *он же.* Римляне как третейские судьи в межгосударственных спорах греков // *Античность: мир и образы.* Сб. статей. Казань, 1997. С. 32–41.

⁷⁴ *Ревяко К. А.* Религиозный аспект внутренней и внешней политики Рима в конце III в. до н. э. (установление государственного культа Кибелы в Римской республике) // *Проблемы античной истории и культуры* (Докл. XIV Междун. конф. античников соц. стран «Эйрене»). Т. 1. Ереван, 1979. С. 244–245; *Кюмон Фр.* Восточные религии в римском язычестве. СПб., 2002. С. 77–78; *Hansen E.* Op. cit. P. 50–51.

⁷⁵ *Hansen E.* Op. cit. P. 52–53; *McShane R.* Op. cit. P. 96–97, 119–121; *Berthold R.* Rhodes in the Hellenistic Age. Ithaca; London, 1984. P. 105–106, 115.

Внешнеполитическая активность царя Македонии и сирийского монарха Антиоха III вызвала значительное обострение международной обстановки в Восточном Средиземноморье в конце III в. до н. э. В 203 г. до н. э. Филипп V и Антиох III заключили между собой соглашение, по которому надлежало лишить Египет, внутренне ослабленный, многих его владений (Polyb. III. 2, 8; XV. 20, 2)⁷⁶. Для Пергама и Родоса значительную угрозу представляла политика Македонии в Эгейском море, на островах и на побережье Малой Азии. Филипп V предполагал укрепить свои позиции, ослабленные в ходе Первой Македонской войны, успешными действиями на море. Его союзником в этой деятельности стал царь Вифинии Прусий I. Отношения Македонии и Вифинии были скреплены династическим браком — Прусий I женился на Апаме, которая, вероятно, приходилась Филиппу V сестрой (Polyb. XV. 22, 2; Strab. XIII. 4, 1). В 202 г. до н. э. Филипп V захватил города Киос и Мирлею на черноморском побережье Малой Азии, а жителей их продал в рабство, установил власть над Лисимахией и Калхедоном (Polyb. XV. 22, 23). Весной 201 г. до н. э. царь Македонии занял остров Самос и атаковал Хиос, который являлся союзником Родоса. Война с Родосом и Пергамом стала неизбежной⁷⁷.

К острову Хиос подошла соединенная эскадра Пергамского царства, Родоса и Византия, насчитывавшая 65 больших кораблей и

⁷⁶ Д. Мейджи отрицает факт подобного соглашения: *Magie D. The Agreement between Philip V and Antiochus III for the partition of the Egyptian Empire // JRS. 1939. Vol. XXIX. Part I. P. 42. В. И. Кащеев любезно обратил мое внимание также на аналогичную позицию Р. М. Эррингтона: Errington R. M. The alleged Syro-Macedonian Pact and the Origine of the Second Macedonian War // Athenaeum. 1971. Vol. 79. P. 336–354; idem. Antiochos II, Zeuxis und Euromos // Epigraphica Anatolica. 1986. H. 8. S. 1–8. Большинство ученых признают информацию Полибия достоверной. См.: *Magie D. Op. cit. P. 34. Not. 10; Scullard H. H. Roman Politics. 220–150 B. C. Oxford, 1951. P. 93. Not. 1; Lampela A. Rome and the Ptolemies of Egypt. The development of their Political relations. 273–80 B. C. Helsinki, 1998. P. 76. См. также: Кащеев В. И. Договор Филиппа V и Антиоха III в интерпретации античных и современных авторов // Античный мир и археология. Вып. 8. Саратов, 1990. С. 44–52; он же. Эллинистический мир и Рим... С. 220–224.**

⁷⁷ О войне Филиппа V с Родосом и Пергамом в 201 г. до н. э. см.: *Niese B. GGMS. Bd. 2. S. 584–587; Holleaux M. L'expédition de Philippe V en Asie (201 av. J. C.) // REA. 1920. T. XXII. P. 237–258; 1921. T. XXIII. P. 181–212; 1923. T. XXV. P. 330–366; Starr Ch. Rhodes and Pergamum. 201–200 B. C. // Cl. Ph. 1938. Vol. XXXIII. P. 63–68; Thiel J. Studies in the History of Roman Sea Power in Republican Times. Amsterdam, 1946. P. 203–205; Berthold R. M. Lade, Pergamum and Chios // Historia. 1975. Bd. 24. H. 2. P. 150–163. Hammond N. G. L. The Macedonian State... P. 343–344; Berthold R. Rhodes... P. 113–119; Габелко О. Л. История... С. 245–254. Восстановить последовательность и взаимосвязь событий 202–200 гг. до н. э. в Малой Азии сложно, поскольку информация о них сохранилась лишь во фрагментарном виде — *Berthold R. Lade... P. 151. Not. 8–10.**

24 легких судна. Ей противостоял мощный флот Филиппа V в количестве 53 больших и 150 легких кораблей. Сражение развернулось в проливе между Хиосом и берегом Малой Азии. Одновременно происходили как бы две самостоятельные битвы. Правое крыло боевого порядка Филиппа V находилось ближе к матерiku и имело противником Аттала I, тогда как левое крыло македонской флотилии, расположенное у берега острова Хиос, противостояло натиску флота Родоса. Царь Аттал I, которому было около 70 лет, принимал участие в сражении, командуя кораблями и проявляя при этом личное мужество.

На правом крыле пергамский флот уже одерживал решительную победу, когда в разгар сражения Аттал I, увлекшись преследованием корабля Филиппа V, оторвался на флагманском судне от основных сил и едва не попал в плен к македонскому царю. Чтобы избежать опасности, ему пришлось пристать к берегу и, бросив корабли, укрыться за стенами города Эритры. В отсутствие царя флотоводец Дионисодор возглавил флот и продолжил сражение. И на левом, и на правом фланге была одержана победа над Филиппом V, который потерял три тысячи воинов и около шести тысяч моряков убитыми и 2700 пленными. В сражении с Атталом I флот Македонии лишился 42 кораблей разного класса, а на левом фланге в битве с родосцами — 59 судов, считая те 34 корабля, которые Аттал I и родосцы захватили вместе с командой. Потери флота Пергамского царства составили 6 кораблей и около 70 воинов погибшими. К этому надо добавить упоминаемые Полибием при других обстоятельствах команды кораблей Пергама, оказавшиеся в плену (Polyb. XVIII. 2, 2; 6, 3; 8, 10). Родос лишился всего трех судов и около 60 воинов⁷⁸. «...Филипп, которому до сих пор не доводилось ни на суше, ни на море понести в одном деле такие потери людьми, был весьма огорчен случившимся, и мужество его сильно убавилось; только перед другими он старался всеми способами скрывать свое настроение, хотя при таком положении дела сохранить спокойствие духа было невозможно... один вид того, что было после сражения, наводил ужас на всякого. Потери людьми были столь велики, что весь пролив тогда же, во время битвы, покрылся мертвыми телами, кровью, воору́же-

⁷⁸ Не все специалисты признают достоверными данные о потерях сторон: *Holleaux M. Rome and Macedon* // *CAH*. Vol. 8. 1930. P. 154; *Walbank F. W.* Op. cit. P. 124. Not. 2; *Holleaux M. L'expédition...* // *REA*. 1921. T. XXIII. P. 193. Not. 3; P. 189, 191. Но факт решительной победы союзников над Филиппом V признается большинством ученых. О сражении при Хиосе см.: *Polyb.* XVI. 2–7; *Hansen E.* Op. cit. P. 53–55; *Berthold R.* Rhodes... P. 117–118.

нием, обломками кораблей, а на следующие за этим дни можно было видеть все это беспорядочно нагроможденное кучами на морских берегах. Такое зрелище повергало в тяжелое смущение не одного Филиппа, но и всех македонян» (Polyb. XVI. 8, 6–10. Пер. Ф. Г. Мищенко). Победа Аттала I над флотом Филиппа при Хиосе была отмечена специальной посвяtitельной надписью в честь Зевса и Афины Nikeфоры (IvP. 52).

После неудачи на море Филипп V перенес военные действия на сушу и вторгся в пределы Пергамского царства. Аттал I предусмотрел возможность нападения и подготовился к нему. «...В передовых схватках гарнизон Пергама, благодаря сильному местоположению города, легко отражал нападающих; и в деревнях Филипп не находил никакой добычи, так как Аттал предусмотрел нападение и принял соответствующие меры. Ничего другого не оставалось ему, как обратить свою ярость против изображений божеств и святилищ... Он не только жег и разрушал до основания храмы и алтари, но велел разбивать самые камни, чтобы всякое восстановление развалин сделать невозможным. Затем он разорил Nikeфорий⁷⁹, вырубив его рощу и опрокинув ограду, множество великолепных храмов сровнял с землей» (Polyb. XVI. 1, 3–6. Пер. Ф. Г. Мищенко).

Не добившись успеха около Пергама, Филипп V направился к Фиатире, затем на равнину Фивы в надежде приобрести добычу и в Гиеракому (Polyb. XVI. 1, 7–8). Военные действия македонского царя производят странное впечатление: как будто он надеялся быстро решить исход кампании в Пергаме, а потому не был подготовлен к длительной войне. Дальнейший его поход после неудачи у стен Пергама был направлен явно на приобретение военной добычи. Видимо, армия македонского царя не была достаточно обеспечена продовольствием. Можно полагать, что решение напасть на Пергам было поспешным, вызванным неудачей на море и желанием компенсировать ее успехом на суше и нейтрализовать пергамского царя. Видимо, в это же время Филипп V сумел захватить расположенный по соседству с Пергамом город Мирина и разместить там гарнизон (Liv. XXIII. 30).

Почему Аттал I допустил осквернение и разрушение храмов в окрестностях города и не вышел с армией навстречу Филиппу V? Полибий, говоря о военных силах пергамского царя, упоминает лишь гарнизон города (XVI. 1, 3). Следует предположить, что войско Аттала I находилось не в Пергаме, а в каком-то ином месте.

⁷⁹ Святилище богини Афины Nikeфоры около Пергама.

Неудачу на море Филипп V в скором времени компенсировал, встретившись у острова Лада с флотилией Родоса и разгромив ее (Polyb. XVI. 10, 1; 15). Возможно, после победы при Хиосе пергамский царь и Родос не считали флот Филиппа V опасным и разделили свои силы⁸⁰.

В дальнейшем Филипп V двинулся южнее, в Карию, где осаждал и захватывал города. Несмотря на отдельные успехи, положение его армии только ухудшалось. «Он видел, что родяне и Аттал не только не распускают флот, но вооружают еще новые корабли и с большей, чем прежде, настойчивостью теснят неприятельские гарнизоны, это ставило Филиппа в большое затруднение» (Polyb. XVI. 24, 2. Пер. Ф. Г. Мищенко). Продовольственное снабжение войска выросло в серьезную проблему, македонская армия занималась грабежом и насилием. Пергам и Родос вновь соединили свои силы и блокировали флот и армию Филиппа V на побережье Малой Азии в Баргилиях.

Филипп V провел в Карии зиму 201/200 г. до н. э. и вынужден был, не добившись заметных успехов, вернуться в Македонию, преследуемый родосцами и Атталом I (Polyb. XVI. 24, 1; Polyaeen. IV, 18; 2; Liv. XXXI. 14, 11).

В целом война была для Филиппа V безуспешной: он не добился победы, не ослабил своих противников, не приобрел значительной добычи, ухудшил отношения не только с Пергамом, Родосом и рядом других греческих государств, но также с Римом. По определению Н. Хэммонда, морская политика Филиппа V обернулась катастрофой: море стало открытым для римского вмешательства, а некоторые греческие государства поняли, что располагают возможностью делать выбор между Македонией и Римом⁸¹.

В Риме между тем все более популярной становилась идея войны с Македонией: политика Филиппа V вызывала серьезные опасения. Аттал I приложил усилия к тому, чтобы разжечь антимакедонские настроения. Еще во время войны с Филиппом V в Карии осенью 201 г. до н. э. царь Пергамского государства и родосцы направили послов в Рим с информацией о положении дел в Малой Азии (Liv. XXXV. 2, 1–2; см. также Polyb. XVI. 24, 1–3; Iustin. XXX. 3, 5; App. Maced. 4, 2).

Позже, когда Аттал I с флотом находился на острове Эгина, он, узнав, что в порт Пирей явились римские послы, прибыл в город и

⁸⁰ Вопрос о причинах разделения сил Пергама и Родоса неясен. См.: *Holleaux M. Rome and Macedon. P. 154; Starr Ch. Op. cit. P. 67. Not. 15.*

⁸¹ *Hammond N. G. L. The Macedonian State... P. 344. См. также: Berthold R. Rhodes... P. 119–123.*

«первый день по прибытии в Пирей... употребил на переговоры с римскими послами и был очень рад, когда услышал, как римляне вспоминают их прежние союзнические действия и с какой готовностью пойдут на Филиппа войной» (Polyb. XVI. 25, 4. Пер. Ф. Г. Мищенко).

Из Пирея Аттал I вместе с римскими послами прибыл в Афины, где был встречен населением с великим почетом. «...Аттал вместе с римлянами и афинскими архонтами вступил в город с большой торжественностью, ибо навстречу им вышли не только должностные лица и всадники, но и все граждане с женами и детьми. Когда произошла встреча, толпа приветствовала римлян и особенно Аттала с несравненным восторгом... афиняне определили воздать Атталу такие почести, каких никогда раньше не оказывали своим благодетелям» (Polyb. XVI. 25. 5–6, 8. Пер. Ф. Г. Мищенко). В частности, была создана новая фила, которая получила его имя — Атталида (Polyb. XVI. 25, 9; Liv. XXXI. 15). Тогда же в составе этой филы был образован новый дем — Аполлони, названный в честь царицы Аполлониды⁸².

Очевидно, в это же время Аттал I совершил еще одну важную военно-дипломатическую акцию: он заключил договор с жителями полиса Малла, который находился на острове Крит⁸³. Договор датируется временем около 200 г. до н. э. и фиксирует обязательства Аттала I направить в Маллу 300 воинов с командиром. Видимо, заключение подобного союза было вызвано намерением Аттала I более прочно обосноваться в Греции и на островах, создать широкую сеть союзнических отношений для борьбы против Филиппа V. По договору пергамский царь обязывался обеспечить воинам транспорт, жалование (видимо, на время дороги) и то, что необходимо в пути (стк. 18–19). По прибытии воинов маллийцы обеспечивали их деньгами и хлебом, но во время военных действий, когда воины находятся на вражеской территории, пропитание они должны были добывать сами (стк. 21–25).

Между тем Филипп V весной и летом 200 г. до н. э. вел активные военные действия сразу на двух направлениях: его полководец Филоклет должен был опустошить Аттику; сам царь Македонии возглавил кампанию во Фракии, захватывая на северном побережье Эгейского моря греческие города Маронею, Энос, на Херсонесе

⁸² Данные Полибия подтверждаются эпиграфическими находками. См.: *Хабихт Хр.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 197. Примеч. 12.

⁸³ *Allen R.* Op. cit. P. 209–210 (№ 3 A, B).

Фракийском — Сест и многие крепости (Liv. XXI. 16). Тогда же подвергся осаде город Абидос, удачно расположенный на азиатском берегу пролива Геллеспонт. Обладание Абидосом позволило бы Филиппу V полностью контролировать черноморские проливы и господствовать на важных торговых путях. Дальнейшая политика Пергамского государства и Родоса в данных обстоятельствах представляется исследователям странной. Прежде всего городу Абидосу союзники оказали помощь скорее символическую, чем реальную: Аттал I направил всего 300 воинов, Кизик — одну трирему, а Родос — лишь одну quadriremu (Polyb. XVI. 29–34; Liv. XXXI. 16). И это при том, что падение города прямо задевало интересы Пергама и Родоса. Ч. Старр предложил убедительное объяснение политики Родоса и Пергама в связи с осадой Абидоса: несмотря на объединение сил в борьбе против Филиппа V, союзники по-прежнему с недоверием относились друг к другу. Каждый из них полагал, что активная помощь Абидосу может заметно укрепить позиции другого⁸⁴. Еще один неясный аспект событий борьбы Родоса, Пергамского царства и ряда других примкнувших к союзу с ними государств против Македонии в 201–200 гг. до н. э. заключается в том, что оба союзника после изгнания Филиппа V из Карии вели военные действия крайне вяло, предпочитая им дипломатические усилия к созданию мощной антимакедонской коалиции (Polyb. XVI. 28, Liv. XXXI. 15). Нерешительность Родоса и Аттала I можно объяснить снова их взаимной подозрительностью и неуверенностью в собственных силах. Поэтому они и предпринимали значительные усилия к тому, чтобы вовлечь в конфликт Рим. В результате город Абидос был Филиппом V захвачен и разграблен в 200 г. до н. э. Тогда же объектом агрессии со стороны македонского царя стали Афины.

В ходе перечисленных событий римские послы предъявили царю Македонии ультиматум с требованием прекратить военные действия против греков. Поскольку Филипп отказался выполнить условие Рима, ему была объявлена война, которая получила название Второй Македонской (200–196 гг. до н. э.)⁸⁵. Вступление Рима в конфликт с Македонией явилось большой удачей для Пергама и Родоса. Прежде всего, резко возросли военные возможности антимакедонской

⁸⁴ *Starr Ch. Op. cit.* P. 67–68. Э. Хансен отвергла объяснение Ч. Старра. По ее мнению, Аттал I и родосцы рассчитывали на вмешательство Рима: *Hansen E. Op. cit.* P. 60.

⁸⁵ Мы не ставим целью изложение событий Второй Македонской войны, в которой Пергам являлся лишь одним из действующих лиц. См.: *Маммizen Т. История Рима. Т. 1. М., 1936. С. 659–676; Hansen E. Op. cit.* P. 57–67; *McShane R. Op. cit.* P. 127. Not. 131, 132; P. 128. Not. 129, 130.

коалиции. Рим ослабил внутренние противоречия между Родосом и Пергамом. Наконец, уже в ходе войны в борьбу с Македонией вступили также Этолийский и Ахейский союзы⁸⁶.

Театром военных действий стала территория Балканской Греции, Македонии и островов Эгейского моря. Участие Пергамского государства в войне опять же не было значительным. Выразилось оно главным образом в действиях флота, который вместе с римскими кораблями захватывал острова и города, находившиеся под властью Филиппа V. Основная военно-морская база Аттала I находилась на принадлежавшем ему острове Эгина. Весной и летом 199 г. до н. э. союзная эскадра захватила остров Андрос, вынудив к сдаче гарнизон македонского царя, отбила город Орей на острове Евбея, а потом безуспешно пыталась занять остров Кифнос и город Кассандрию. Осенью военные действия на море прекратились.

Аттал I со своими кораблями вошел в порт Пирей, задержался там для участия в празднествах в честь богини Деметры, а затем удалился домой (Liv. XXXI. 44–47). Из Орея, как в свое время с Эгины, Аттал I привез в Пергам произведения искусства, которые были выставлены в городе. Сохранился постамент статуи с надписью «Из Орея» (IvP. 50).

Весной 198 г. до н. э. Аттал I возобновил свое участие в военных действиях, но положение его неожиданно осложнилось: царь Антиох III напал на Пергам (Liv. XXXII. 8). Правитель Пергама направил в связи с этим посольство в римский сенат с заверениями в дружбе и готовности продолжать войну с Македонией и с просьбой: или направить римский отряд в Малую Азию, или разрешить ему самому вернуться домой на защиту царства. Сенат постановил отправить послов к Антиоху III и отпустить Аттала I для урегулирования отношений с сирийским царем.

Известие Т. Ливия о походе Антиоха III летом 198 г. до н. э. в Малую Азию с целью завоевать Пергам отвергалось или ставилось под сомнение рядом ученых. Б. Ниде отвергал факт угрозы Пергамскому царству, считая, что в этот момент отношения между Сирией и Атталом I носили дружественный характер, а сам Антиох III был занят войной в Келесирии. М. Олло отвергал историчность посоль-

⁸⁶ Д. Мейджи считал наиболее заинтересованной во вступлении Рима в войну стороной Аттала I и Родос. Действия Филиппа V представляли весьма значительную опасность для них, а спасти их в тех условиях мог только Рим. *Magie D. Op. cit.* P. 42. Принимая данную оценку ученого, мы не можем согласиться с другим его выводом: поступившая в Рим информация о соглашении между Филиппом V и Антиохом III относительно раздела Египта была сфабрикована родосцами (*ibidem*. P. 42–43).

ства Аттала I в Рим. Р. Макшейн считал, что в случае нападения Сирии на Пергам Аттал I не стал бы ожидать разрешения Рима, чтобы вернуться в Малую Азию для защиты своих владений. Но О. Лейце убедительно показал ошибочность мнения Б. Низе⁸⁷, считая сообщение Т. Ливия достоверным. Возражение Р. Макшейна неосновательно: странно выглядели бы действия Аттала I, весьма дорожившего союзом с Римом, если бы о своем намерении возвратиться в Пергам для борьбы с Антиохом III он не проинформировал союзника.

Вмешательство Рима вынудило сирийского царя отказаться на время от своих намерений. В благодарность Аттал I направил в Рим послов, которые доставили золотой венок весом 246 фунтов (Liv. XXXII. 27, 1).

В кампании 198 г. до н. э. со стороны Аттала I было снаряжено 24 пентеры. Войско и флот пергамского царя вели военные действия на острове Эвбея с целью захватить города Эретрию и Карист, затем участвовали в осаде Коринфа (Liv. XXXII. 16–17, 23). Военная роль Пергама во Второй Македонской войне в основном ограничилась перечисленными акциями. В главном сражении — битве при Киноскефалах 197 г. до н. э. — войска Аттала I скорее всего не участвовали. Во всяком случае, источники ничего не сообщают по этому поводу.

Пергамский царь принимал участие в важнейших переговорах, которые велись в ходе войны, выполнял значительные дипломатические поручения. В 199 г. до н. э. Аттал I вместе с римским легатом встретился с этолийскими послами, которые просили о помощи (Liv. XXXI. 46). В 198 г. до н. э. от Пергама, так же как и от Рима, Родоса и Афин, были направлены послы к Ахейскому союзу с целью призвать его к совместной борьбе с Филиппом V. Дипломатическая миссия увенчалась успехом (Liv. XXXII. 19, 23). Несколько позже у Никеи состоялись сорвавшиеся в дальнейшем переговоры македонского царя с противниками. Аттала I представлял Дионисодор, возможно, один из командиров его флота в битве при острове Хиос (Liv. XXXII. 32; Polyb. XVIII. 1, 3). Тиран Спарты Набис пригласил для переговоров римского командующего Т. Квинкция Фламинина и царя Аттала I (Liv. XXXII. 39–40). Последний совершил две посольские миссии в Сикион, с жителями которого установил дружественные

⁸⁷ Niese B. GGMS. Bd. 2. S. 604. Not. 4; Holleaux M. Recherches sur l'histoire des négociations d'Antiochos III avec les Romains // REA. 1913. T. 15. Fasc. 4. P. 20. Not. 3; Leuze O. Op. cit. P. 190 f.; McShane R. Op. cit. P. 132–133. Not. 145.

отношения. Как рассказывает Полибий, Аттал I выкупил им за большую сумму священный участок бога Аполлона, в другой приезд подарил 10 талантов серебра и 10 тысяч медимнов пшеницы. В благодарность сикионяне воздвигли огромное изображение Аттала I высотой в 10 локтей и поставили его на площади около статуи Аполлона, а позже решили соорудить золотое изображение царя и приносить в честь Аттала ежегодно жертвы (Polyb. XVIII. 16; Liv. 32, 39, 40).

Наконец, последним деянием пергамского монарха стало выступление перед жителями города Фивы в Беотии с целью привлечь их к союзу. Семидесятидвухлетний Аттал I первым стал произносить речь в собрании, но не вынес напряжения и упал, сраженный параличом (Polyb. XVIII. 17, 6; Plut. Flam. VI; Liv. XXXIII. 2). Разбитый недугом царь был переправлен морем в Пергам, где и скончался в 197 г. до н. э. (Plut. Flam. VI).

Итоги государственной деятельности Аттала I весьма велики. Пергамскому царю удалось превратить свое незначительное владение в царство, укрепить его самостоятельность, в очень сложной международной обстановке обеспечить возвышение и территориальный рост. Аттал I создал боеспособную армию, одержал ряд значительных военных побед, добился для своего государства внешнеполитического влияния. Одним из важнейших успехов Пергамского царя явилось установление союзнических отношений с Римом, которые в дальнейшем обеспечили государству Атталидов не только сохранение в окружении опасных противников, но даже усиление и приобретение значительных новых территорий и рост внешнеполитического влияния.

1.4. Расцвет государства Атталидов в первой половине II в. до н. э.

Преемником Аттала I на престоле Пергама стал его сын Эвмен II (197–159 гг. до н. э.), вошедший в историю эллинистического мира как деятельный политик и полководец. При Эвмене II была продолжена политика его отца, направленная на усиление политического и военного влияния царства в Средиземноморье, укрепление государственной системы, превращение столицы в один из центров культуры и искусств всего эллинистического мира. Полибий, который

уделил немалое внимание событиям времени правления Эвмена II, дал царю Пергамского государства весьма лестную характеристику: «Эвмен... не уступал никому из царей своего времени, а в делах труднейших и достославнейших превосходил их величием и блеском. Так, получив в наследство от отца такое царство, в котором насчитывалось очень немного городов, и то мелких, он сравнял его с обширнейшими царствами, ему современными; помогали ему в этом не столько счастье или случай, сколько дальновидность, трудолюбие и, наконец, личная деятельность» (Polyb. XXXII. 1–4. Пер. Ф. Г. Мищенко).

Действительно, за годы своего длительного правления Эвмен II, опираясь на поддержку и защиту Рима — могучего союзника, превратил страну в крупное и влиятельное государство. Безусловной заслугой Эвмена II можно считать создание системы управления выросшим территориально государством, продолжение начатой Атталом I активной строительной деятельности в столице царства и превращение ее в один из выдающихся в архитектурном отношении городов. В Пергаме были также созданы условия для развития научного и художественного творчества, в результате чего многие выдающиеся ученые, писатели, скульпторы, художники связали свою судьбу со столицей Атталидов. Определяя главные черты личности этого деятеля, следует признать его огромный дар политика. Пергамский царь сумел значительно увеличить владения не столько военными, сколько дипломатическими усилиями. Своей борьбой с Антиохом III, галатами и другими противниками, а также разного рода благодеяниями он приобрел широкую популярность в греческом мире и значительно укрепил ее строительством знаменитого памятника — алтаря Зевса, введением празднеств Никефорий, используя широкие возможности религиозного товарищества артистов Диониса Ионии и Гелеспонта, культовой коллегии атталистов.

Обладея явными способностями к политической деятельности, Эвмен II очень точно оценил сложившуюся политическую ситуацию и перспективы ее развития. Поэтому он нашел в себе мужество отказаться от женитьбы на дочери могущественного царя Антиоха III и тем самым от союза с этим правителем, дальновидно сохраняя дружбу с Римской республикой. В Риме Эвмен II не только был официальным союзником государства и высокопочитаемым гостем, но и приобрел большое число друзей среди наиболее видных и авторитетных деятелей.

Почему Эвмен II принял решение отвергнуть руку дочери Антиоха III и союз с ним? Превращение в зятя могущественного сирий-

ского царя скорее всего поставило бы Эвмена II в зависимое от тестя положение и не позволило бы осуществлять самостоятельную политику. По этой причине Эвмен II сделал ставку на прочный и долговременный союз с Римом, обладавшим военной мощью и вместе с тем не претендовавшим в то время на территории в Малой Азии.

Еще одну сторону политического таланта Эвмена II раскрыл Полибий: «...имея трех братьев, близко стоявших к нему по возрасту и по способностям к государственной деятельности, он достиг того, что братья покорялись ему, берегли и охраняли достоинство его царской власти, каковое отношение между братьями встречается редко» (XXXII. 32, 8, 6. Пер. Ф. Г. Мищенко). Эвмен II был образованным человеком, умелым оратором. Источники отмечают слабое здоровье пергамского царя, что, впрочем, не мешало ему править в течение почти сорока лет и прожить более шестидесяти лет.

Неизвестно, имел ли Эвмен II к моменту восшествия на престол какой-либо опыт государственной деятельности. Очень вероятно, что он оставался правителем страны в то время, как Аттал I участвовал в Греции во Второй Македонской войне.

Вскоре после прихода к власти Эвмена II война закончилась. Несмотря на весьма скромную роль, которую сыграло Пергамское царство во Второй Македонской войне, это событие принесло ему значительные результаты. Укрепился союз с Римом, с некоторыми государствами Балканской Греции — Афинами, Этолийским союзом, установились отношения с Ахейским союзом. Аттал I и сменивший его Эвмен II закрепили свою власть над островом Эгина и сделали новое территориальное приобретение — овладели островом Андрос. Наконец, важным для Пергама положением мирного договора явилось требование к Филиппу V не воевать с Эвменом II (Liv. XXXIII. 30). В свое время Аттал I намеревался также присоединить к своим владениям и остров Эвбею. Он активно вел военные действия на острове, участвовал во взятии городов Орея, Эгелеонта, Кариста, в осаде Эретрии (Liv. XXXI. 46; XXXII. 16, 17). Но по условиям мирного договора в 196 г. до н. э. полисам Эвбеи была предоставлена свобода, хотя сначала уполномоченные сенатом 10 послов намеревались отдать их Эвмену II (Polyb. XVIII. 47. 10–11; Liv. XXXIII. 34)⁸⁸.

От своего отца Эвмен II унаследовал государство скромных размеров. Под его властью находилась лишь долина реки Каик, области

⁸⁸ Allen R. Op. cit. P. 74. Not. 152.

23. Монета Эвмена II с портретным изображением царя

по берегам Адрамиттийского и Элейского заливов⁸⁹. В первые годы своего царствования Эвмен II принял участие в борьбе Рима, Ахейского союза и ряда греческих полисов с правителем Спарты Набисом. Участие Пергамского государства в этом конфликте является неожиданным в том отношении, что Эвмен II не имел прямых оснований для войны со Спартой, а в самой Малой Азии в это время уже сложилась весьма тревожная обстановка — Антиох III осадил города Смирну, Лампсак и Александрию в Троаде, угрожал Пергаму. Р. Макшейн безосновательно пытается объяснить участие Эвмена II в борьбе с Набисом намерением пергамского царя защитить греческую свободу. Э. Хансен справедливо усматривает в этих действиях Эвмена II стремление упрочить связи с Римом, чтобы в дальнейшем рассчитывать на его помощь в войне с государством Селевкидов, со стороны которого в эти годы возникла угроза⁹⁰.

В конце III — начале II в. до н. э. государство Селевкидов возобновило агрессивную внешнюю политику. Антиох III завершил завоевание ряда земель на Востоке, вернув под власть династии часть Малой Азии, Армению, Мидию; заключив договоры с Парфией, Бактрией, предпринял попытку захватить египетские владения в Восточном Средиземноморье. Весной 197 г. до н. э. Антиох III в третий раз за годы своего правления вступил с армией на территорию Малой Азии. Им были захвачены западные районы полуострова, заняты города Эфес, Абидос, предпринята попытка овладеть Смирной, Лампсаком. Через год сирийская армия, переправившись через Геллеспонт, овладела Херсонесом и некоторыми областями Фракии.

⁸⁹ Hansen E. Op. cit. P. 70.

⁹⁰ McShane R. Op. cit. P. 139; Hansen E. Op. cit. P. 72.

Таким образом, для Пергама сложилась чрезвычайно тревожная ситуация, связанная с опасностью неприятельского вторжения, войной с грозным, хорошо подготовленным противником.

Как известно, активная внешняя политика Антиоха III вызвала в Риме опасения и тревогу, вопрос о войне с сирийским царем послужил в сенате предметом споров и сомнений. Вот почему в течение некоторого времени римляне и Антиох III, надеясь избежать столкновения, вели переговоры⁹¹.

Действия Эвмена II в обстановке угрозы нападения со стороны государства Селевкидов носили весьма энергичный характер и были направлены на вовлечение в конфликт Римской республики. Первая засвидетельствованная источниками попытка правителей Пергамского царства информировать сенат об опасных действиях Антиоха III и использовать помощь Рима в устранении угрозы приходится на 198 г. до н. э. В этот год сирийский царь, пользуясь тем, что часть армии и флота Аттала I находилась в Греции, где участвовала во Второй Македонской войне, предпринял попытку завоевать Пергам. Но вмешательство Рима, потребовавшего от Антиоха III не тревожить союзника, сорвало планы сирийского царя (Liv. XXXII. 8; 27).

В 196 г. до н. э. в Грецию была направлена группа сенаторов для устройства дел после Второй Македонской войны (Liv. XXIII. 30). Именно от них поступила новая информация в Рим об угрозе со стороны Сирии (Liv. XXXIII. 44). Выше уже говорилось, что посланники сената при определении условий мира с Филиппом V заняли в отношении Пергама более благоприятную позицию, чем Т. Квинкий Фламиний, предполагая отдать Эвмену II города Орей и Эретрию (Liv. XXXIII. 34)⁹². Очевидно, в комиссии находились друзья Атта-

⁹¹ О дипломатических контактах Рима и Сирии в этот период см.: *Holleaux M. Recherches sur l'histoire...* P. 1–24; *Badian E. Rome and Antiochus the Great: A Study in Cold War* // Cl. Ph. 1959. Vol. LIV. № 2. P. 81–99.

В зарубежной науке получили широкое распространение теории о нежелании Рима воевать, об оборонительном, превентивном или освободительном характере римской внешней политики конца III — начала II в. до н. э.: *Holleaux M. Rome and Antiochus* // C.A.H. Vol. 8. 1930. P. 156, др.; *Cary M. A History of the Greek World from 323 to 146 B. C.* London, 1932. P. 183, 189, 206; *Errington R. M. The dawn of Empire. Roman's rise to the world power.* Ithaca; New York, 1972. P. 3, 156. См. об этом: *Кащеев В. И.* Некоторые концепции «римского империализма» в англо-американской историографии новейшего времени // Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературоведения и языкознания. Казань, 1981. С. 139–146; *Кащеев В. И.* Эллинистический мир и Рим... М., 1993. С. 46–88.

⁹² Полибий отмечает, что отдать названные города Эвмену II хотело и большинство сенаторов, среди которых, несомненно, были и друзья Аттала I (XVIII. 47, 10–11).

24. Монета Эвмена II с изображением Филетера

ла I, а источником информации относительно сирийской угрозы был встревоженный действиями Антиоха III молодой пергамский царь.

С 197 г. до н. э. к сенату Рима стали обращаться также послы Лампсака и Смирны с жалобами на сирийского правителя, осаждавшего эти города и стремившегося захватить их (Syll.³ 591; Polyb. XVIII. 52, 2; Liv. XXXIII. 38). Из сообщений Полибия известно, что оба города имели давние контакты с Атталидами и при Аттале I во время войны с полководцем Селевкидов Ахеем сохранили верность Пергаму (Polyb. V. 77, 5–6; 78, 6). В этой связи представляется вероятным предположение ряда исследователей о том, что инициатива в организации этих посольств в Рим исходила от Эвмена II.

В течение последующих нескольких лет сирийский монарх укреплял свои позиции в Малой Азии, на Херсонесе и во Фракии. Антиох III уде-

лил большое внимание городу Лисимахия на полуострове Херсонес Фракийский. Этот полис, после того как его покинули по договору с Римом войска македонского царя Филиппа V, был разграблен и разрушен фракийцами. По приказу Антиоха III в 196 г. до н. э. в город были возвращены бежавшие жители; попавшие в плен и превращенные в рабов были выкуплены, а город заново отстроен. Сирийский царь предполагал превратить возвращенный к жизни полис в резиденцию своего сына Селевка (Polyb. XVIII. 51, 7; Liv. XXXIII. 38. 10; 40, 6; 41, 4; App. Syr. 1). В 1894 г. при археологических раскопках в Илионе была найдена мраморная стела с текстом договора⁹³, заключенного между Антиохом III и городом Лисимахия. Царь обязуется сохранить дружбу и союзнические отношения с полисом,

⁹³ Taslikioglu Z., Frisch P. New Inscriptions from the Troad // ZPE. 1975. Bd. 17. H. 2. S. 101–106.

освободить его от налога (фороса), от гарнизона, оказывать военную помощь в случае нападения на город какого-либо врага. В свою очередь, гражданская община приняла на себя обязательства сохранять союз с Антиохом III и сражаться на его стороне в случае войны.

Одновременно Антиох III продолжал дипломатический диалог с Римом. В 193 г. до н. э. сенат направил в Малую Азию для переговоров с Антиохом III П. Сульпиция Гальбу, П. Виллия и П. Элия, которым было приказано предварительно встретиться с Эвменом II. Тит Ливий подчеркивает явное стремление пергамского царя втянуть римлян в войну: «Эвмен желал войны с Антиохом, думая, что такой могущественный царь — опасный сосед во время мира; если же возгорится война, то Антиох будет так же малосилен против римлян, как и Филипп, и он совершенно будет уничтожен, или, если дан будет мир побежденному царю, то ему, Эвмену, достанется многое, что будет отнято у Антиоха, так что потом он легко в состоянии будет защищаться от Антиоха без всякой римской помощи... Поэтому Эвмен старался, по возможности, склонить римлян к войне своим советом и влиянием» (Liv. XXXV. 13. Пер. К. А. Секундова, под ред. П. Адрианова). Встреча заинтересованных сторон произошла в Эфесе. Важным событием ее стали выступления с жалобами на Антиоха III послов греческих городов, которые заранее были приготовлены и научены Эвменом II (*vocari deinde civitatum legationes iussit* (П. Сульпиций Гальба), *preparatas iam ante et instructas ab Eumene* — Liv. XXXV. 17, 1).

Летом 193 г. до н. э., вскоре после того как Антиох III с армией переправился через Геллеспонт на Херсонес, в Рим был направлен брат Эвмена II Аттал с новой информацией о действиях сирийского царя, что способствовало снова распространению тревожных слухов и настроений (Liv. XXXV. 23). В это же время Антиох III попытался породниться с Эвменом II (Polyb. XXI. 20, 8; Liv. XXXVII. 53, 13; App. Syr. 5), но пергамский правитель ответил на предложение отказом, который явно носил демонстративный характер, подчеркивая проримскую ориентацию Пергама. Отказ свидетельствовал также о непримиримой позиции Эвмена II, твердой установке его на войну с Сирией⁹⁴.

⁹⁴ Предложение Антиоха III о заключении союза с Эвменом II путем династического брака по-разному датируется исследователями, например: Б. Ние — 196/195 г. до н. э. (*Niese B. GGMS. Bd. 2. S. 674*), О. Лейце — 192 или 191 гг. до н. э. (*Leuze O. Op. cit. P. 211 f.*). Наиболее предпочтительной представляется датировка Э. Хансен — конец 193 г. до н. э., то есть накануне войны. В пользу этой датировки высказывался и Д. Мейджи (*Hansen E. Op. cit. P. 76–77; Magie D. RRAM. Vol. 2. P. 756. Not. 52*).

Таким образом, все действия Пергамского государства в годы, предшествовавшие войне с Сирией, носили целенаправленный характер и должны были вовлечь Римскую республику в военный конфликт, ибо правитель Пергама не обладал достаточной военной силой для борьбы с Антиохом III. Исследователи обратили внимание на заинтересованность Эвмена II в войне, а Э. Бэдиан, указывая на большую роль пергамской дипломатии в развязывании военного конфликта, отмечал, что именно Эвмен II предотвратил достижение римско-сирийского компромисса⁹⁵.

В 192 г. до н. э. высадкой армии Антиоха III в Балканской Греции была начата война⁹⁶. Сирийский царь, рассчитывая на поддержку этолийцев и других своих союзников, имел незначительную армию — всего 10 тысяч пехоты, 6 слонов и 500 всадников. Надежды Антиоха III на помощь греков не оправдались полностью. Римляне, в свою очередь, основательно подготовились к войне. Их армия, прибывшая в начале 191 г. до н. э. в Грецию, насчитывала 20 тысяч пехотинцев, 2 тысячи всадников и 15 слонов. На стороне Рима против Антиоха III выступили Афины, Ахейский союз, Македония, Родос и, наконец, Эвмен II.

Роль Пергамского царства в этот период борьбы была очень незначительной. Эвмен II направил вспомогательные отряды на защиту городов Халкида, Салганеи (Liv. XXXV. 50–51). Воины, участвовавшие в этих событиях, посвятили позже в Пергаме часть добычи Афине Nikephore, о чем рассказывается в специальной посвященной надписи (IvP. 62 a). Причем, в надписи отмечено, что эти же воины прежде сражались против Набиса. Возможно, это был отряд, который оставался в Греции, может быть, на Эгине, и не возвращался на родину.

Общая численность сухопутных войск Пергамского царства в Греции была невелика. Рассказывая о событиях 192 г. до н. э., Т. Ливий упоминает отряд Эвмена II в 500 человек, оставленный для защиты Халкиды (Liv. XXXV. 39). Исход Балканской кампании был решен весной 191 г. до н. э. битвой, которая произошла в знаменитом Фермопильском проходе. Антиох III потерпел сокруши-

⁹⁵ Badian E. *Foreign Clientela* (264–70 B. C.). Oxford, 1958. P. 77.

⁹⁶ Мы не предлагаем полного изложения событий войны с Антиохом III и описываем только участие в ней Пергама. О войне см.: Маммзен Т. Указ. соч. Т. 1. С. 682–704; Niese B. GGMS. Bd. 2. S. 690–770; Holleaux M. *Rome and Antiochus...* P. 199–240; Frank T. *Roman Imperialism*. New York, 1921. P. 163–186; Cary M. Op. cit. P. 206–213; Magie D. *RRAM*. Vol. 1. P. 17–20; Vol. 2. P. 753–758; Errington R. M. Op. cit. P. 156–183; Scullard H. H. *A History of the Roman World. 753 to 146 B. C.* London; New York, 1980. P. 259–273.

тельное поражение и был вынужден оставить Грецию. Военные действия стали развиваться на море и на территории Малой Азии. Предположение ряда исследователей (К. Мейшке, У. Педроли) относительно участия войск пергамского царя и его самого в битве при Фермопилах не подтверждается источниками и не может быть доказано⁹⁷.

Более значительным явилось участие Пергама в войне на море и в борьбе на территории Малой Азии. Источники, правда, не позволяют составить систематизированное полное описание действий пергамской армии и флота. Соответствующие книги Полибия, как известно, утрачены, а Т. Ливий и другие авторы, конечно же, основное внимание уделяли римским военным силам и о действиях союзников писали кратко. Известно, что на Эвмена II была возложена обязанность обеспечить для армии хлеб (Liv. XXXVII. 37). После победы в морском сражении у Корики Эвмен II вместе с римскими деятелями выполнял важную дипломатическую миссию, призывая к выступлению приморские города Эолиды (Liv. XXXVII. 8; Dio Cass. IX. 20). В данном случае пергамский царь опирался на традиционные связи и контакты с полисами, установленные еще Атталом I. В результате Антиох III вынужден был оставить в Эолиде часть своей армии, чтобы предотвратить переход городов в руки римлян. На зиму 191–190 гг. до н. э. приходится и успешная военная экспедиция, возглавленная Эвменом II. Пергамский царь вместе со своим отрядом в 500 всадников, 2 тысячи пехотинцев и 5 тысячами римских воинов захватил в окрестностях Фиатире огромную добычу (Liv. XXXVII. 8; Dio Cass. IX. 20).

К числу несомненных успехов Эвмена II в данный период войны относится заключение союза с Ахейской лигой и появление в Пергаме подкрепления в тысячу пехотинцев и сотню всадников под командованием известного стратега Диофана (Polyb. XXI. 9, 1–4; Liv. XXXVII. 20, 1; 39, 9). Ахейские воины составляли, видимо, союзный вспомогательный отряд, а не были наемниками Эвмена II. Этот вывод следует из надписи — посвящения участвовавших в войне с Антиохом III ахейцев богине Афине Никефоре (Syll.³ 606). Солдаты Ахейского союза названы в надписи οἱ διαβάντες κατὰ συμμαχίαν πρὸς βασιλέα Εὐμένην (стк. 4–5). Вместе с тем не исключено, что пергамский царь имел и наемников-ахейцев, получив их по договору от союза или на вербовав в городах федерации.

⁹⁷ Meischke K. *Symbolae ad Eumenis II Pergamenorum regis historiam*. Leipzig. 1892; Pedroli U. *Il regno di Pergamo*. Torino, 1896.

В 190 г. до н. э. нападению войск Селевка — сына Антиоха III подверглись город Пергам и главная гавань Атталидов — город Элея. Сирийские войска не смогли захватить города, отчасти благодаря их надежным укреплениям, а также вследствие энергичных действий ахейцев — союзников Эвмена II и самого пергамского царя (Polyb. XXI. 9, 1–4; 10, 1–2; Liv. XXXVII. 20–21; App. Syr. 26). В войне на суше, таким образом, пергамская армия выполняла вспомогательные функции, обеспечивая основные римские силы продовольствием, проводя отдельные военные акции второстепенного значения.

В борьбе на море флот Пергамского государства принимал участие с самого начала войны, но наиболее активной стала его роль после Фермопильского сражения и начала малоазийской кампании. Со стороны Пергамского царства в морской войне участвовало, как сообщают Т. Ливий и Аппиан, около 50 кораблей, из них 24 палубных (App. Syr. 22; Liv. XXXVI. 43). Родос имел 25–27 военных кораблей, флот Рима насчитывал в 191 г. до н. э. при флотоводце Г. Ливии 81 корабль (из них 6 кораблей выставил Карфаген). Ясно, что морские силы союзных государств немногим уступали по численности флоту самого Рима. Одним из наиболее значительных событий морской войны стало сражение у Корика, в котором эскадры Пергамского царства и Рима встретились с флотом Антиоха III (осень 191 г. до н. э.). Корабли Эвмена II нанесли удар по правому флангу армады, а римляне расстроили левый. В результате разбитая флотилия сирийского царя была вынуждена отступить и укрыться от полного разгрома в гавани Эфеса, где была на некоторое время блокирована (Liv. XXXVI. 44–45). Потери Антиоха III были достаточно серьезными, он лишился 23 кораблей, из которых 13 захватили римляне.

Вскоре после этого флот Г. Ливия, в состав которого вошли 7 пентер Эвмена II, направился к Геллеспонту, чтобы подготовить переправу для римской армии и установить власть над городами, находившимися в зоне проливов (Liv. XXXVII. 9). Но из-за поражения родосского флота и ухудшения военной обстановки в Эолиде и Ионии флот вынужден был вернуться. Летом 190 г. до н. э., когда в развитии событий наметился перелом в пользу союзников, Эвмен II был направлен к Геллеспонту, чтобы готовить переправу консульской армии (Liv. XXXVII. 22; 26; 33). Несомненно, успешное преодоление пролива явилось значительным успехом римлян в войне с Сирией. В глазах и древних и современных авторов переход через Геллеспонт стал одним из важных

моментов войны⁹⁸. После этой переправы позиции сирийского царя стали более уязвимыми, а надежды на успех менее основательными. Не случайно после появления римской армии в Малой Азии Антиох III предпринял новую попытку мирного урегулирования конфликта. Автор важнейшего нашего источника Т. Ливий отмечает заслугу Эвмена II в организации переправы (Liv. XXXVII. 33).

Важной стороной отношений союзников были их дипломатические контакты, совместное участие в переговорах с противником, обсуждение ответственных решений. Источники показывают, что в годы Первой и Второй Македонских войн, в борьбе с Набисом, а затем и с Антиохом III римляне не принимали, как правило, важных решений без предварительных консультаций и переговоров с союзниками. Активное участие в обсуждении различных вопросов, связанных с ходом боевых операций, принимал Эвмен II. На основании ряда свидетельств Полибия и Т. Ливия можно полагать, что авторитет пергамского монарха был весьма высоким, и с его мнением римские полководцы всегда считались. В 190 г. до н. э., когда командование флотом Рима принял Л. Эмилий Регилл, на военном совете высказывалось предложение блокировать в гавани Эфеса остатки разбитого в морском сражении флота Антиоха III. Предполагалось осуществить это, затопив у входа в гавань суда с песком. Но Эвмен II выступил против, в результате план действий был изменен (Liv. XXXVII. 14–15). В позиции Эвмена II явно проглядывает надежда на территориальные приобретения в Малой Азии, в частности притязания на город Эфес — один из крупнейших и развитых в экономическом отношении полисов Восточного Средиземноморья. Вскоре после указанного события римский флотоводец двинулся к юго-западному побережью Малой Азии и попытался овладеть путем переговоров городом Иасом. Когда эта попытка сорвалась и римляне решили штурмовать город, иасские изгнанники (противники Антиоха III) обратились к родосцам с просьбой предотвратить штурм. Родосцы, как рассказывает Т. Ливий, пригласили Эвмена II и через него добились от римского полководца нужного решения (Liv. XXXVII. 17). После переправы римской армии в 190 г. до н. э. в Малую Азию Антиох III предпринял новую попытку мирных переговоров. На совет были приглашены царь Эвмен II и родосские стратеги. Родосцы соглашались принять мирные предложения си-

⁹⁸ См., например, оценку военно-стратегического значения проливов, данную М. Олло: *Holleaux M. Rome and Antiochus...* P. 219.

25. Оружие эпохи эллинизма (фрагмент рельефа, украшавшего храм Афины в Пергаме)

рийского монарха, но Эвмен II очень решительно выступал за продолжение войны. Результатом стал срыв мирных переговоров и возобновление военных действий (Polyb. XXI. 10).

Решающим событием войны с Антиохом III явилась битва при Магнезии у горы Сипил⁹⁹. Под командованием сирийского царя находились огромные силы общей численностью в 70–80 тысяч человек,

⁹⁹ Исследователи по-разному датируют сражение. Большая часть ученых относит его к 190 г. до н. э.: Т. Франк — конец 190 г. до н. э.; М. Кэри — осень 190 г. до н. э.; Р. Эррингтон — декабрь 190 г. до н. э.; Т. Моммзен — поздняя осень 190 г. до н. э. (Моммзен Т. Указ. соч. Т. 1. С. 697; Frank T. Op. cit. P. 175; Cary M. Op. cit. P. 211; Errington R. M. Op. cit. P. 178).

Но И. Кромайер и Х. Скаллард допускают январь 189 г. до н. э. (Kromayer J. Antike Schlachtfelder. Bd. 2. Berlin, 1907. S. 163. Not. 2; Scullard H. H. Op. cit. P. 296. Г. Бенгтсон датирует сражение концом 190 — началом 189 г. до н. э. (Bengtson H. Griechische Geschichte. 4. Aufl. München, 1969. S. 481).

в том числе 16 тысяч тяжелой пехоты в составе македонской фаланги, 20 тысяч легкой пехоты, 12 тысяч всадников. Антиох III также использовал в битве 54 слона и серпоносные колесницы. Армия римлян и их союзников значительно уступала по численности сирийской и составляла около 30 тысяч человек. Силы пергамского царя, участвовавшие в сражении, не были велики. Эвмен II командовал правым флангом союзного войска и имел 3 тысячи пехотинцев, из них 1 тысячу составляли ахейцы. Под началом пергамского правителя находилось также около 3 тысяч всадников, из них, по Т. Ливию, только 800 выставил Эвмен II (Liv. XXXVII. 39; App. Syr. 31–32.)¹⁰⁰.

Ярким эпизодом сражения явилось отражение атаки сирийских колесниц, которые должны были нарушить строй союзной армии. По приказу пергамского царя, знакомого с этим родом войск, легковооруженные воины стали расстреливать из луков и забрасывать дротиками возничих и коней, чем и сорвали атаку. После этого Эвмен II успешно нанес удар по левому флангу сирийской армии. Когда же нападением Антиоха III был смят левый фланг союзной армии, Аттал, брат царя, с отрядом всадников совершил рейд с целью выравнять положение. Согласно сведениям Аппиана эта атака не имела большого успеха (App. Syr. 36). Т. Ливий, излагающий ситуацию по-другому, напротив, говорит о том, что Аттал при первом же нападении обратил неприятеля в бегство (Liv. XXXVII. 43). Из двух указанных версий более предпочтительной кажется версия Т. Ливия. Она, очевидно, взята из данных Полибия, более основательных и достоверных.

В дальнейшем, когда ударами римских легионов были смяты наиболее сильные части сирийской армии, в том числе фаланга, в преследовании бежавшего противника большую роль сыграла конница Эвмена II, которая по Т. Ливию, находилась впереди всех конных отрядов (Liv. XXXVII. 43)¹⁰¹.

Антиох III понес тяжелые потери. По словам Т. Ливия, он лишился 50 тысяч воинов убитыми, ранеными и пленными. Римляне поте-

¹⁰⁰ Общую численность собственных войск Эвмена II, участвовавших в битве при Магнесии, Г. Гриффит справедливо определяет цифрой не более 2–3 тыс. воинов. Для такого крупного сражения силы Эвмена II были, конечно, невелики. Видимо, как предполагает Г. Гриффит, другие части пергамской армии несли гарнизонную службу, охраняли коммуникации, выполняли иные вспомогательные военные функции (*Griffith G. T. The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge, 1935. P. 174–175*).

¹⁰¹ Значительный вклад пергамской армии в победу при Магнесии отмечали Б. Низе, М. Кэри, Э. Хансен, Г. Бенгтсон и другие ученые (*Niese B. GGMS. Bd. 2. S. 741–744; Cary M. Op. cit. P. 211–212; Hansen E. Op. cit. P. 86–87; Bengtson H. Op. cit. S. 481–482*).

ряли около 300 пехотинцев и 24 всадника, а Эвмен II — 25 конных воинов (XXXVII. 44)¹⁰².

После сражения Антиох III вновь решил возобновить переговоры о мире и направил к союзникам послов. Наши источники указывают, что посланцы сирийского царя Зевксид и Антипатр встретились прежде всего с Эвменом II и, убедившись в его благожелательном отношении к миру, начали переговоры (Polyb. XXI. 16, 5–6; Liv. XXXVII. 45). После того как условия договора были определены, послы Антиоха III направились в Рим. Так же поступили Эвмен II и родосцы, весьма заинтересованные в достижении наилучших для себя условий мира. Тем временем весной 189 г. до н. э. в Эфес прибыл новый консул Гней Манлий Вульсон, на которого сенатом была возложена задача совершить поход против галатов, чтобы обезопасить от их набегов государство и города Малой Азии¹⁰³. В связи с отсутствием пергамского царя помощь консулу оказывал брат Эвмена II Аттал — будущий царь. Последний присоединился к римской армии, имея под командованием 2 тысячи пехотинцев и 800 всадников (Liv. XXXVIII. 12–13). Армия Манлия Вульсона прошла через ряд областей центральной и южной частей Малой Азии, подчиняя города и захватывая добычу. Галаты усиленно готовились к войне: толистоагии и трокмы укрепились на горе Олимп в Мисии, а тектосаги заняли гору Магаба.

Римляне сначала атаковали кельтов на Олимпе. Штурм укрепленный завершился полным разгромом галатов, более 10 тысяч их погибло, а 40 тысяч попало в плен. По словам Тита Ливия, в этом сражении особо отличился брат царя Аттал (XXXVIII. 23). Римское войско направилось к городу Анкире — центру галатов-тектосагов, а от него — к расположенной рядом горе Магабе. Укрывшиеся за укреплениями кельты были разгромлены, в этот раз более 8 тысяч их погибло, а в руки римлян попала огромная добыча (Liv. XXXVIII. 27; App. Syr. 42). Галаты направили после этого послов к Манлию Вульсону с просьбой о мире. Примечательно, что римский консул отложил обсуждение условий мирного договора с галатами до прибытия царя Эвмена II (Liv. XXXVIII. 37).

Между тем в римском сенате после прибытия Эвмена II, послов Антиоха III, Родоса и других государств прошла серия заседаний, посвященных обсуждению условий мирного договора. Эвмен II, по

¹⁰² Информацию Т. Ливия о потерях принимают как правдоподобную Т. Моммзен (Указ. соч. С. 699) и другие ученые. Ср.: Hansen E. Op. cit. P. 87.

¹⁰³ Mommsen Th. Der Friede mit Antiochos und die Kriegszüge des Cn. Manlius Vulso // Mommsen Th. Römische Forschungen. Berlin. 1879. Bd. 2. S. 511–545.

словам Полибия и Тита Ливия, встретил в Риме и в сенате великолепный прием и получил право первым произнести речь перед сенаторами. После выступлений представителей всех посольств сенат утвердил договор с Антиохом III в самом общем виде, а для конкретного устройства дел в Малой Азии направил комиссию из десяти человек (Polyb. XXI. 24, 6–9; Liv. XXXVII, 55). Полибий рассказывает, что Гн. Манлий Вульсон, узнав о прибытии из Рима пергамского царя и десяти сенаторов, поспешил на соединение с Эвменом и обсудил с ними условия перед окончательным устройством дел в Малой Азии (Polyb. XXI. 42, 9). Летом 188 г. до н. э. в городе Апамея в Малой Азии при участии Гн. Манлия Вульсона, десяти посланников сената, Эвмена II и послов Антиоха III был окончательно утвержден мирный договор (Polyb. XXI. 24, 5–8; 46; Liv. XXXVII. 55–56; XXXVIII. 38; Strab. XIV. 4, 2.)¹⁰⁴. Условия его были весьма жесткими. Антиох III должен был выплатить Риму за 12 лет огромную контрибуцию в 12 тысяч талантов, выдать весь военный флот за исключением палубных кораблей. Сирии запрещалось впредь иметь больше указанного числа кораблей. Флот Антиоха III лишался права появляться западнее мысов Каликадна и Сарпедона. Обе стороны возвращали друг другу пленных. Сирийский царь также отдавал своих боевых слонов и отказывался от их содержания в будущем. В качестве гарантии соблюдения условий договора Антиох III должен был выставить 20 заложников. Эвмену II Антиох III должен был выплатить контрибуцию в 350 талантов за пять лет и еще более 127 талантов в качестве возмещения за хлеб¹⁰⁵. Сирийский царь вынужден был пойти на значительные территориальные уступки: всю Малую Азию севернее гор Тавра и все свои владения в Европе (во Фракии и на Херсонесе Фракийском) он должен был отдать победителям.

Территории, отвоеванные у Антиоха III, делились следующим образом: Эвмен II получил Ликаонию, Мисию, Великую и Геллеспонтскую Фригию, Лидию, Ионию, часть Карию южнее реки Меандр, которая называлась Гидрела. Ему также была отдана часть Ликии и Писидии (Мириада) с городом Телмесом. Этим он приобрел порт

¹⁰⁴ Условия мирного договора в Апамее рассмотрены в работах: *Mommsen Th.* Ibidem; *Viereck P.* Die Festsetzung der Grenze im Frieden des Antiochos // *Klio*. 1909. Bd. 9. S. 371–375; *Cardinali G.* Ancora per confini nella pace di Antioco // *Klio*. 1910. Bd. 10. S. 249–251; *Magie D.* *RRAM*. Vol. 1. P. 19–20; Vol. 2. P. 757–764. Not. 55–56; *McShane R.* Op. cit. P. 150–151; *McDonald A. H.* The Treaty of Apamea (188 B. C.) // *JRS*. 1967. Vol. 57. P. 1–8; *McDonald A. H., Walbank F. W.* The Treaty of Apamea (188 B. C.): the Naval Clauses // *JRS*. 1969. Vol. 59. P. 30–39; *Hansen E.* Op. cit. P. 92–96; *Koehn Cl.* *Krieg*... S. 205–213.

¹⁰⁵ Данное условие договора неясно.

на южном побережье Малой Азии. Кроме того, Пергамское государство получило и европейские владения Антиоха — Херсонес, Лисимахию и небольшие города по берегу Пропонтиды. Через два года после Апамейского договора Эвмену II удалось получить разрешение Рима еще на присоединение северной части Памфилии.

Родос, другой важный союзник Рима, получил Карию южнее реки Меандр и Ликию (Polyb. XXI. 24, 6–9; 43; 46; Liv. XXXVII. 55–56; XXXVIII. 39, 7–17; Diod. XXIX. 11; Strab. XIV. 3, 4; App. Syr. 44).

После Апамейского мира в состав Пергамского государства вошло большое количество греческих полисов, урегулирование отношений с которыми стало важной задачей центральной власти. Римлянами при устройстве дел в Малой Азии был определен статус греческих городов. Довольно большая группа полисов была признана Римом свободной. К их числу относились в Троаде — Александрия, Илион, Дардан, в Эолиде — Эги, Кима, Фокея, в Ионии — Смирна, Клазомены, Эритры, Милет, Миласа, Магнесия на Меандре, Гераклея у Латма, острова Самос, Хиос, Кос, Лесбос, Тенедос и другие¹⁰⁶. Особенностью положения данной группы городов являлась их политическая независимость от монархии. Хотя некоторые из полисов поддерживали связи с Атталидами (например Кизик), это не была зависимость от монархии, а, скорее, пропергамская ориентация, что не мешало городам сохранять свободу во внутренних делах и известную самостоятельность во внешних. Об абсолютной независимости от царской власти даже этой категории городов говорить не приходится; многи-

¹⁰⁶ Вопрос о статусе городов после Апамейского мира подробно рассмотрен в работах: Bickerman E. Notes sur Polybe. I. La status des villes d'Asie apres la paix d'Apamee // REG. 1937. T. 50. P. 217–239 (особенно P. 235–239); Magie D. RRAM. Vol. 2. P. 958–959; Hansen E. Op. cit. P. 95–96, 169–172; Allen R. Op. cit. P. 133–135. См. также приложения № 3 и 4. К числу свободных городов Д. Мейджи добавил Книд. Он также высказал предположение, что свободными были объявлены Питана, Эрес и Баргилия. Утверждение Э. Бикермана о том, что Лебед, Темн и Теос были отданы Атталидам, Д. Мейджи отверг. О свободном статусе Темна, по мнению Д. Мейджи, свидетельствуют упоминание о послах, которых направил город (RC. 46), и традиционная форма и содержание постановления в честь гражданина Сард (Keil–Premierstein. I. S. 96. № 202). Отметим, что ни тот, ни другой аргументы Д. Мейджи не являются убедительными. Известно, что в царстве Атталидов послов направляли даже те города, которые были подвластны царям и платили дань (RC. 54), а постановления по поводу предоставления кому-либо гражданского статуса, принятые в управляемых царскими должностными лицами Пергаме или острове Эгина, не отличаются по форме от декретов свободных полисов (OGIS. 338, 329). Вместе с тем Прусий II не случайно в 156 г. до н. э. во время войны с Атталом II разграбил и сжег храм Аполлона в Темне, рассматривая, очевидно, территорию этого города как владения своего врага Атталы II (Polyb. XXXII. 15, 12). Свое отрицание вывода Э. Бикермана о подвассном положении Теоса и Лебеда Д. Мейджи тоже не подтвердил убедительными аргументами.

ми нитями экономических, политических, религиозных контактов эти полисы были связаны с монархией и хотя не в прямой и открытой форме, все-таки испытывали ее влияние. Составили этот разряд в основном старые греческие приморские полисы Малой Азии.

Все остальные города были отданы под власть Атталидов. При этом те из них, которые платили прежде дань пергамским царям и были им подчинены, сохраняли прежнее положение. Из городов, принадлежавших ранее Антиоху III, освобождались от налогов те, которые в войне приняли сторону Рима и Пергамского государства, а сохранившие верность сирийскому царю должны были платить дань Эвмену II (Polyb. XXI. 46, 2–3; Liv. XXXVIII. 39, 7–12). К числу подвластных Атталидам были отнесены полисы: Эгина, Андрос, Апамея, Амлада, Темн, Теос, Траллы, Фиатира, Аполлония на Риндаке, Приап, Эфес, Телмесс, Магнесия у горы Сипил, Скеписис, Абидос, Асс, Гаргара, Антандр, Адрамиттий, Питана, может быть, Лебед, Колофон и другие.

Таким образом, результатом участия в борьбе с Сирией для Пергама стало значительное увеличение территории, превращение царства Атталидов в одно из влиятельных государств Восточного Средиземноморья. Исследователи эллинистической и римской истории проявили большой интерес к этому явлению. Причем в науке стало чрезвычайно популярным идущее от ученых XIX в., в частности от Т. Моммзена, справедливое в своей основе, но выраженное предельно категорично мнение о том, что лишь римские beneficia и опека сделали Пергамское государство значительной силой¹⁰⁷. Другая точка зрения, высказанная много позже, наиболее отчетливо сформулирована в книге Р. Макшейна, изучавшего внешнюю политику Атталидов. Американский исследователь, руководствуясь, очевидно, стремлением преодолеть влияние традиционной концепции, объявил Пергам центром антисирийского союза и главной силой в разгроме Антиоха III. Р. Макшейн считал также династию Атталидов гегемоном панэллинской борьбы против экспансии сирийского царя, угрожавшего свободе греческих городов¹⁰⁸.

Отвергая мнение Р. Макшейна как недопустимую крайность и считая основной силой в борьбе против Антиоха III Римскую респуб-

¹⁰⁷ Моммзен Т. Указ. соч. Т. 1. С. 704; Frank T. Op. cit. P. 183, 186; Badian E. Roman Imperialism... P. 2; Errington R. M. Op. cit. P. 183; Scullard H. H. Op. cit. P. 272–273. Близкими были взгляды М. Кэри (Cary M. Op. cit. P. 213).

¹⁰⁸ McShane R. Op. cit. P. 147. Р. Макшейну вообще свойственно преувеличение роли Пергамского царства, стремление к произвольным построениям. Видимо, на этом основании Г. Бенгтсон охарактеризовал его работу как «не представляющую значения» (Bengtson H. Op. cit. P. 401).

лику, мы вместе с тем убеждены, что роль Пергамского царства — союзника Рима в войне была более значительной, а главное — более самостоятельной, чем это принято считать. Пергамское царство, проводя в конце III — начале II в. до н. э. независимую внешнюю политику, основу которой составляла ориентация на Рим, было в высшей степени заинтересовано в разгроме Сирии, активно способствовало вступлению Римской республики в назревающий конфликт. Пергамское царство приняло участие в военных действиях и, наконец, извлекло большие выгоды из победы, увеличив собственную территорию, получив под власть многочисленные греческие города Малой Азии.

Ряд фактов, сообщаемых нашими источниками, свидетельствует о том, что Эвмен II и Родос рассчитывали на территориальные приобретения в результате войны. В своих выступлениях в сенате пергамский царь и родосские послы совершенно откровенно высказывали мысль о территориальном разделе Малой Азии и выражали претензии на часть прежних владений Селевкидов (Polyb. XXI. 19–21; Liv. XXXVII. 52–54). Т. Ливий дважды отмечал, что Эвмен II, содействуя развязыванию войны, рассчитывал приобрести новые земли в результате победы (Liv. XXXV. 13, 7; 17, 1). В этой связи понятен и смысл выступления пергамского правителя на военном совете против затопления судов с песком у входа в гавань Эфеса (Liv. XXXVII. 15), что привело бы к уничтожению одного из крупнейших портов Малой Азии. Решительный настрой пергамского царя на войну, отказ от каких-либо договоров или компромиссов с Антиохом III до полной победы над ним тоже говорит о твердой надежде Эвмена II извлечь выгоды из разгрома соседнего государства. Можно полагать, что римский сенат, утверждая условия мирного договора и санкционируя раздел большей части Малой Азии между своими союзниками, признавал тем самым их фактическое влияние и заметную роль в достижении победы.

Одним из важных последствий Апамейского мира 188 г. до н. э. стало установление дружественных отношений Эвмена II с царем Каппадокии Ариаратом IV. Этот выгодный обеим сторонам союз был скреплен браком Эвмена II с каппадокийской царевной Стратоникой. Неясно, правда, кому принадлежала инициатива заключения брака. По мнению Р. Макшейна и Э. Вилля, — Эвмену II, по мнению Р. Аллена, — Ариарату IV. Источники не вносят определенности по этому поводу¹⁰⁹.

В последующие годы пергамский царь вел в Малой Азии весьма активную внешнюю политику с целью упрочить власть над новыми

¹⁰⁹ McShane R. Op. cit. P. 173; Will Ed. Histoire politique du monde hellénistique. T. 2. Nancy, 1967. P. 193; Allen R. Op. cit. P. 200. Not. 4.

территориями, ослабить соседние государства и закрепить за собой положение регионального лидера. Первым событием в этом в ряду стала война с Вифинией из-за пограничных частей Мисии и Фригии. Эти области римляне в 190 г. до н. э. пообещали Прусию I, но в 188 г. до н. э. отдали Эвмену II. Вскоре после этого царь усилившегося Вифинского царства захватил города Тиос и Киер, а также спорные пограничные области и не желал отдать их Пергаму. В результате, очевидно в 186–183 гг. до н. э., произошла война Пергамского царства с Вифинией. Фактически это было не просто столкновение двух старых соперников, но региональный конфликт, в котором приняли участие две коалиции. Прусий I весьма основательно подготовился к конфликту: известно, что он заручился поддержкой вождя галатов Ортиагона, царя Македонии Филиппа V и понтийского царя Фарнака I (Polyb. XXXIX. 1, 4; 3, 1; Liv. XXXIX. 46, 9; Trog. Proleg. 32). В свою очередь, традиционная филэллинская политика Эвмена II принесла свои плоды в виде помощи, которую пергамский царь получил от города Кизик. Возможно, в числе участников антивифинской коалиции был также город Гераклея, страдавший от вифинской агрессии. Ход военных действий неизвестен, но эпиграфические источники сообщают о некоторых победах Пергама.

Армия Эвмена II вступила на землю Вифинии, нанесла поражение войскам Прусия, в состав которых входили галаты и отряд македонян, присланный Филиппом V (IvP. 65; OGIS. 298). И на море борьба проходила успешно для Пергама, пока знаменитый Ганнибал, возглавлявший армию Вифинии, не одержал победу над флотом Эвмена II. Корнелий Непот рассказывает о том, что знаменитый полководец применил в сражении хитрость. По его приказу перед морской битвой глиняные сосуды были заполнены ядовитыми змеями, а затем, во время сражения, с помощью метательных машин эти необычайные снаряды были брошены на палубы кораблей Эвмена II. Разбиваясь при ударе о палубу, сосуды освобождали змей, которые, расползаясь по кораблю, приводили в ужас воинов и моряков пергамского царя (Nepos. Hannib. X. 4; XI. 7)¹¹⁰.

¹¹⁰ Габелко О. Л. История... С. 272–291; Niese B. GGMS. Bd. 3. S. 70–73; Habicht Ctr. Über die Kriege zwischen Pergamon und Bithynien // Hermes. 1956. Bd. 84. H. 1. S. 80–100; McShane R. Op. cit. P. 159–160; Hoop J. Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. München, 1977. S. 41–44. Хр. Хабихт датирует начало войны временем ок. 187 г. до н. э. (Habicht Chr. Seleucids and their rivals // CAH. Vol. 8. 1989. P. 325–326).

О положении города Тиоса см.: Ruge W. Tieon // RE. 2 reihe. 1936. Hbhd. 11. Sp. 860; Jones A. H. M. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1971. P. 152; Op. cit. P. 95. По мнению Д. Мейджи и С. Ю. Сапрыкина, Тиос по-прежнему принадлежал в это вре-

В конце концов Эвмен II и Прусий I апеллировали к Риму. Пергамского царя, к этому, видимо, подвигнул затяжной характер конфликта, а царя Вифинии — его военные неудачи. Римский сенат решил спор в пользу Пергама. В итоге Эвмен II присоединил к своим владениям не только спорную область Мисии и Фригии, но и значительную часть Вифинии, а также город Тиос, что давало выход к Мраморному морю. К числу важнейших результатов войны следует отнести также установление власти Эвмена II над Галатией.

Возможно, в конце войны с Прусием I или сразу после ее завершения в 183 г. до н. э. Эвмен II заключил военный договор с городами Крита — Гортиной, Кноссом, Фестом, Маллой, Аполлонией и многими другими (всего в документе упоминается 31 город), — который давал ему возможность набирать наемников, укреплять армию и продолжать активную политику в Малой Азии (Syll.³ 627)¹¹¹. Можно предполагать, что неустойчивая международная обстановка в Малой Азии и враждебные отношения с соседними государствами — Вифинией и Понтийским царством ставили перед Эвменом II задачу готовиться к новым войнам и искать новых союзников.

Вскоре после победы над Вифинией Эвмен II принял участие в войне (183–179 гг. до н. э.) с Фарнаком I, царем Понта. Царь Понтийского государства стремился играть более значительную политическую роль в Малой Азии, претендовал на ряд территорий — на некоторые области Фригии, отошедшие под власть Эвмена II, на Каппадокию. Вероятно, возникновению конфликта способствовало также усиление Пергамского царства и его быстрый территориальный рост, что тревожило амбициозного понтийского царя¹¹². Данный конфликт также приобрел характер столкновения двух коалиций. Война продолжалась четыре года и велась за пограничные области Малой Азии. Понтийское царство, усилившееся в III в. до н. э., стремилось расширить влияние на соседние греческие города, играть активную роль в политической жизни Малой Азии и Причерноморья. Фарнак I захватил греческий город Синопу, затем напал на владения

мая Вифинии (Сапрыкин С. Ю. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1979. № 3. С. 50; он же. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 187. Примеч. 74; Magie D. RRAM. Vol. 2. P. 760. Not. 56.

¹¹¹ Allen R. E. Op. cit. P. 209. N 3; Dunst G. Die Bestimmungen des Vertrages zwischen Eumenes II und den Kretischen Städten von Jahre 183 v. Chr. // Philologus. 1956. Bd. 100. H. 2. S. 305–311.

¹¹² Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 70–77; Габелко О. Л. История... С. 298–302; Habicht Chr. Seleucids... S. 328–329.

Ариарата IV, царя Каппадокии. Эвмен II, обеспокоенный усилением Понтийского царства, союзом Фарнака I с галатами, направил посольство в Рим с просьбой обуздать понтийского царя. Но первая римская дипломатическая миссия не имела положительного результата. В ответ на повторную просьбу Эвмена II и Ариарата IV сенат направил вторую комиссию для выяснения ситуации на месте. Ободренный выжидательной позицией сената, Фарнак I захватил город Тиос. Эвмен II, продолжая успешную борьбу с Фарнаком и галатами, направил третье посольство в Рим во главе со своим братом Атталом, но сенат опять ограничился решением послать новую комиссию для прекращения войны. Убедившись в нежелании Рима пресечь активность Фарнака I, Эвмен II предпринял решительные действия против Понтийского государства и его союзников. На стороне Пергама против Фарнака выступили Вифинское и Каппадокийское царства, династия южной Пафлагонии Морций и галлы, изменившие Фарнаку I. Римское посольство, прибывшее в момент успешного наступления Эвмена II, предложило прекратить войну и отвести войска из завоеванной страны. Не надеясь на успех новой дипломатической миссии, пергамский царь, отступив, увеличил в два раза численность своей армии. Переговоры действительно опять не имели результата. Тогда союзники нанесли армии Фарнака I тяжелое поражение. В 179 г. до н. э. понтийский царь был вынужден согласиться на мирные условия, которые ему были продиктованы. Фарнак I обязывался не вторгаться в Галатию и расторгнуть все договоры с галатами, вернуть город Тиос, освободить Пафлагонию. Фарнак I уплачивал союзникам контрибуцию в 900 талантов, а Эвмену II в счет военных расходов — 300 талантов. Кроме того, в мирный договор были включены условия в пользу Ариарата Каппадокийского: союзник Фарнака I — царь Малой Армении Митридат должен был уплатить каппадокийскому царю 300 талантов (Polyb. XXIII. 9; XXIV. 1, 5; 14; Liv. LX. 2, 20.)¹¹³.

Победа Пергама и его союзников над Понтийским царством имела немалое значение. Была упрочена власть Атталидов над территориями, полученными от Рима, стабилизировалось положение в Малой Азии. Очевидно, руководствуясь стремлением положить конец вражде Пергама с Вифинией и упрочить сложившийся в ходе борьбы с Фарнаком I союз, Эвмен II отдал город Тиос Прусию II. Воз-

¹¹³ Молев Е. А. Митридат Эвпатор: создание Черноморской державы. Саратов, 1976. С. 8–12; Сапрыкин С. Ю. Гераклея, Херсонес... С. 43, 49–52; он же. Гераклея Понтийская... С. 186–190; он же. Понтийское царство... М., 1996. С. 76–77; Niese B. GGMS. Bd. 3. S. 74–78; McShane R. Op. cit. P. 161–163; Hansen E. Op. cit. P. 101–104; Hopp J. Untersuchungen... S. 44–48.

можно, этот ход пергамского царя был продиктован некоторым охлаждением во взаимоотношениях Пергама с Римом и выжидательной политикой Рима в ходе борьбы коалиции малоазийских государств с Фарнаком I.

Вероятно, определенную роль могли сыграть следующие политические соображения Эвмена II: город Тиос был предметом претензий со стороны Вифинии и Понтийского царства, поэтому сохранение власти над ним требовало постоянного значительного военного присутствия и всегда грозило Пергаму новым военным конфликтом. В этой ситуации Эвмен II и совершил свой жест доброй воли, полагая не только улучшить отношения с извечным своим противником — Вифинией, но при этом перевести на него угрозу со стороны Понтийского царства.

Условия мирного договора показывают большое влияние Эвмена II на положение в Малой Азии. Фактически созданием коалиции, победой над Фарнаком I и условиями мирного договора пергамский царь выразил претензию на роль регионального лидера, определяющего систему международных отношений на полуострове.

Позиция римского сената в данных событиях нуждается в объяснении. Многие специалисты сходятся в мысли, что политика Пергама и Родоса после Апамейского мира 188 г. до н. э. носила самостоятельный характер и не была связана лишь с римскими интересами, а усиление двух этих государств ограничивало развитие римской политики на Востоке¹¹⁴. Далеко не все римские политические деятели приветствовали возвышение Пергама и Родоса после войны с Антиохом III и после разгрома галатов в Малой Азии. По словам Тита Ливия, консула Гнея Манлия Вульсона, возглавившего поход в 189 г. до н. э. против кельтов, упрекали в том, что «наемный консул последовал с римским войском туда, куда повернет свое войско Аттал, брат Эвмена» (XXXVIII. 45). Братья Публий и Луций Корнелии Сципионы, сыгравшие значительную роль в войне с Антиохом III, в 187 г. до н. э. были привлечены к суду по ряду обвинений, в том числе в вину им были поставлены мягкие условия мира, недостаточно выгодные Риму.

Несмотря на напряженные события в Малой Азии, Эвмен II даже во время войн не прекращал своей активной дипломатической дея-

¹¹⁴ Колобова К. М. Аттал III и его завещание // Древний мир: Сб. статей. М., 1962. С. 546–547; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 189; он же. Понтийское царство... С. 76; McShane R. Op. cit. P. 187–188; Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy in the East. London, 1984. P. 27–29.

тельности в греческом мире и продолжал развивать отношения с влиятельными полисами. С целью прославления собственных побед и достижений, поддержания высокого международного престижа царства Эвмен II основал в Пергаме в 182 г. до н. э. религиозные празднества Никефории в честь богини Афины Никефоры. Для придания им общегреческого характера Эвмен II направил в города Греции и Малой Азии посольства из авторитетных и надежных людей с призывом признать празднества.

Важное место в дипломатии Эвмена II принадлежало Афинам, с которыми дружественные отношения установил еще Аттал I. Эвмен II во время военных кампаний в Греции неоднократно посещал город. Известно также, что в Афинах в каталогах Великих Панафиней 178 г. до н. э. в списки победителей в разных видах состязаний колесниц включены имена Эвмена II и трех его братьев (IG. II². 2314. Стк. 84–91)¹¹⁵. Так как празднества имели международный характер, привлекали послов из многих эллинистических царств и из греческих государств, победа в состязаниях имела определенное дипломатическое значение, становилась средством поддержания международного авторитета государства и лично царя.

Через несколько лет после окончания войны с Фарнаком I, в 175 г. до н. э., Эвмен II добился значительного дипломатического успеха: он способствовал утверждению на троне Селевкидов Антиоха IV, заложив тем самым основу для дружественных отношений с Сирией и разрушив внушавший Пергаму опасения союз Македонии и Сирии (App. Syr. 45; IvP. 160). Полибий при описании военного смотра в Дафне упоминает среди воинов Антиоха IV мисийцев — 5 тысяч человек (Polyb. XXX. 25, 3). Поскольку вся Мисия в это время находилась под властью Эвмена II, возникает соблазн предположить, что воинов сирийскому царю предоставил правитель Пергама или, что более вероятно, он разрешил Антиоху IV набрать наемников среди мисийцев.

Участие Эвмена II на стороне Рима в Первой и Второй Македонских войнах и присоединение к территории царства Атталидов Херсонеса Фракийского в результате победы над Антиохом III вызвало обострение отношений Пергамского царства с Македонией. Македонские цари Филипп V, а с 179 г. до н. э. Персей предпринимали ряд действий с целью восстановить могущество своего царства. Филипп V захватил города Энос и Маронею, которые в 189 г. до н. э.

¹¹⁵ О процедуре празднования и его значении, в том числе дипломатическом, см. подробнее: *Хабихт Хр.* Афины... С. 236–237.

были объявлены Римом свободными. Во время войны Пергама с Вифинией на стороне Пруссия I сражался македонский отряд. Персей стремился усилить позиции своего государства в Греции и в соответствии с этой задачей развил активную военную и дипломатическую деятельность. Эвмен II, усиленно противодействуя новому возвышению Македонии, старался обострить отношения Македонии с Римом, регулярно информировал сенат о военных приготовлениях Персея. В 172 г. до н. э. Эвмен II совершил вторую за время своего правления поездку в Рим. Как и прежде, он был принят с почестями и выслушан с вниманием (Liv. XLII. 11–14). Главная цель его выступления перед сенатом заключалась в том, чтобы подчеркнуть нарастающую со стороны Македонии угрозу.

Ответом Персея на подобную активность пергамского царя стало покушение на Эвмена II, которое едва не закончилось гибелью последнего. Македонский царь организовал нападение в городе Дельфы, который Эвмен II посетил при возвращении на родину. Четыре доверенных лица Персея — критянин Эвандр и три македонянина с помощью влиятельной в Дельфах женщины Праксо тщательно продумали и умело осуществили операцию. Нападение на Эвмена II состоялось, когда он в сопровождении свиты поднимался по узкой дороге к святилищу. Внезапно вырвавшиеся из укрытия убийцы сумели тяжело ранить пергамского царя, сами же, бросившись бежать, спаслись от погони. Тяжелораненого Эвмена II перевезли на Эгину, где он в течение некоторого времени лечился. Между тем распространился и дошел до Рима и Пергама слух о смерти Эвмена II. Брат царя Аттал решительно взял в свои руки власть и женился на царице Стратонике. При пергамском дворе сложилась, таким образом, весьма необычная ситуация: два брата одновременно носили царский титул и были женаты на одной царице. К счастью для страны, Эвмен II, вернувшись домой, воспринял возникшее положение с пониманием и даже с юмором, а у Аттала оказалось достаточно мудрости, чтобы добровольно сложить власть и подчиниться брату (Liv. XLII. 15–16; 18).

Интересный рассказ об описанных событиях оставил Плутарх: «Эвмен, подвергшийся коварному нападению Персея, считался погибшим; и когда весть об этом достигла Пергама, то брат его Аттал увенчал себя диадемой, взял за себя жену брата и сделался царем сам. Узнав, однако, что брат его жив и возвращается, он вышел к нему навстречу, как обычно, окруженный телохранителями и с копьем в руке. Эвмен приветливо обласкал его, а на ухо ему шепнул: “Не рвись жениться, не увидев мертвого!” И с тех пор до конца жизни

он ни словом, ни делом не высказал ни малейшего недоверия брату, а умирая, передал ему и жену и царство» (Plut. Moral. 184 а, в. Пер. М. Л. Гаспарова)¹¹⁶.

Воцарение Аттала в той ситуации было вполне естественным: Эвмен II еще не имел собственных детей, а среди братьев царя Аттал был старшим и, главное, весьма опытным в государственных и военных делах. Женитьбу Аттала на Стратонике следует рассматривать как акт, который придавал его власти дополнительное законное основание. С подобной же целью в Египте женился на Клеопатре II Птолемей VII после смерти Птолемея VI и в Сирии Антиох VII — после смерти своего предшественника и брата Деметрия II на его вдове Клеопатре Тее.

В Риме известие о спасении Эвмена II было воспринято с радостью, и сенат направил в Малую Азию послов с поздравлением по этому случаю. Военные приготовления и дипломатическая активность Персея, а также покушение на Эвмена II послужили для Рима поводом к началу Третьей Македонской войны (171–168 гг. до н. э.).

Весной 171 г. до н. э. Эвмен II прибыл в Грецию, имея 6 тысяч пехотинцев и 1 тысячу всадников. Но в первые два года войны боевые действия проходили неудачно для римлян и их союзников. Римские командующие допускали грубые военные ошибки, облагали союзные или отвоеванные у Персея города данью, продавали население в рабство, ответственность же за поражения возлагали на плечи союзников — Этолийского союза и Пергамского царства.

В 169 г. до н. э. римской армии удалось прорваться через Темпейское ущелье, открыв тем самым путь в Македонию. Но действия союзного флота, в составе которого было 20 пергамских кораблей, по-прежнему результата не имели: неудачей окончились попытки захватить города Деметриаду, Иолк, Кассандрию.

В разгар войны произошло значительное ухудшение отношений между Римом и его главным союзником — Пергамским царством. Причиной послужило превращение царства Атталидов в одно из могущественных государств греческого мира и фактически самостоятельная, осуществлявшаяся в собственных интересах, внешняя политика Эвмена II. Первые явные симптомы изменения римского курса в отношении Пергамского царства проявились вскоре после Апамейского мира 188 г. до н. э., во время войны с Фарнаком I — царем Понта. В годы Третьей Македонской войны дело едва не завер-

¹¹⁶ Произнесенные Эвменом II слова — это, как полагают, цитата из неизвестной трагедии Софокла (Гаспаров М. Л. Примечания // ВДИ. 1980. № 4. С. 247).

шилось разрывом отношений между Римом и Пергамом. Поводом для изменения внешнеполитического курса Рима по отношению к Пергамскому царству стала тайная переписка и переговоры Эвмена II с Персеем. Полибий и Тит Ливий сообщают о том, что Персей тайно направил к царю Пергама послов с предложением не участвовать в войне и с просьбой помочь ему в заключении мира, обещая уплатить за это значительную денежную сумму. Стороны не достигли в конечном счете договоренности, но слухи о переговорах дошли до римлян и вызвали подозрительное отношение к Эвмену II (Polyb. XXIX. 4–9; Liv. XLIV. 13; 24–25; 27; App. Mac. 18, 1–2; Diod. 31. 7, 2.).

Некоторые ученые сомневаются в достоверности информации о тайных переговорах между Персеем и Эвменом II¹¹⁷. По нашему мнению, сообщение Полибия и Тита Ливия достоверно и отражает вполне реальный факт. Заинтересованность Персея в нейтральной позиции Пергамского царства во время войны, а также в достижении мира очевидна. В отношении позиции Эвмена II можно предположить следующее. Союзные отношения между Римом и Пергамом строились на основе объединения против каких-либо третьих сил — Сирии и Македонии. Полное уничтожение Македонии лишало римлян необходимости в союзе с Эвменом II. Поэтому царь Пергама и вознамерился содействовать заключению мира Рима с Македонией, чтобы сохранить внешнеполитическую ситуацию, принесшую ему так много успеха прежде.

Так или иначе, отношение Рима к Эвмену II стало решительно меняться. Тем не менее после срыва переговоров пергамский царь продолжил активное участие в войне и направил к берегам Греции в 168 г. до н. э. 35 специальных транспортных кораблей, на которых находилось не менее 1 тысячи воинов из галатов. Но караван из Малой Азии был перехвачен македонскими кораблями и разгромлен. 800 воинов Эвмена II при этом погибло, а 200 попало в плен (Liv. XLIV. 28). Несмотря на катастрофу, отряд пергамских войск во главе с братом царя Атталом все-таки принял участие в заключительном сражении — битве при Пидне в 168 г. до н. э. Участие в Третьей Македонской войне не дало Пергаму ни добычи, ни новых территорий. Наоборот, произошло ухудшение положения государства Атталидов в системе международных отношений, чем сразу же воспользовались галаты.

¹¹⁷ Ковалев С. И. История Рима. Л., 1986. С. 279; Моммзен Т. История Рима... С. 729–730; McShane R. Op. cit. P. 181–182; Cary M. Op. cit. P. 220; Кацеев В. И. Эллинистический мир... С. 236, 237. Примеч. 123.

В 168 г. до н. э. незадолго до окончания войны с Македонией, когда значительные военные силы Пергама еще находились в Греции, галаты напали на некоторые греческие города и разбили посланный против них отряд Эвмена. Возможно, в это время или вскоре произошло выступление против власти царей Пергама городов Амлада и Селге в Писидии (RC. 54)¹¹⁸.

В Рим был направлен Аттал с просьбой к сенату вмешаться и оказать помощь в урегулировании отношений между воюющими сторонами. Но римское посольство, направленное к галатам, фактически поощрило их к продолжению борьбы с Пергамом. Понимая, что на помощь Рима рассчитывать бесполезно, Эвмен II набрал дополнительные отряды наемников, получил поддержку из Каппадокии и Сирии и разбил галатов (IvP. 165; Polyb. XXIX. 22; XXX. 1–3; Liv. XLV. 19; 20; 34). Именно в это тревожное время пергамский царь получил новые свидетельства недоброжелательности и даже враждебности римских политиков. Во время визита Аттала в Рим некоторые сенаторы побуждали его просить о разделе владений с братом, намереваясь тем самым ослабить Пергамское царство. Эвмен II сумел избежать такой опасности, направив в Рим своего приближенного врача Стратия, который в ходе бесед с Атталом убедил его не просить для себя у сената царской власти (Polyb. XXX. 1–2; Liv. XLV. 19–20).

Поскольку просьбы Аттала к сенату о поддержке в борьбе с галатами не были восприняты, Эвмен II решил зимой 167/166 г. до н. э.

27. Умирующий галл

¹¹⁸ Kosmetatou E. Pisidia and the Hellenistic Kings from 323 to 133 B. C. // *Ancient Society*. 1997. Vol. 28. P. 25–26.

26. Галл, убивающий себя и жену

совершить поездку в Рим. Сенат, оказавшись перед лицом необходимости либо действительно помочь своему традиционному союзнику, либо порвать с ним отношения, избрал третий путь: срочно было принято постановление, запрещающее царям приезжать в Рим. Эвмена II, прибывшего в порт Брундизий, встретил римский квестор, который передал царю волю сената (Polyb. XXX. 19).

Еще одно проявление враждебности заключалось в том, что сенат перед прибытием Эвмена II милостиво и приветливо принял его постоянного недруга — царя Вифинии Прусия II (Polyb. XXX. 18; Liv. XLV. 44.). Наконец, военные успехи Пергама в войне с галатами были сведены на нет постановлением римского сената: в 166 г. до н. э. по ходатайству послов от галатов Рим принял решение о независимости области галатов от власти пергамского царя

(Polyb. XXX. 28, 30). Несмотря на активное противодействие Рима, Эвмен II в последующие годы правления все-таки стремился сохранить свое влияние в Галатии. Об этом свидетельствует переписка Атталидов с Аттисом — верховным жрецом Пессинунта — могущественной храмовой общины в центре Малой Азии. Атталиды снабжали войска храма-государства продовольствием, оказывали дипломатическую поддержку в его борьбе с галатами (RC. 55–61)¹¹⁹.

Последние годы правления Эвмена II были омрачены новыми трудностями и неудачами. Активную антипергамскую деятельность развернул царь Вифинии Прусий II, настраивавший против Эвмена II римлян и некоторые города и народы Малой Азии. Опасения Рима вызывали дружественные отношения Пергамского государства с сирийским царем Антиохом IV. Относившиеся с подозрением к Пергамскому царству римские политики решились на беспрецедент-

¹¹⁹ *Периханян А. Г.* Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959. С. 43–44; *Niese B.* GGMS. Bd. 3. S. 119; *Hopp J.* Untersuchungen... S. 51–53, 68–70.

ный шаг: в Малую Азию были направлены послы, один из которых — Г. Сульпиций Галл, разместившись в городе Сарды, призвал на встречу представителей важнейших полисов Малой Азии и выслушивал жалобы на Эвмена II (Polyb. XXXI. 6, 2–5). Отношения союзников достигли критической точки, и только сдержанность пергамского царя, заинтересованного в дружбе с Римом, предотвратила серьезное развитие конфликта.

Были ли основания у римлян для опасения в отношении Пергамского царства? Несомненно, нет. Эвмен II никакими действиями не изменил традиционно проводившемуся проримскому политическому курсу. Сложившийся союз пергамского царя с правителем Сирии Антиохом IV не носил антиримской направленности, он лишь укреплял положение государства Атталидов на Востоке. О действительной причине напряженности в отношениях Пергама и Рима сказано выше: она заключалась в усилении Пергама и проведении Эвменом II самостоятельной, хотя и с оглядкой на Рим, политики. Кроме того, как отмечено выше, особые отношения Пергамского царства с Римом строились на объединении против общих врагов — прежде всего Антиоха III и Филиппа V, а затем Персея. После разгрома царства Селевкидов, а затем Македонии Рим утратил острую необходимость в столь прочных союзнических отношениях. Наконец, важно также указать, что в среде политической римской элиты существовали группировки, выражавшие разные взгляды в отношении политики на Востоке. Аналогичным образом сложились отношения Рима с другим союзником на Востоке — с островом Родос. Раздраженный значительным возвышением этого государства после 188 г. до н. э., сенат в 167 г. до н. э. лишил его владений в Кари и Ликии, которые отошли ему по Апамейскому миру (Polyb. XXX. 5, 12–16). Тем самым Родос потерял один из важнейших источников своих доходов и, следовательно, лишился возможности поддерживать флот. А. Шервин-Уайт полагает, что Родос утратил свои сухопутные силы¹²⁰.

Среди трудностей последних лет правления Эвмена II надо отметить также смерть его союзников — Антиоха IV, царя Сирии, в 164 г. до н. э., и царя Каппадокии Ариарата IV в 163/162 г. до н. э., в результате которой в обоих государствах возникли внутренние сложности.

Наконец, видимо, к концу периода правления Эвмена II относится начало войны с городом Селге, о которой имеется лишь очень краткое упоминание (*bellum regis Eumenis cum Gallograecis et in*

¹²⁰ Sherwin-White A. N. Op. cit. P. 35. См. также P. 31, 33; Berthold R. Rhodes... P. 174–176, 181–201, 205.

Pisidia cum Selegensibus — Trog. Prolog. XXXIV). Примерно в это же время — около 160 г. до н. э. — жители Амлады, города в Писидии, направили в столицу посольство, которое принял Аттал, будущий царь Аттал II. Он же сделал распоряжения по поводу обращения жителей города. Жители Амлады обратились с просьбой освободить их от уплаты денег, а также отпустить заложников (RC. 54). Прием посольства братом царя Атталом скорее всего объясняется тем, что Эвмен II в это время уже был серьезно болен и не всегда мог исполнять свои официальные обязанности. Аттал же, названный в письме лишь по имени, без какого-либо титула, еще не принял царского титула и не стал соправителем Эвмена II. М. Олло было высказано предположение, что царь наказал жителей Амлады за какое-то антипергамское выступление¹²¹. Учитывая хронологическую близость двух упомянутых событий и географическую близость двух городов — Селге и Амлады, — можно предположить, что в Писидии в 70-е гг. II в. до н. э. произошло выступление ряда (по меньшей мере, двух) городов против власти Атталидов. Восстанию, очевидно, благоприятствовало положение городов — они располагались в горной местности, которая была относительно изолирована и труднодоступна для центральной власти. Возможно, выступлению названных городов способствовало восстание галатов, охватившее достаточно близкую территорию. Можно полагать, что выступление городов Писидии завершилось победой центральной власти над некоторыми из них. Так, Эвмен II обложил Амладу дополнительными поборами и получил от города заложников. Были ли подобным образом наказаны другие города — неизвестно. Видимо, ситуацию в Писидии все-таки не удалось полностью стабилизировать, так как позже — после воцарения Аттала II — война с городом Селге возобновилась (*Ut mortuo rege Asiae Eumene suffectus Attalus bellum cum Selegensibus habuit* — Trog. Prolog. XXXIV).

Несмотря на неудачи и трудности последнего периода деятельности Эвмена II, общий итог его правления был весьма внушительным. Пергамское царство значительно расширило свои границы, имело устойчивое положение в системе международных отношений в Восточном Средиземноморье. Эвмен II поддерживал дипломатические связи с широким кругом союзников и партнеров — с рядом эллини-

¹²¹ М. Олло предполагал, что жители Амлады в наказание были обязаны восстановить царские сооружения в городе, разрушенные ими в ходе выступления против власти Атталидов. Возможно, была разрушена цитадель, которую занимал царский гарнизон (*Welles Ch. B. RC. P. 240*).

стических царств, с Римом, со многими независимыми греческими государствами. Среди последних — Афины, Ахейский и Этолийский союзы, Родос, Кос, Кизик, Милет и многие другие. Особенно показательны отношения Эвмена II с Афинами, которые сохраняли в греческом мире свое военное, дипломатическое и культурное влияние. Хр. Хабихт справедливо считает, что «с 200 г. ни один другой царский дом... не установил более тесные и более сердечные отношения с Афинами»¹²². Пергамские цари и их ближайшие приближенные неоднократно посещали Афины, выступали в народном собрании. Пергамские цари, прежде всего Эвмен II и его отец Аттал I, удостоились в Афинах весьма значительных почестей: Эвмен и его братья, как почетные граждане города, были внесены в списки филы Атталиды, которая получила имя их отца. Наконец, Афинам были сделаны прекрасные дары — стоя Эвмена длиной 163 метра, возведенная на склоне Акрополя. Выше говорилось о том, что Эвмен II и его три брата названы в каталоге победителей Великих Панафиней за 178 г. до н. э. в состязаниях колесниц (IG. II². 2314. Стк. 84–91).

Пергамский царь предпринял специальные усилия к тому, чтобы прославить военные и дипломатические успехи династии. С этой целью в столице царства были введены религиозные празднества Никефории в честь богини-покровительницы династии Афины Никефоры. По указанию Эвмена II весной и летом 182 г. до н. э. в города Греции и Малой Азии были направлены послы с призывом признать новый религиозный праздник. Надписями засвидетельствованы посольства и царские обращения в виде писем острову Кос, неизвестному карийскому городу, Дельфам и Этолийскому союзу (RC. 49, 50; Syll.³ 629, 630).

К многочисленным свидетельствам дипломатических отношений Эвмена II с независимыми городами следует добавить информацию большой надписи из Коса, упоминающей пять послов к царю. По мнению Хр. Хабихта, этим царем *zweifellos* был Эвмен II¹²³. Повод, по которому данное посольство было совершено, неизвестен. Весьма привлекательным выглядит предположение, что посольство могло иметь отношение к переговорам по поводу празднеств в честь богини Афины Никефоры (RC. 50).

В следующем, 181 г. до н. э. был восстановлен и заново засажен деревьями священный участок богини Афины у стен столицы, опу-

¹²² *Хабихт Хр.* Афины... С. 222. Подробнее о контактах Атталидов с Афинами см.: с. 221–223.

¹²³ *Habicht Chr.* Neue Inschriften aus Kos // ZPE. 1996. Bd. 112. S. 91.

28. Вид акрополя Пергама (макет)

тошенный войсками Филиппа V в 201 г. до н. э. Наконец, в 180 г. до н. э. в Пергаме начались работы по сооружению алтаря Зевса, который должен был сыграть роль памятника многочисленным военным победам Эвмена II, прежде всего победе над племенами кельтов. Алтарь является одним из наиболее выдающихся памятников античного искусства. Основное украшение этого сооружения составил скульптурный фриз, изображавший битву богов с гигантами, которая символизировала борьбу династии с кельтами.

С именем Эвмена II связано строительство в Пергаме ряда других выдающихся архитектурных сооружений. Постройки возводились в городе не только на вершине, но и на склонах холма. По этой причине была создана система террас, на которых размещались различные постройки общественного назначения. Террасы укреплялись специальными каменными стенами. На южном склоне холма на трех террасах были построены гимнасии: на нижней — гимнасий мальчиков, на средней, имевшей длину около 150 метров и ширину около 35 метров — гимнасий эфебов. Верхнюю террасу, длиной более 150 метров и шириной в среднем около 70 метров, занимал гимнасий юношей. Центральную его часть составляла палестра — площадка для тренировок и состязаний, окруженная с трех сторон двухэтажной колоннадой. Вокруг палестры размещались помещения для переде-

вания и занятий. На территории гимнасия располагался также храм Асклепия.

На западном склоне холма находились театр и связанные с ним сооружения — стоя, храм, крепящие террасы стены. Особенностью театра Пергама являлось то, что места для зрителей располагались на крутом склоне, поэтому последний ряд возвышался над орхестрой почти на 40 метров. На 78 рядах сидений могло разместиться примерно 10 тысяч человек. Вершину холма украшали храм Афины и знаменитая библиотека Пергама, которая представляла собой комплекс залов и комнат для хранения книг и для занятий ученых. Часть вершины холма занимал царский дворец и военные арсеналы, размещавшиеся за стенами крепости.

В 159 г. до н. э., в последние месяцы года, по расчетам Й. Хоппа, Эвмен II умер, передав власть своему брату Атталу. Специальные исследования некоторых эпиграфических памятников показали, что Аттал II получил царский титул еще в 160 г. до н. э., по крайней мере за несколько месяцев до смерти своего брата¹²⁴. Соправительство Аттала II стало естественным завершением его большой государственной деятельности в годы правления Эвмена II.

Аттал II пришел к власти в возрасте 61 года, имея богатый опыт управления и военного командования. При жизни Эвмена II он играл важную роль в управлении, принимал ответственные решения, командовал крупными военными подразделениями. Став царем, Аттал II вторично женился на царице Стратонике для укрепления своего положения на престоле.

Одним из первых значительных государственных мероприятий Аттала II явилось вмешательство в дела Каппадокии. После смерти Ариарата IV в этой стране разгорелась борьба между двумя претендентами — Ороферном и Ариаратом V. Сначала, с помощью сирийского царя Деметрия I Сотера, к власти пришел Ороферн, но Аттал II, став царем Пергама, поддержал своего товарища Ариарата V и помог ему захватить престол. Постановление сената о разделе Каппадокии между Ороферном и Ариаратом V последний фактически не признал и с помощью Аттала II изгнал соперника из страны (Polyb. III. 5, 2; XXXII. 10–11; Liv. Periochae 47; Iustin. XXXV. I)¹²⁵. Решительные

¹²⁴ Daux G. Craton, Eumene II et Attale II // BCH. 1935. T. 59. P. 222–223. Not. 3; Hansen E. Op. cit. P. 127; Hopp J. Untersuchungen... S. 5. Xp. Хабихт датирует смерть Эвмена II 158 г. до н. э.: Habicht C. The Seleucids and their rivals // CAH. Vol. 8. 1989. P. 371.

¹²⁵ Niese B. GGMS. Bd. 2. S. 248–252; Hansen E. Op. cit. P. 130–131; Hopp J. Untersuchungen... S. 62–68.

действия Аттала II, предпринятые вопреки мнению римлян, имели важные последствия — пергамский царь сохранил на восточных границах своих владений дружественное государство, правитель которого в дальнейшем неоднократно оказывал ему поддержку.

Возможно, к первым годам правления Аттала II относится война с городом Селге. Было ли это событие продолжением начавшейся ранее — при Эвмене II — войны или конфликт возник снова — неизвестно из-за краткости информации (IvP. 25; Trog. Proleg. XXXIV). Нам также неизвестно, как завершилась данная война.

При Аттале II отношения с Вифинией сохранили откровенно враждебный характер. В 156 г. до н. э. армия этого государства вторглась на территорию Пергама. Прусий II не без оснований рассчитывал на недоброжелательную по отношению к Пергаму позицию Рима. Вифинские войска, видимо, нанесли поражение силам Аттала II, а затем опустошили незащищенные районы царства, разграбили храмы и святилища. Полибий рассказывает о том, что Прусий II, подойдя к самому Пергаму, разорил в окрестностях города храмы и их священные участки, похитил статуи богов. Не сумев захватить Элею — главную морскую базу царей Пергама, так как в город вошло войско Аттала II, которым командовал приближенный царя Сосандр, Прусий II двинулся к городу Фиатира. На обратном пути вифинское войско подвергло разгрому святилище Артемиды в Гиеракоме и разорило храм и священный участок Аполлона Киннеского около города Темна. Захватить и разграбить города царства Прусий II не сумел, но опустошил округа полисов Кима, Эги, Мефимна и Гераклея. После этого армия вифинского царя покинула территорию Пергама, страдая в пути от голода и болезней (Polyb. XXXII. 15).

Обращение Аттала II к Риму за помощью и поддержкой не имело результата. По словам Полибия, «в Риме не обратили никакого внимания на те известия, с какими явился туда Андроник (посол пергамского царя. — *О. К.*), о первом вторжении неприятеля. Сенаторы даже подозревали, что Аттал сам собирается напасть на Прусия и только подыскивает предлог для того, чтобы предвосхитить жалобы со стороны противника...» (XXXII. 16, 2–3). Римлянам вскоре пришлось изменить позицию, поскольку направленные сенатом в Пергам послы убедились в том, что Прусий II не намерен выполнять постановление сената и даже «предательски запер в Пергаме их и Аттала со свитой и учинил над ними всякого рода насилия и бесчинства» (Polyb. XXXIII. 7, 2. Пер. Ф. Г. Мищенко).

Тогда зимой 155/154 г. до н. э. Аттал II собрал значительные силы, на вербовав наемников и получив военную помощь от каппадокий-

ского царя Ариарата V и Митридата V, царя Понта. Флот Пергама, усиленный кораблями союзников — Кизика, Родоса и других государств, — установил контроль в Пропонтиде, а армия вторглась в Вифинию. От полного разгрома Прусий II был спасен вмешательством Рима, который в 154 г. до н. э. обязал Вифинию выдать Атталу II 20 боевых кораблей, выплатить в течение 20 лет 500 талантов для восстановления разграбленной в ходе войны территории ряда греческих городов (IvP. 224; Polyb. XXXIII. 12–13; Diod. XXXI. 35; App. Mithr. 3; Liv. Periochae. 50; Trog. Prol. 34)¹²⁶.

Через несколько лет, в 149 г. до н. э., Аттал II, решительно вмешавшись в вифинские дела, сумел добиться большого политического успеха и избавиться от своего старого врага Прусия II. Достаточно подробный и не лишенный занимательности рассказ об этом оставил Аппиан (Mithr. 4–7). Сын Прусия II Никомед находился на жительстве в Риме, видимо, в качестве заложника. Опасаясь растущего влияния своего сына в Риме и в собственной стране, царь Вифинии поручил приближенному по имени Мена убить царевича. Но Мена вошел в сговор с Никомедом, а к заговору привлек приближенного царя Аттала II Андроника, который в это время как раз находился в Риме. Встреча заговорщиков произошла на обратном пути на корабле ночью в гавани небольшого греческого городка Берники в Эпире. Днем Никомед облачился в порфиру — багровый плащ и увенчал голову диадемой, которые были знаками царского достоинства, а Андроник со своими 500 воинами приветствовал юношу как царя и обеспечил ему охрану. Аттал II, по словам Аппиана, ласково принял молодого царя и предложил Пруссию II выделить ему часть владений. Язвительный отказ правителя Вифинии был расценен как предлог для нападения: началась война. Вифинский царь пытался апеллировать к римлянам, но безуспешно: городской претор в Риме всячески препятствовал выступлению посольства Прусия II перед сенаторами. Вероятно, Аттал II, обладавший, как и его брат, значительными связями среди влиятельных римских политических лиц, сумел нейтрализовать дипломатические усилия своего противника. Когда же послы Прусия II все-таки были заслушаны, римский сенат направил в Малую Азию посольство, которое никак не изменило ситуацию. Античные авторы, описывавшие состав посольства, прежде всего с иронией отмечали физические и умственные недостатки римских послов: один из них был болен подагрой и плохо ходил, другой имел тяжелую травму головы, третий отличался глупо-

¹²⁶ Габелко О. Л. История... С. 314–324; *Habicht Chr. Über die Kriege...* S. 101–107.

стью. Состав посольства вызывал насмешки и сомнения в дееспособности его членов у самих римлян. В связи с этим приводят слова Марка Порция Катона о том что это было посольство «без ног, без головы и без сердца» (Polyb. XXVII. 6, 1–5; App. Mithr. 6; Diod. XXXII. 20; Liv. Per. 50. Ср.: по Плутарху, Катон назвал это посольство безногим, безголовым и безмозглым: Plut. Cato Mai. 9). В таком случае возникает вопрос, почему же римляне направили в Малую Азию столь странное посольство. Можно предполагать, что в римские планы вовсе не входила поддержка вифинского царя, и римляне, формально приняв соответствующие ситуации меры, фактически развязывали руки Атталу II и поощряли его к решительным действиям.

Одновременно с попытками остановить конфликт дипломатическими средствами Прусий II готовился к войне, получил 500 воинов в помощь от своего тестя, царя фракийского племени кенов Диегила (App. Mithr. 6). Война протекала для вифинского царя крайне неудачно.

Аттал II вторгся с войском в Вифинию. Часть воинов Прусия II перешла на сторону Никомеда, другие разбежались. Тогда вифинский царь укрылся в столице — городе Никомедии, в храме Зевса, но был убит (App. Mithr. 17; Diod. XXXII. 21; Zonar. IX. 28). Никомед укрепился на престоле и правил под именем Никомеда II Эпифана до 127 г. до н. э. Важным результатом данной акции стало превращение Вифинии в дружественное Пергаму государство¹²⁷.

Ряд античных авторов без каких-либо ясных хронологических указаний упоминают о том, что Аттал II одержал победу над фракийским царем Диегилом, который разгромил город Лисимахию на Херсонесе и расправился над захваченными в плен знатными гражданами (Diod. XXXIII. 14; Strab. XIII. IV. 2; Trog. Proleg. 36). О. Л. Габелко предполагает, что на стороне Прусия II выступил его сын от второй жены — фракиянки — Прусий III «Однозубый», а после воцарения Никомеда II он был убит¹²⁸. В этой связи можно усмотреть единую логику в развитии событий: война Диегила представляла собой попытку вмешаться в династический конфликт в Вифинии на стороне своего зятя и поддержать его на престоле. Действительно, вмешательство Диегила имело смысл именно в момент выступления Никомеда, поддержанного Атталом II, чтобы отвлечь пергамские силы на защиту городов Херсонеса. Позже, после прихода к власти

¹²⁷ О перевороте и воцарении Никомеда II подробнее см.: Габелко О. Л. История... С. 327–332.

¹²⁸ Там же. С. 330–331.

Никомеда, когда армия Аттала II была свободна, а во главе Вифинии стоял дружелюбно настроенный к Пергаму Никомед, подобный поход против пергамских владений представлял собой весьма рискованную военную операцию.

Несмотря на победу Аттала II над Диегилом, обстановка во фракийских владениях Атталидов в дальнейшем оставалась напряженной: об этом свидетельствует борьба фракийцев против греческих городов Фракии в последующее время и участие фракийцев в восстании Аристоники.

Еще одним важным внешнеполитическим деянием Аттала II стало вмешательство в борьбу претендентов на сирийский престол. В то время как власть в царстве Селевкидов находилась в руках Деметрия I (162–150 гг. до н. э.), на корону претендовал его двоюродный брат, Александр Балас, сын дружелюбно настроенного к Пергамскому государству царя Антиоха V. Молодой человек вместе со своей сестрой Лаодикой и затеявшим интригу приближенным царя Деметрия I Гераклидом прибыл в Рим, чтобы расположить в свою пользу сенат. Получив через некоторое время возможность выступить в сенате, Александр «больше всего просил о том, чтобы римляне помогли ему добыть царство или, по крайней мере, согласились бы на возвращение его в Сирию и не препятствовали бы друзьям, если они того пожелают, посадить его на царский престол (Polyb. XXXIII. 18, 7–8. Пер. Ф. Г. Мищенко). Заручившись согласием сената, Гераклид развернул активную подготовку к войне: набирал наемников, привлекал на свою сторону авторитетных людей. Центром этой деятельности стал принадлежавший Атталидам город Эфес. На территории Малой Азии была сформирована сильная армия наемников, к которой присоединили свои войска Аттал II, Ариарат V и Птолемей VI Филометор. В 150 г. до н. э. царь Сирии Деметрий был разбит в сражении и погиб, а к власти пришел Александр (Strab. XIII. 4, 2; Polyb. XXXIII. 15, 1–2; 18; 5–14)¹²⁹.

Через год, в 149 г. до н. э., началась Четвертая Македонская война, известная также под названием «Восстание Андриска». Андриск, человек простого происхождения, выдал себя за Филиппа — сына царя Македонии Персея и поднял антиримское выступление с целью восстановить самостоятельность страны. Помощь Риму в подавлении восстания оказали флот и войско пергамского царя. К 147 г. до н. э. армия Македонии была разгромлена, Андриск схвачен и казнен в Риме, а Македония в 146 г. до н. э. превратилась в провинцию Рим-

¹²⁹ Niese B. GGMS. Bd. 3. S. 326–331; Hopp J. Untersuchungen... S. 79–85.

ской республики. В борьбе с развернувшимся в эти же годы в Греции антиримским движением снова приняли участие военные силы Аттала II, в частности вместе с римской армией они разгромили в 146 г. до н. э. город Коринф. Часть захваченных при этом произведений искусства в качестве военной добычи оказалась в Пергаме¹³⁰. Таким образом, Аттал II сохранил верность традиционной политике союза с Римом. Утвердившаяся в науке оценка внешней политики Пергама середины II в. до н. э. как проримской верна в принципе, но при этом нужно учитывать, что цари Пергамского государства преследовали все-таки прежде всего свои собственные интересы, а ряд событий периода правления Аттала II и даже последних лет царствования Эвмена II показывают, что они не всегда строго следовали римскому курсу. Так, мы уже упоминали, что вопреки решению сената о разделе Каппадокии между двумя претендентами пергамский царь открыто способствовал восстановлению власти Ариарата V и изгнанию Ороферна. После этого Аттал II и Ариарат V предприняли поход против города Приена, являвшегося другом и союзником Рима, чтобы вернуть 400 талантов, положенных Ороферном на хранение в один из храмов. Аттал II установил дружественные связи со многими государствами — Вифинией, Понтом, Родосом, Сирией Селевкидов. С помощью союзников Аттал II во время войны с Прусием II в 154 г. до н. э. собрал мощный флот из 80 кораблей, который господствовал в Эгейском море. Однако есть основания считать, что при пергамском дворе все же имели место колебания по поводу общего направления внешней политики. Наряду с традиционно проримской группировкой существовала влиятельная партия, ставившая целью проведение самостоятельной, возможно, даже антиримской внешней политики.

Вместе с тем известно, что и в римских влиятельных политических кругах в середине II в. до н. э. не было единой позиции в отношении Пергамского царства. Наряду с приведенными выше примерами явной враждебности ряда политических деятелей Рима источники сообщают факты лояльного и даже дружественного отношения к Атталу II. Как известно из рассказа Аппиана, во время выступления Никомеда против своего отца Прусия II последний направил в Рим послов с обвинениями в адрес Аттала II и Никомеда. Городской претор в Риме, дружески относившийся к пергамскому царю, затянул дело, не предоставив им аудиенцию сразу, а затем, выполняя решения сената, подобрал послов в Малую Азию, но

¹³⁰ Hopp J. Untersuchungen... S. 93–96.

таких, которые из-за болезни не в состоянии были выполнить это поручение (App. Mithr. 6)¹³¹.

Аттал II, как и его брат Эвмен II, вел активную дипломатическую деятельность, стараясь поддерживать высокий международный авторитет царства и сохранять его влияние во внешней политике Восточного Средиземноморья. В частности, кроме перечисленных выше дипломатических акций, он продолжил развитие тесных дружественных отношений с Афинами: городу была подарена двухэтажная стоя длиной 116 м.¹³²

Аттал II закончил жизнь в 138 г. до н. э. в возрасте 82 лет, передав царскую власть Атталу III.

В целом правление братьев-царей Эвмена II и Аттала II является временем расцвета Пергамского царства. За шестьдесят лет государство значительно выросло территориально, приобрело высокий международный авторитет и реальное политическое влияние. Пергамское царство при Эвмене II и его брате Аттале II успешно отстаивало свою самостоятельность в борьбе с различными противниками, целенаправленно защищало собственные интересы во взаимоотношениях с таким сложным союзником, как Римская республика. В стране сложились сильная и устойчивая царская власть, эффективная система управления, стройная идеология в виде царских культов и официального почитания ряда богов, сформировалась собственная школа научного и литературного творчества, изобразительного искусства и архитектуры.

1.5. Кризис и падение Пергамского царства. Правление Аттала III

Последние годы существования царства Атталидов, к сожалению, известны слабо, несмотря на довольно большой интерес, проявленный древними авторами к личности последнего пергамского царя Аттала III (138–133 гг. до н. э.). Он представляет собой загадочную

¹³¹ Мы не имеем возможности рассматривать сложный вопрос о характере и целях политики Рима в отношении Родоса, Пергама, Каппадокии, Понта и других государств. См.: *Sherwin-White A. N.* Op. cit. P. 52–55, 57, 46. Подробный разбор сюжета и историографии вопроса см.: *Кащеев В. И.* Эллинистический мир... С. 46–88. О взаимоотношениях Рима и Финикии см.: *Габелко О. Л.* История... С. 305–314, 333, 335–336, 344–345, 348–349, др.

¹³² *Thompson H.* The Stoa of Attalos II in Athens. Princeton, New Jersey, 1992.

фигуру, с которой связано несколько не решенных до настоящего времени проблем.

Неясен прежде всего вопрос о происхождении Аттала III. Из трудов античных авторов следует, что Эвмен II, женившийся после войны с Антиохом III на каппадокийской царевне Стратонике, долго не имел наследника. Во всяком случае, в 167 г. до н. э., когда Аттал, брат Эвмена II, совершил поездку в Рим, Аттал III, видимо, еще не родился (Polyb. XXX. 2). Впервые он упомянут в рассказе Полибия о событиях 152 г. до н. э. По словам историка, Аттал III, будучи еще мальчиком, совершил поездку в Рим, «чтобы представиться сенату и возобновить узы дружбы и гостеприимства отца с Римом. Сенат и друзья отца приняли Аттала радушно, он получил желанный ответ и соответствующие возрасту почести, а несколько дней спустя уже возвращался домой, на обратном пути все эллинские города устраивали ему сочувственный и блестящий прием» (XXXIII. 18, 1–4. Пер. Ф. Г. Мищенко). По мнению Э. Хансен и И. Хоппа, Аттал III родился между 167 и 152 гг. до н. э., а наиболее вероятной датой его рождения является 162 г. до н. э. То есть в таком случае к моменту смерти последнему пергамскому царю было около тридцати лет. Р. Аллен считает, что Аттал III родился около 168 г. до н. э.¹³³ и, следовательно, умер в возрасте 35–36 лет.

Согласно официальной версии, которую передают надписи, а также Полибий, Страбон и Юстин, Аттал III являлся сыном Эвмена II и Стратоники (OGIS. 246, 248, 332, 329; Polyb. XXXIII. 18. 1–2; Strab. XIII. 4, 2; Iustin. XXXVI. 4, 1). Сам Аттал III в послании городу Кизик называет Аттала II своим дядей (RC. 66. Стк. 7, 14). Этого традиционного мнения придерживался Дж. Кардинали¹³⁴. Но еще в конце XIX в. Ф. Кеппом было высказано предположение, поддержанное У. Вилькеном, У. Педроли, В. Диттенбергером и рядом других ученых, что отцом последнего пергамского монарха являлся все же Аттал II, женившийся на Стратонике в 171 г. до н. э., когда Эвмен II едва не погиб в Дельфах¹³⁵. Б. Низе, С. Коперберг и Д. Мейджи считали отцом Аттала Эвмена II, а матерью — какую-либо наложницу

¹³³ Hansen E. Op. cit. P. 471–474; Hopp J. Untersuchungen... P. 25; cp.: Allen R. Op. cit. P. 193–194.

¹³⁴ Cardinali G. Il regno di Pergamo. Roma, 1906. P. 129–138.

¹³⁵ Koepp F. De Attali III patre // Rh. Mus. 1893. Bd. XLVIII. S. 154–157; Wilcken U. Attalos II // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 2170; idem. Attalos III // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 2175; Pedroli U. Il regno di Pergamo. Torino, 1896. P. 59; Dittenberger W. OGIS. Vol. 1. P. 656–658. См. также: Беликов А. П. Рим и эллинизм. Проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 133.

последнего¹³⁶. Следует полагать, что мнения Ф. Кеппа, У. Вилькена, У. Педролли и В. Диттенбергера, а также предположения С. Коперберга, Б. Низе и Д. Мейджи, не подкрепленные данными источников, являются сомнительными. Поэтому в данной ситуации многие исследователи отдают предпочтение официальному мнению, сохранившемуся также в античной литературной традиции.

Загадочной является сама личность последнего пергамского царя. В античных исторических сочинениях сложился устойчивый образ мрачного деспота, кровавого злодея, совершенно не способного управлять царством и, в конце концов, удалившегося от дел. Юстин рассказывает: «В Азии царь Аттал, получив от отца своего Эвмена и дяди по отцу Аттала богатейшее царство, запятнал свое правление убийствами друзей и казнями родичей, ложно обвиняя их то в том, будто они злодейски убили его мать — старуху, то — невесту Беренику. Проявив такую безумную и преступную жестокость, он оделся в рубище, отпустил бороду, отрастил волосы наподобие находящихся под судом, не появлялся в обществе, не показывался народу, не устраивал у себя дома веселых пиров, проявлял все признаки безумия, вообще вел себя так, что казалось, будто его карают маны убитых им людей. Затем, перестав заниматься делами правления, он стал вскапывать грядки, высевать на них семена разных растений, ядовитые вперемешку с неядовитыми, и все это напоенное ядовитым соком посылал своим друзьям как особый дар. Оставив это дело, он занялся ремеслом медников, забавлялся лепкой из воска форм, литьем и чеканкой меди. Потом он решил построить своими руками надгробный памятник матери. Занятый этим делом, он получил солнечный удар и на седьмой день умер. В завещании он назначил своим наследником римский народ» (XXXVI. 4, 1–5. Пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского). По словам Диодора Сицилийского, Аттал III, став царем, пригласил во дворец приближенных своего предшественника, где по его приказу все они были убиты наемниками, после чего были истреблены их дети и жены (Diod. XXXIV. 3; Strab. XIV. 1, 39; Plut. Demetr. 20; Valer. Max. 1. 8, 8). Но в научной литературе, уже в начале XX в., была высказана мысль об искусственности этого образа последнего пергамского царя.

Дж. Кардинали, Р. Фукар, Э. Хансен, И. Хопп, Д. Энгстер, а в отечественной науке О. Н. Юлкина и К. М. Колобова обратили внимание на то, что сведения некоторых античных авторов, подчерки-

¹³⁶ Niese B. GGMS. Bd. 3. S. 204. Not. 4; Koperberg S. De origine Attali III // Mnemosyne. 1926. Bd. LIV. P. 195–205.

вающих отрицательные черты Аттала III и его неучастие в управлении царством, противоречат эпиграфическим данным¹³⁷. Письма Аттала III городам Пергам и Кизик относительно введения культа Зевса Сабазия (RC. 66, 67), распоряжение царя по поводу асиии храма Персидской богини (RC. 68), освобождение от налогов святилища Аполлона в Гиеракоме (RC. 69) показывают пристальный интерес царя к жизни полисов и храмовых общин государства. Надпись, найденная в Элее, свидетельствует о победе Аттала III в какой-то неизвестной по другим источникам войне, в результате чего к Пергаму были присоединены новые территории (IvP. 246; OGIS. 332). По мнению К. М. Колобовой, Аттал III не был лишен известных способностей и интереса к научному творчеству¹³⁸. Все это убеждает исследователей в том, что облик последнего пергамского царя был искажен в позднейшей историографии. В основе негативной характеристики Аттала III, видимо, лежало враждебное отношение Рима и официальной римской идеологии к усилившемуся Пергамскому царству.

Политические события периода правления Аттала III почти неизвестны. Надпись, найденная в Элее, говорит о войне пергамского царя с неизвестным противником, о победе над ним и присоединении каких-то новых земель (IvP. 246; OGIS. 332). Документ представляет собой постановление народного собрания полиса (неясно, какого — Пергама или Элеи) в честь царя и свидетельствует о развитии культа монарха при Аттале III¹³⁹. Гражданский коллектив постановил воздать царю значительные почести. Решено объявить священным тот день, когда царь прибыл после победы в Пергам, совершать в этот день праздничное шествие, поставить статую, изображавшую одетого в панцирь Аттала III, попирающего ногами трофеи, и другие его изображения. Народное собрание также тщательно регламенти-

¹³⁷ Колобова К. М. Аттал III... С. 548–549; Юлкина О. Н. Пергамский декрет 133 г. до н. э. // ВДИ. 1947. № 4. С. 165; Беликов А. П. Указ. соч. С. 144–145; Cardinali G. La morte di Attalo III e la rivolta di Aristonico // *Saggi di Storia Antica e di Archaeologia offerti a G. Beloch*. Roma. P. 269–320; Foucart P. La formation de la province Romaine d'Asie // *Memoires de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1904. T. 37. P. 297–339; Hansen E. Op. cit. P. 142–143; Hopp J. Untersuchungen... S. 116; Engster D. Attalos III. Philometor — ein «Sonderling» auf dem Thron? // *Klio: Beiträge zur Alten Geschichte*. 2004. Vol. 86. Fasc. 1. S. 66–82.

¹³⁸ Колобова К. М. Аттал III... С. 549.

¹³⁹ Анализ надписи дан в работах: Hansen E. Op. cit. P. 457; Hopp J. Untersuchungen... S. 111–113; Nock A. ΣΥΝΝΑΟΣ ΘΕΟΣ // *Essays on religion and the Ancient World*. Vol. 1. Cambridge, 1972. P. 219–220; Allen R. Op. cit. P. 156–167; Hamon P. Les prêtres du culte royal dans la capitale des Attalides: note sur le décret de Pergame en l'honneur du roi Attale III (OGIS 332) // *Chiron*. 2004. Vol. 34. P. 169–185.

ровало церемонию встречи царя на случай, если он посетит полис. В этом подробном описании церемоний, связанных с чествованием монарха, заслуживают особого внимания некоторые детали. Статую царя, согласно постановлению, надлежало воздвигнуть в храме Асклепия Сотера, «чтобы был (Аттал III. — О. К.) сохраником богу» (ἵνα ἡ σύνναος τῷ θεῷ — стк. 8–9). Практика определения какого-либо храма бога в качестве места почитания живого правителя широко распространилась в эллинистический период и послужила важным средством формирования царского культа. Близкой формой почитания являлось принесение жертв богу и монарху на одном алтаре. В Элейской надписи определено совершать жертвоприношения Атталу III на алтаре Зевса Сотера (стк. 13, 42–43), Зевса Советного и Гестии Советной (стк. 48–49).

Аттал III также проводил политику, направленную на распространение в государстве восточного культа бога Зевса Сабазия, который был введен матерью царя, царицей Стратоникой. Об этом свидетельствуют письма Аттала III городам Кизик и Пергам (RC. 66, 67). Сохранилось также послание царя святилищу Персидской богини (так в надписи названа богиня Анаит) в Гиеракоме, в котором он признал неприкосновенность божества и подтвердил распоряжения всех своих предшественников в отношении святилища (RC. 68)¹⁴⁰. Другой дошедший до нас документ — письмо Аттала III должностному лицу, в котором царь предоставил льготы земледельцам на земле храма Аполлона в Гиеракоме (RC. 69). Видимо, с именем Аттала III связано поселение артистов Диониса в Мионнесе, между Теосом и Лебе-дом (Strab. XIV. 1, 29)¹⁴¹.

Стремление последнего пергамского царя сохранить союзнические отношения с Римом показывает факт, упоминаемый Цицероном: к Публию Корнелию Сципиону Эмилиану в Нуманцию было направлено Атталом посольство с дарами в связи с победами римской армии в Испании (Cic. Pro Deiot. 19). Но международное положение царства, как показали последующие события, было неустойчивым.

Очевидно, при Аттале III произошло резкое ухудшение и внутривластного положения государства. Свидетельства Диодора (XXXIV. 3), Юстина (XXXVI. 4, 1–2) об убийствах, которые чинил

¹⁴⁰ Особенность решения состоит именно в том, что асилия дана не храму, а божеству. Аналогия — Syll.³ 781. Стк. 10–11. См.: Welles Ch. B. RC. P. 275. Ср.: RC. 26. Стк. 8–11.

¹⁴¹ См.: Welles Ch. B. RC. P. 231; Hansen E. Op. cit. P. 172; Hopp J. Untersuchungen... S. 115; Walbank F. W. The Hellenistic World. Brighton, 1981. P. 70.

царь среди аристократии, говорят о придворной борьбе, дворцовых смутах. К этому же времени, очевидно, относятся свидетельства ряда авторов об ученом-грамматике Дафиде из Телмесса, который выступил с оскорбительной для династии эпиграммой, за что по приказу царя был распят на кресте около города Магнесия на Меандре (Strab. XIV. 1, 39; Suida. s. v. Δαφίδας; Val. Max. 1. 8, 8).

Среди местного сельского населения, рабов и городской бедноты росло недовольство системой жестокой эксплуатации и угнетения. Как предположила О. Н. Юлкина, уже в конце правления Аттала III начались выступления свободной бедноты и рабов¹⁴².

В этой неустойчивой внешне- и внутривнутриполитической обстановке неожиданно умер Аттал III и появилось его завещание. Смерть молодого пергамского монарха выглядит странной. Античные авторы объясняли ее болезнью или солнечным ударом (Strab. XIII. 4, 2; Iustin. XXXVI. 4, 5). К. М. Колобова высказала предположение о том, что Аттал III стал жертвой римской политики¹⁴³. Нужно признать, что это интересное объяснение не подкрепляется убедительными свидетельствами источников. А. П. Беликов предпринял попытку диагностировать болезнь Аттала III и определить причину его смерти. По его мнению, Аттал III страдал психическим заболеванием, вероятно, шизофренией, которая прогрессировала и сочеталась с серьезными соматическими расстройствами. Непосредственной же причиной смерти царя стал инсульт¹⁴⁴. К сожалению, имеющаяся скудная информация о болезни Аттала III дает очень мало оснований для постановки точного диагноза и заставляет воздерживаться от окончательного вывода.

К числу неясных фактов пергамской истории следует отнести завещание Аттала III. О том, что оно действительно существовало, известно из декрета, принятого гражданами города Пергама в 133 г. до н. э. (OGIS. 338), и из сообщений ряда античных писателей.

Содержание завещания также представляет собой загадку: в сообщениях античных авторов о содержании этого документа имеется немало противоречий. Римский историк I в. до н. э. Гай Саллустий Крисп вложил в уста царя Понта Митридата VI Евпатора обвинение против римлян в том, что они, «преступно заменив завещание», завладели Пергамским царством (Sall. Hist. 4, 69, 9). Некоторые древние авторы вообще не сообщают ничего о содержании завеща-

¹⁴² Юлкина О. Н. Пергамский декрет... С. 168.

¹⁴³ Колобова К. М. Аттал III... С. 554.

¹⁴⁴ Беликов А. П. Указ. соч. С. 133–143.

ния или излагают его в общей форме (Strab. XIII. 4, 2). Источники, в которых о воле монарха говорится подробнее, обращают внимание на то, что в завещании делалось различие между собственностью царя — его сокровищами, казной, поместьями, землями и городами царства (Plut. Tib. Cracch. 14. 1; Flor. 1. 35, 2). Поэтому приходится соглашаться с широко распространенным мнением о том, что последний пергамский монарх завещал Риму лишь свои царские владения, а городам предоставил свободу¹⁴⁵. Этот вывод является повторением сообщаемой некоторыми античными авторами информации, но также подтверждается и данными эпиграфики. Имея такую ситуацию с источниками, нужно также согласиться со словами А. Шервин-Уайта о том, что затянувшаяся в науке дискуссия относительно завещания Аттала III не в состоянии добавить что-либо существенное¹⁴⁶.

В декрете Пергама 133 г. до н. э., принятом после смерти Аттала III в связи с завещанием царя и начавшимся в стране восстанием, говорится, что монарх «оставил отечество наше свободным» ἀπολέλοιπεν τῇ πατρίδα ἡμῶν ἐλευτέραν (OGIS. 338. Стк. 5). Свобода, которую даровал царь своей столице, означала, возможно, освобождение от контроля царского должностного лица (ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως), от указаний и распоряжений центральной власти, от налогов. Косвенное подтверждение данного вывода мы находим в том, что в ходе восстания Аристоника города в основной своей массе не поддерживали претендента на власть, опасаясь, видимо, лишиться предоставленных им по завещанию льгот. Время смерти последнего пергамского царя исследователи определяют по-разному; наиболее распространенная дата — весна 133 г. до н. э.¹⁴⁷

Итак, завершением краткого обзора событий и исторических материалов, связанных с правлением Аттала III, является неутешительный вывод о том, что загадка последнего царя Пергама до сих пор так и не решена. Из многих версий и догадок мы излагали наиболее основательные и популярные, отдавая при этом себе отчет в том, что они являются не окончательным, а лишь наиболее возможным вариантом ответа.

¹⁴⁵ Колобова К. М. Аттал III... С. 553–554; Hansen E. Op. cit. P. 140–141; Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy in the East. London, 1984. P. 82.

¹⁴⁶ Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 82. Not. 11.

¹⁴⁷ Юлкина О. Н. Пергамский декрет... С. 166; Hansen E. Op. cit. P. 141; Habicht C. The Seleucids and their rivals in Asia Minor // CAH. Vol. 8. Cambridge, 1930. P. 378. А. Шервин-Уайт считает, что Аттал III умер осенью 134 г. до н. э. (Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 83. Not. 17).

После смерти Аттала III народное собрание Пергама приняло следующее постановление: «При жреце Менестрате, сыне Аполлодора, в 19-й день месяца Эвменей. Решил народ, по предложению стратегов. Поскольку царь Аттал Филометор и Эвергет, покинувший число людей, оставил отечество наше свободным, присоединив и гражданскую землю, которую он выделил, следует утвердить завещание у римлян. Необходимо ради общей безопасности предоставить гражданские права и подчиненным группам (людей) ввиду их полной благосклонности, оказанной народу. В добрый час! Народу постановить, чтобы предоставить гражданские права нижезаписанным: внесенным в списки пареков и тем из воинов, которые населяют город и страну, равным образом и македонянам, и мисийцам, и катекам, числящимся в крепостях и в древнем городе, и масдиенам, и... и стражникам, и другим вспомогательным войскам, живущим или имеющим владения в городе или в стране, равно как и женщинам и детям. В пареки перевести происходящих от вольноотпущенников и царских рабов: взрослых и юношей, также и женщин, кроме купленных при царях Филадельфе и Филометоре и конфискованных из частных владений, ставших царскими; то же и относительно общественных рабов; те же из живущих постоянно, кто или оставил ко времени смерти царя или собирается покинуть город или страну, те, и мужчины и женщины, будут лишены гражданских прав, а имущество каждого из них будет передано городу. По истечении четырех дней решил народ по предложению стратегов. Так как в состоявшемся постановлении о предоставлении гражданских прав внесенным в списки пареков и остальным категориям, разъясненным в постановлении, и относительно перевода в пареки из вольноотпущенников, а также царских и общественных рабов...»¹⁴⁸ (OGIS. 338. Надпись обрывается).

Документ был составлен после смерти Аттала III, которая произошла, как мы уже сказали, наиболее вероятно, весной 133 г. до н. э. и до утверждения завещания в Риме летом того же года¹⁴⁹. Декретом

¹⁴⁸ Текст надписи дан в переводе К. М. Колобовой (*Колобова К. М.* Аттал III... С. 551–552) с отдельными нашими изменениями. Комментарии к документу см.: *Юлкина О. Н.* Пергамский декрет... С. 160–164; *Hopp J.* Untersuchungen... S. 131 f. с указанием основной предшествующей литературы (S. 132. Not. 53); *Daubner Fr.* Bellum Asiaticum. Der Krieg der Römer gegen Aristonikos von Pergamon und die Einrichtung der Provinz Asia. München, 2003. S. 79–93.

¹⁴⁹ *Hopp J.* Untersuchungen... S. 133; *Vögt J.* Pergamon und Aristonikos // Atti del terzo congresso internazionale d'epigraphia greca e latina. Roma, 1959. S. 45; Die Inschriften von Metropolis. T. I. Die Dekrete für Apollonios: Stadtische Politik unter den Attaliden und im

предоставлялись определенные льготы некоторым бесправным категориям населения города Пергама. Парекам и наемным воинам давались гражданские права, вольноотпущенники и часть царских рабов получали статус пареков. Очень важное положение документа заключается в том, что покинувшие город или его округу люди лишались гражданских прав и своего имущества. Наиболее убедительное объяснение причины принятия такого решения гражданской общиной Пергама заключается в том, что в стране в это время уже началась борьба, и, может быть, граждане столицы намеревались предоставлением льгот смягчить остроту ситуации в городе и объединить усилия всех категорий городского населения против опасности¹⁵⁰.

Общим итогом правления Аттала III стало ухудшение внутривнутриполитического положения в государстве, активизация борьбы в среде придворной элиты царства, нарастание недовольства своим положением угнетенного рабского и свободного сельского населения. Наконец, ухудшились отношения с ведущим государством Средиземноморья — Римской республикой. Разумеется, такой итог явился прежде всего результатом развития объективных процессов. Вероятно, определенную роль сыграл и субъективный момент — особенности личности последнего пергамского царя. Учитывая тенденции развития международных отношений в Средиземноморье и римской внешней политики конца II в. до н. э., а также внутреннее состояние государства Атталидов, потеря им политической самостоятельности и подчинение Риму становились неизбежными.

1.6. Восстание Аристоники и установление римского господства

Завершило историю Пергама мощное восстание, которое возглавил Аристоник. Явившись ярким событием истории эллинистического мира и Рима, восстание Аристоники оставило заметный след в памяти античных историков и вызвало значительный интерес ученых современности. Однако, располагая общей для всех специалистов

Konflikt zwischen Aristonikos und Rom / Hrsg. B. Dreyer; H. Engelmann. München, 2003. S. 87; *Daubner Fr.* Bellum Asiaticum. Der Krieg der Römer gegen Aristonikos von Pergamon und die Einrichtung der Provinz Asia. München, 2003. S. 87.

¹⁵⁰ Юлкина О. Н. Пергамский декрет... С. 168; Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1969. С. 192–193.

базой источников, историки нередко приходят к столь далеким друг от друга оценкам и выводам, что впору задаться вопросом, об одном ли и том же событии они ведут речь. Восстание Аристоника — последнее значительное событие истории Пергамского царства — привлекло внимание многих греческих и римских авторов: Страбона, Диодора Сицилийского, Флора, Юстина, Тита Ливия, Евтропия, Орозия и других, но данные ими описания событий отличаются, к сожалению, краткостью и в ряде случаев противоречивостью.

Источники по-разному говорят о происхождении Аристоники. Эпитоматор Т. Ливия называет его сыном царя Эвмена II (Periochae. LIX), так же как и Флор (II. 20, 4). Страбон с долей сомнения все же полагает, что он «был, кажется, царского рода» (XIV. 1, 38). Царское происхождение приписывал ему также Диодор (XXXIV. 2, 26). По словам Юстина (XXXVI. 4), Аристоник был сыном Эвмена II от наложницы — дочери кифариста из Эфеса. Сыном наложницы царя Эвмена II считает претендента на трон Пергама и Евтропий (IV. 20). Близкой этой версией является мнение Орозия (V. 10, 1): Аристоник приходился братом Атталу III. Плутарх (Flam. XXI) с пренебрежением называет Аристонику отпрыском какого-то кифариста. При всех различиях данные о руководителе восстания сходятся в главном: он имел царское происхождение, приходился, как и Аттал III, сыном царю Эвмену II, но, очевидно, не от законной царицы Стратоники, а от наложницы¹⁵¹.

События восстания можно восстановить по сообщениям античных авторов лишь в самом общем виде. После смерти Аттала III, возможно, летом 133 г. до н. э., Аристоник поднял мятеж в небольшом городе Левки, расположенном на побережье Эгейского моря. Из рассказа Страбона (XIV. 1, 38) можно заключить, что горожане поддержали выступление. В распоряжении Аристоники оказались корабли, которые он использовал для борьбы за власть. Невозможно понять, были они предоставлены городом или составляли часть бывшего царского флота. Из городов побережья, поддержавших Аристонику в его борьбе, источники упоминают лишь Фокею (Justin. XXXVII. 1, 1). Другие приморские полисы не поддержали восстание. Активную помощь Риму после вступления его в борьбу оказали Эфес, Пергам, Галикарнас, Кизик, Баргилия, Смирна, Мифимна. Флор говорит о том, что Аристонику лишь силой удалось захватить Минд в Кари, Колофон в Ионии и остров Самос (II. 20, 4),

¹⁵¹ Wilcken U. Aristonikos // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 962–964; Hopp J. Untersuchungen... S. 122. Not. 8.

а Страбон рассказывает, что против Аристоники выступили со своими кораблями граждане Эфеса и около города Кима одержали над ним победу (XIV. 1, 38).

Ясно, что на начальном этапе борьбы стратегическая цель Аристоники заключалась в том, чтобы опереться на греческие города побережья Эгейского моря¹⁵². Почему же его расчет оказался ошибочным? По мнению Р. Бернхардта, города перешли на сторону Рима потому, что многие из них получили в 188 г. до н. э. свободу от Рима и надеялись на уважение их суверенитета Римом и в дальнейшем. Р. Хошек видел причину в особенностях социальной структуры городов. В большинстве из них в политической жизни первенствовала олигархия, придерживавшаяся проримской позиции. В Фокее же, видимо, большую роль играл демос, активно поддержавший Аристонику¹⁵³.

Представляется очень вероятным, что города получили свободу согласно завещанию Аттала III и опасались лишиться ее в результате антиримского выступления. К сказанному следует добавить, что благополучное городское население, составлявшее в данных городах влиятельную часть общества и располагавшее властью, боялось социальных смут и раздоров, которые неизбежно привели бы жителей к разорению, а города к упадку. Поэтому благополучная часть городского населения воспрепятствовала выступлению городов на стороне претендента на престол.

После поражения на море Аристоник был вынужден бежать из города Левки во внутренние области страны, где собрал значительную армию из неимущих людей и рабов, которых он призвал к свободе. Страбон добавляет при этом, что своих сторонников Аристоник назвал гелиополитами, то есть гражданами государства (или города) Солнца. После этого он совершил поход, подчиняя своей власти города и крепости внутренних частей страны. По словам Страбона и других авторов, были захвачены Фиатира, Аполлониды, Стратоникей, видимо, оставался под контролем город Левки. Продвижение Аристоники в район Фиатир не было случайным. В окрестностях города находилось значительное число военных колоний, жителей которых он мог призвать в армию.

Восстание приобрело значительный размах и распространилось на большую часть территории Пергамского царства. По словам эпи-

¹⁵² Hopp J. Untersuchungen... S. 142–143.

¹⁵³ Bernhardt R. Imperium und Eleuteria. Hamburg, 1971. S. 88 f.; Hosek R. Op. cit. P. 199. См. также: Hopp J. Untersuchungen... S. 143–145.

томатора Тита Ливия, Аристоник «захватил Азию» (*Periochae*. LIX). Плутарх писал, что он «ввергнул всю Азию в огонь войны и восстания» (*Plut. Flam.* XXI), а Юстин — что Аристоник «завоевал Азию, как отцовское царство» (XXXVI. 4).

Вероятно, с действиями восставших связаны трудности и военная опасность, переживаемые городом Галикарнасом. Из декрета народного собрания города Сеста в честь гражданина Менаса известно, что в эти же годы происходили волнения среди фракийцев, из-за чего город испытал значительную угрозу с их стороны (*OGIS*. 339. Стк. 17).

Аналогичная ситуация сложилась в городе Кизике, который также страдал от нападении фракийских племен. Городское собрание издало почетный декрет в честь Махаона, сына Асклепиада, который совершил посольство к римскому наместнику Македонии Марку Косконию с просьбой о помощи (*IGR*. IV. 134. Стк. 9–11, 18 сл.). Не вполне ясно, являлась эта фракийская угроза для полиса прямым следствием восстания или племена поднялись против городов, пользуясь внутренней слабостью царства и отсутствием эффективной царской власти. Источники сообщают, что в армию Аристоники входили и фракийцы (*Valer. Max.* III. 2, 12; *Oros.* V, 10). Возможно, активность фракийцев объясняется событиями восстания¹⁵⁴.

Д. Поттер в связи с данными декретами Сеста и Кизика и рядом сообщений в имеющихся нарративных источниках об участии фракийцев в войске Аристоники высказал предположение, что восстание началось во Фракии, а не в Малой Азии¹⁵⁵. По мнению ученого, претендент на престол, создав во Фракии армию, от которой и пострадали греческие города, двинулся затем на малоазийскую территорию Пергамского царства для установления своей власти. Следует признать прежде всего, что источники, упоминая фракийцев в армии Аристоники, все-таки не дают прочных оснований для подобного предположения. Важно отметить, что ни Страбон, оставивший наиболее полный рассказ о событиях восстания, ни другие греческие и римские авторы не сообщают ничего о боевых действиях претендента на престол во Фракии. Наконец, попытка Аристоники призвать бедноту и рабов проистекала от безысходности, вызванной поражением в начальный период восстания, и имела смысл именно в том случае, если претендент нуждался в формировании армии в Малой

¹⁵⁴ Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство... С. 193; *Rostovtzeff M. SEHNW*. P. 809; *Daubner Fr. Bellum Asiaticum*... S. 68–73.

¹⁵⁵ *Potter D.* Where did Aristonicus' revolt begin? // *ZPE*. 1988. Bd. 74. S. 293–295.

Азии. Напротив, если бы Аристоник имел фракийскую армию, ему не имело бы смысла привлекать разнородную, не подготовленную к военному делу, недисциплинированную массу угнетенного населения Малой Азии. Поэтому логичнее все-таки полагать, что после смерти Аттала III в условиях падения династии Атталидов и крушения государственной власти фракийские племена пришли в движение и обратились к грабежам и погромам, от которых страдали греческие города. Часть воинственных фракийцев служила в армии Аристоникиа либо в качестве наемников, либо за обещания каких-либо льгот и привилегий. Так или иначе, после обращения Аристоникиа к рабам и бедноте восстание стало успешно развиваться.

Против Аристоникиа выступили сначала города, которые послали «большие силы», а потом в помощь им прибыли с войсками цари государств Малой Азии: Никомед II Вифинский, Митридат V, царь Понта, Ариарат V, царь Каппадокии, и правитель Пафлагонии Пилемен.

Уже на начальном этапе борьбы Аристоник объявил себя царем. Об этом вполне определенно говорят некоторые античные авторы. Страбон, например, сообщает, что Аристоник задумал присвоить себе царскую власть (XIV. 1, 38), по словам Диодора, он «добивался царской власти» (XXXIV–XXXV. 2, 25–26).

Известны монеты — кистофоры с легендами ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΡΙΣΤΟΝΙΚΟΥ и ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΕΥΜΕΝΟΥ. Первая монета чеканилась во фригийском городе Синнада, на что указывают буквы ΣΥ, от имени «царя Аристоникиа». Вторая группа кистофоров выпускалась от имени «царя Эвмена» в трех городах Малой Азии. Монета из Фиатиры датирована вторым годом правления, из Аполлоныды — третьим и четвертым годами и из Стратоникеи — четвертым годом. Е. С. Г. Робинсон в специальной статье доказал, что названные монеты выпускались именно в годы правления Аристоникиа, который принял тронное имя Эвмен III¹⁵⁶.

Отряды городов и царей Малой Азии не имели успеха в борьбе с Аристоником, поэтому в 131 г. до н. э. на подавление восстания была направлена римская армия, во главе которой стоял консул П. Лициний Красс Муциан. По указаниям ряда авторов, большую помощь римлянам по-прежнему оказывали цари Вифинии, Понта, Каппадокии и Пафлагонии. Аристоник вступил в сражение с противником, которое, по сообщению Фронтина, произошло между городами Мирина и Элея (IV. 5, 16). Римляне и их союзники были

¹⁵⁶ Robinson E. S. G. Cistophori in the name of king Eumenes // NC. 1954. Vol. 14. P. 1–8; Hopp J. Untersuchungen... S. 122–123.

разбиты, сам Красс попал в плен. Не желая мириться с пленом, римский командующий ударил прутom по глазам охранявшего его воина-фракийца. Обезумевший об боли страж заколол мечом своего пленника. Голова П. Лициния Красса была отрублена и доставлена Аристонику, а тело погребено в Смирне (Frontin. IV. 5, 16; Eutrop. 4, 20; Justin. XXXVI. 4, 7–8; Flor. 11. 20, 4–5; Liv. Periochae. LIX; Val. Max. 3. 2, 12). Две весьма содержательные надписи, найденные в Метрополе в 1999 г., убедительно подтверждают информацию нарративных источников. Надписи представляют собой два городских постановления в честь Аполлония, сына Аттала. Текст постановлений вырезан на базе бронзовой статуи Аполлония, которая была установлена около здания городского совета на агоре (I. Metropolis. I. A, стк. 37–38). Один из документов был составлен еще при жизни Аттала II (декрет В), второй (декрет А) — во время восстания Аристоники или вскоре после него. В первом декрете отмечаются многочисленные заслуги Аполлония перед полисом, в том числе участие в посольствах к царям, видимо, к Эвмену II и Атталу II (В, стк. 12). Второй документ чествует Аполлония, а также воинов из состава полисного ополчения, погибших в войне против Аристоники. Аполлоний в войне против претендента на престол возглавлял ополчение полиса или какое-то его подразделение и привел воинов в лагерь римских войск, находившийся около Фиатир (А, стк. 23–24). По предположению издателей надписей, Аполлоний и воины Метрополя пали в том самом сражении, в котором был разбит П. Лициний Красс Муциан (I. Metropolis. I. S. 78–79, 90).

Через год, в 130 г. до н. э., в Малую Азию прибыла армия нового консула Марка Перперны, в состав которой также входили вспомогательные контингенты греческих городов Малой Азии и даже Балканской Греции. Об этом свидетельствует посвящение Гераклу, сделанное от имени трех воинов из Бухетия (Эпир), которые участвовали в войне против Аристоники. Евтропий (IV. 20) и Орозий (V. 10, 1–5) рассказывают, что римский командующий разбил войско Аристоники в сражении. Последний бежал и вынужден был укрыться за стенами города Стратоникея в области Мисия¹⁵⁷. Римская армия осадила город и голодом вынудила повстанцев сдаться. Пленный Аристоник был направлен в Рим, где разделил судьбу многих знат-

¹⁵⁷ В Малой Азии известен также город Стратоникея в области Кария. См.: *Broughton T. R. S. Stratonikeia and Aristonikus* // *CIPh.* 1934. Vol. 29. P. 252–254; *Merkelbach R. Epirotische Hilfstruppen im Krieg der Römer gegen Aristonikos* // *ZPE.* 1991. Bd. 87. S. 132; *Daubner Fr. Bellum Asiaticum...* S. 141–143, а также S. 135–154.

ных противников Рима — был казнен в тюрьме (Eutrop. IV. 20; Oros. 10, 1–5).

Но Марк Перперна не смог отпраздновать триумф в Риме, так как неожиданно умер. По трагической иронии судьбы тело римлянина было погребено в Пергаме, а его противника Аристоника — в Риме. Пленение предводителя восстания не остановило борьбу: страна по-прежнему сопротивлялась римлянам. Только в 129 г. до н. э. консул Маний Аквилый подавил последние очаги сопротивления, «вынудив к сдаче некоторые города» методами бесчестными и беспощадными — расправляясь с мирным населением и отравляя источники, за что его порицает римский автор Флор (II. 20, 7).

Вопрос о характере и целях восстания, о позиции самого Аристоника, о том, кто такие гелиополиты, сложен и неясен. В науке сложились разные взгляды по этому поводу¹⁵⁸. Одной из распространенных в зарубежной и практически единственной в отечественной историографии трактовок восстания Аристоника является определение его как широкого классового движения, восстания свободной бедноты, рабов и других слоев бесправного населения Малой Азии, в ходе которого восставшими была предпринята попытка реформирования общества на началах справедливости и свободы. Аристонику при этом нередко приписывается намерение создать «государство солнца», основанное на принципах свободы и равенства людей, где не было бы угнетения, насилия и рабства (А. В. Мишулин, А. Б. Ранович, С. И. Ковалев, Н. А. Машкин, Е. С. Голубцова, В. И. Кузищин, М. И. Ростовцев, В. Вавржинек, У. Тарн, Р. Гюнтер)¹⁵⁹.

¹⁵⁸ Историографию вопроса см.: *Vavrinek V. Aristonicus of Pergamum: Pretender on the Throne or Leader of a Slave Revolt* // *Eirene*. 1975. Vol. 13. P. 109–129; также: *Mileta Chr. Eumenes III. und die Sklaven. Neue Überlegungen zum Charakter des Aristonikosaufstandes* // *Klio*. 1998. Bd. 80. H. 1. S. 52–53.

¹⁵⁹ Ранович А. Б. Эллинизм... С. 342; Ковалев С. И. История Рима. Л., 1986. С. 331–332; Мишулин А. В. Спартак. М., 1947. С. 42–43; Юлкина О. Н. Пергамский декрет... С. 160, 168; Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1956. С. 221–222; Квезерели-Копадзе Н. Н. Восстание гелиополитов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1955; Голубцова Е. С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии. I–III вв. М., 1977. С. 209; Горончаровский В. А. К проблеме классовой борьбы в позднеллинистических государствах (По материалам Восточного Средиземноморья) // Марксистско-ленинская философия и вопросы методологии истории и археологии: Тез. науч. конф. Ашхабад, 1981. С. 93; История Древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. 2001. С. 115; Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство... С. 193–194; История Древнего мира / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. Т. 2. Расцвет древних обществ. М., 1989. С. 331–332; Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 129, 130; *Rostovtzeff M.*

Эта достаточно распространенная точка зрения построена на следующих фактических основаниях. Главное — это вполне определенные указания двух античных авторов на участие в выступлениях рабов и бедноты. Диодор Сицилийский писал: «Рабы безумствовали вместе с ним (Аристоником. — О. К.) вследствие притеснений господ и повергли многие города в великие несчастья» (Diod. XXXIV. 2, 26). Страбон сообщает о том, что после поражения от жителей Эфеса в морском сражении Аристоник «отправился во внутренние области страны, быстро собрал, призвав к свободе, множество немущих людей и рабов, которых назвал “гелиополитами”» (Strab. XIV. 1, 38). Сторонники данной интерпретации восстания Аристоники особое значение придают до сих пор не вполне ясному заявлению Страбона о том, что Аристоник своих соратников назвал «гелиополитами».

Важное место в числе аргументов тех, кто считает восстание борьбой за социальное освобождение, занимает указание Плутарха на то, что при Аристонике находился некоторое время философ-стоик Блоссий (Tib. XX)¹⁶⁰.

В числе доводов также выдвигают положения декрета гражданской общины Пергама 133 г. до н. э. (OGIS. 338). В этом документе говорится о предоставлении ряда льгот части населения Пергама «ради общей безопасности» (ἐνεκα τῆς κοινῆς ἀσφαλείας — стк. 8–9). Парикам и наемным воинам разных категорий — македонянам, мисийцам, масдианам, стражникам и другим — давались гражданские права, вольноотпущенники и часть царских рабов получили статус париков. Люди, покинувшие город или его округу, напротив, лишались гражданских прав и имущества. Многие специалисты (Е. С. Голубцова, О. Н. Юлкина, В. Вавржинек и другие) оценивают эти решения народного собрания как меру, направленную против распространения восстания, на улучшение положения его потенциальных участников.

SEHNW. Vol. 2. P. 808 (М. И. Ростовцев характеризует начало восстания как борьбу за престол); Tarn W. Alexander the Great. Vol. 2. Cambridge, 1948. P. 411 ff.; Vavřinek V. La revolte d'Aristonikos. Praha, 1957. P. 30, 46, 51; *idem*. On the structure of the Slave Revolts // Socialen Problemen in Hellenismus und im Römischen Reich / Ed. P. Oliva und J. Burian. Praha, 1973. P. 203–212; Gunther R. Der Aufstand des Spartacus. Berlin, 1987. S. 77–78.

¹⁶⁰ О Блоссии см.: Чернышов Ю. Г. Блоссий из Кум, политический консультант // <http://www.rome.webzone.ru/publik/tcherayc/tcher01.htm> — 11.11.2000; Беликов А. П. Указ. соч. С. 274–286; Dudley D. R. Blossius of Cumae // JRS. 1941. Vol. 31. P. 94–99; Africa Th. Aristonicus, Blossius and the City of the Sun // International review of Social History. 1961. Vol. 6. P. 110–124; Carrata Thomas Fr. La rivolta di Aristonico a la origini della provincia romana d'Asia. Torino, 1968. P. 58–59; Ferguson J. Utopias of the Classical World. London, 1975. P. 138–144.

Наконец, в числе аргументов также соображения общего порядка: кризисное состояние Пергамского царства накануне смерти Аттала III, развитие внутренней политической и социальной борьбы, которая создавала благоприятную обстановку для социальных выступлений и определяла необходимость решительного реформирования¹⁶¹.

Другая группа специалистов оценивала восстание как выступление за царскую власть, за сохранение государственной самостоятельности Пергама, в которое были вовлечены и использованы в качестве средства борьбы пришедшие в движение социальные низы. Аристоника считают соискателем царской власти в Пергаме, который после неудач первого периода борьбы был вынужден призвать под свои знамена бедноту и рабов с целью использовать их как орудие в борьбе за престол, подобно целому ряду других политических деятелей античного мира. Этот призыв был осуществлен в условиях политической неустойчивости власти и активизации угнетенных слоев населения (Ж.-Х. Дюмон, Т. Африка, Й. Фогт, Эд. Виль, Фр. Каррата Томес, Й. Хопп, У. Уэстерман, Хр. Хабиخت, Кр. Милета, Фр. Добнер)¹⁶².

В подобной ситуации к верному пониманию характера и целей восстания может приблизить лишь обращение к античной исторической традиции. Прежде всего многие греческие и римские авторы вполне определенно называют Аристоника соискателем царской власти. Саллюстий Крисп вкладывает в уста Митридата VI Евпатора слова о том, что Аристоник, будучи сыном Эвмена II, «домогался отцовского царства» (*patrium regnum petiverat*: Hist. IV. 69, 8). Аналогичная оценка дана Диодором Сицилийским: «...Аристоник добивался не приличествующей ему власти» (XXXIV–XXXV. 2, 25–26) и Страбоном: «...задумал присвоить себе власть» (XIV. 1, 38). Юстин сообщает, что он «завоевал Азию, как отцовское царство» (*velut paternum regnum Asiam invadit*: XXXVI. 4, 6). В «Гражданских войнах»

¹⁶¹ О положении в Пергаме накануне восстания Аристоника см.: *Magie D. Roman Rule in Asia Minor*. Princeton. 1950. Vol. 1. P. 30–33; Vol. 2. P. 1033–1037; *Rostovtzeff M. SEHWW*. Vol. 2. P. 806–811; *Hansen E. Op. cit.* P. 134–142; *Carrata Thomes Fr. La revolta...* P. 7–23, 27–30; *Hopp J. Untersuchungen...* S. 107–120.

¹⁶² *Westermann W. L. Slave maintenance and slave revolts // CIPh. 1945. Vol. XL. N 1. P. 9–10; Vogt J. Pergamon und Aristonikos // Atti... P. 54; Africa Th. Aristonicus... P. 112, 117; Dumont J.-Ch. A propos d'Aristonikos // Eirene. 1966. N 5. P. 195, 196; Will Ed. Histoire politique du Monde Hellenistique. T. 2. Nancy, 1967. P. 352–353; Carrata Thomes Fr. La revolta... P. 54–55; Hopp J. Untersuchungen... P. 146; Habicht C. Seleucids... P. 379. Miletta Chr. Eumenes III... S. 63–65; Daubner Fr. Bellum Asiaticum... S. 185–186. См. также: Климов О. Ю. К оценке восстания Аристоника в Пергаме // Античный мир: Проблемы истории и культуры: сб. научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 1998. С. 227–234.*

28. Монета — кистофор Аристоники
(Эвмена III)

Аппиана говорится о том, что «Аристоник вел в Малой Азии борьбу с римлянами из-за власти» (I. 17).

Обратившись к трудам ряда античных авторов, нельзя не заметить, что информация о восстании Аристоники зачастую носит совершенно нейтральный характер, в ней отсутствуют какие-либо указания на социальный характер движения, она «персонифицирована», всегда просто связана с именем претендента на престол. Эпитоматор Тита Ливия сообщает, что Аристоник «захватил Азию» (*Asiam occupavit* — Epit. 59). По словам Плутарха «Аристоник... ввергнул всю Азию в огонь восстания и войны» (*Flam.* 21). Евтропий писал, что «в Азии была поднята война Аристоником...» (*IV.* 20), а по эпитоматору Тита Ливия, Флору, Фронтину, Валерию Максиму, Евтропию римляне вели в Азии войну «против Аристоники» (*Liv. Epit.* 59; *Frontin.* IV. 5, 16; *Val. Max.* III. 2, 12;

Eutrop. IV. 20; ср.: *Cic. Phil.* XI. 8, 18; *Flor.* II. 20). Для сравнения следует заметить, что социальный характер ряда движений и, прежде всего, выступлений рабов на Сицилии во второй половине II в. до н. э. и восстания Спартака греческие и римские авторы отмечали вполне определенно (ср.: *Sall. Hist.* III. 7, 96, 98; *Diod.* XXXIV–XXXV. 2, 1, 3, 17, 25, 43; XXXVI. 1, 1; 3, 6; 4, 4; 10, 2–3; *Plut. Crass.* II; *Plut. Pomp.* 21; *App. B. C.* 1, 116–120; *Oros.* V. 9, 4).

Итак, большинство античных авторов вовсе не связывало восстание Аристоники с борьбой за освобождение рабов и бедноты и даже не упоминало о ней, характеризуя событие как борьбу претендента за престол.

Тем не менее участие рабов и свободной бедноты в восстании Аристоники засвидетельствовано Диодором и Страбоном. Диодор писал: «Рабы безумствовали вместе с ним (Аристоником. — *О. К.*) вследствие притеснений господ и повергли многие города в великие несчастья» (XXXIV. 2, 26). Страбон сообщал, что Аристоник, потер-

пев поражение в морской битве с эфессцами, «отправившись во внутренние области страны, быстро собрал, призвав к свободе, множество неимущих людей и рабов, которых назвал “гелиополиитами”» (XIV. 1, 38). Важно, что источники ничего не сообщают о наличии какой-либо социальной программы у Аристоника. Страбон же подчеркивает, что участие бедноты и рабов в восстании началось лишь с момента поражения претендента на первом этапе борьбы, когда он не имел возможности опереться на другие социальные силы.

Отмеченное античными авторами стремление Аристоника к царской власти нашло убедительное подтверждение в результате нумизматических исследований Е. С. Г. Робинсона. Как указывалось выше, им была выделена группа кистофоров из Фиатир, Аполлониды и Стратоникеи с легендой BA EY, которые чеканились Аристиком. Следовательно, начав борьбу за власть или уже в ходе ее, претендент на престол принял тронное имя царя Эвмена III. Монета из Фиатир датирована вторым годом его правления, из Аполлониды — третьим и четвертым годами, из Стратоникеи — четвертым годом. В распоряжении исследователей имеется также монета — кистофор с легендой BA CY AP, которая чеканилась во фригийском городе Синнада от имени «царя Аристоника»¹⁶³. Возможно, тронное имя Эвмена III было принято претендентом на власть не сразу.

Источники сообщают об очень пестром и разнородном социальном и этническом составе участников восстания. Аристоника поддерживало население ряда городов западной части Малой Азии. По словам Флора, «Аристик... некоторые города, привыкшие повиноваться царям, легко поднял на борьбу, немногие же, оказавшие ему сопротивление — Минд, Самос, Колофон, — взял силой» (*Aristonicus... urbis regibus parere consuetas partim facile sollicitat, paucas resistentes, Myndon, Samon, Colophona, vi recepit*). Консул 129 г. до н. э. Маний Аквиллий, заканчивая войну, отравил ядом источники, «чтобы вынудить к сдаче некоторые города» (*Flor. I. 35 (II. 20)*). Из сообщений Страбона и Юстина известно, что претендента на трон поддерживали города Фокея (*Iust. XXXVII. 1, 1*), Левки (*Strab. XVI. 1, 38*). Аппиан вкладывает в уста Суллы следующие слова, с которыми тот обратился к жителям городов Малой Азии: «Вы же, когда Аттал Филометор по завещанию оставил нам царство, вместе с Аристиком в течение четырех лет сражались с нами, пока и Аристик не был взят в плен и большинство из вас не было доведено до крайно-

¹⁶³ *Robinson E. S. G. Cistophori... P. 1–8; Hopp J. Untersuchungen... S. 122–123.*

сти и охвачено страхом» (пер. С. П. Кондратьева. *Mithr.* 62). В то же время известно, что многие города не признали прав претендента, не поддержали его в борьбе с римлянами и даже направили свои силы на борьбу с ним (*Strab.* XIV. 1, 38; *Flor.* I. 35; II. 20; *Iustin.* XXXVI. 4).

В армии претендента на престол упоминаются фракийцы, которых Аристоник, по словам Валерия Максима, *magnum numerum in praesidio habebat* (*Val. Max.* III. 2, 12; также — *Frontin. Strateg.* IV. 5, 16; *Oros.* V. 1–5). Неизвестно, были это по отдельности набранные на службу профессиональные наемные воины фракийского происхождения или привлеченные к восстанию какими-либо обещаниями целые племена. Об активности фракийцев и угрозе с их стороны греческому городу Сесту после смерти Аттала III свидетельствует надпись с декретом в честь Менаса (*OGIS.* 339). Возможно, эта активность была связана с событиями восстания.

Источники свидетельствуют об участии в восстании самых разных слоев населения, среди которых рабы, упоминаемые лишь немногими авторами — Диодором и Страбоном, составляли только часть восставших. Декрет Пергама 133 г. до н. э. (*OGIS.* 338) действительно может рассматриваться как попытка не допустить распространения восстания: он предоставил гражданские права ряду социальных категорий, но в том числе тем, которые вовсе не относились к бесправным и обездоленным слоям населения страны, например воинам-македонянам, мисийцам, масдиэнам, стражникам. Участие воинов в восстании на стороне рабов и бедноты было лишено смысла, напротив, поддержка ими законного претендента на престол была весьма вероятной и естественной, а для столицы весьма опасной¹⁶⁴. Поэтому декрет вовсе не свидетельствует о выступлении Аристоники с целью социального освобождения угнетенных слоев общества, а скорее убеждает в том, что мы имеем дело с борьбой за царскую власть.

Дополнительные аргументы в пользу предположения об участии в восстании наемников пергамских царей состоят в том, что наибольшим влиянием в конце восстания Аристоник пользовался в области городов Стратоникея, Фиатира, Аполлонида, Синнада, где располагалось много основанных Атталидами военных поселений. Страбон, говоря о захвате Аристоником ряда городов — Фиатиры, Аполлонида, упоминает также другие укрепленные поселения — *φρούρια*,

¹⁶⁴ О положении наемников и военных поселенцев см.: *OGIS.* 266; *RC.* 51; *Griffith G. T.* *The Mercenaries of the Hellenistic World.* Cambridge, 1935. P. 282–288; *Daubner Fr.* *Bellum Asiaticum...* S. 159–166.

которыми он стремился также овладеть (XIV. 1, 38). Решение общины Пергама о предоставлении гражданских прав наемным воинам — македонянам, мисийцам, масдиэнам — следует в таком случае понимать как меру, действительно направленную на защиту столицы и против дальнейшего разрастания восстания, но вовсе не свидетельствует о его классовом характере, ибо наемники не принадлежали к числу угнетенных и жестоко эксплуатировавшихся слоев населения. Из сообщения Страбона о морской битве, в которую вступил Аристоник, можно полагать, что его, по крайней мере в начале восстания, поддержал царский флот или какая-то его часть (XIV. 1, 38).

По мнению ряда ученых, важную роль в восстании, особенно на заключительном его этапе — после поражения и пленения Аристоники, сыграли крестьяне Малой Азии¹⁶⁵. Тем не менее следует признать, что этот вывод слабо подтверждается данными источников. Напротив, Флор сообщает, что, завершая подавление восстания, Маний Аквиллий «вынудил к сдаче некоторые города» (II, 20, 7).

Во всяком случае, очевидно, что рабы и свободная беднота не являлись единственной социальной силой, на которую опирался претендент на престол, а выступили скорее в роли пополнения в отчаянный момент борьбы. Чрезвычайную важность при этом имеет хорошо известный факт, сообщаемый Страбоном: на начальном этапе восстания Аристоник опирался на флот и приморский город Левки, а к рабам и бедноте обратился только после жестокого поражения, которое ему нанесли в морской битве жители Эфеса (XIV. I. 38).

Восстание, в котором принимали участие столь разнородные социальные силы, не могло протекать под лозунгами социального освобождения, свободы и равенства. Вместе с тем идея восстановления местной династии, сохранения государственной самостоятельности и противостояния Риму представляется достаточно притягательной для всех слоев населения царства, поддержавших претендента на престол.

Исторический контекст, сложившаяся в Пергаме ситуация в равной степени способствовали борьбе за престол, за воссоздание государственной самостоятельности, как и выступлению за социальное освобождение.

Для выяснения характера и целей восстания ключевое значение имеет понимание неясного выражения Страбона о том, что претендент на престол назвал своих сторонников из числа рабов и бедноты

¹⁶⁵ По мнению Е. С. Голубцовой, в восстании прослеживаются два этапа: 1) «рабский» — от начала восстания до пленения Аристоники и 2) «крестьянский» — от пленения Аристоники до окончательного подавления восстания (см.: Голубцова Е. С. Культура и идеология... С. 209; Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство... С. 194).

«гелиополитами» (XIV. 1, 38). Ученые единодушны в том, что это название отражает идеологические принципы восстания. Попытки определить эти принципы породили широкий круг предположений. Выражение это настолько непонятно, что неудивительно появление по его поводу обширной исследовательской традиции. Впрочем, решение проблемы представляется весьма далеким, по мнению некоторых ученых, — даже невозможным. Подавляющее большинство исследователей интерпретируют данное сообщение как указание на наличие у руководителя и участников восстания идеологической системы, определявшей политику и цели деятельности восставших. Далее взгляды специалистов расходятся.

Весьма распространена точка зрения, согласно которой основу идеологии «Гелиополиса» составили идеи стоической философии и утопического романа Ямбула о государстве солнца, основанном на началах свободы и равенства людей (Р. Пёльман, У. Тарн, Э. Хансен, С. Эдди, Ф. Фергюсон, А. Б. Ранович). А. Б. Ранович, например, писал: «...Аристоник мечтал построить “государство солнца”, основанное на свободе и равенстве. Здесь, несомненно, сказалось влияние утопического романа Ямбула, рисовавшего “город солнца”, где нет неравенства и эксплуатации, где все занимаются попеременно умственным и физическим трудом»¹⁶⁶.

Однако эта гипотеза в последние годы подвергнута серьезной убедительной аргументированной критике. Прежде всего имеются веские основания полагать, что роман Ямбула имеет относительно позднее происхождение и был написан уже после восстания Аристоники¹⁶⁷. Государство, описанное Ямбулом, являет собой явно неполитическое образование, образцом для которого служили скорее идеализированные первобытные институты, нежели современная писателю действительность¹⁶⁸. Таким образом, идея о влиянии утопии Ямбула представляется в свете всех перечисленных наблюдений специалистов, по меньшей мере, спорной.

¹⁶⁶ Пёльман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910. С. 442; Ранович А. Б. Эллинизм... С. 342; Tarn W. Op. cit. P. 411 ff.; Eddy S. The King is dead. Studies in the Near Eastern resistance to Hellenism, 344–31 B. C. Lincoln, 1961. P. 177 (ученый допускает также возможность влияния восточных культов); Ferguson J. Utopias... P. 126, 142, 144.

¹⁶⁷ См. об этом подробнее: Гуторов В. А. Античная социальная утопия. Л., 1989. С. 234–236. Также отвергли данную точку зрения Т. Африка и Фр. Каррата Томес: Africa Th. Aristonicus... P. 119 f., Carrata Thomes Fr. La rivolta... P. 57 f.

¹⁶⁸ Шифман И. Ш. Nabateyское государство и его культура. М., 1976. С. 89; Гуторов В. А. Античная социальная утопия... С. 239.

Другая весьма популярная среди специалистов позиция связана с предположением о глубоком влиянии на идеологию восстания религий народов Востока и греческого мира, прежде всего весьма популярных солнечных культов (С. И. Ковалев, Е. С. Голубцова, К. Бюхер, М. И. Ростовцев, Г. Бенгтсон, В. Вавржинек, Фр. Каррата Томес, Т. Африка, К. Николе и другие)¹⁶⁹. При этом ученые не были единодушны в определении конкретного культа, оказавшего воздействие на идеологию восставших. По мнению Е. С. Голубцовой, глубокое влияние имели религиозные взгляды сельского населения Малой Азии¹⁷⁰.

Высказывалось также предположение о влиянии идей стоицизма и кинизма на политические взгляды Аристоника и, следовательно, на социальную доктрину восстания. Собственно, фактические основания для подобного мнения слишком слабы, чтобы принимать его достаточно серьезно. Подкрепляет его лишь один факт — появление при дворе Аристоника философа-стоика Блоссия из Кум, а также осуждение философами этой школы рабства, хотя, по мнению Дж. Фергюсона, при этом стоики не отвергали принципиально рабство как общественный институт¹⁷¹. Добавим, что источники ничего не сообщают о роли Блоссия при дворе Аристоника, а его взгляды, как справедливо отмечают некоторые ученые, совершенно неизвестны¹⁷².

¹⁶⁹ Ковалев С. И. История Рима... С. 331; Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство... С. 195–199; Голубцова Е. С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии. I–III вв. М., 1977. С. 38–40, 209; Bücher K. Die Aufstände der unfreien Arbeiten, 143–129 v. Chr. Frankfurt am Main, 1874. S. 106–108; Rostovtzeff M. SEHW. Vol. 2. P. 808; Vavřinek V. La revolte... P. 39, 74; Carrata Thomas Fr. La rivolta... P. 57–58; Nicolet C. Rome et la Conquete du Monde Mediterranéen, 267–27 av. J.-C. T. 2. Paris, 1978. P. 776; Bengtson H. Griechische Geschichte. S. 504; Africa Th. Aristonicus... P. 120 ff.; Gunther R. Op. cit. S. 78. Вместе с тем, М. Финли отвергает возможность понять смысл слова «Гелиополис» (Finley M. Utopianism Ancient and modern // The Critical spirit. Essays in honor of H. Marcuse. Boston, 1967. P. 15).

¹⁷⁰ Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство... С. 195–199; Голубцова Е. С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии. I–III. М., 1977. С. 38–40, 209. См. также: Nicolet Cl. Rome et la conquete... P. 776.

¹⁷¹ Ferguson J. Utopias... P. 114.

¹⁷² Dudley D. Blossius... P. 98. Ю. Г. Чернышов полагает, что именно Блоссий был инициатором изменения тактики восстания и вовлечения в борьбу социальных низов, а также предоставления им гражданских прав в городе Гелиополисе. Источники не дают оснований для подобных предположений (см.: Чернышов Ю. Г. Блоссий из Кум...). Заметим, что во многих известных случаях, перечисленных ниже, принятие политического решения о наделении правами рабов или метеков обходилось без помощи политических консультантов и не строилось на утопических теориях, но диктовалось простым политическим расчетом и драматическим характером ситуации.

Пребывание при дворе Аристоники философа-стоика Блоссия вовсе не свидетельствует в пользу понимания восстания как события классовой борьбы также потому, что философы стоической школы с пиететом воспринимали царскую власть вообще, связывая с ней идею высшей справедливости в обществе, а также возможность проведения реформ. Именно по этой причине философы-стоики оказываются в окружении царей и реформаторов: при Антигоне — Зенон, при Клеомене — Сфер из Борисфена, при Тиберии Гракхе — Блоссий. Плутарх подчеркивает, что Сфер из Борисфена сыграл значительную роль не только в воспитании Клеомена, а после его прихода к власти и как советник царя (Cleom. II. XI). По сообщению этого же автора, Тиберий Гракх задумал и провел свою аграрную реформу по совету Блоссия (Tib. VIII). В этой связи философ представляется сторонником скорее проводимых сверху, царской властью, реформ, но не принципиального социального переворота.

Многие ученые (например Й. Хопп, Э. Грюэн, Хр. Хабихт) справедливо выразили сомнение в том, что факт пребывания Блоссия при дворе Аристоники имеет какое-либо идеологическое значение и дает ключ к пониманию программы восстания. По мнению Д. Р. Дадли, Блоссий своими воззрениями и деятельностью выражал идею борьбы против экспансии Рима, но не социального движения¹⁷³.

Близкую оценку предложил А. П. Беликов: Блоссий в своей деятельности руководствовался не социально-утопической теорией, а идеей ненависти к Риму. Для осуществления этой идеи он стремился использовать Аристонику, как до него Тиберия Гракха¹⁷⁴. Все перечисленные основания заставляют исследователей весьма осторожно оценивать взгляды и роль Блоссия и вообще стоической доктрины в восстании.

Возможно, сам Аристоник, как некоторые другие правители эпохи эллинизма, действительно находился под влиянием идей стоицизма, о чем, впрочем, нет совершенно никаких сведений. В учении стоиков солнце занимало важное место, рассматривалось как управляющая космосом сила. Стоическая доктрина с ее пиететом в отношении царской власти, почитанием солнца, с признанием связи царского достоинства с солнцем и высшей справедливостью очень подходит на роль идеологии, которая вдохновляла власть на рефор-

¹⁷³ Dudley D. R. Blossius... P. 96; Hopp J. Untersuchungen... S. 147. Anm. 126; Gruen E. S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Berkeley; Los Angeles; London. 1984. Vol. 2. P. 597. Not. 105; Habicht Chr. Seleucids and their rivals // CAH. Vol. 8. 1989. P. 379.

¹⁷⁴ Беликов А. П. Указ. соч. С. 283–296.

му «сверху». Стоический принцип жизни сообразно природе предполагал свободу и равенство людей, и в этом отношении учение стоиков сближалось с теми идеями, которые находили отражение в солнечных культах. Именно под влиянием стоического учения мог возникнуть у Аристоники замысел создания Гелиополиса — города для присоединившихся к нему рабов и бедноты, при условии, что руководитель восстания являлся сторонником этой философии.

В результате рассмотрения сложившихся точек зрения наиболее убедительным представляется малопопулярное объяснение, предложенное Т. Моммзеном и получившее поддержку в трудах Дж. Кардинали, Й. Фогта, Д. Дадли: Аристоник предполагал реально отблагодарить поддержавших его в борьбе рабов и бедноту строительством нового города Гелиополиса и предоставить им гражданские и имущественные права в нем¹⁷⁵. Решение проблемы, таким образом, перенесено из плоскости идеологической в сферу реальной политики. Страбон определенно говорит о том, что Аристоник освободил и назвал «гелиополитами» только тех рабов и неимущих свободных, которые влились в его армию. Это было возможно при условии предоставления им реальных льгот — свободы, собственности и гражданства в одном из полисов. Косвенным аргументом может служить то, что название Гелиополис напоминает имена других основанных пергамскими царями городов — Дионисополиса и Эллинополиса¹⁷⁶.

Подобный путь — привлечение социальных низов обещаниями предоставить свободу, землю и гражданство в новом или перестроенном и переименованном старом городе, хотя и рассматривался как нетрадиционный и нежелательный, вместе с тем не был совершенно новым в греческой и римской истории. Многие политические деятели использовали рабов и свободную бедноту в своей политической борьбе с противниками. Хорошо известно, что именно обещаниями свободы, гражданских прав, земли обеспечивалось нередко участие социальных низов в войнах, гражданских смутах, в отражении вражеского вторжения. Гражданская община Ольвии для мобилизации всего взрослого населения на борьбу против Зопириона в 331 г. до н. э. предоставила свободу рабам, метекам — граж-

¹⁷⁵ Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 55. Примеч. 2; Чернышов Ю. Г. Блоссий из Кум...; Vogt J. Struktur der Antiken Sklavenkriege // Abhandlungen der Academie der Wissenschaft und Literatur in Mainz. Geistes- und Socialwissenschaft Klasse. 1957. N 1. S. 36; Dudley D. R. Blossius... P. 98.

¹⁷⁶ О градостроительной деятельности Атталидов см.: Hopp J. Untersuchungen... S. 102–106; Hansen E. Op. cit. P. 162–165.

данские права, а должникам из числа граждан — снижение суммы задолженности государственной казне (Macrobian. Sat. 1. 11, 33). Жители Эфеса в 86 г. до н. э., чтобы противостоять войскам Митридата VI Евпатора, приняли закон о должниках, предоставляя им льготы (Syll.³ 742). В свою очередь, Митридат VI попытался привлечь на свою сторону: города — обещанием свободы, должников — освобождением от долгов, рабов — свободой, а метеков — гражданскими правами (App. Mithr. 48). Цари-реформаторы Агис и Клеомен наделяли гражданскими правами периеков, а Набис освобождал илотов, руководствуясь не идеалами свободы и равенства людей, а политическим расчетом. Многие факты свидетельствуют о многократных попытках римских политиков I в. до н. э. (П. Сульпиций Руф, Гай Марий, Л. Корнелий Сулла, Секст Помпей) использовать в своих целях рабов и вольноотпущенников¹⁷⁷.

Наконец, пергамский декрет 133 г. до н. э. предусматривает аналогичные социальные меры (OGIS. 338).

При этом остается открытым вопрос о том, почему город Гелиополис получил имя бога солнца Гелиоса. В эллинистическую эпоху названия новых или перестраиваемых старых городов давались не случайно, но часто выражали определенную идею, связанную с деятельностью династии, с ее политическими амбициями или идеологическими приоритетами. Так, многие города назывались в честь царей (Атталия, Евмения), их жен (Аполлониды, Аполлония), в честь наиболее почитаемых божеств (Дионисополь).

По этой причине следует полагать, что название города Гелиополис также отразило определенные идеологические установки Аристоники и тех социальных сил, на которые он ориентировался¹⁷⁸. Приняв за основу предположение, что претендент на престол Аристоник обещал рабам свободу, а также им и примкнувшей к нему свободной бедноте землю и гражданские права в городе Гелиополисе, мы все равно оказываемся перед лицом проблемы: почему руководитель выступления намерен был дать новому городу такое имя? Так или иначе, ясно, что название «гелиополиты», Гелиополис было дано не случайно и скорее всего действительно отразило систему широко распространенных и привлекательных для разных слоев общества идей.

¹⁷⁷ Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.: Л., 1953. С. 41 сл.; Штаерман Е. М. Рабы и отпущенники в социальной борьбе конца Республики // ВДИ. 1962. № 1; она же. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964. С. 224–234; Oliver J. H. Ibid.

¹⁷⁸ Аналогичную оценку см.: Чернышов Ю. Г. Блоссий из Кум... С. 6–7.

Анализируя информацию, касающуюся идеологических основ восстания, исследователи исходили из мысли о наличии единой, общей для всех слоев населения и участников восстания идеологии, которую принимали и разделяли как Аристоник с его ближайшим окружением, так и присоединившиеся к претенденту на престол беднота и рабы. Подобный подход нам представляется весьма спорным. Действительно, очень сомнительно, чтобы образованный и воспитанный при дворе претендент на власть Аристоник разделял те же идеи, что и неграмотное сельское население глубинных районов Малой Азии или рабы. Наиболее вероятно, что идеологии были различными, но при наличии некоторых общих, совпадающих принципиальных черт и положений. Ситуация эта подобна тому, как разрабатывавшаяся группой интеллигентов социалистическая доктрина была по-своему воспринята необразованной крестьянской и люмпенизированной городской массой и воплощена в нескольких простых, ясных и популярных лозунгах.

Трудно представить, чтобы достаточно сложное учение стоиков могло привлечь неграмотные широкие массы рабов и свободной сельской бедноты Малой Азии. Поэтому мы должны вернуться к отмеченной выше идее ряда ученых о влиянии восточных и греческих культов на восстание. Причины популярности идеи Гелиополиса следует искать именно в массовых формах идеологии — в культах солнечных богов, популярных в Малой Азии, Египте, Передней Азии, Иране и Греции. Солнечные культы имели свою специфику в разных странах, но при этом обладали многими общими чертами. Они также сочетали в себе широкий круг, казалось бы, противоречивых идей. Солнечные культы рассматривались на Востоке и в Греции как олицетворение высшей справедливости и даже социальной защиты всех слоев населения. Одновременно они выражали идею сильной и справедливой в самом широком смысле царской власти, обеспечивающей порядок и защиту разным слоям населения, в том числе социальным низам¹⁷⁹.

Прежде всего, солнце рассматривалось как покровительствовавшая царской власти и личности монарха высшая божественная сила. В Древнем Египте солнцу поклонялись в образе нескольких богов — Ра, Ра-Атум, Ра-Хараhti, Амон, Амон-Ра, Атон. Культ бога Ра получил распространение уже на заре истории египетского государ-

¹⁷⁹ Rostovtzeff M. SEHWW. Vol. 2. P. 808; *Africa Th.* Aristonicus... P. 120–124; См. также: Goodenough E. The Political Philosophy of Hellenistic Kingship // Yale Classical Studies. 1928. Vol. 1.

ства, в эпоху Раннего царства. Тогда же стало формироваться представление о связи царской власти с солнечным божеством. Фараон IV династии Хуфу именовался вторым солнцем. Его сын Джедефра первым из правителей Египта получил официальный титул «сын Ра», который передал преемникам. В Среднем и, особенно, в Новом царстве была велика роль божеств Амона и Амона-Ра. Амон превратился в государственное божество, покровительствовавшее фараону, армии, стране, окружению царя, обеспечивавшее военные победы. Центром почитания Амона стала столица — Фивы, чем подчеркивается особое политическое значение культа. Амон считался также божественным отцом фараона¹⁸⁰. В надгробной надписи вельможи Схотпибра времени Среднего царства (XII династия) говорится: «Прославляйте царя... носите его в сердцах ваших... Он — солнце лучезарное, озаряющее обе земли больше солнечного диска...»¹⁸¹.

В сонме солнечных богов Египта фигурирует также Хор Бехдетский, воплощавший в себе фараона и символизировавший высшую святость, власть и порядок. Он изображался в виде крылатого солнечного диска¹⁸². Наконец, представление египтян о связи царской власти и солнечных культов нашло яркое воплощение в солнцепоклонническом перевороте, который был проведен Аменхотепом IV (Эхнатомом). Не вдаваясь в подробности и дискуссионные моменты, которые рассмотрены в специальной литературе, отметим, что в распространившемся новом государственном культе бога Атона солнце воспринималось как особенный бог, создатель мира, покровитель всего живого, в том числе людей. Фараон же считался сыном бога, а также его подобием¹⁸³.

Дочь бога солнца Ра богиня Маат считалась в Египте олицетворением правопорядка, закона, соблюдения правил поведения и нравственных принципов. По словам М. А. Коростовцева, «фараон, как сын бога и представитель богов на земле, должен был охранять

¹⁸⁰ Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. М., 1976. С. 62–64, 67–68, 92–93, 142–143; История Древнего Востока. Т. I. Ч. 1. Передняя Азия. Египет. М., 1988. С. 386, 380, 381, 406, 495; *Erman A. Die Aegyptische religion.* Berlin, 1909. S. 49, 71, 74, 95, 98–99.

¹⁸¹ Тураев Б. А. История Древнего Востока. Т. I. М., 1936. С. 245.

¹⁸² Коростовцев М. А. Религия... С. 136–137.

¹⁸³ Стучевский И. А. Рамсес II и Херихор. Из истории Древнего Египта эпохи Рамесидов. М., 1984. С. 189 сл.; Коростовцев М. А. Религия... С. 254–259; Перепелкин Ю. Я. Переворот Амен-Хотпа IV. Ч. 1–2. М., 1967–1984; История Древнего Востока. Т. I. Ч. 2. С. 497–526, особ. с. 512–514; Коростовцев М. А. Идеология времен Эхнатона // Тутанхамон и его время. М., 1976. С. 4–7.

Маат — правопорядок». У судей было принято носить на шее на цепочке изображение богини¹⁸⁴.

В других странах Ближнего Востока солнце и солнечные божества занимали такое же важное место и выполняли аналогичные функции. В Двуречье одним из важнейших богов являлся Шамаш (в религии шумеров Уту). Согласно мифологической традиции шумеров родоначальник I династии Ура царь Мескиангашер был сыном бога солнца Уту¹⁸⁵.

В странах Востока и античного мира обожествленное небесное светило считалось олицетворением высшей справедливости и в этом качестве — покровителем судопроизводства и законодательной деятельности верховной власти. Одним из самых ранних известных нам опытов законодательной деятельности являются законы правителя III династии Ура царя Ур-Намму. Как сказано во введении к законам, царь, «по праведному повелению Уту, воистину установил справедливость в стране, воистину он изгнал зло, насилие и раздор...»¹⁸⁶.

По словам А. Лео Оппенхейма, Шамаш в Двуречье «был не только богом солнца, но и верховным судьей — земным и небесным, заботился о бедных и обиженных и предсказывал будущее, наставляя и защищая человечество... даже в мифах он выступает судьей и арбитром»¹⁸⁷. Мотив государственного законодательства, цель которого в том, «чтобы справедливость в стране заставить сиять, чтобы уничтожить преступников и злых, чтобы сильный не притеснял слабого», ярко выступает в знаменитом введении к сборнику законов царя Хаммурапи¹⁸⁸. На лицевой стороне базальтового столба с текстом законов, в верхней ее части, представлен Хаммурапи перед богом Шамашем, вручающим царю законы и наставляющим его осуществлять в стране попечение о справедливости и порядке.

В Малой Азии в религии хеттов верховной покровительницей царей и государства считалась богиня солнца Аринна. В некоторых случаях она предстает как мужское божество, гимн в честь которого содержит строки: «Ты вдохновенный вершитель справедливости, и

¹⁸⁴ Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. С. 142–143; Антес Р. Мифология в Древнем Египте // Мифология Древнего мира. М., 1977. С. 93.

¹⁸⁵ История Древнего Востока. Т. I. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия. М., 1983. С. 169.

¹⁸⁶ Хрестоматия по истории Древнего Востока. Т. I. М., 1980. С. 146.

¹⁸⁷ Лео Оппенгейм А. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980. С. 199.

¹⁸⁸ Хрестоматия по истории Древнего Востока. Т. I. С. 174–176; История Древнего Востока. Т. I. Ч. I. С. 446.

неутомим ты в своем судилище»¹⁸⁹. В хеттских законах предусмотрено совершение специального ритуала перед богом солнца в случае нарушения границы земельного владения (Хеттские законы. Ст. 169).

В религии древних иранцев Митра — бог огня и солнца — одновременно покровительствовал договорам, правосудию. Он также почитался как бог войны, поддерживающий в сражении правого, считался высшим судьей. Представляли его на колеснице, которую везут по небу белые кони. В образе Митры отчетливо выступает свойство наказывать нарушителя законов, он тот, «кто правит как всеведущий властелин» (Яшт. 10. 35)¹⁹⁰.

Восприятие Митры как солнца сохранилось и в эллинистическую эпоху, о чем убедительно свидетельствует надпись Антиоха I Коммагенского (OGIS. 383. Стк. 55). Представление о царской власти как олицетворении высшей справедливости в стране и гаранте этой справедливости отражено в ряде надписей эпохи эллинизма. Одним из достойных качеств монарха называют *εὐνομία* и некоторые другие, связанные с правосудием, правопорядком и защитой справедливости (OGIS. 55; 90; 219; 329, др.). Царь Коммагены Антиох I назван в надписи «Бог Справедливый» *Θεός Δίκαιος* (OGIS. 383).

Таким образом, Амон-Ра, Митра, хеттская богиня Аринна и многие другие солнечные боги на Востоке выступают покровителями справедливости, спасителями человека от неправых гонений, притеснений и насилий.

Социальные низы воспринимали солнечные божества не только как олицетворение высшей справедливости, но в качестве защитников угнетенных и зависимых. Сохранившиеся молитвы к Шамашу, по мнению А. Лео Оппенхейма, «восхваляют роль солнечного бога, устанавливающего справедливость в обществе, причем часто в этих местах можно предположить наличие социальной критики»¹⁹¹. Амон-Ра также в религиозных текстах выглядит защитником низших слоев общества: «Амон-Ра... благой бог, внимающий молитвам, который отзывается на призыв угнетенного, который дает дыхание жизни тому, кто несчастен»¹⁹². На суде Амон-Ра выступал покровителем

¹⁸⁹ Герни О. Хетты. М., 1987. С. 125. См. также: Popko M. Wierzenia ludow starozytniej Azji Mniejszej. Warszawa, 1989. S. 57.

¹⁹⁰ Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1988. С. 16–17, 18; Дрезден М. Мифология Древнего Ирана // Мифология Древнего мира. М., 1977. С. 348–349, 350–351.

¹⁹¹ Лео Оппенхейм А. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. С. 279.

¹⁹² Коростовцев М. А. Религия... С. 92–93, см. также с. 62–64, 67–68; История Древнего Востока. Т. 1. Ч. 2. Передняя Азия. Египет. М., 1988. С. 406, 495.

справедливости, защитником бедняка, спасителем человека от неправых гонений и насилий.

При этом солнечные культы вовсе не служат идее социального освобождения насильственным путем. В Египте, по определению Дж. Уилсона, в обращениях к богу Амону и в других литературных памятниках распространяется представление о покорности, смирении, спокойствии, пассивности как важнейших добродетелях не только неимущего, но даже и высокопоставленного египтянина¹⁹³.

В греческой мифологии Гелиос во многом напоминает солнечные божества Востока. Он выступает как дарующий жизнь, отвращающий зло, справедливый, защищающий верность бог (Hymn. Orph. VIII). В «Гомеровских гимнах» Гелиос именуется царем (Hymn. Hom. V. 26). Считаясь покровителем справедливости, Гелиос входит в число тех божеств, которые освящали договоры и иные важнейшие государственные акты, его именем клялись¹⁹⁴. Согласно сообщению Артемидора Далдианского для раба увидеть во сне солнце — добрый знак: он предвещал свободу (Oneirocr. II. 36).

В эпоху эллинизма культ Гелиоса получил значительное распространение. В массовом сознании и в официальной идеологии сохранилось и даже получило новое содержание представление о связи культа Гелиоса с царской властью. Брат Кассандра Алексарх в 316 г. до н. э. основал город Уранополь, ввел в нем солнечный культ, а солнцем объявил себя. Им была выпущена серия монет с изображением солнца, луны и звезд, где звезды символизировали жителей города, солнце — самого Алексарха, а луна — его супругу. По мнению некоторых ученых, можно допускать, что эксцентричный Алексарх идентифицировал себя с Гелиосом¹⁹⁵. В знаменитой Розеттской надписи (OGIS. 90) отражено представление о родственной связи царя Птолемея V с солнцем. В соответствии с эллинистическими традициями Антоний, признав рожденных Клеопатрой близнецов, назвал мальчика Александром Гелиосом (Солнцем), а девочку Клеопатрой Селеной (Луной) (Plut. Anton. XXXVI).

¹⁹³ Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984. С. 115.

¹⁹⁴ OGIS. 266. Стк. 23; Syll.³ 299; IOSPE. I² 401; IGR. III. 137; Syll.³ 996, 1040; *Tasliklioglu Z., Frisch P.* New Inscriptions from Troad // ZPE. 1975. Bd. 17. H. 2. P. 102. Стк. 29. *Taxo-Godu A. A.* Гелиос // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М., 1991. С. 271.

¹⁹⁵ *Fridricksmeier E. A.* Divine honors for Philip II // Transactions of the American Philological Association. 1979. Vol. 109. P. 39–61.

Нумизматические исследования показали, что на монетах многих царей появились изображения Гелиоса или самого монарха в образе Гелиоса. На монетах Антиоха IV Эпифана, которые чеканились в городах Сирии и Малой Азии (Эдесса, Солы, Тарс, Селевкия-на-Тигре и другие), царь представлен солнечным божеством в короне с отходящими от нее лучами. Мужская голова в лучистой короне также представлена на тетрадрахме 51 г. до н. э. колхского династа Аристарха и на знаменитых монетах, которые некоторые специалисты связывали с именем Савмака¹⁹⁶.

В Малой Азии свидетельства о распространении культа Гелиоса встречаются достаточно часто. Изображения Гелиоса выбиты на надгробиях, сопровождают надписи различного содержания. Божеству посвящались храмы. Известны культовые коллегии почитателей Гелиоса. В надгробных надписях общинники обращались к богу солнца с просьбой охранить могилы от разорения и осквернения. Как следствие давней традиции связывать небесное светило с царским достоинством в римское время в сельских местностях Малой Азии произошло отождествление императора с богом Гелиосом. В некоторых случаях бога солнца почитали под именем Гелиоса Справедливого "Ἥλιος Δίκαιος, ожидая от него «социальной защиты»¹⁹⁷.

Позже в римское время Калигула, Нерон и некоторые другие императоры объявляли себя «Новым Гелиосом» (νέος Ἥλιος), а император Аврелиан пытался ввести, как известно, новую религию, связанную с почитанием солнца (Гелиоса)¹⁹⁸.

Итак, в массовом политическом и религиозном сознании на Востоке и в античном мире солнечные культы представляют собой весьма сложное и полисемантическое явление. Они выражали собой понятие о сильной и справедливой в самом широком смысле царской власти, которая должна покровительствовать социальным низам и защищать их от произвола, от неправых гонений, притеснений и

¹⁹⁶ Голенко К. В. О монетах, приписываемых Савмаку // ВДИ. 1951. № 4. С. 199–203; он же. Еще раз о монетах, приписываемых Савмаку // ВДИ. 1963. № 3. С. 70–71, 79–80; Bunge J. G. «Antiochos-Helios». Methoden und Ergebnisse der Reichspolitik Antiochos' IV Epiphanes von Syrien im Spiegel seiner Münzen // Historia. 1975. Bd. 24. H. 2. S. 164–188.

¹⁹⁷ Голубцова Е. С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии. I–III вв. М., 1977. С. 38–40.

¹⁹⁸ SHA. Aurel. XXXV. 3; XXXIX. 2; Otto W. Helios // RE. 1913. Bd. 8. Sp. 58–93; Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина. Т. 2. Ростов н/Д., 1997. С. 362–363.

насилий. По этим причинам едва ли возможно усматривать в идее Гелиополиса идеологию социального протеста и классовой борьбы. Это скорее идеология социальной надежды и упования на сильную и справедливую царскую власть. Причем, важно подчеркнуть, что перечисленные идеи носили внеэтнический характер и были популярны как среди греков, так и среди восточных этносов. Подобное понимание содержания солнечных культов и возникновения названия Гелиополис вполне совпадает с нашей оценкой характера восстания Аристоника.

Подводя итог обзору всего имеющегося о восстании Аристоника материала и предложенных специалистами точек зрения, укажем, что предпочтения заслуживает следующая интерпретация известного события. Выступление сводного брата последнего пергамского правителя преследовало цель захвата царской власти и сохранения государственной самостоятельности Пергама. Претендент на корону использовал для борьбы часть царского флота, опирался на поддержку населения некоторых городов западной части Малой Азии, фракийских и малоазийских племен. После неудач начального периода борьбы Аристоник, двинувшись во внутренние области страны, призвал под свои знамена рабов и бедноту, очевидно, обещая им свободу и гражданские права в новом городе Гелиополисе. Видимо, к моменту восстания в Пергамском государстве сложилась напряженная социальная ситуация. Возможно, на заключительном этапе восстание вышло за рамки, определенные самим его руководителем и инициатором и приобрело характер достаточно широкого антиримского движения, в котором получили проявление, как это наблюдалось в истории неоднократно, также и социальные мотивы. Тем не менее это не дает оснований считать восстание Аристоника движением за социальное освобождение рабов и бедноты с целью переустройства общества на принципах равенства и свободы. Восстание представляет собой, таким образом, один из многочисленных примеров борьбы за власть, в ходе которой в качестве средства использовались рабы и свободная беднота.

После подавления восстания в Малую Азию была направлена сенатская комиссия для организации новой провинции. Херсонес и принадлежавшая Атталидам часть Фракии были присоединены к Македонии, Эгина и Андрос — к провинции Ахайя. Некоторые территории были отданы соседним государствам, принявшим участие в подавлении восстания: Ликаонию получили сыновья Ариарата V, погибшего в борьбе с Аристиком, часть Фригии — Вифиния, Ве-

ликую Фригию — Понт. На оставшейся части Пергамского царства была образована провинция Азия, в состав которой вошла еще и отнятая у Родоса Кария.

Дальнейшее развитие бывшего Пергамского царства протекало в рамках Римской республики и империи¹⁹⁹. Управление территорией осуществляли назначаемые наместники. В стране была введена система тяжелой налоговой эксплуатации населения. Результатом ее стало сохранение в течение долгого времени ненависти к римлянам и италикам, особенно тем, кто занимался ростовщичеством.

Вместе с тем город Пергам и страна при римлянах продолжали развиваться. Для Малой Азии первых веков нашей эры характерен высокий уровень урбанизации. По определению исследователей, к началу II в. н. э. в провинции Азия было не менее 282 городов, многие из которых имели значительную численность населения²⁰⁰. Предполагают, что население Пергама во II в. н. э. составляло до 150 тысяч человек²⁰¹. Весьма успешно складывалась хозяйственная жизнь в Эфесе, Милете, Пергаме, многих других городах. Эфес развивался как один из наиболее значительных портов Средиземноморья. В Милете развивалось производство шерстяных тканей, в Пергаме — пергамена, керамики. В городах сохранялся городской строй со своей собственной системой самоуправления, бюджетом, местными законами и традицией.

В первые века нашей эры в Пергаме, Эфесе, Милете, многих других городах были возведены некоторые выдающиеся постройки. Милет стал знаменит благодаря построенному при римлянах ансамблю агоры. В Пергаме был возведен знаменитый храм в честь императора Траяна. В окрестностях города перестроен медицинский комплекс Асклепиейон.

В эпоху империи Пергам сохранил значение одного из ведущих центров культуры, науки, образования, но также превратился в один из центров официального императорского культа. Выдающимся уроженцем Пергама явился знаменитый врач и ученый Клавдий Гален²⁰². После падения Западной Римской империи территория бывшего Пергамского царства и сам город Пергам вошли в состав Византийской империи.

¹⁹⁹ Rohde E. Pergamon. S. 50–59; Holtheide B. Römische Bürgerrechtspolitik und romische Neuburger in der Provinz Asia. Freiburg, 1983.

²⁰⁰ Крисст К. История времен римских императоров... С. 29.

²⁰¹ Rohde E. Pergamon. S. 58.

²⁰² Percy L. Galen's Pergamum // Archaeology. 1985. Vol. 38. N 6. P. 33–39; Sarton G. Galen of Pergamon. Lawrence, 1954. P. 15–24.

* * *

Подводя итог краткому обзору истории Пергамского царства следует обратить внимание на своеобразие его политической истории. Очевидной особенностью политической истории и внешней политики Пергамского царства является его существование в постоянном враждебном окружении, что заставляло Атталидов уделять большое внимание укреплению столицы и других городов, развитию военных сил государства и ориентировать всю внешнюю политику на союз с греческими государствами Балканского полуострова и Римской республикой. Благодаря постоянному союзу с Римом Пергамское царство значительно расширило свою территорию, превратилось во влиятельное государство Средиземноморья. При этом царство Атталидов во многом зависело от Рима, который вмешивался в его внутренние дела и внешнюю политику и в конечном счете подчинил своей власти.

Формирование пергамской государственности происходило на основе давно сложившегося политического опыта, потому что территория, на которой образовалось царство Атталидов, издавна входила в состав различных государственных образований, прежде всего Лидийского царства и империи Ахеменидов. Важный опыт доэллинистической государственности в западной части Малой Азии сохраняли также греческие полисы и местные храмовые общины.

Формирование самостоятельного государства Атталидов и складывание политической системы царства происходило, как и во всех без исключения эллинистических государствах, под сильным влиянием военного фактора. Возможно, в значительной степени по этой причине вся политическая система любой эллинистической монархии, от самого института царской власти и органов центрального управления до низших звеньев административной системы и полисов, пронизана военным духом или носит военизированный характер.

Политическая история Пергамского царства являет собой редкий в эллинистическом мире пример успешного развития небольшого города в достаточно крупное и сильное территориальное государство, которое при устойчивой ориентации на поддержку мощного союзника — Римской республики — стало играть заметную роль в системе международных отношений в Восточном Средиземноморье.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

2.1. Царская власть Атталидов

Пергамское государство, подобно другим эллинистическим государствам, являлось монархией. Его политическое развитие протекало своеобразно. Это выразилось в том, что два важных явления — становление государственной самостоятельности и оформление царской власти — не совпадают по времени и отстоят один от другого более чем на сорок лет. Выделение Пергамского царства как самостоятельной политической единицы относится к завершающему этапу борьбы за раздел державы Александра Македонского и датируется обычно 283 г. до н. э. Два первых правителя, занимая весьма скромное положение, не осмеливались называться монархами, и только третий представитель династии — Аттал I вскоре после 241 г. до н. э. официально принял царский титул, поставив себя формально в один ряд с властителями великих государств.

Поэтому в развитии политического строя Пергамского царства следует выделить два этапа. Первый охватывает время от момента отделения от Лисимаха и фактического приобретения политической самостоятельности до принятия царского титула Атталом I. Второй этап длится от провозглашения Аттала I царем и до окончания династии после разгрома римлянами восстания Аристоника. Несмотря на то что на обоих этапах установилась единоличная власть наследственного правителя, все-таки политическое устройство государства и сам характер власти правителя значительно различались.

Процесс оформления царской власти в Пергамском государстве растянулся на несколько десятилетий. В течение этого времени происходило превращение власти первоначальных правителей во власть царей. Для исследователей тем самым открывается возможность,

во-первых, определить ту политическую основу, на которой происходило становление собственно царской власти, и, во-вторых, выявить изменения, происшедшие в процессе эволюции власти династов во власть царей.

Началом истории династии Атталидов стало назначение царем Лисимахом в крепость Пергам Филетера для охраны сокровищ. Какой характер имела власть ставленника Лисимаха в этот период?

По мнению Г. Бенгтсона и Р. Аллена, он обладал лишь финансовой властью¹, с чем нельзя согласиться по следующим причинам. Надпись из города Кизика, содержащая перечень благодеяний Филетера полису, сообщает, что уже через несколько лет после установления собственной власти в Пергаме Филетер обладал достаточными военными силами, чтобы оказать помощь Кизику (OGIS. 748. Стк. 6–7, 13). Сам факт отказа признавать власть Лисимаха свидетельствует о готовности Филетера к вооруженному противостоянию и, следовательно, о наличии у него военной силы и власти. Вообще, в эллинистическую эпоху соединение гражданской и военной власти в руках одного должностного лица было явлением распространенным². Кроме того, действительно трудно представить, чтобы хранитель казны в крепости не имел определенных военных контингентов для защиты вверенных ему сокровищ. О наличии же в Пергаме военачальника и командира гарнизона наши источники ничего не упоминают.

Восстав против Лисимаха и став фактически самостоятельным правителем, признававшим формально верховную власть Селевка, Филетер занял в Пергаме положение, обозначить которое в современных политических категориях весьма сложно. По этой причине в историографии нет точного и единообразного определения власти Филетера и Эвмена I. Исследователи именуют их, в известной степени условно, династами (Р. Аллен), династами и тиранами (М. И. Ростовцев), называют созданный ими политический режим принципатом (Дж. Кардинали)³.

¹ Bengtson H. *Die Strategie in der hellenistischen Zeit*. Bd. 2. München, 1944. S. 195; Allen R. *The Attalid Kingdom*. Oxford, 1983. P. 9. Not. 4.

² Бикерман Э. *Государство Селевкидов*. М., 1985. С. 175, 184, 190 сл.

³ Cardinali G. *Il regno di Pergamo*. Roma, 1906. P. XI, I; Rostovtzeff M. *Pergamum* // *CAH*. Vol. 8. 1930. P. 590–592; *idem*. *SEHWW*. Vol. 1. P. 558; Hansen E. *The Attalids of Pergamon*. Ithaca; London, 1971. P. 15–20; Allen R. *Op. cit.* P. 20 f. О становлении и характере царской власти в Пергаме см.: Климов О. Ю. *Царская власть в эллинистическом Пергаме* // *Политика и идеология в Древнем мире: Межвуз. сб. науч. тр.* М., 1993. С. 55–69.

Первооснова этой неопределенности кроется в источниках. Авторы нарративных сочинений (Страбон, Павсаний) не дают точного титула первых правителей. Впрочем, Страбон, описывая деятельность Эвмена I, писал: «... он был уже правителем окрестных местностей» (ἦν ἤδη δυνάστης τῶν κύκλῳ χωρίων — XIII. 4, 2), но в данном случае слово *δυνάστης* не имеет значения политического термина и не передает титул правителя.

Эпиграфические документы, как более поздние (OGIS. 335), так и относящиеся ко времени правления первых Атталидов, вообще не содержат их титулатуры. Эвмен I в постановлении народного собрания Пергама (OGIS. 267) и в договоре с наемными воинами (OGIS. 266) назван просто по имени, как частное лицо, без указания его политического статуса. Таким образом, по документальным источникам получается, что власть первых Атталидов не имела официального наименования. Если пользоваться терминологией М. И. Ростовцева и Э. Бикермана⁴, власть ранних Атталидов скорее всего имела также персональный характер.

Первые Атталиды обладали собственными военными силами, отличными от полисного ополчения, пользовались правом военного командования, имели, наконец, военную крепость, которую, судя по археологическим данным, они дополнительно укрепили⁵. Отношения полиса и единоличной власти при этом приобрели форму сложного диалога. Гражданская община и все органы управления полиса сохранились, но правитель Эвмен I осуществлял верховный контроль и управление через назначаемых лично им главных должностных лиц полиса — коллегия стратегов.

Важным фактором, способствовавшим укреплению позиции Филетера и Эвмена I в качестве правителей, явилось наличие в их руках значительных денежных средств — 9 тысяч талантов, по словам Страбона (XIII. 4, 1), которые они разумно использовали для оказания помощи некоторым городам — Кизику, Питане и усиления тем самым своего собственного положения, для формирования военных сил из наемников и для дополнительного укрепления кремля.

Власть первых правителей с самого начала приобрела наследственный характер, передавалась по мужской линии, но не от отца к сыну. Истоки власти первых правителей эллинистического Пергама — Филетера и Эвмена I — следует искать во многом близкой ей по форме и своему характеру власти династов, тиранов, правителей

⁴ Бикерман Э. Указ. соч. С. 13; *Rostovtzeff M.* САН. Vol. 7. 1928. P. 160.

⁵ *Hansen E.* Op. cit. P. 18, 237–240.

западной части Малой Азии классического и позднеклассического времени, в число которых должно включить и правивших в долине реки Каик Гонгилидов и Демаратидов.

Второй этап развития пергамской государственности связан с принятием царского титула Атталом I. Все источники отмечают, что царский титул был принят Атталом I после крупной военной победы, которую он одержал над галлами⁶. Полибий писал по этому поводу: «Он (Аттал I. — *О. К.*) начал с победы в сражении над галатами, в то время сильнейшим и воинственнейшим народом в Азии, и тогда впервые провозгласил себя царем» (XVIII. 41, 7. Пер. Ф. Г. Мищенко). Подобным же образом высказался Страбон: «Аттал... первый был провозглашен царем после победы в большом сражении с галатами» (XIII. 4, 2. Пер. Г. А. Стратановского). В этом отношении Аттал I копировал политику диахов. Антигон принял царский титул в 306 г. до н. э. после победы в морской битве (Diod. XX. 53, 2; App. Syr. 54; Plut. Demetr. 17). Вслед за ним царями стали Селевк и Птолемей, но также вследствие военных побед⁷.

Становление царской власти в Пергаме напоминает развитие этого же процесса в ранней Парфии. Основатель Парфянского государства Аршак в начальный период правления не имел никакого титула и, видимо, не прокламировал своей независимости от Селевкидов. Завоевав Гирканию и отразив вторжение войск Селевка II, Аршак принял титул царя, что означало окончательное оформление Парфии как суверенного государства⁸.

Хотя принятие царского титула Атталом I было прямо связано с его военными победами, процесс становления монархии в Пергаме осуществлялся без какого-либо участия войска. Во всяком случае, в источниках отсутствуют свидетельства конституционной роли армии.

Процесс становления эллинистической монархической власти вызвал живой интерес ученых, некоторые из которых выдвинули достаточно распространенную теорию о том, что источником царской власти в эпоху эллинизма было утверждение ее армией, представляющей народ⁹. Видимо, данная теория верна в отношении Маке-

⁶ Обстоятельства, связанные с победой Аттала I над галатами, исследованы Р. Алленом: *Allen R.* Op. cit. P. 195–199; см. также: *Hansen E.* Op. cit. P. 31–32.

⁷ Бикерман Э. Указ. соч. С. 14–15.

⁸ Кошеленко Г. А. Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии // История Иранского государства и культуры. М., 1971. С. 213–214.

⁹ См. об этом у Э. Бикермана со ссылками на специальные исследования: Бикерман Э. Указ. соч. С. 10. Примеч. 35. Также см.: Самохина Г. С. Место и роль армии в системе раннеэллинистического государства // ВДИ. 1979. № 3. С. 146–155.

донии, а также государств раннеэллинистической эпохи, когда еще продолжались войны за раздел державы Александра и происходило становление политических институтов. Что же касается государств Селевкидов и Лагидов, то, по убедительно аргументированному мнению Э. Бикермана, армия не играла конституционной роли, «за армией отнюдь не признавалось права приводить к власти царей или низвергать их»¹⁰.

То же самое можно сказать и о соседнем с Пергамом царстве Вифиния. Аппиан приводит пример участия войска в государственном перевороте в Вифинии (App. Mithr. 4–5). Царевич Никомед, направленный в Рим под надзором Мены, приближенного царя Пруссия II, вошел с Меной в сговор и решил добиваться царской власти. Мена, обратившись с речью к двухтысячному отряду, сопровождавшему их в поездке, убедил воинов перейти на сторону царевича. От солдат не требовалось одобрения действий заговорщиков и утверждения нового царя; они должны были просто сыграть роль военного подкрепления переворота. В Пергаме армия (видимо, малочисленная) также выполняла свою прямую военную задачу, но никакими политическими (конституционными) полномочиями не обладала.

Причины этого очевидны. Постоянная наемная армия Атталидов была немногочисленной и, видимо, достаточно хорошо контролировалась царями¹¹. Кроме того, она отличалась социальной неоднородностью и этнической пестротой. В состав ее входили наемники из греческих городов Балканского полуострова и Малой Азии, воины-негреки — мисийцы, кельты, фракийцы, наконец, граждане зависимых от Атталидов городов. Первые две категории воинов — наемники и солдаты-негреки не обладали в полисах Пергамского государства гражданством. Не случайно декрет города Пергама 133 г. до н. э. (OGIS. 338) предоставлял гражданские права воинам — мисийцам и македонянам (стк. 14). Наемники, кроме того, имели, судя по договору их с Эвменом I (OGIS. 266), установленный срок службы, после чего, видимо, нередко покидали страну. Во всяком случае, в договоре они выговаривали себе право беспошлинно вывозить имущество и выезжать из страны (стк. 11–12).

¹⁰ Бикерман Э. Указ. соч. С. 9.

¹¹ См. об этом в разделе 5 данной главы. Попытка М. И. Ростовцева обосновать положение о том, что армия Атталидов была более значительной и мощной, чем это представлено в источниках, не выглядит убедительной (*Rostovtzeff M. Pergamum*. P. 594).

Имеющиеся в распоряжении исследователей материалы определенно указывают, что по своей этнической принадлежности династия Атталидов не была чисто греческой (во всяком случае, по линии матери), а имела малоазийские, точнее, пафлагонские корни. Отец основателя династии Аттал был, по предположению некоторых специалистов,¹² выходцем из греческой или македонской семьи. Мать Филетера Боа известна в античной литературной традиции как пафлагонийка (FHG. IV. 358, 12). О Филетере наши источники сообщают, что происходил он из города Тиоса (Strab. XIII. 4, 1), который находился на пафлагонском берегу Черного моря. Павсаний называет Филетера Παφλαγῶν εὐνοῦχος (I. 8, 1). Эти известия подтверждаются сильно фрагментированной пергамской надписью времени Римской империи, в которой излагается родословная Атталидов и отмечается пафлагонское происхождение кого-то из их предков (OGIS. 264 в. Стк. 14–15).

Косвенным свидетельством связи Атталидов с местной этнической средой и традициями является большое значение культа Матери богов и других малоазийских божеств в Пергаме. Известно, что основатель династии Филетер осуществил в окрестностях Пергама перестройку святилища Матери богов и оставил посвятельную надпись¹³. Согласно сообщению Страбона, пергамские цари отстроили в Пессинунте — центре почитания Матери богов — священный участок — собственно святилище и портики из белого мрамора (XII. 5, 3). Наконец, именно пергамский царь Аттал I оказал помощь Риму в получении священного камня, считавшегося кумиром Кибелы (Strab. XII. 5, 3; Liv. XXIX. 10, 11). При последних правителях был официально введен и получил распространение культ Зевса Сабазия (RC. 66–67). С именем Аттала III связано предоставление льгот святилищу персидской богини Анахиты (RC. 68) и катекам храма в Гиеракоме (RC. 69).

Но необходимо учитывать, что Атталиды, имея по линии матери пафлагонское происхождение, были при этом династией фактически греческой. Цари получали чисто эллинское воспитание и являлись, кроме Филетера и Эвмена I, о которых вообще известно мало, по-гречески образованными людьми. Эвмен II, речь которого в сенате передал Полибий, предстает перед нами опытным и умелым оратором (Polyb. XXI. 19–21). По словам Плутарха, этот же правитель при

¹² Hoffmann W. Philetairos // RE. 1938. Hbbd. 38. Sp. 2157.

¹³ Conze A., Schazmann P. Mamurt-Kaleh. Ein Tempel der Gottermutter unweit Pergamon. Berlin, 1911. S. 10.

встрече с братом Атталом после поездки в Рим и в Дельфы в 172 г. до н. э. начал беседу цитатой из трагедии Софокла (Plut. Moral. 184. В. 35). Аттал II получил образование в Афинах, обучаясь у главы Академии философа Карнеада, был близок к философу Ликону (Diog. Laert. V. 4, 67). Юстин отметил увлечение Аттала III скульптурой и архитектурой (Iustin. XXXVI. 4, 3–5).

После принятия царского титула Атталом I произошли заметные изменения в характере власти правителей Пергама¹⁴. Прежде всего их власть получила законное основание и официальное наименование, сами же правители Пергама приобрели официальный титул. Это нашло отражение в многочисленных документах: постановлениях городских собраний, царских посланиях городам. «Царь Аттал приветствует совет и народ» — такими словами открываются письма монарха полисам (например RC. 34. Стк. 1–3). Власть царей стала более полной и значительной. Династия Атталидов получила официальное международное признание. Около 219 г. до н. э. Аттал I установил союзнические отношения с Этолийской лигой, в годы Первой Македонской войны — с полисом Лилея в Фокиде, после войны — с городом Малла на Крите и т. д. Около 217 г. до н. э. на Делосе были основаны празднества Атталии.

Но самым главным событием стало признание династии Пергама Селевкидами и Римом. Полибий, описывая обстоятельства борьбы Антиоха III против наместника Селевкидов в Малой Азии Ахея, указывает, что сирийский царь начал войну с последним после заключения предварительного союза с Атталом I, которого он, таким образом, признавал равным. Союзнические отношения с Римом складывались во время Первой Македонской войны и в первые годы после ее окончания.

Принятие царской власти Атталом I сопровождалось глубокими изменениями в развитии культа правителя, вообще в религиозной политике династии¹⁵.

Наконец, изменился порядок наследования престола. Интересная особенность династии Атталидов заключается в том, что традиционный для эллинистических монархий принцип передачи короны от

¹⁴ О характере царской власти в эпоху эллинизма см.: Walbank F. W. Monarchies and monarchic ideas // CAH. Vol. 7. 1984. P. 64–67.

О царской власти Селевкидов см.: Бикерман Э. Указ. соч. С. 9–19. О власти царей Македонии см.: Hammond N. G. L. The Macedonian State. The Origins, Institutions and History. Oxford, 1992. P. 392–393.

¹⁵ О культе царей Пергама см.: Hansen E. Op. cit. P. 453–470; Allen R. Op. cit. P. 145–158.

отца к сыну был установлен в Пергамском государстве только третьим правителем династии — Атталом I (241–197 гг. до н. э.), который после ряда крупных военных побед принял царский титул.

Основатель династии Атталидов Филетер (283–263 гг. до н. э.) был, согласно античной традиции, которую передают Страбон и Павсаний, евнухом (Strab. XIII. 4, 1; Paus. I. 8, 1;). Поэтому власть свою он намеревался вручить первоначально усыновленному им племяннику Атталу, сыну Аттала, а затем, после смерти последнего, трон был передан племяннику Эвмену, сыну брата Филетера Эвмена (Strab. XIII. 4, 2). В свою очередь преемник Филетера передал власть Атталу I, который, согласно Страбону и Павсанию, был двоюродным братом Эвмена I, но на самом деле, как установил Э. Мейер, сыном двоюродного брата Эвмена I, которого тоже звали Аттал¹⁶. Античные авторы ничего не сообщают относительно причин такого порядка передачи власти Эвменом (Strab. XIII. 4, 2; Paus. I. 8, 2). Возможно, в обоих случаях — при Филетере и Эвмене I — передача власти племянникам была вызвана отсутствием сыновей у пергамских правителей. Вместе с тем можно предположить, что в таком порядке наследования власти нашла отражение древняя малоазийская традиция, смысл которой греческим авторам не был понятен и поэтому не был ими раскрыт¹⁷.

Власть эллинистического правителя, включая царя, носила в глазах греков, как на уровне обыденного сознания, так и на уровне политической доктрины, личный, персональный характер¹⁸. Царь олицетворял собой не только страну и свои владения, но также само государство как аппарат управления, как возвышающуюся над обществом власть. Можно утверждать, что сформулированный Людовиком XIV принцип «Государство — это я» в эпоху эллинизма не только был признан теоретически, но и воплощен в практику.

Наиболее показателен в этом отношении договор Эвмена I с наемными войнами, который фиксирует официальные взаимоотношения сторон (OGIS. 266). «Условия, на какие согласился Эвмен, сын

¹⁶ О родословной Атталидов см.: *Cardinali G.* La Genealogia degli Attalidi // MAB. 1913. Vol. VII. P. 177–185; *Meyer E.* Zum Stammbaum der Attaliden // Klio. 1923–1925. Bd. XIX. S. 462–471; *Hansen E.* Op. cit. P. 15–16, 26. Not. 2. P. 27; *Hoffmann W.* Op. cit. Sp. 2157–2158; *Allen R.* Op. cit. P. 181–189.

¹⁷ В связи с тем, что подробное изложение данного сюжета и аргументация в пользу приведенной нами точки зрения требует много места и уведит от изложения основной темы, а также в связи с тем, что данный сюжет носит дискуссионный характер, мы выносим его в приложение (см. приложение 7).

¹⁸ Бикерман Э. Указ. соч. С. 13.

Филетера» (стк. 1) — этой фразой начинается изложение вытребованных наемниками льгот. Эвмен I дал клятву: «Я буду благоволять воинам и командирам» (стк. 54 сл.), «Я не буду злоумышлять против них» (стк. 60), «Не выдам их неприятелю» (стк. 61) и т. д. Взбунтовавшиеся солдаты клялись: «Заключаю мир в наилучшем отношении с Эвменом, сыном Филетера, и буду благоволять ему и его владениям, и не буду злоумышлять против Эвмена, сына Филетера» (стк. 25–26). В документе фигурирует не государственная должность, не титул Эвмена I (его власть вообще никак не определена), а конкретный правитель, с которым воины и заключили договор.

С позиций этого же принципа были составлены основные условия мирного договора, заключенного в 188 г. до н. э. при Апамее. В отношении городов Малой Азии было решено, что те из них, «которые уплачивали налог Атталу», должны вносить форос Эвмену. Если же город воевал на стороне сирийского царя, то обязан Эвмену платить форос, вносимый ранее Антиоху (Polyb. XXI. 46, 2). В статьях этого же договора государства с республиканской формой правления обозначены Полибием иначе — «римляне», «родосцы»¹⁹. В постановлении, которое приняло народное собрание и должностные лица Телмесса в связи с победой Эвмена II над царем Вифинии Прусием, галатами и их союзниками, сказано в соответствующем данному роду документов возвышенном стиле, что царь Эвмен предпринял войну «не только ради подчиненных ему (οὐ μόνον ὑπὲρ τῶν ὑφ' αὐτὸν τασσομένων — стк. 8), но и ради всех проживающих в Азии»²⁰.

Другой пример показывает, что и сами цари отождествляли государство и государственную власть со своей собственной личностью. Аттал I в ответ на просьбу граждан города Магнесия-на-Меандре признать празднества в честь богини Артемиды Левкофриены писал: «города, находящиеся под моей властью» (τὰς ὑπ' ἐμὲ πόλεις — RC. 34. Стк. 12), «города, подчиняющиеся мне» (αἱ πόλεις δὲ αἱ πειθόμεναι ἐμοί — RC. 34. Стк. 19–20). Персональный характер связи эллинистического правителя с его подданными проявлялся в том, что привилегии и льготы, которые он предоставлял, после смерти царя не были действительны до тех пор, пока новый правитель не подкреплял их специальным указом или письмом. В послании Аттала III Гиеракоме в Лидии говорится о том, что царь признал асилию (неприкосновенность) персидской богини, святилище которой находи-

¹⁹ Аналогичным образом излагает условия договора и Тит Ливий (XXXVIII. 38–39).

²⁰ Allen R. Op. cit. P. 211. № 7.

лось в этом поселении, и тем самым подкрепил льготу, данную ранее прежними правителями — Селевкидами и предками царя, видимо, Эвменом II и Атталом II (RC, 68. Стк. 4–6). Складывается впечатление, что каждый новый правитель из Селевкидов, а затем и из Атталидов повторял привилегии, данные его предшественниками²¹.

Для Пергамского государства характерен высокий уровень концентрации власти в руках царя. Из нескольких документов известно, что предоставление разного рода льгот городам, военным поселениям осуществляли наместники провинций только с разрешения царя. В декрете, принятом населением городка Аполлония на Риндаке, в заслугу стратегу прилегающих к Геллеспонту областей Коррагу, сыну Аристомаха, ставится то, что он упросил царя предоставить полису законы, традиционное устройство, священный участок, деньги на управление и на оливковое масло для юношей (SEG. II, 663. Стк. 9–12).

Именно царю принадлежало также право освобождать полисы от налогов (стк. 21–24). Письмо Эвмена II Артемидору по поводу деревни кардаков также свидетельствует о личном участии царя в выработке решений даже по незначительным вопросам. Документ представляет собой ответ на донесение Артемидора (его государственная должность не указана, может быть, он стратег провинции) о бедственном положении жителей деревни. Царь лично определил размер подати, распорядился относительно ремонта укреплений²².

Власть эллинистического царя имела военный характер. Это выразилось в том, что правитель обладал высшей военной властью, осуществляя часто лично командование армией и флотом, разрабатывал вместе со своим окружением военные планы, наконец, принимал решения относительно начала войны или заключения мира. Назначение должностных лиц высшего ранга с гражданской и военной властью также было прерогативой царя. Декрет из города Сарды, принятый в честь Тимарха (Sardis. VII. 1, 4), сообщает о том, что этот человек был назначен царем (видимо, Эвменом II) на должность хранителя государственной казны в Пергаме (стк. 2–3), позже другой царь (предположительно Аттал II) поставил его неокором храма Артемиды в Сардах (стк. 11). Другой документ — почетное постановление Мегар (Syll.³ 642) — принят в связи с деятельностью Ги-

²¹ Welles Ch. B. RC. P. 275.

²² Clara Rhodos. 1939. Т. IX. P. 190. Некоторые царские письма Селевкидов или послания их стратегов другим должностным лицам также содержат обращения лишь по имени, без указания должности лица (RC. 36. Стк. 1; 37. Стк. 1).

кесия из Эфеса, который был назначен (в надписи не сказано, на какую должность, видимо, эпистатом) на Эгину царем Эвменом II (стк. 2–4). Из известных нам других царских должностных лиц были назначены царями на свои посты эпистат острова Эгина Клеон (OGIS. 329), провинциальный наместник Корраг (SEG. II. 663). В городе Пергаме при Эвмене I была введена также практика назначения членов высшей полисной коллегии стратегов (OGIS. 267. Стк. 2–3, 22–24). Правда, неясно, сохранялась ли данная практика при преемниках Эвмена I: источники ничего не сообщают об этом, а мнения специалистов расходятся.

Строительство новых городов, переселение жителей из одного населенного пункта в другой тоже разрешалось лишь с позволения царя, или при личном участии, либо по его инициативе. Аттал I, по словам Страбона, переселил жителей городка Гергифа в Троаде в Мисию к истокам реки Каик (XIII. 1, 19; 1, 70). Граждане полиса Темна или Теоса (название его в надписи не сохранилось, в тексте читается только первая буква) просили царскую администрацию прислать им новых поселенцев (Sardis. VII. № 2. Стк. 13). Просьбы жителей были выполнены должностными лицами царя (очевидно, Эвмена II), но по этому поводу был составлен специальный акт, закрепивший от имени монарха предоставленные людям льготы. Надпись из города Аполлониды, основанного правителями Пергама в Лидии, повествует о том, что замысел основания нового полиса возник у Эвмена II, но был воплощен одним из его братьев²³.

Полис Тирией во Фригии был образован на основе сельских общин решением Эвмена II, которое он отразил в своих посланиях новому городу²⁴.

Наиболее важные дипломатические акции пергамские цари осуществляли лично. Высокую активность в этом роде деятельности развернули Аттал I, Эвмен II и Аттал II. Эвмен II, например, трижды совершал поездки в Рим, посещал Афины, Дельфы, неоднократно встречался с послами Римской республики, Антиоха III, Фарнака I — царя Понта, принимал посольства многих городов.

Роль царей Пергамского государства была велика в религиозной жизни страны. Им принадлежала инициатива в распространении

²³ *Tschirikover V.* Die Hellenistischen Stadtgrundungen von Alexander dem Grossen bis auf die Romerzeit. Leipzig, 1927. S. 23; *Robert L.* Villes d'Asie Mineure. Paris, 1935. P. 32.

²⁴ *Jonnes L., Riel M.* A New Royal Inscription from Phrygia Paroreios: Eumenes II grants Tyriaion the Status of a Polis // EA. 1997. Vol. 29. P. 1–29; *Schuler Chr.* Kolonisten und Einheimische in einer Attalidischen Polisgründung // ZPE. 1999. Bd. 128. S. 124–132. Подробнее о надписи и ее содержании см. ниже, в гл. 3.

новых культов в стране, в организации религиозных празднеств. Атталиды активно распространяли культ Диониса Категемона и Зевса Сабазия, лично назначали жрецов этих богов (RC. 65–67). По желанию Эвмена II в 181 г. до н. э. были основаны торжества Никефории. Сохранилось письмо одного из царей Пергама какому-то высшему должностному лицу по поводу культа бога Зевса (RC. 24)²⁵, в котором царь определил многие детали, связанные с осуществлением обрядов и положением жреца, — его одеяние, способ избрания и т. п.

В соответствии с представлениями эллинистического времени о царской власти монарх считался источником права — обладал прерогативой издания государственных законов.

В Пергамском царстве, как и в других государствах эллинистического мира, законы издавались на двух уровнях. Первый — решения народных собраний городов, которые принимались только для жителей данного полиса и не распространялись на граждан других общин. Корона в той или иной степени и форме стремилась оказывать влияние на законодательную деятельность народных собраний городов, о чем будет сказано в разделе, посвященном развитию городского строя. Второй — более высокий уровень — составляли законы, вышедшие из царской канцелярии. Издавались они от лица царя, распространяли свое действие на население всей страны.

Цари часто обращались к городам или должностным лицам с письмами, в которых воля монарха выражалась в форме пожелания или рекомендации. Для царского должностного лица такое послание имело характер распоряжения, обязательного к исполнению. Что касается городов, то они, принимая во внимание царскую волю, облачали ее в постановление собрания граждан и тем самым придавали ей характер закона.

Необходимо подчеркнуть преемственность в развитии власти царей Пергама: она сохраняла многие черты власти первых правителей. По-прежнему одним из оснований ее являлась военная сила. Старыми оставались формы и принципы взаимоотношений с полисами, в том числе со столицей.

Для более верного решения вопроса о характере власти пергамских царей важно выяснить, существовали ли какие-либо юридиче-

²⁵ По мнению Ч. Б. Уэллза, автором письма был Аттал I (*Welles Ch. B. RC. P. 116*). Р. Аллен относит документ ко времени правления Эвмена II (*Allen R. Op. cit. P. 173–174*). В надписи божество не названо; о том, что это Зевс, см.: *Fränkel M. IvP. Bd. 1. S. 37; Welles Ch. B. RC. P. 116*.

ские ограничения их деятельности, защищалась ли отдельная личность в государстве от произвола монарха. Источники приводят примеры своеволия царей, расправы по желанию монарха над отдельными людьми и над целыми группами.

Диодор Сицилийский рассказывает о расправе, которую учинил над приближенными своего предшественника пришедший к власти царь Аттал III. Разработав замысел и подготовив все необходимое для его осуществления, он пригласил во дворец влиятельных людей, где по его приказу наемники варварского происхождения (может быть, кельты, мисийцы или фракийцы) всех убили (XXXIV–XXXV. 3). Юстин говорит, что царь Аттал III «запятнал свое правление убийством друзей и казнями родичей» (XXXVI. 4, 1).

Другую трагическую ситуацию из истории царства Пергам мы находим в сочинении Страбона «География». Ученый-грамматик Дафид сочинил стихотворение, в котором резко и оскорбительно охарактеризовал Атталидов: «Пурпур рубцов от бича, вы — казны Лисимаха опилки, // Гордых фракийцев и лидов вам подчинен весь народ» (пер. Г. А. Стратановского). За это по приказу царя Атталла (вероятно, Атталла III) грамматик Дафид был распят на кресте на горе Торакс около города Магнесия-на-Меандре (XIV. 1, 39)²⁶.

Общим в обоих случаях является то, что расправы творились произвольно, без какого-либо судебного решения, а основой их служила лишь воля монарха. Очевидно, юридических гарантий личности перед лицом центральной власти не существовало. Вместе с тем можно полагать, что общественное мнение отрицательно относилось к подобным действиям царей. Во всяком случае, и Диодор, и Юстин, и Страбон, рассчитывая на понимание со стороны читателей и выражая, видимо, сложившееся издавна впечатление, осуждают эти злодеяния.

При этом необходимо подчеркнуть, что в полисах эллинистической эпохи сохранялись традиционные законы, защищавшие личность, ее жизнь, здоровье, имущественные, политические, семейные и иные права. Но эта система мер, видимо, не распространялась вовсе на действия монарха и не гарантировала права гражданина перед царской властью.

Одной из черт династии Атталидов было сохранение высокого положения за женщинами правящего дома — матерями и женами

²⁶ Сопоставление данных всех источников о Дафиде и обзор мнений ученых см.: Braund D. C. Three hellenistic personages: Amynder, Prusias II, Daphidas // *ClQ*. 1982. Vol. 32. N 2. P. 353–357.

царей (сестер цари Пергама не имели; во всяком случае, источники ни разу не упоминают их). Все правители подчеркивали демонстративно почтительное отношение, уважение к матери-царице, ее высокое положение, что было воспринято также полисами и нашло отражение в ряде эпиграфических документов. Основатель династии Филетер и его брат Эвмен, как мы уже сообщали, построили в Пергаме храм богини Деметры, рядом с которым был поставлен большой алтарь. На архитраве храма и на одной из сторон алтаря выбиты надписи одинакового содержания — посвящение братьев богине Деметре ради их матери Боа²⁷.

Царица Аполлониды — жена царя Аттала I и мать двух других царей Эвмена II и Аттала II была окружена почтением при жизни, а после смерти — обожествлена²⁸. Во время одной из войн Пергама с Вифинией жители города Телмесса приняли постановление, по которому жрецы и жрицы должны молиться о даровании победы и силы как на суше, так и на море царю Эвмену II, матери царице Аполлониде и его братьям²⁹. Культ Аполлониды посвящен постановлению народных собраний городов Теоса и Гиерополя (OGIS. 308, 309)³⁰. Аналогичным образом в документах подчеркивалось высокое положение царицы Стратоники — жены Эвмена II и Аттала II и матери Аттала III³¹.

В доэллинистическое время в семьях малоазийских царей и правителей (в том числе греческого происхождения) женщины имели высокое положение, в ряде случаев выполняли ответственные политические поручения или даже обладали властью. Геродот рассказывает о карийской царице Артемисии, которая после смерти мужа осуществляла управление страной и даже возглавляла флот во время похода Ксеркса (VII. 99; VIII. 68, 69, 87, 88, 93, 101–103, 107). Ксенофонт упоминает об Эпиаксе, жене киликийского правителя Сиеннесия, которая вместе с отрядом своих телохранителей некоторое время сопровождала Кира Младшего во время перехода по Фригии

²⁷ Hansen E. Op. cit. P. 237–238; надписи изданы: AM. 1910. Bd. XXXV. S. 437–438. N 22, 23.

²⁸ Об Аполлониде см.: Wilcken U. Apollonis // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 163–164; Van Looy H. Apollonis reine de Pergame // Ancient Society. 1976. Vol. 7. P. 151–165; Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. München, 1977. S. 32–33.

²⁹ Allen R. Op. cit. P. 211–212. № 7. Стк. 19–22.

³⁰ См. также надписи: Allen R. Op. cit. P. 213. № 9. Стк. 12–13; P. 215–216. № 11. Стк. 14; OGIS. 292, 307; CIG. II. 3067.

³¹ О царице Стратонике см.: Allen R. Op. cit. P. 200–209, 212. № 8. Стк. 6–8; OGIS. 293, 304, 313, 318, 316. Стк. 16. См. также: Hopp J. Op. cit. S. 27–29.

и Ликаонии, а затем способствовала установлению мира между персидским царевичем и мужем (Xenoph. Anab. I. II. 12, 13–18, 25–27). Согласно другому сообщению Ксенофонта (Xenoph. Hellen. III. 10–18), после смерти сатрапа Эолиды Зения на эту должность была поставлена его жена Мания, которая сохраняла власть до своей гибели. В Карии, как известно, во второй половине IV в. до н. э. правила царица Ада, которая, по определению Арриана и Диодора, обладала властью на законных основаниях (Agt. Anab. I. 23, 7–8; Diod. XVII. 24, 2; Strab. XIV. II, 17). В самом Пергаме в конце V — начале IV в. до н. э. правила Геллада, жена Гонгила (Xenoph. Anab. VII. 8. 8–9).

Публично и официально демонстрируемое почтение к матери и жене-царице не мешало, между тем, пергамским царям иметь наложниц. По античной традиции Аристоник, возглавивший восстание в Пергамском государстве, был сыном Эвмена II и наложницы — дочери музыканта — кифареда из Эфеса³². Причем Аристоник, можно полагать, получил воспитание при царском дворе.

Резиденция правителей династии Атталидов размещалась в столице — городе Пергаме, во дворце. Кроме столичного они имели дворец в городе Траллы (Vitruv. II. 8, 9; Plin. Nat. Hist. XXXV. 172), а также, возможно, в некоторых других полисах. Известно, что Селевкидам принадлежал дворец в Эфесе (Plut. Moral. 489 B; Liv. XXXV. 15, 6). После 188 г. до н. э. город перешел под власть Атталидов; видимо, и дворец стал достоянием пергамских царей.

Археологические материалы позволяют получить полное представление о резиденции правителей Пергамского царства. Дворцовый комплекс занимал вершину холма и вместе с некоторыми другими строениями находился на территории кремля. Вход в крепость был закрыт, защищался башнями. Жилище царя представляло собой комплекс помещений, так называемые дворцы IV и V, которые имели незначительную площадь, напоминая скорее дом богатого горожанина, чем царский дворец. В соответствии с греческими архитектурными традициями комнаты обоих дворцов (IV и V) выходили во внутренние дворыки прямоугольной формы. Наружные замкнутые стены были глухими. При скромных размерах дворцы IV и V имели богатое внутреннее убранство. Нижняя часть стен жилых комнат была отделана мрамором. Богатый декор

³² Justin. XXXVI. 4, 6. Ср.: Strab. XIV. I, 38; Vell. Paterc. II. 4, 1. Сведения о происхождении Аристоники противоречивы: Юлкина О. Н. Пергамский декрет 133 г. до н. э. // ВДИ. 1947. № 4. С. 163. Примеч. 9.

средней и верхней части стен, к сожалению, сохранился лишь в незначительных фрагментах. Полы помещений украшала великолепная мозаика³³.

2.2. Центральное управление

В эллинистических царствах сложилась сложная система центрального управления, включавшая должностных лиц, обладавших различными придворными рангами и званиями. Данная система исследована и описана на материалах царств Птолемеев и Селевкидов³⁴. К сожалению, пергамские источники не дают такого полного и богатого материала, как египетские, и не позволяют в полной степени ее восстановить.

Система управления Пергамским государством при ранних Атталидах — Филетере и Эвмене I неизвестна. Наиболее вероятно, управление осуществлял лично правитель через посредство узкого круга приближенных. Территория государства была невелика, поэтому, очевидно, система административно-территориального деления страны отсутствовала, за исключением городских округов — фил. Во всяком случае, нет никаких сведений о существовании системы административно-территориального деления страны в это время. Видимо, отсутствовали и специальные учреждения, ведомства центральной власти.

После принятия царского титула Атталом I в Пергаме по образцу других эллинистических государств началось формирование придворного аппарата. Разрозненные источники не позволяют, к сожалению, восстановить структуру его в полном виде и проследить процесс развития. Можно утверждать, что круг придвор-

³³ Hansen E. Op. cit. P. 274–275, 370–372; Rohde E. Pergamon. Burgberg und Altar. Berlin, 1982. S. 45–46.

³⁴ О придворных должностях в государстве Селевкидов см.: Бикерман Э. Государство... С. 41–49; в государстве Птолемеев: Mooren L. The Aulic Titulature of the Ptolemaic Egypt. Brussel, 1975; idem. The Ptolemaic Court System // Chronique d'Egypt. 1985. T. 60. N 119/120. P. 214–222; idem. La hierarchie de cour Ptolemaïque. Contribution a l'etude des institutions et des classes dirigeantes a l'epoque hellenistique. Louvain, 1977; в Македонии Антигонидов: Hammond N. G. L. The Macedonian State... P. 392–393. См. также: Walbank F. W. Monarchies... P. 68–71.

Все материалы о придворных титулах и рангах в Пергамском государстве сведены в таблицу (Приложение 1).

ных должностей и званий в царстве Пергам был достаточно широк и сложен.

Документы упоминают высшее должностное лицо с титулом $\delta \epsilon \pi \iota \tau \omega \nu \pi \rho \alpha \chi \mu \acute{\alpha} \tau \omega \nu$ — «заведующий делами». Это Меноген, сын Менофанта (OGIS. 290–296; RC. 61). Он начал свою служебную деятельность при царе Эвмене II. Сохранилась почетная надпись в честь Меногена от имени македонян-воинов из Накрасы (OGIS. 290). Если верно восстановление отдельных слов, предложенное В. Диттенбергером³⁵, Меноген обладал при Эвмене II званием «родственник» царя ($\delta \sigma \upsilon \gamma \epsilon \nu \acute{\eta} \varsigma$) и занимал должность — неясно где, в Накрасе или в Пергаме — номофилака. Затем он достиг одной из высших государственных должностей — поста «заведующего делами» $\delta \epsilon \pi \iota \tau \omega \nu \pi \rho \alpha \chi \mu \acute{\alpha} \tau \omega \nu$ и поставил в Пергаме от своего имени надписи в честь царя Аттала I (умершего и потому названного в документах богом), царицы Аполлониды, царицы Стратоники, братьев царя Эвмена II Аттала, Филетера и Афенея (OGIS. 291–296). В письме Аттала II жрецу Кибелы Аттису (RC. 61) Меноген назван наряду с Афением — братом царя — в числе «родственников» ($\tau \omega \nu \alpha \nu \alpha \kappa \alpha \acute{\iota} \omega \nu$ — стк. 5) царя и членов высшего государственного совета.

На основе имеющихся источников служебные обязанности «заведующего делами» при царях Пергама определить невозможно. М. И. Ростовцев, Э. Хансен, Ч. Б. Уэллс называют его prime minister, Э. Бикерман (по материалам государства Селевкидов) — великим везирем³⁶. Во всех других эллинистических государствах это был ближайший помощник царя в делах управления страной.

Среди царских придворных в государстве Пергам известно лицо с титулом $\delta \epsilon \pi \iota \tau \eta \varsigma \sigma \phi \rho \alpha \chi \acute{\iota} \delta \omicron \varsigma$ «хранитель печати». По документам царства Атталидов известны два обладателя этого звания, в дополнение к которому они имели другие. Деметрий, сын Аполлония, при Эвмене II был «хранителем печати» и стратегом Эфеса и прилегающих к нему мест, равнины Кайстра и Килбианской равнины ($\delta \epsilon \pi \iota \tau \eta \varsigma \sigma \phi \rho \alpha \chi \acute{\iota} \delta \omicron \varsigma \kappa \alpha \iota \sigma \tau \rho \alpha \tau \eta \gamma \acute{o} \varsigma \epsilon \pi \iota \tau \epsilon \text{ } \epsilon \phi \acute{\epsilon} \sigma \omicron \upsilon \kappa \alpha \iota \tau \omega \nu \kappa \alpha \tau \text{ } \epsilon \phi \acute{\epsilon} \sigma \omicron \nu \tau \acute{o} \pi \omega \nu \kappa \alpha \iota \text{ } \text{Καύστρου πεδίου καὶ τὸ Κιλβιανόν}$)³⁷. Второй «хранитель печати» — Филопемен, сын Андроника, назван в надписи также и стратегом — $\delta \sigma \tau \rho \alpha \tau \eta \gamma \acute{o} \varsigma \kappa \alpha \iota \epsilon \pi \iota \tau \eta \varsigma \sigma \phi \rho \alpha \chi \acute{\iota} \delta \omicron \varsigma$ (SEG. I. 374). Он

³⁵ Вариант восстановления текста В. Диттенбергером принят Р. Алленом (*Allen R. Op. cit.* P. 129).

³⁶ Бикерман Э. Государство... С. 35; Welles Ch. B. RC. P. 250; Rostovtzeff M. Pergamum. P. 594; Hansen E. Op. cit. P. 202; Ehrenberg V. The Greek State. London, 1969. P. 182.

³⁷ Allen R. Op. cit. P. 226. № 25.

был деятелем при дворе Аттала II и приобрел, по словам Плутарха (Plut. Moral. 792), значительное влияние. Павсаний сообщает также, что Филопемен командовал войсками Пергамского царства, направленными в Грецию для участия на стороне Рима в разгроме Коринфа в 146 г. до н. э. (VII. 16. 1, 8). В чем конкретно заключались обязанности «хранителя печати» в царстве Атталидов — неизвестно.

Один из документов — письмо Аттала II жрецу храма Кибелы в Пессинунте — упоминает группу приближенных царя, имевших придворный титул ὁ ῥαυκαίος «родственник» (RC. 61. Стк. 5). Они составляли высший государственный совет, помогавший монарху в выработке ответственных решений. В названном документе говорится о том, что Аттал II после встречи со жрецом Аттисом в Апамее, вернувшись в Пергам, созвал на совет «родственников» и изложил им итоги переговоров (стк. 2–6). Затем состоялось долгое обсуждение, в ходе которого высказывались и взгляды, не совпадавшие с царской точкой зрения. На совете решался вопрос об оказании военной помощи Аттису в борьбе против какого-то врага, может быть, галатов. Ученые неоднократно отмечали, что придворное звание «родственник царя» носило почетный характер и могло даваться людям, которые не состояли в родстве с монархом³⁸. Среди членов совета «родственников» упомянут некий Хлор (стк. 8), имя которого в других пергамских документах не встречается. По имени видно, что он не был греком. К сожалению, неизвестно, существовал ли подобный совет при других правителях Пергама. Судя по материалам эллинистических царств, состав совета не был постоянным, видимо, нигде не утверждался и зависел только от личных симпатий царя, его представлении о компетентности того или иного лица и, наконец, от влияния, которым обладал приглашенный в состав совета придворных³⁹.

Среди придворных важную роль играли лица, обладавшие титулом ὁ σύντροφος τοῦ βασιλέως — «товарищ детства царя» или «совоспитанник царя». Одним из них был известный нам по нескольким коротким упоминаниям в источниках Сосандр — приближенный братьев царей Эвмена II и Аттала II. Полибий, рассказывая о войне царя Вифинии Прusias II против Пергама, повествует о действиях Сосандра, который во главе военного отряда вступил в Элею и, отбив атаки и приступы армии противника, спас тем самым город от разорения (XXXII. 15, 10). Из письма Аттала II своему двоюродному

³⁸ Welles Ch. B. RC. P. 250.

³⁹ Бикерман Э. Государство... С. 176–177.

брату Афенею (RC. 65) следует, что Эвмен II назначил Сосандра жрецом бога Диониса Категемона. Эту обязанность «товарищ детства царя» выполнял и при Аттале II до своей смерти. Как известно, культ Диониса Категемона играл в царстве Пергам важную роль и был связан с представлением о происхождении династии Атталидов от бога Диониса⁴⁰. Сосандр также входил в состав высшего государственного совета при царе Аттале II и обладал придворным званием «родственник царя» $\delta' \alpha\nu\alpha\chi\alpha\acute{\iota}\omicron\varsigma$ (RC. 65. Стк. 6, 28).

Другой «товарищ детства царя» времени правления Аттала II или Аттала III — это Аполлонид, сын Феофила. Он известен по очень короткой почетной надписи из Пергама, в которой гражданская община отметила его «доблесть» и «благожелательность» по отношению к царю и народу столицы (OGIS. 334).

Среди лиц с этим титулом также некий Феофил, деятельность которого пришлась на период правления Аттала II. О нем рассказывает очень короткая почетная надпись из Афин (SEG. XIV. 127), на основании которой можно предположить, что Феофил выполнял какое-то дипломатическое поручение царя. Р. Аллен считает его братом названного выше Аполлониды⁴¹.

В недавно опубликованной надписи из Филадельфии упоминается Асклепид, сын Феофила, из Пергама, совоспитанник Аттала, брата царя ($\sigma\upsilon\nu\tau\epsilon\theta\rho\alpha\mu\acute{\mu}\epsilon\nu\omicron\varsigma \text{ 'Αττάλῳ τῷ τοῦ βασιλέως 'αδελφῳ}$ — *Malay H. Researches...* 182. Стк. 2–3). Текст из Филадельфии представляет собой почетное постановление, принятое гражданской общиной по предложению стратегов и булевтов в связи с кончиной Асклепида. Датируется постановление временем между 170 и 159 гг. до н. э. Вероятно, в честь этого же лица было принято почетное постановление городом Лариса в Фессалии, где имя чествуемого дано несколько иначе — Асклепиад (SEG. XXXI. 574).

Феофил и его три сына являются собой пример наследственной пергамской придворной аристократии, все члены которой играли заметную политическую роль. Отец относился к числу наиболее близких к царю лиц. Три его сына были совоспитанниками царя Аттала II и также заняли высокое положение при дворе. Асклепид, возможно, выполнял какое-то дипломатическое поручение царя, в связи с чем появилось почетное постановление Ларисы. Часть своей жизни он провел в Филадельфии, за что городская община предоставила ему ряд почестей.

⁴⁰ *Prott H. von.* Op. cit. S. 161–188.

⁴¹ *Allen R.* Op. cit. P. 131.

Среди документов Пергамского государства, связанных с деятельностью обладателей титула «товарищ детства царя», важное место занимает почетный декрет гражданской общины столицы, принятый в честь придворного, имя которого в надписи не сохранилось (OGIS. 323). Документ, датируемый временем правления Аттала II, рассказывает в торжественном, возвышенном стиле о том, что чествуемый имел при царе первое место и высшие почести (*παρὰ δὲ τῷ βασιλεῖ προεδρίας καὶ τιμῆς τῆς πρώτης μετέῃχευ* — стк. 7–8) и был послан Атталом II к римлянам, чтобы сообщить о действиях врагов (видимо, царя Вифинии Прусия II и его союзников галатов)⁴². По предположению М. Френкеля, которое приняли В. Диттенбергер, Э. Хансен, Р. Аллен и другие исследователи⁴³, этим приближенным был известный из других источников Андроник, дважды совершавший поездки в Рим (Polyb. XXXII. 16, 2; App. Mithr. 4, 5) в период войны с Вифинией.

Аппиан рассказывает о том, что во время одного визита в Рим Андроник принял участие в заговоре вифинского царевича Никомеда против своего отца царя Прусия II (App. Mithr. 4–5). Андроник должен был по замыслу заговорщиков выполнить две задачи: убедить царя Аттала II оказать поддержку Никомеду, а также взять на себя со своими 500 воинами охрану царевича. В данной истории, живо изложенной Аппианом, привлекают внимание некоторые обстоятельства. Андроник отправился в Рим с посольством, имея под началом немалую военную силу. Видимо, он был влиятельным при дворе человеком и обладал значительными полномочиями. Во всяком случае, он решительно принял участие в государственном перевороте, действуя на свой страх и риск.

При царе существовал специальный корпус телохранителей (*οἱ σωματοφύλακες*), о котором, к сожалению, ничего не известно. Лишь в одном документе рассказывается о карьере царского телохранителя — в постановлении народного собрания острова Эгина в честь Клеона, сына Стратага (OGIS. 329). Декрет был принят в связи с тем, что Клеон в течение 16 лет исполнял обязанности эпистата — царского ставленника на острове. В надписи отмечается, что он гражданин города Пергама, кроме того, Клеон назван в ней телохранителем Аттала II. Видимо, служебная карьера этого человека начиналась с должности телохранителя. Позже за какие-то услуги он был назначен на пост эпистата Эгины, сохранив звание телохранителя. Оче-

⁴² Dittenberger W. OGIS. Vol. 1. P. 496. Not. 10.

⁴³ Fränkel M. IvP. Bd. 1. S. 128; Bd. 2. S. 509; Dittenberger W. OGIS. Vol. 1. P. 495–496. Not. 1; Hansen E. Op. cit. P. 201; Allen R. Op. cit. P. 132.

видно, в Пергаме, как и в эллинистическом Египте, некоторые придворные должности являлись одновременно и званиями, своего рода рангами высокого социального положения. Их сохраняли даже в тех случаях, когда прекращалось исполнение должности.

Э. Бикерман на материалах государства Селевкидов показал, что телохранители выполняли при дворе обязанности адъютантов и пажей, а охрану царя и его покоев несли «копыеносцы»⁴⁴. В державе Александра Македонского и в эллинистических царствах должность и звание телохранителя нередко служили основой будущей весьма значительной карьеры. Какая практика сложилась в Пергамском царстве, неизвестно. По мнению Дж. Кардинали и Дж. Корради, звание «телохранитель» имело в царстве Пергам лишь почетный смысл⁴⁵. Карьера Клеона показывает, что для него данное звание открыло возможность получения высокого служебного положения и власти на острове Эгина.

Одним из придворных титулов в эллинистических государствах было звание «друг царя» (*ὁ φίλος*). В документах Пергамского царства упоминается Мегон из Эфеса, пребывающий, как сказано в одной надписи, «в высшей чести» *ἐν τιμῇ τῇ πρώτῃ ὄντα* (RC. 49. Стк. 2–3). Ему была поручена Эвменом II ответственная миссия — участвовать в составе посольства, которое посетит ряд греческих городов (Иас в Карии, о. Кос), с целью призвать греков признать святилище богини Афины Никефоры и празднества в ее честь. В письме Эвмена II жителям острова Кос по этому же поводу упомянуты в числе послов царя из «друзей» снова Мегон из Эфеса и также уроженец Мирины, имя которого в документе не сохранилось (RC. 50. Стк. 6–8). Обоих посланцев царь аттестовал в письме как относящихся к числу «друзей, наиболее почитаемых при нас» *τῶν φίλων τῶν προτιμωμένων παρ' ἡμῖν* — RC. 50. Стк. 7–8).

Очень короткая надпись из городка Аттуда во Фригии (MAMA. VI. 68) была составлена в честь Солона, сына Аттала, названного в документе «первым другом» (*ὁ φίλος πρώτος*) царя. Издатели надписи У. Х. Баклер и У. М. Кальдер предполагают на основе нескольких сохранившихся от документов строк, что Солон освободил город от долга, полагавшегося ему за предоставленное жителям зерно⁴⁶.

⁴⁴ Бикерман Э. Государство... С. 38.

⁴⁵ Cardinali G. Il Regno... P. 210–211; Corradi G. Studi ellenistici. Torino. 1929. P. 311–312. Ср. также: Heckel W. Somatophylakia: a Macedonian cursus honorum // Phoenix. 1986. Vol. 40. P. 279–294.

⁴⁶ Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Vol. VI. Monuments and documents from Phrygia and Caria. Manchester, 1939. P. 29. Сыну Солона Атталу посвящена надпись: MAMA. VI. 164.

В царстве Селевкидов и других крупнейших эллинистических государствах «друзья» царя составляли определенную иерархию⁴⁷. В документах Пергамского государства упоминаются «друг» царя Эвмена II — некий Диодор (Syll.³ 651), «первый друг» царя (ΜΑΜΑ. VI. 68), «высокопочитаемые друзья» (τῶν φίλων τῶν προτιμωμένων — RC. 50), «пребывающие в высшей чести» друзья царя (τῶν φίλων ἐν τιμῇ τῇ πρώτῃ ὄντα — RC. 49). Интересно, что в отношении Мегона из Эфеса использованы разные определения: в письме городу Иас в Кариі он отнесен к числу друзей, «пребывающих в высшей чести» (RC. 49), а в послании жителям острова Кос назван среди «высокопочитаемых» друзей (RC. 50).

«Друзья» царя всех рангов не составляли при дворе определенную систему должностей, строго связанных с выполнением установленных обязанностей. Их звание было почетным придворным титулом, свидетельствующим о высоко социальном положении его обладателя, о его близости к царю. «Друзья» могли выполнять обязанности самого разного свойства⁴⁸. Известно об участии их в дипломатической деятельности (RC. 49, 50). Связь «друзей» с царем носила личный характер; не случайно, Аттал III, придя к власти, уничтожил, по словам Диодора Сицилийского, наиболее влиятельных из «друзей» своего предшественника (Diod. XXXIV–XXXV. 3), намереваясь, очевидно, создать свое собственное окружение.

Из источников известны также такие придворные звания в государстве Атталидов, как «родственник царя» (ὁ οἰκεῖος), «пребывающий при царе» (διατρίβων παρὰ τῷ βασιλεῖ), «высокопочитаемые» (οἱ προτιμωμένοι)⁴⁹.

Одна из черт центрального управления Пергамского царства заключалась в том, что исполнение важных военных и административных функций нередко возлагалось на ближайших родственников царя, при Эвмене II — на трех его братьев, среди которых особенно активную роль играл Аттал, будущий царь.

Полибий, повествуя о пребывании последнего в Риме в начале 167 г. до н. э., рассказывает о том, что сенат, намереваясь ослабить Пергамское царство, подталкивал Аттала к тому, чтобы он просил о разделе государства между ним и его братом. Опасаясь этого, Эвмен II

⁴⁷ Э. Бикерман выделяет несколько категорий «друзей» царя при дворе Селевкидов: Бикерман Э. Государство... С. 41–42. Также см.: Corradi G. Op. cit. P. 318 f.; Allen R. Op. cit. P. 133. Not. 206.

⁴⁸ Бикерман Э. Государство... С. 46–49; Allen R. Op. cit. P. 134–135.

⁴⁹ Syll.³ 651; 655; IG. II² 947; Allen R. Op. cit. P. 227. № 26.

направил к Атталу Стратия — своего приближенного. «По прибытии в Рим Стратий сошелся близко с Атталом и часто вступал с ним в продолжительные беседы: человек он был умный и красноречивый. Не без труда удалось ему отвратить Аттала от безрассудного замысла указанием на то, что и в настоящее время Аттал делит царскую власть с братом, что от брата он разнится тем только, что не носит венца и не имеет звания царя, во всем же прочем равносильен с царем...» (Polyb. XXX. 2, 3–4. Пер. Ф. Г. Мищенко). Роль Аттала при пергамском дворе Полибием, видимо, несколько преувеличена, хотя при этом огромное влияние Аттала и других братьев царя на политику невозможно отрицать.

В случае отъезда царя с военной или дипломатической миссией его замещал на царском посту один из братьев. В 189 г. до н. э. во время первой и в 172 г. до н. э. второй поездок Эвмена II в Рим за него оставался Аттал (будущий царь Аттал II). В 171 г. до н. э., когда царь отправился вместе с братьями Атталом и Афением в Грецию для участия в войне против Македонии, управлять царством и защищать его было поручено Филетеру (Liv. XLII. 55). Во многих случаях на братьев возлагалось командование армиями или достаточно крупными подразделениями. В 189 г. до н. э. сопровождающий римскую армию в походе против галатов основной отряд пергамских войск возглавлял Аттал, дополнительные силы привел Афений (Liv. XXXVIII. 12, 13, 20, 21, 25). Во время войны с царем Персеем пергамский гарнизон в Халкиде возглавлял брат Эвмена II Афений (Liv. XLII. 55). Гарнизон состоял из двух тысяч пехотинцев. Командование некоторыми другими частями было возложено на Аттала (Liv. XLIV. 4, 13).

Братья Эвмена II часто выполняли весьма ответственные дипломатические поручения. Так, Аттал накануне войны с Антиохом III посетил Рим с целью разжигания антисирийских настроений (Liv. XXXV. 23). Осенью 184 г. до н. э. поездку в Рим с жалобой на Филиппа V совершил другой брат Эвмена II Афений (Polyb. XXIII. 1, 4; Liv. XXXIX. 46, 9). После победы над царем Македонии Персеем в Рим явился с поздравлениями и с жалобами на галатов знакомый многим знатым римлянам Аттал, которому, по словам Тита Ливия, был оказан весьма благосклонный прием: «Между многими посольствами от царей, племен и народов всеобщее внимание привлек к себе больше всех Аттал, брат царя Эвмена. Он был принят теми, кто вместе с ним участвовал в войне, настолько же благосклонно, как если бы прибыл сам царь Эвмен» (Liv. XLV. 19. Пер. А. Н. Лисовского). В некоторых случаях прием послов также осуществляли братья царя. Аттал в послании

жителям города Амлады писал: «Ваши послы... прибывшие к нам и переговорившие относительно того, что поручили им вы, просили...» (RC. 54. Стк. 2–4).

В ответственный для Пергамского царства момент в конце правления Эвмена II переписку с Аттисом, жрецом храма Кибелы в Песинунте, вели как сам царь (RC. 55, 56), так и его брат Аттал (RC. 57–59). Письма показывают, что Аттал не только получал послания жреца, но и принимал его послов.

Братья Эвмена II, особенно Аттал, активно участвовали в управлении государством, нередко принимали ответственные решения. В упоминавшемся выше письме городу Амлада Аттал распорядился: «Видя, что вы раскаиваетесь в совершенных ранее нарушениях, а наши предписания с готовностью выполняете, я... распорядился вычесть из форося и уплаты три тысячи драхм и освободить вас от уплаты других девяти тысяч драхм... Я освободил также ваших заложников...» (RC. 54. Стк. 9–16). Сохранилось письмо Атталы поселенцам на земле храма Аполлона Тарсена, датированное 185 г. до н. э. (RC. 47). Брат царя предоставил храмовым земледельцам освобождение от налога на мелкий рогатый скот (стк. 5–6). Некоторые источники называют Атталу участником ряда важных акций, предпринятых его братом Эвменом II. По рассказу Стефана Византийского, братья основали город Дионисополь (s. v. Διονύσου πόλις).

Большую роль в системе центрального управления играла царская канцелярия. Этот орган получал поступающую на имя царя корреспонденцию, оформлял царские распоряжения, законы и рассылал их должностным лицам и городам. Каждое письмо монарха сопровождалось указанием, кто именно доставил его.

На основании одного источника можно полагать, что при дворе Атталидов велись эфемериды — ежедневные записи наиболее значительных событий, происходивших в стране, в жизни царя и его окружения. Аттал II в своем послании городу Кизику в 135 г. до н. э. сослался на записи, сделанные в 18-й год правления Атталы II (RC. 66. Стк. 14–15)⁵⁰. Эта хроника, кроме того, включала копии документов, исходивших из царской канцелярии. В указанном письме Атталы III упомянуто послание Атталы II 142 г. до н. э. своему приближенному Афенею. Подобная практика имела в эллинистической истории, начиная с Александра Македонского, широкое распространение, и в этом отношении Атталиды лишь копировали придворную традицию Птолемея, Селевкидов и других династий.

⁵⁰ Welles Ch. B. RC. P. 270.

Официальным языком, на котором велось делопроизводство в Пергамском царстве, был греческий. На других языках, насколько известно, документы Атталидов не составлялись.

Государство имело казну и специальное должностное лицо, ведавшее финансами. В Пергамском царстве оно называлось $\delta \rho \acute{\iota} \sigma \chi \omicron \varphi \acute{\upsilon} \lambda \alpha \xi$ «хранитель казны» и упомянуто всего лишь один раз в декрете граждан города Сарды в честь Тимарха, сына Менедема (Sardis. VII. 1, 4). В документе подчеркнуто, что Тимарх на свою должность был назначен царем. Казна в государстве Атталидов называлась, вероятно, $\rho \acute{\iota} \sigma \chi \omicron \varsigma$ в отличие от $\gamma \alpha \zeta \omicron \varphi \acute{\upsilon} \lambda \acute{\alpha} \chi \iota \omicron \nu$ царства Селевкидов⁵¹. Хранилась казна, видимо, в Пергаме, где еще царем Лисимахом была помещена под охраной Филетера внушительная сумма в 9 тысяч талантов (Strab. XIII. 4, 1). Преемники Филетера значительно увеличили богатства казны, во всяком случае, Атталиды легко и безболезненно для финансового положения собственной страны осуществляли пожертвования и дарения храмам, городам и другим государствам. Известно, что Аттал I подарил Риму золотой венок в 246 фунтов весом (Liv. XXXII. 8, 9–16; 27, 1), городу Сикиону предоставил десять талантов серебра и десять тысяч медимнов пшеницы (Polyb. XVIII. 6, 3; Liv. XXXII. 38–40, 9; Iustin. XXX. 4, 5). Эвмен II делал крупные подарки зерном Милету (Milet. III. S. 244–245), Родосу (Polyb. XXXI. 31), некоторым другим городам (SEG. II. 663), предлагал Ахейскому союзу сто двадцать талантов (Polyb. XXII. 7–8; Diod. XXIX. 17). Остров Эгина был приобретен Атталом I у Этолийского союза за 30 талантов (Polyb. XXII. 8, 10).

Многие полисы получили от царей правившей в Пергамском государстве династии в качестве дара прекрасные общественные сооружения: Пессинунт — святилище Матери богов (Strab. XII. 5, 3), Кизик — храм в честь Аполлоныды, матери Эвмена II и Аттала II (Anthol. Palat. III), Калаврий — святилище Посейдона (OGIS. 297), Милет — стадион и гимнасий⁵², Делос — стую, Дельфы — целый архитектурный ансамбль, включавший стую, святилища Неоптолема (или Пирра), Диониса и другие постройки⁵³, Афины — знаменитую стую Аттала и т. д.⁵⁴ Не случайно для Вергилия (Verg. Culex. 63) и Горация (Hor. Carm. I. 1, 11–13; II, 18, 5–6) династия Атталидов

⁵¹ Букерман Э. Государство... С. 119; Rostovtzeff M. Pergamum. P. 594; Buckler W. H., Robinson D. M. Sardis. Part I. Greek and Latin Inscriptions. Leiden, 1932. P. 12.

⁵² Hansen E. Op. cit. P. 288–290.

⁵³ IG. XI. 4, 1109, 1110; Hansen E. Op. cit. P. 292–293.

⁵⁴ IG. II. 1170; Hansen E. Op. cit. P. 295–296.

стала символом огромных богатств и неограниченных материальных возможностей.

Распределялись и выделялись средства из казны по распоряжению монарха, которому принадлежала высшая финансовая власть в стране. Решение царя по денежным вопросам, видимо, было окончательным и не подлежало утверждению каким-либо коллегиальным органом, в том числе советом «друзей» и «родственников».

Кроме средств государственных царь и члены его семьи имели свои собственные деньги, которые в некоторых случаях использовали на нужды страны. Надпись из города Аполлоныды в Лидии времени Аттала II сообщает, что царь выделил для поселенцев, для объединения небольших поселений в полис, деньги из своих средств (стк. 5–6)⁵⁵.

При дворе пергамских царей проживало большое число ученых, философов, скульпторов, художников. Они не занимали никаких государственных должностей и составляли своего рода интеллектуальное, творческое окружение правителя. Среди них известны выдающийся скульптор Эпигон, врач Стратий, ученый грамматик Кратес, поэты Лесхид и Мусей из Эфеса, поэт и историк Аполлодор из Афин, поэт Никандр из Колофона.

Некоторые из людей этого круга, имея достаточно близкое знакомство или даже дружбу с царями и их родственниками, вовлекались так или иначе в сферу придворных отношений, могли оказывать определенное влияние на политику. Понятно, что влияние людей данного круга, осуществляемое неофициально и непрямо, весьма мало отражено в источниках. Выше мы приводили рассказ Полибия о том, как римляне, надеясь ослабить Пергамское государство расколом, искушали брата царя Эвмена II Аттала просить у них для себя власти. Эвмен II, догадавшись о настроении брата, направил в Рим вместе с Атталом и посольством врача Стратия, который пользовался у него полным доверием (Polyb. XXX. 1–2). Врач в долгих и частых беседах сумел отговорить Аттала от его намерений. Видимо, роль своего рода политического консультанта намеревался сыграть при дворе Аристоники известный философ Блоссий, приехавший специально в Малую Азию из Италии.

Мы встречаем также при царском дворе людей, происхождение которых не было связано ни с Пергамским царством, ни даже с Ма-

⁵⁵ *Tscherikover V. Stadtgrundungen...* S. 23. Л. Робер по-иному восстановил данные строки текста: *Robert L. Villes d'Asie Mineure*. Paris, 1953. P. 32.

лой Азией. Это, например критянин Левс (Liv. XXXVIII. 13), один из военачальников, имя которого упомянуто в связи с походом 189 г. до н. э. римских и пергамских войск против галатов. Известная фигура — македонянин Корраг — стратег провинции и полководец (SEG. II. 663; Liv. XXXVIII. 13; XLII. 67, 4), деятельность которого пришлось на время правления братьев царей Эвмена II и Аттала II. Полибий, рассказывая об обращении жителей города Кидония на Крите к Эвмену II с просьбой о военной помощи, упоминает командира пергамского отряда Леона, о котором, к сожалению, иной информации нет (Polyb. XXVIII. 15, 2–3).

Среди приближенных Эвмена II Полибием упоминается также критянин Кидас, служивший в войске и «пользовавшийся у царя величайшим почетом» (XXIX. 6, 1), а также, судя по характеру данного ему поручения, — и неограниченным доверием монарха. Именно на него была возложена деликатная миссия установления дипломатических контактов между Эвменом II и царем Македонии Персеем в 169 г. до н. э.

Все перечисленные люди, не относясь к числу собственно пергамской аристократии, находились на службе царя, выполняли различные его поручения военного и дипломатического характера, составляя слой служилой знати. Подобных им искателей высокого положения, царской службы мы найдем и при дворах других эллинистических царей.

Обзор центральных институтов эллинистического Пергамского царства позволяет заключить, что системы органов центрального управления, строго говоря, не было. Существовали лишь отдельные постоянные государственные должности — «заведующий делами», «хранитель печати», «хранитель казны» и отдельные центральные учреждения — канцелярия, казна. В основном же управление не было дифференцировано по видам, функциям и направлениям деятельности, по соответствующим им ведомствам, осуществлялось самим царем лично через придворных, наделенных почетными титулами и званиями — «товарищ детства царя», «друг», «родственник» царя и другими, получавших от царей как должности, так и не связанные с определенными должностями разнообразные разовые поручения. Немногочисленный аппарат центральной власти и окружение монархов контролировались царями.

Испытала ли государственная система Атталидов влияние со стороны более значительных царств Селевкидов, Птолемеев и Антигонидов? Р. Макшейн вполне определенно считал, что политические институты Пергамского царства, так же как и экономическая и

иная политика, ближе к египетским, чем к селевкидским традициям⁵⁶. Отрицать влияние политического опыта других эллинистических монархий на формирование государственных институтов Пергамского царства невозможно: становление царской власти Атталидов и складывание системы управления происходило позже, чем в других эллинистических странах, а их политический опыт был царям Пергама хорошо известен. Вместе с тем нет оснований видеть в государственной структуре Атталидов сходство с египетской. Пергамские цари формировали свои собственные институты применительно к своеобразным условиям Малой Азии, которые значительно отличались от условий Египта, и с учетом потребностей и возможностей самой династии.

2.3. Административно-территориальное деление царства

Подобно государству Селевкидов Пергамское царство не имело официального наименования⁵⁷. Полибий, рассказывая о событиях пергамской истории, употреблял выражения «царь Аттал» (XVI. 25, 1; XVIII. 10, 11; 16, 1), «царь Эвмен» (XXI. 18, 1, 3; 42, 6), «в Азии Аттал» (XXXIII. 12, 1), иногда просто «Аттал», «Эвмен», не указывая, царем какого народа или государства он являлся. Он также использовал в речи, которую вложил в уста родосских послов, выступавших в 188 г. до н. э. в сенате, выражение «царство Эвмена» (τὴν Εὐμένους βασιλείαν — XXI. 22, 15).

Тит Ливий чаще говорил о правителях Пергамского царства просто «царь Аттал» или «царь Эвмен» (XXVIII. 5; 7. XXXV. 50; XXXVII. 12), иногда называл их, как и Полибий, по именам (XXVII. 30; 33), в некоторых случаях писал «царь Азии» (XXVI. 24; XXVII. 29; 30). Более поздние латинские авторы, представляя Атталидов читателям, использовали эти же выражения. Евтропий, например, настойчиво называл Пергамское царство Азией (IV. 4, 6, 8; 18). Только в сочинении Аппиана «Сирийские дела» Эвмен однажды назван «царем Пергама» (App. Syr. 5). В дальнейшем историк упоминает его, как, впрочем, и сирийского царя Антиоха III, просто по имени.

⁵⁶ McShane R. Op. cit. P. 47; ср.: Allen R. Op. cit. P. 97–98.

⁵⁷ Бикерман Э. Государство... С. 5–9.

Монеты Атталидов чеканились с изображением Селевка I, затем Филетера от его собственного имени и от имени Эвмена I, Аттала I, Эвмена II и Аттала II. Чеканились также монеты с изображением Эвмена II с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΜΕΝΟΥ «(монета) царя Эвмена»⁵⁸.

Герба государство не имело. Какие-либо символы Пергамского царства не чеканились на монетах. Изображения на деньгах связаны не с государством, а с правившей в нем династией и с личностью конкретного царя.

В письмах самих царей Пергамского государства, постановлениях народных собраний городов, как зависимых, так и свободных, правители страны называются просто «царь Аттал», «царь Эвмен». Важно, что даже в официальных документах полисов Балканской Греции (Афины, Дельфы) или Крита (Малла), имевших межгосударственный характер, также не определено, царем какого государства или народа был названный по имени правитель. Таким образом, государство Атталидов, в представлении греков, ассоциировалось с личностью конкретного правителя, персонифицировалось в ней и рассматривалось как комплекс территорий, объединенных особой властителя. В этом отношении Пергамское царство значительно напоминает близкое ему территориально и по своему сложному составу государство Селевкидов⁵⁹.

Своеобразной чертой развития Пергамского государства явилось то, что монархическая власть вырастала на основе одного полиса, который стал центром территориального роста, ее оплотом и столицей, где власть узурпировали правители, не имевшие гражданского статуса. В эллинистической истории как будто аналогичных примеров развития нет.

На протяжении полутора столетней истории Пергамского царства его территория значительно изменилась. При Филетере первоначально владение правителя составляли только город Пергам и его округа, включавшие лишь среднюю часть долины реки Каик. Вер-

⁵⁸ Imhoof-Blumer F. Portratkopfe auf Antiken Münzen hellenischer und hellenisierter Völker. Leipzig, 1885. S. 32; Hansen E. Op. cit. P. 216 f. Классификация и описание монет с изображением Филетера даны в монографии: Westermarck U. Das Bildnis des Philetairos von Pergamon. Stockholm, 1961.

⁵⁹ Например: Allen R. Op. cit. P. 208. № 2. Стк. 9 (Афины); P. 209. № 3. Стк. 10–11, 17, 18, 28–29, 38 (Малла на острове Крит), P. 210. № 4. Стк. 3 (Дельфы); P. 211. № 7. Стк. 6 (Телмесс); P. 212. № 9. Стк. 2, 12, 16 (Дельфы); P. 219. № 14. Стк. 2 (Милет). Ср.: Бикерман Э. Государство... С. 9, также С. 13, 16; Rostovtzeff M. Pergamum // САН. Vol. 7. 1928. P. 160.

ховья реки принадлежали Селевкидам, построившим военное поселение Накраса, а район устья реки находился под контролем города Питана⁶⁰. Эвмен I расширил владения. На севере граница государства сдвинулась в область Троаду к горе Ида, где возникло военное поселение Атталия. На востоке под власть Эвмена I перешла территория верховья реки Каик. На западе было сделано важное территориальное приобретение — Эвмен I овладел побережьем Адрамиттийского и частично Элейского заливов. Морская граница проходила, таким образом, от горы Ида на севере до города Элея на юге, исключая, правда, незначительную часть побережья, принадлежавшую Митилене.

За годы долгого правления Аттала I происходило неоднократное изменение территории царства. В 228 г. до н. э., одержав ряд побед над Антиохом Гиераксом, Аттал I распространил свою власть на значительную часть Малой Азии — владения Селевкидов на полуострове. На востоке границей его влияния стал горный хребет Тавр. Вскоре после этого полководец Селевкидов — наместник малоазийских областей Ахей в ходе двухлетней войны с Атталом I к 220–219 гг. до н. э. не только возвратил Антиоху III исконные территории Селевкидов, но и лишил Аттала I некоторых его собственных владений, например городов Эги и Мирина. Летом 218 г. до н. э. пергамский царь восстановил власть над рядом городов западной части Малой Азии и вернул царство к состоянию, в каком начинал свое правление. В годы Первой Македонской войны Аттал I присоединил к своим владениям остров Эгину.

В начале II в. до н. э., к моменту воцарения Эвмена II, Пергамское царство по-прежнему оставалось государством незначительных размеров. Решительные изменения произошли после войны с Антиохом III и заключения в 188 г. до н. э. мирного договора при Апамее, по которому под власть царей Пергамского государства перешли значительные территории в Малой Азии — Мисия, Ликаония, две Фригии (Великая и Геллеспонтская), Лидия, часть Ионии, Писидия, северные районы Кarii. Эвмен II приобрел также европейские владения Антиоха III — город Лисимахию и полуостров Херсонес Фракийский. Границы государства проходили теперь по реке Галис и горам Тавра на востоке, по реке Меандр на юге, на севере до берегов Геллеспонта и вдоль побережья Эгейского моря за исключением территорий полисов, которые были объявлены Римом при заключе-

⁶⁰ Hansen E. Op. cit. P. 19–20, 22–23, 39–42, 46, 93–96, etc.; Allen R. Op. cit. P. 15 f., 25–26, 86–87.

нии Апамейского мира свободными. В последующие пять десятилетий истории государства до его гибели произошло лишь одно значительное территориальное изменение — в 166 г. до н. э., после войны Эвмена II с галатами, римский сенат, выступавший в роли судьи и посредника, постановил галатам быть свободными, таким образом лишив Пергамское царство некоторых восточных областей.

В период наибольшего территориального роста площадь Пергамского царства составляла, по приблизительным подсчетам специалистов, около 173 тысяч квадратных километров, то есть почти равнялась территории современной Греции. Численность населения государства условно определяют в 5,5 миллиона человек⁶¹.

Государство Атталидов имело население сложного этнического состава. Западные области (прежде всего побережье) Малой Азии были заселены по преимуществу греками, проживавшими в многочисленных городах и военных колониях. Источники свидетельствуют о наличии в стране македонского этнического элемента. Число македонян, впрочем, было незначительным и ограничивалось главным образом воинами. Поселения македонян в Малой Азии стали возникать еще при Селевкидах и продолжали свое развитие при царях Пергама. Сохранились надписи II в. до н. э., времени Атталидов, происходящие из военных колоний, населенных македонянами⁶².

Значительную часть населения государства Атталидов составляли издавна проживавшие на этой территории народы Малой Азии — мисийцы, фригийцы, карийцы и другие. Основная часть местного населения проживала в сельской местности и занималась крестьянским трудом. В восточных районах Пергамского царства — в центральной части полуострова в первой половине III в. до н. э. поселились кельты (галаты), пришедшие из Европы. Источники показывают, что пергамские цари использовали их в армии в качестве наемников и воинов, обязанных повинностью. К царскому двору, видимо, знатные представители местного населения не были допущены. Во всяком случае, имена почти всех известных нам приближенных Атталидов чисто греческие и македонские. Вместе с тем в городах, населенных негреками, местная знать играла важную политическую роль, входила в состав совета, избиралась на выборные должности. В Амла-

⁶¹ *Cardinali G. Op. cit.* P. 173–174.

⁶² *Keil–Premierstein.* I. 95; II. 223; *Schuchhardt C.* Die Makedonischer Kolonien zwischen Hermos und Kaikos // *AM.* 1888. Bd. XIII. S. 1–17; *Schulten A.* Die Makedonischen Militärkolonien // *Hermes.* 1897. Bd. XXXII. S. 523–537; *Meyer Ed.* Die Makedonischen Militarkolonien // *Hermes.* 1898. Bd. XXXIII. S. 643–647.

де — городе Писидии — послы к царю Эвмену II имели негреческие имена — Опрасат, Наланлой (RC. 54. Стк. 2–3, 12)⁶³, а городской совет сохранял традиционную форму совета старцев (стк. 1).

Местные народы, населявшие в основном удаленные от побережья области полуострова, сохраняли свой язык, традиционный уклад жизни, имена, письменность. Процесс эллинизации затронул значительную часть местного населения, но не привел к полному вытеснению местных языков, культур, религиозных верований. Надписи свидетельствуют, что местное, особенно сельское, население сохраняло веру в местные божества до конца античной истории. В числе самых популярных богов, считавшихся покровителями отдельных сельских общин, были Мать богов Ангдистис, Аттис, Мен, Папий и другие традиционные местные божества. Причем влияние малоазиатских религиозных традиций было настолько велико, что эллинские культы не только не вытеснили старые верования, но нередко приобретали местные черты⁶⁴.

Для управления страной на территории Пергамского царства были выделены крупные административно-территориальные округа, во главе которых стояли специальные назначаемые царем должностные лица — стратеги. Образование округов относится ко времени после 188 г. до н. э. и было вызвано территориальным ростом государства и связанной с этим необходимостью реорганизации управления страной⁶⁵. Во всяком случае, имеющиеся документы не сообщают ничего о системе административно-территориального деления до победы над Антиохом III. Источники упоминают в Пергамском царстве три округа и соответственно трех управителей. Первый округ включал в себя прилегающие к Геллеспонту области (SEG. II 663). Во главе его стоял македонянин Корраг, назначенный на должность царем (ὁ τεταγμένος στρατηγὸς τῶν καθ' Ἑλλάσποντον τόπων — SEG. II. 663. Стк. 3–4). Корраг был достаточно видным деятелем Пергамского царства периода после Апамейского мира 188 г. до н. э. Из сообщений Тита Ливия известно, что он привел вместе с братом Эвмена II Афением военный отряд Атталу, командовавшему пергамским войском во время похода консула Манлия Вульсона против галатов в 189 г. до н. э. (Liv. XXXVIII. 13, 3). Во

⁶³ Welles Ch. B. RC. P. 239–240.

⁶⁴ Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии. III в. до н. э. — III в. н. э. М., 1972. С. 152 сл.; она же. Идеология и культура сельского населения Малой Азии. I–III вв. М., 1977. С. 11 сл., 45, 47, др. См. также: Баюн Л. С. Этноязыковая ситуация на эллинистическом Востоке // Эллинизм: Восток и Запад. М., 1992. С. 270–280.

⁶⁵ Allen R. Op. cit. P. 86 f.

время войны Рима с македонским царем Персеем (171–168 гг. до н. э.) Корраг вторгся с войском во владения фракийского правителя Котиса, чтобы вынудить этого союзника Персея выйти из борьбы (Liv. XLII. 67).

Второй округ составляли полуостров Херсонес и фракийские области; во главе его при Аттале III стоял стратег Стратон (ὁ στρατηγὸς τῆς Χερρονήσου καὶ τῶν κατὰ τὴν Θρακίην τόπων — OGIS. 339. Стк. 12–13).

Третий округ также со стратегом во главе образовали Эфес и прилегающие к нему области равнины Кайстра и Килбианской равнины (ὁ στρατηγὸς ἐπὶ τε Ἐφέσου καὶ τῶν κατ' Ἐφεσον τόπων καὶ Καύστρου πεδίου καὶ τὸ Κιλβιανόν — Allen R. E. The Attalid... 25. Стк. 4–7). Стратег этой провинции времени правления Аттала II Деметрий, сын Аполлония, обладал одновременно также придворной должностью «хранителя печати» (ὁ ἐπὶ τῆς σφραγίδος).

Примечательно, что территориальные округа Пергамского царства не назывались сатрапиями, как в государстве Александра Македонского или в царстве Селевкидов⁶⁶. Пригеллеспонтская область в документах царства Селевкидов именовалась ἡ ἐφ' Ἑλλησπόντου σατραπεία (OGIS. 221. II). Эта часть Малой Азии в источниках имеет также название Фригия, которая на Геллеспонте Φρυγία ἡ ἐφ' Ἑλλησπόντου (OGIS. 274; Polyb. XXI. 46. 10). При Эвмене II, как мы видим, область получила новое наименование⁶⁷.

Стратеги осуществляли общее управление округом — сельскими местностями и подвластными царям городами. Правда, решение принципиальных вопросов жизни полисов принадлежало все-таки не стратегу, а царю. В заслугу Коррагу, например, поставили именно то, что он просил царя предоставить подвластному городу законы и традиционное устройство, священный участок, деньги на управление и иные льготы (SEG. II. 663. Стк. 9 сл.).

Неясен вопрос о том, обладали ли стратеги округов Пергамского царства военной властью. Прямой информации по данному вопросу источники не содержат. В декрете, который был принят гражданами города Сест на Херсонесе в честь Менаса, сына Менета, говорится о том, что последний побудил стратега Херсонеса и фракийских областей Стратона «сделаться полезным городу» χρήσιμον γέινεσθαι τῇ πόλει (OGIS. 339. Стк. 15). Издатель надписи В. Диттенбергер предполагал, что город Сест получил от стратега военную защиту,

⁶⁶ Бикерман Э. Государство... С. 184.

⁶⁷ Allen R. Op. cit. P. 91.

в которой весьма нуждался в это время⁶⁸. Следует также принять во внимание, что известные по источникам провинции царства Пергам включали области, имевшие важное военное значение. Херсонес был близок к воинственным фракийским племенам и враждебной Пергамскому государству Македонии, пригеллеспонтские области находились по соседству с Вифинией, которая являлась постоянным противником государства Атталидов. Эфес при пергамских царях имел важное политическое и хозяйственное значение, являлся крупным портом. По соседству с Эфесом, в долине Кайстра и Килбианской равнине, были расположены общины местных малоазиатских народов, над которыми, вероятно, требовался усиленный административный и военный контроль. Кроме того, этот третий известный по источникам административно-территориальный округ Пергамского царства был расположен у южной границы государства. Учитывая указанные обстоятельства, можно считать, что наместники областей — стратеги обладали и военной властью.

Следует полагать, что в Пергамском царстве не сложилась практика полного разделения гражданской, административной, финансовой и военной власти. Материалы эллинистических государств дают немало примеров соединения военных и гражданских полномочий в руках одного лица либо примеров исполнения военным командиром гражданских функций и наоборот⁶⁹.

На территории Пергамского государства известны всего три административно-территориальных округа. Означает ли это, что остальные управлявшиеся царскими стратегами округа нам просто неизвестны или же вся территория страны не делилась на подобные округа? В последнем случае под власть наместников выделялись области, требовавшие особого внимания в связи с угрожавшей им опасностью или в связи со своим большим значением в государстве. Действительно, все три провинции, как уже отмечалось выше, соответствовали этим условиям. Важно, что в государстве Селевкидов пригеллеспонтские области составляли отдельную сатрапию (OGIS. 221, II), в Эфесе находился в середине III в. до н. э. царский градоначальник ὁ ἐπὶ τῆς Ἐφέσου⁷⁰. К сожалению, автор вынужден ограничить изложение этими общими предложениями, ибо для полного решения вопроса материала просто нет.

⁶⁸ Dittenberger W. OGIS. Vol. 1. P. 538. Not. 7.

⁶⁹ II Macch. 4, 27; Бикерман Э. Государство... С. 103.

⁷⁰ Crampa J. Labraunda. Vol. III. The Greek Inscriptions (Period of Olympichos). Lund, 1969. P. 121. Not. 1. См. также: Magie D. RRAM. Vol. 1. P. 97.

Удовлетворительного решения не имеет до сих пор еще один серьезный вопрос: делились ли округа Пергамского царства на более мелкие административно-территориальные единицы? Ответ на вопрос связан с пониманием термина «топы» τόποι — «местечки», который встречается в ряде документов Пергама. Прежде всего, его содержат так называемые списки эфебов Пергама — надписи, перечисляющие молодых людей, прошедших эфебию в столице. По греческому обычаю указывалось также имя отца. Юноши в списках отнесены к трем категориям. Первая — молодые люди из семей граждан Пергама, приписанные к определенной филе, названия которых в списках приведены⁷¹. Вторую составили выходцы из городов Эги, Питана, Сарды, Фиатира, Стратоникея, Гиеролоф, Тиаре⁷². Об эфебах третьей категории в надписях сказано «те, кто из местечек» (ἀπὸ τόπων) или «из тех, кто из» (далее следует название местечка) (τῶν ἐξ; τῶν ἀπὸ)⁷³. Названия некоторых топов сохранились — Масдие (Μασδύη), Мидапедион (Μιδαπεδίον).

Другое упоминание топов содержится в названиях административно-территориальных округов Пергамского царства. Уже известный читателю Корраг ὁ τεταγμένος στρατηγὸς τῶν καθ' Ἑλλάσποντον τόπων (SEG. II. 663. Стк. 3–4); Стратон — ὁ στρατηγὸς τῆς Χερρονήσου καὶ τῶν κατὰ τὴν Θραίκην τόπων (OGIS. 339. Стк. 12–13), Деметрий — ὁ στρατηγὸς ἐπὶ τε Ἐφέσου καὶ τῶν κατ' Ἐφεσον τόπων καὶ Καύστρου πεδίου καὶ τὸ Κιλβιανόν (Allen. The Attalid... 25. Стк. 4–7).

Наконец, в третий раз мы встречаем термин «топы» в надписи, составленной от имени воинов, совершивших при Аттале II поход в местностях на Херсонесе и во Фракии (εἰς τοὺς κατὰ Χερρόνησον καὶ Θραίκην τόπους — OGIS. 330. Стк. 3–5).⁷⁴

По мнению М. И. Ростовцева, топы были мелкими территориальными областями, на которые делилось Пергамское царство, и в этом смысле могут быть сопоставлены с соответствующими территориальными единицами птолемеевского Египта⁷⁵. Э. Хансен справедливо указала на то, что термин «топы» использовался для обозначения общин разного типа, и отвергала в связи с этим интерпретацию М. И. Ростовцева, но своего объяснения не предложи-

⁷¹ AM. 1907. Bd. XXXII. № 335–336, др.; 1908. Bd. XXXIII. № 10, 19, 20, 21, 22, 23, др.; 1910. Bd. XXXV. № 12, 13, 16, 19, др.

⁷² AM. 1910. Bd. XXXV. № 11.

⁷³ AM. 1902. Bd. XXVII. № 132, 133, 134; 1907. Bd. XXXII. № 309–314, 322, 324, 326, 327, 329, 331; 1910. Bd. XXXV. № 11, 12, 19.

⁷⁴ Относительно датировки надписи см.: Dittenberger W. OGIS. Vol. I. P. 508. Not. 2.

⁷⁵ Rostovtzeff. SEHWH. Vol. I. P. 561.

ла⁷⁶. Наиболее обстоятельно данный вопрос исследован Р. Алленом, выводы и наблюдения которого представляются весьма убедительными. Он, так же как Э. Хансен, обратил внимание на неодинаковое содержание слова «топы» в надписях эфебов Пергама и в других документах. В посвящении воинов Аттала II слово «топы» не может обозначать административно-территориальную единицу, так как речь в надписи идет о землях, не входивших в состав Пергамского царства, и значит просто «местности»⁷⁷.

В надписях эфебов Пергама «топы» обозначали определенную группу сельских общин, население которых не имело гражданских прав в Пергаме и находилось вне общественной городской жизни. Среди них важное место занимали военные поселения солдат малоазийского происхождения, устроенные поблизости от столицы. Одно из поселений называлось Μασδύη. Его связывают с воинами масдианами, которые получили гражданские права только по декрету 133 г. до н. э. (OGIS. 338). Р. Аллен также совершенно прав в том, что если бы «топы» из надписей эфебов были территориальными единицами страны, следовало бы ожидать более точного их определения, например «топы Херсонеса» и т. п.⁷⁸ Неконкретизированное их обозначение подтверждает принадлежность данных топов только к территории хоры города Пергама.

Очевидно, эту же категорию местечек (топов) упоминает недавно найденная почетная надпись (*Malay H. Researches...* 179). К сожалению, документ очень плохо сохранился. Почетное постановление составлено в честь некоего «эпистата местечка» (ὁ ἐπιστάτης τοῦ τόπου), который был назначен царем. Судя по надписи, чествуемое лицо также имело должность стратега. Можно предположить, что почетная надпись составлена в честь стратега военного поселения, на которого также возлагались обязанности управления поселением, где проживали жители местного мисийского происхождения (в надписи в неясном контексте упоминаются мисийцы).

Иной смысл, нежели в списках эфебов, имеет слово «топы» в названиях административно-территориальных округов, где оно означает, видимо, просто «местности», «области»⁷⁹, а не свидетельствует о наличии соответствующей более мелкой административно-территориальной единицы внутри округа. Подтверждает это пред-

⁷⁶ Hansen E. Op. cit. P. 186–187.

⁷⁷ Allen R. Op. cit. P. 94.

⁷⁸ Ibidem. P. 93–94, 176–177.

⁷⁹ Ibidem. P. 94–95.

положение название третьего из перечисленных выше округов, который включал в себя Эфес, местечки (τοποι) при Эфесе, равнины Кайстра и Килбианскую (*Allen. The Attalid...* 25). Равнины Кайстра и Килбианская не разделены на более мелкие единицы, а целиком вошли в состав провинции. Таким образом, вопрос о топах как административно-территориальных единицах Пергамского царства не может быть решен вполне определенно; нельзя исключать того, что унифицированного деления провинций всего царства на более мелкие территориальные области все-таки не существовало. Такую роль непосредственно играли сельские общины, входившие в состав административно-территориальных округов.

Как же в таком случае было организовано и как управлялось население, проживавшее в деревнях? Существовала ли у него общинная организация? Сам по себе факт наличия общинной организации сельского населения не вызывает у исследователей сомнения. Как писала Е. С. Голубцова, «сельская община в эпоху эллинизма выступает как определенный комплекс устойчивых социально-экономических и политических отношений... В эпоху эллинизма мы застаем уже издавна сложившиеся формы политической организации сельского населения — и κοῖμη, и χωρίον, и τύριον, и αὐλή. Эти поселения, существовавшие в течение многих веков, имели свою администрацию и специфические, каждому из них присущие аграрные и социальные отношения — как между членами этих коллективов, так и с полисами, на землях которых некоторые из них находились»⁸⁰.

Приходится признать, что при достаточно основательной изученности сельской общины Малой Азии эпохи эллинизма в отечественной и зарубежной науке⁸¹, мы весьма мало осведомлены о существовании, положении и развитии этой формы организации в составе Пергамского царства. Единственный документ, относящийся к данному вопросу, — это известное письмо Эвмена II некоему Артеми-

⁸⁰ Голубцова Е. С. Сельская община... С. 60.

⁸¹ Голубцова Е. С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I–III вв. (Независимая сельская община). М., 1962; она же. Формы зависимости сельского населения Малой Азии в III–I вв. до н. э. // ВДИ. 1967. № 3; она же. Сельская община...; она же. Идеология и культура...; Свенцицкая И. С. Зависимое население на землях городов Западной Малой Азии в период эллинизма // ВДИ. 1957. № 3; она же. Земельные владения городов Западной Малой Азии в период эллинизма // ВДИ. 1960. № 3; Rostovtzeff M. Studien zur Geschichte des Römischen Kolonates. Leipzig, 1910; Broughton T. R. S. Roman Asia // An Economic Survey of Ancient Rome. Vol. IV. Baltimore, 1938; Schuler Chr. Landliche Siedlungen und Gemeinden im hellenistischen und römischen Kleinasien. München, 1998; Mileta Chr. Der König und sein Land. Untersuchungen zur Herrschaft der hellenistischen Monarchen über das königliche Gebiet Kleinasien und seine Bevölkerung. Berlin, 2008.

дору по поводу деревни кардаков⁸²: «Царь Эвмен Артемидору. Было прочитано мной то, что ты пишешь в письме, которое передали живущие в деревне кардаков: так как, расследовав (дело), ты находишь их терпящими убыток в своих хозяйствах, прикажи, чтобы им было разрешено иметь землю, которую они купили у Птолемея, деньги же не заплатили потому, что большинство из них исчезло; серебра с них не взыскивать. И затем следует исправить размеры подати: с каждого взрослого — родосскую драхму и четыре обола. В отношении тех, которые, потерпев убыток в своих хозяйствах, отягощены (недоимками), освободить от приписанного им за 16 лет, а с семнадцатого года (взимать) родосскую драхму и обол. И в отношении всего, что они ввозят из чужой страны, быть им свободными от налогов в течение трех лет, а тем, кто ушел из этого места, теперь же хочет вернуться, — в течение двух лет; исправить бывшую у них башенку, чтобы иметь укрепления, наняв архитектора; остальную работу пусть делают сами».

Характер данного поселения и статус его обитателей неясен. Кардаки были воинами, которых привлекали на свою службу эллинистические цари, на этом основании некоторые ученые считают их деревню военным поселением⁸³. Вместе с тем, по мнению И. С. Свенцицкой, Г. Козна и Кр. Милеты речь в документе идет о царских земледельцах⁸⁴, с чем согласен и автор данного сочинения. В надписи нет никаких указаний на то, что решается вопрос именно о военном поселении; даже жители его названы, строго говоря, не кардаками, а «живущими в деревне кардаков». Выражение οἱ κατοικοῦντες, как показали специальные исследования, имеет достаточно широкое значение и чаще используется в смысле «живущие», «населяющие», «обитающие», а не обозначает обязательно катеков — военных поселенцев⁸⁵. Выражение οἱ κατοικοῦντες τῇ πόλιν καὶ τὴν χώραν «населяющие город и сельскую округу (хору)» стало в эпоху эллинизма устойчивым обозначением вообще людей, находившихся вне гражданского коллекти-

⁸² Издание документа: *Segre M. Inscrizioni di Licia // Clara Rhodos. 1938. Vol. IX. P. 190.* Перевод И. С. Свенцицкой: *Хрестоматия по истории Древней Греции. М., 1964. С. 518.* Перевод Е. С. Голубцовой: *Голубцова Е. С. Сельская община... С. 19.* Мы приводим перевод И. С. Свенцицкой.

⁸³ *Голубцова Е. С. Сельская община... С. 20; Corsaro M. Oikonomia... P. 1200–1201.*

⁸⁴ *Свенцицкая И. С. Зависимое население... С. 96; Cohen G. Hellenistic Settlements in Europe, the Islands and Asia Minor. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1995. P. 330; Mileta Chr. Der Konig... S. 97. Anm. 265.*

⁸⁵ *Голубцова Е. С. Сельская община... С. 17.* См. также: *Robert L. Etudes anatoliennes. Paris, 1937. P. 191–194; Cohen G. Katoikiai, katoitoi and Macedonians in Asia minor // Ancient Society. 1991. Vol. 22. P. 43–44.*

ва⁸⁶. Против предположения о военном статусе проживавших в деревне кардаков говорят и условия их положения. Они выплачивали подушный налог (σύνταξις), тогда как в известных нам по источникам случаях военные поселенцы платили подоходный налог в размере десятой доли с зерна и других плодов и двадцатой доли с виноградника (RC. 51. Стк. 16–18).

Судя по документу, деревня находилась в полной власти царской администрации, которая получала налоги, могла по распоряжению монарха предоставить льготы, разрешить пользование землей. Вместе с тем некоторые черты косвенно указывают на наличие общинной организации. Так, обитатели деревни должны сами произвести работы по восстановлению укреплений. Как сказано в документе, за землю, купленную у Птолемея, крестьяне «плату тогда не отдали из-за того, что большинство из них рассеялось». Складывается впечатление, что расплачиваться за землю должны были не отдельные члены общины, а весь коллектив. К сожалению, полнее осветить устройство общины, ее органы управления невозможно из-за отсутствия данных. По мнению И. С. Свенцицкой, общая для многих регионов Ближнего Востока, в том числе и для Малой Азии, тенденция состояла в том, что в эллинистический период началось преобразование традиционных сельских общин в объединения, близкие к гражданской общине⁸⁷.

В Пергамском царстве имелось немалое число военных колоний, об организации которых и об управлении которыми будет сказано ниже, в разделе, посвященном армии.

На территории государства находилось значительное число храмов и храмовых общин. Известны поселения, возникшие около авторитетных среди греческого и местного малоазиатского населения святилищ, — Гиерополь, Гиеракоме, Диосгиерон. Об отношениях храмов с центральной властью известно недостаточно.

Первые свидетельства о политике власти в отношении храмов и храмовых общин восходят к ранним Атталидам. Филетер, основатель династии Атталидов, и его преемник Эвмен I имели прочные отношения со святилищем Аполлона Хрестерия в городе Эги, осуществляли ему дарения, в том числе земельные. Сохранилась посвятельная надпись Филетера богу Аполлону Хрестерию (OGIS. 312). К северу

⁸⁶ Свенцицкая И. С. Зависимое население... С. 93–94; Cohen G. Ibidem.

⁸⁷ Свенцицкая И. С. Особенности гражданской общины на эллинистическом Ближнем Востоке // ВДИ. 1999. № 3. С. 37, также с. 35–36.

Элементы самоуправления сохраняли сельские общины и в Понтийском царстве, хотя царская власть осуществляла над ними контроль (Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство... С. 237–239, 241).

от города Эги, в современном местечке Атчилар, была найдена его же надпись, выполненная на пограничном столбе. Эта стела обозначала границы земельного участка, который Филетер посвятил богу (*Malay H. Researches...* P. 22). Другая надпись аналогичного содержания и назначения, но составленная от имени Эвмена I, сына Филетера, была найдена недавно также в районе города Эги (*ibid.* № 3).

В области Фригия, в городе Эзаны, находилось знаменитое святилище Зевса. Латинская надпись времени правления римского императора Адриана (117–138 гг.), связанная с определением земельных владений храмовой общины, сообщает о том, что границы территории храма и общины эзанитов были установлены царями Атталом и Прусием (имеются в виду Аттал I (241–197 гг. до н. э.) и Прусий I — царь Вифинии (235–182 гг. до н. э.). Этот и другие документы, связанные с земельными владениями храмовой общины Зевса Эзанского, по-разному интерпретировались специалистами. Не вдаваясь в подробности, которые не имеют для основного изложения принципиального значения, укажем, что Аттал I и Прусий I расширили земельные владения общины⁸⁸.

В середине II в. до н. э. гражданской общиной города Сарды был принят декрет в честь Тимарха, сына Менедема (*Sardis. VII. 1, 4*), о котором сообщено следующее. Царем Эвменом II Тимарх был поставлен хранителем государственной казны (*ὁ ρίσκοφύλαξ*), а позже Аттал II назначил его неокором храма Артемиды в городе Сарды (стк. 2–3, 10–11). Обязанности неокора, можно полагать, заключались в обеспечении государственного контроля за деятельностью святилища и за его доходами. Других надежных свидетельств о назначении Атталидами должностных лиц с контрольной властью в храмы нет. Специалисты допускают возможность назначения неокора в храм Аполлона в городе Гиеракоме, но это предположение ничем не доказывается. Видимо, практика прямого государственного управления жизнью храмов и храмовых общин не была распространена в государстве Атталидов.

В 185 г. до н. э. брат Эвмена II Аттал направил специальное письмо, в котором распорядился об освобождении поселенцев на земле храма

⁸⁸ Об общине Зевса Эзанского и связанных с ее земельными владениями материалах см.: *Периханян А. Г.* Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959. С. 35–40; *Свенцицкая И. С.* Святилища в социально-политической структуре эллинистического полиса (на примере Западной Малой Азии) // *Проблемы отечественной и всеобщей истории.* Вып. 5. Античный полис. Л., 1979. С. 65; *Rostovtzeff M.* SEHWW. Vol. 2. P. 648; *Jones A. H. M.* The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940. P. 309–310. Not. 58; *Allen R.* Op. cit. P. 97. Not. 84.

Аполлона Тарсена от десятины на овец (RC. 47). Два письма раскрывают политику последнего пергамского царя Атталы III в отношении храмов. Одно адресовано поселению Гиеракоме и касается положения находившегося там популярного святилища персидской богини Анаит (RC. 68). Аттал III сохранил неприкосновенность (асилию) богини, подтвердив тем самым привилегию, данную храму прежними правителями (речь, видимо, о Селевкидах) и «предками» (предшественниками) царя, очевидно, Эвменом II и Атталом II (стк. 5–6)⁸⁹.

В другом, сильно фрагментированном письме, которое адресовано, по всей видимости, царскому должностному лицу, может быть, как предполагает Ч. Б. Уэллз, неокору храма в Гиеракоме, идет речь о предоставлении святилищу льготы (RC. 69). Храм имел постройки, здания, доход от использования которых поступал на организацию культа Аполлона (стк. 5–6). Аттал II предоставил людям, проживавшим на земле святилища, освобождение от налога (стк. 10–11). Какой сбор имеется в виду, неясно — может быть, подходящий с земли, со скота или налог на средства, получаемые от использования храмовых построек.

Страбон сообщает о том, что около города Эфеса находились озера, приносившие большие доходы. Принадлежали они богине, но цари отняли священную собственность, римляне же вернули ее назад (Strab. XIV. 26). В этом сообщении греческого писателя многое неясно. О какой богине идет речь? Видимо, это Артемида, святилище которой в Эфесе было популярно в греческом мире. Кто эти цари, наложившие руку на собственность богини? Ими могли быть или Селевкиды, или Атталиды, или обе названные династии, поскольку по условиям Апамейского договора 188 г. до н. э. Эфес перешел из-под власти Селевкидов под власть царей Пергама. В таком случае

⁸⁹ Welles Ch. B. RC. P. 277. В документе говорится о неприкосновенности именно богини, а не храма, как обычно. Об институте асилии в эпоху эллинизма см.: Тарн В. Эллинистическая цивилизация... С. 92–93; Глускина Л. М. Асилия... С. 82 сл. Возможно, административный контроль над храмами и в самой системе управления храмовыми общинами мог приобретать в отдельных случаях достаточно мелочный характер. Об этом свидетельствует открытая недавно на территории Лидии надпись, относящаяся ко времени правления Эвмена II, составленная, видимо, непосредственно после перехода малоазийских владений Селевкидов в руки пергамских царей в 188 г. до н. э. Жрец храма Аполлона в Плеврах (Лидия) обращается с запросом к верховному жрецу за разрешением возвести стелу с именами посвященных лиц и просит направить по этому поводу распоряжение эконому Асклепиаду. Жрец при этом ссылается на то, что прежде он посылал соответствующий запрос должностному лицу царя Антиоха III. Следует подчеркнуть, что этот документ, видимо, отражает управленческие традиции Селевкидов, которые в данном случае в государстве Атталидов еще продолжали действовать (Ma J. Antiochos III... P. 146–147, 371–372).

священные озера были отняты сирийскими правителями, а после 188 г. до н. э. автоматически перешли в собственность Атталидов. Снова мы вынуждены остановиться на предположении, констатируя недостаток материалов.

Судя по сохранившимся источникам, храмы и храмовые общины подчинялись государственной власти, которая осуществляла общее управление их жизнью. Несколько документов свидетельствуют о том, что цари предоставляли храмам земельные наделы, а также давали освобождение от тех или иных налогов. Следовательно, центральная власть, в принципе, обладала правом налогообложения святилищ и возникших на их основе общин. На чем строилось данное право монархии? Очевидно, на широко распространенном в эллинистическую эпоху представлении о праве монарха на земельный фонд страны, о праве распоряжаться доходами, имуществом как отдельных жителей страны, так и целых коллективов и общин⁹⁰.

Атталиды, видимо не пользовались широко данным правом в отношении популярных святилищ и храмовых общин и предпочитали предоставлять им свободу от налогов и известную самостоятельность во внутренних делах, получая в результате поддержку со стороны авторитетного жречества и достаточно многочисленных почитателей разных божеств. Складывается впечатление, что предоставление льгот некоторым святилищам превратилось в традицию и признавалось всеми царями династии, но, в соответствии с эллинистическими представлениями о характере власти царя и его отношений с подданными требовало утверждения при восшествии на престол нового монарха. Такое происхождение имеют, по мнению специалистов, письма Аттала III о льготах храму богини Анаит (RC. 68) и бога Аполлона в Гиеракоме (RC. 69). Естественным результатом развития некоторых храмов и храмовых общин Малой Азии в эпоху эллинизма явилось постепенное перерастание их в полисы греческого типа или включение в состав гражданских полисных общин⁹¹.

Острова занимали в государстве Атталидов особое положение. К сожалению, снова приходится ссылаться на недостаток информа-

⁹⁰ Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 239, 247, 289. С. Ю. Сапрыкин отмечает, что в Понтийском царстве святилища были наделены самоуправлением, но при этом состояли под жестким царским контролем: Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 248–266. Ср.: с. 258 (о храме в Комане), с. 264–265 (о храмовом святилище Мена в Кабире).

⁹¹ Свенцицкая И. С. Святилища... С. 62, 64, 66; она же. Особенности гражданской общины... С. 29–34; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 257, 264, 265, др.; Hansen E. Op. cit. P. 165–166.

ции. О положении острова Андрос неизвестно почти ничего, а об острове Эгина имеется всего несколько документов. Эгина вошла в состав государства Атталидов в 210 г. до н. э., в период Первой Македонской войны. Остров фактически был продан Атталу I Этолийским союзом за 30 талантов и рассматривался государством как частное владение династии⁹². На острове сохранились традиционная полисная система самоуправления, институт гражданства, но также назначались царские ставленники-эпистаты, осуществлявшие контроль за жизнью общины. Э. Хансен отметила, что постановление народного собрания Эгины написано на койнэ, тогда как позже, в римское время, на острове пользовались при составлении официальных документов дорийским диалектом. Это свидетельствует о стремлении Атталидов определенным образом унифицировать делопроизводство, во всяком случае, в некоторых из подчиненных полисов⁹³.

Остров Андрос был включен в состав владений царей Пергама в 199 г. до н. э. (Liv. XXXI. 45, 7), в годы Второй Македонской войны, и управлялся скорее всего таким же образом, как и Эгина.

Следует заключить, что в стране отсутствовала унифицированная система административно-территориального деления наподобие той, какая сложилась в Египте. Наиболее важные части государства были выделены в провинции — достаточно крупные административно-территориальные округа. Первичными административными единицами были полисы, управлявшие собственной хорой, а также сельские территориальные общины, военные поселения и храмовые общины. В организации управления страной Атталиды гибко сочетали принцип общинного самоуправления с системой державного подчинения и покоящегося на силе диктата царских ставленников. Относительно небольшие размеры Пергамского царства позволяли Атталидам тщательно контролировать деятельность провинциальных наместников, градоправителей и общин.

2.4. Налоговая система и экономическая политика

Рассмотрение финансовой и налоговой системы царства, мероприятий в области экономического развития, вопроса о функционировании царского хозяйства, общинного и частного секторов про-

⁹² Hansen E. Op. cit. P. 167; Allen R. Attalos I and Aigina // ABSA. 1971. Vol. 66. P. 2.

⁹³ Hansen E. Op. cit. P. 167.

изводства представляет собой один из важных аспектов изучения сложной политической и экономической системы эллинистического государства⁹⁴.

Источники, за счет которых пополнялась царская казна, были различными. Среди них важное место занимали налоги на сельское население, подати, получаемые от городов, от военных поселенцев и земледельцев храмовых общин, доходы от царских ремесленных мастерских, торговые пошлины, военная контрибуция.

Налоги с городов и сельского населения, естественно, не являлись единственным источником богатства царей Пергама, но их роль была велика⁹⁵. К сожалению, информация о системе налогов в Пергамском царстве неполна и не позволяет достаточно подробно ее восстановить. Известно, что царской власти платили налоги разные категории населения и общины различных типов: полисы, военные поселенцы, сельские жители и храмовые общины.

Одной из наиболее важных категорий налогоплательщиков в Пергамском царстве являлись города, о которых, кроме того, имеется значительно больше материалов. Во взаимоотношениях полисов с царями одно из центральных мест занимал вопрос об уплате налогов центральной власти. Причина состоит, во-первых, в экономической его стороне: суммы, получаемые царями от городов, были достаточно велики и обременительны для населения. Поэтому монархи стремились сохранить этот источник доходов, а полисы старались воспользоваться любой благоприятной ситуацией, чтобы избавиться от налогов в казну. Вместе с тем важна и другая сторона этого вопроса — политическая и идеологическая. Как пишет исследователь истории государства Селевкидов Э. Бикерман, «форос был... видимым знаком подчинения»⁹⁶. В представлении греков, как их излагает, например, Полибий, освобождение от обложения являлось, наряду со свободой от гарнизонов и царских распоряжений, важнейшим признаком и условием действительно независимого от монархической власти существования, тем политическим образцом,

⁹⁴ О финансовой и экономической политике Атталидов см.: *Rostovtzeff M. Pergamum*. P. 608–613; *idem*. Notes on the Economic Policy of the Pergamene Kings // *Anatolian Studies presented to W. M. Ramsay*. Manchester, 1923. P. 359–390; *idem*. Some Remarks on the Monetary and Commercial Policy of the Seleucids and Attalids // *Anatolian Studies presented to W. H. Buckler*. Manchester, 1939. P. 277–298; *Hansen E.* Op. cit. P. 203–224.

⁹⁵ Э. Бикерман отмечает большую роль доходов с полисов в государстве Селевкидов: *Бикерман Э.* Государство... С. 100–104. См.: *Rostovtzeff M. Pergamum*. P. 605, 608–613; *Hansen E.* Op. cit. P. 203–216.

⁹⁶ *Бикерман Э.* Ук. соч. С. 102.

к которому стремились многие общины в эпоху эллинизма. Это весьма широко распространенное представление о свободе Полибий раскрывает, рассказывая о провозглашении свободы эллинов в 196 г. до н. э.: «... по одному слову глашатая получили свободу все эллины... с правом не содержать у себя гарнизонов, не платить дани, жить по своим собственным уставам» (Polyb. XVIII. 46, 15. Пер. Ф. Г. Мищенко. См. также: Polyb. XVIII. 46, 5; XXII. 41, 2; Liv. XXXIV. 57).

Огромное значение вопроса об обложении налогами полисов Пергамского государства для обеих сторон (полисов и монархии) видно из того, насколько остро шла борьба вокруг него при выработке условий Апамейского мира. Посольство Родоса обращалось к Риму с просьбой о предоставлении городам свободы, в том числе и от налогов. Эвмен II при этом усиленно доказывал опасность такого решения, ибо оно в конечном счете лишит его даже тех полисов, которые издавна платили ему дань (Polyb. XXI. 19–21, 22–23; Liv. XXXVII. 52–54). В результате римский сенат вынужден был в условиях мирного договора особо оговорить статус городов, а затем направить комиссию из 10 уполномоченных для устройства дел в Малой Азии.

По условиям мирного договора при определении статуса полисов в составе Пергамского государства в качестве важнейшего выделялся именно этот признак — обложение налогом или свобода от него. В соответствии с этим все полисы западной и центральной части Малой Азии, составившей территорию Пергамского царства, были разделены на две группы: освобожденные от дани и обязанные уплачивать ее в царскую казну. В число первых вошли те города, которые ранее находились в составе государства Атталидов и не платили налогов и подвластные прежде Антиоху III полисы, которые во время войны стали на сторону Рима. Вторую группу образовали города Пергамского царства, которые прежде были обложены данью, а также те из малоазийских полисов Селевкидов, которые во время войны сохранили им верность, оказывая сопротивление Риму и Эвмену II (Polyb. XXI. 46, 2–3; Liv. XXXVII. 55; XXXVIII. 39).

Известно, что взносы в царскую казну обязаны были делать города Темн, Теос, Лебед, Колофон, Траллы, Эфес, Телмесс, Магнесия у горы Сипил, Сарды, Фиатира, Приап, Парий, Скеписис, Амлада и другие⁹⁷.

⁹⁷ Hansen E. Op. cit. P. 95–96. Перечислить все города царства, обложенные налогами, нет возможности, ибо источники не содержат полной информации. В специальных таблицах, приведенных в разделе приложений, даны перечни свободных от обложения и обязанных уплачивать дань Атталидам после 188 г. до н. э. городов (Приложение 3–4).

Ясно, что налоговая система Пергамского царства была довольно сложной и включала в себя налоги нескольких видов. Так, в декрете в честь Коррага идет речь о предоставлении городу ателии (то есть освобождения от налогового обложения) всех видов (καὶ ἀτελείας... πασῶν τῶν προσόδων — SEG. II. 663. Стк. 21–22). В надписях из городов Сарды и Амлада тоже упоминаются царские сборы нескольких видов (Sardis. VII. 2. Стк. 7, 18–19; RC. 54).

Основной денежный взнос, который города платили царю, обозначается в источниках несколькими словами — σύνταξις; φόρος; φόρος καὶ τέλεσμα. Как уже указывалось исследователями, точный смысл каждого из терминов и в связи с этим различия между ними ускользают от понимания.

В рассказе Полибия об условиях Апамейского договора 188 г. до н. э. выражения φόρος и σύνταξις используются, по всей вероятности, как синонимы (XXI. 24, 8; 46, 2). Диодор Сицилийский (XXIX. II) и Аппиан (BC. V. 4) обозначают налог, взимаемый Атталидами с городов, словом «форос». Население Амлады вносило в царскую казну ежегодно взнос, названный в надписи «налог и уплата» (φόρος καὶ τέλεσμα — RC. 54. Стк. 13).

Особенность фороса, взимавшегося с городов, заключалась в том, что в казну его вносили не индивидуальные плательщики, а весь в совокупности гражданский коллектив. Центральная власть при этом освобождалась от необходимости содержать в городах специальный финансовый аппарат; ее задача заключалась только в том, чтобы определить городам размер налогов и получить их. Сбором фороса для царской казны занимались в городах местные выборные должностные лица⁹⁸. Это была общая практика в эллинистических государствах, и нет оснований полагать, что в Пергамском царстве ситуация обстояла иначе.

Значительные трудности возникают при решении вопроса о том, какой принцип лежал в основе определения размера налога. Среди группы ученых распространено мнение, что Атталиды взимали с городов налоги в виде строго фиксированных сумм, определенных на основе предварительной оценки, а не процент дохода. Основано это суждение на сообщении Аппиана. Последний в «Гражданских войнах» изложил содержание речи Антония, с которой тот выступил в Эфесе в 41 г. до н. э. перед представителями греческих общин западной части Малой Азии. Этот полководец заявил, что римляне, получив власть над греками по завещанию Аттала, облегчили их

⁹⁸ Бикерман Э. Указ. соч. С. 100–101.

участь, ибо вместо заранее фиксированной суммы налога стали получать часть дохода, разделяя в результате с ними убытки в случае неурожая (App. BC. V, 4). Таким образом, согласно Аппиану, подоходный налог в Малой Азии был введен только римлянами (очевидно, имеется в виду *Lex Sempronia de provincia Asia*)⁹⁹. Однако этому противоречат некоторые другие сведения. Десятина как норма обложения упоминается в письме Эвмена II «совету и народу» Тири-ея — нового полиса, образованного царем во Фригии (стк. 47–48). В сильно фрагментированной надписи, содержащей текст письма Эвмена II городу Темну с перечислением каких-то экономических привилегий, дважды упоминается термин «десятина» (RC. 48 Д. Стк. 3, 15). Для военных поселенцев одним из пергамских царей было определено условие выплачивать с виноградников 5 % дохода, а с зерновых культур — 10 % (IvP. 158; RC. 51. Стк. 17–18). Наконец, поселенцы на земле храма Аполлона Тарсена также были обложены десятиной со скота (RC. 47. Стк. 7). Весьма важно, что эта форма исчисления налога была широко распространена в Пергамском царстве и применялась к общинам разного типа — храмовым поселениям, военным катекиям и, следует полагать, — греческим полисам. До установления власти пергамских царей над Малой Азией, при Селевкидах, население многих полисов платило тоже десятую часть своих доходов¹⁰⁰.

Поэтому, можно думать, что римская десятина, введенная в Малой Азии, являлась не нововведением, а следованием уже укоренившейся при Селевкидах и Атталидах традиции¹⁰¹. Близкую позицию занимает и Э. Хансен, которая выразила сомнение в том, что Атталиды устанавливали произвольные суммы для различных городов. По ее мнению, размер платежа исчислялся в зависимости от размеров и плодородия земельных владений полиса, а обычной формой служила десятая часть производимой продукции¹⁰². Как же объяснить в

⁹⁹ А. Х. М. Джоунз принимает данное сообщение Аппиана: *Jones A. H. M. The Greek City...* P. 109. См. также: *Моммзен Т. История Рима. Т. II. М., 1937. С. 109; Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи. I–III вв. н. э. М.; Л., 1949. С. 35.*

¹⁰⁰ *Свенцицкая И. С. Земельные владения эллинистических полисов Малой Азии // ВДИ. 1960. № 3. С. 103; Зельдина О. М. Виды налогов в государстве Селевкидов // XXIV Герценовские чтения. Л., 1971. С. 151; Jonnes L., Riel M. A New Royal Inscription....*

¹⁰¹ *Зельдина О. М.* Там же. Эту мысль в форме предположения высказывал М. И. Ростовцев: *Rostovtzeff M. SEHNW. Vol. 1. P. 466.* В провинции Сицилии римляне оставили в силе основные положения податного устава Гиерона II, регулировавшего откуп и сбор основного налога — десятины (*Сизов С. К. Податный устав Гиерона II // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 47, 49.*

¹⁰² *Hansen E. Op. cit. P. 203.*

таком случае упоминаемые в источниках фиксированные платежи — 2 таланта в год для Амлады (RC. 62) и 20 мин для упоминаемого в надписи из города Сарды полиса, название которого не сохранилось (Sardis. VII. 2. Стк. 18)? Можно предполагать, что царская администрация определяла сумму налогов для городов на основе исчисления их доходов на какой-то достаточно длительный срок и в дальнейшем пересматривала ее лишь в случае изменения экономического состояния города, численности его населения и т. д.

Наряду с основным прямым подоходным налогом полисы обязаны были уплачивать в казну и различные дополнительные сборы. Город Амлада вносил средства «на восстановление» (ἐπισκευῆς ἔνεκε — стк. 6–7). Смысл этих строк, восстановленных Ч. Б. Уэллзом и М. Олло, не совсем ясен. По убедительному предположению М. Олло, деньги уплачивались на ремонт и строительство разрушенных во время антипергамского выступления царских сооружений, может быть, цитадели, где находился гарнизон Атталидов¹⁰³.

Очевидно, существовали портовые сборы, которые упоминаются в одной из надписей. С целью получения этих сборов царями были созданы портовые стоянки, строительство которых, согласно надписи, относится ко времени правления Аттала III. К сожалению, информация об этой деятельности фрагментарна (ἐποίκια καὶ [σταθμοὺς] βασιλικοὺς οὗς βασιλεὺς Ἀτταλὸς Εὐμένους υἱὸς τελωνίας χάριν ἐστῆσато — SEG. Vol. 39. 1180). Из найденной в начале 60-х гг. надписи ясно, что город Теос вносил в казну Аттала I средства, названные словом σύνταξις (I. Стк. 19)¹⁰⁴. По мнению П. Германа и О. М. Зельдиной, этим термином обозначался какой-то экстраординарный налог, введенный царем, возможно, для сбора средств на войну с Вифинией и Македонией и взимавшийся в дополнение к основному налогу — форосу, который также упоминается в документе (I. Стк. 33–34)¹⁰⁵.

Сельские жители в Пергамском царстве тоже платили налоги, но информация об этом крайне скудна. Сохранилось письмо царя Эв-

¹⁰³ RC. P. 240. Перевод надписи дан ниже (гл. 3, п. 3). Анализ содержания документа и ситуации, в которой он был принят, содержится в работах: *Cardinali G.* Op. cit. P. 110. Not. 2; P. 176; *Rostovtzeff M.* Pergamum. P. 604; *Jones A. H. M.* The Cities... P. 130 f.; *Hansen E.* Op. cit. P. 203; *Hopp J.* Op. cit. S. 70–74.

¹⁰⁴ *Herrmann P.* Antiochos der Grosse und Teos // *Anadolu (Anatolia)*. 1965 (1967). Bd. IX. S. 29–159. Разбор надписи из Теоса дан также в статье: *Зельдина О. М.* Города в царстве Селевкидов в свете новой Теосской надписи // ВДИ. 1978. № 2. С. 178–192.

¹⁰⁵ *Зельдина О. М.* Города в царстве Селевкидов... С. 187; *Herrmann P.* Op. cit. S. 103–105, 139.

мена II наместнику области Артемидору по поводу деревни кардаков (Clara Rhodos. 1938. Vol. 9. P. 190). В царском послании упоминается подушный налог, взимаемый с крестьян, проживавших на государственной земле, который назывался $\sigma\acute{\upsilon}\nu\tau\alpha\chi\iota\varsigma$.

О налогообложении храмовых общин известно также мало. Весьма вероятно, что они платили подоходный налог с урожая, о котором, впрочем, ничего не известно. Другой вид налогового обложения упомянут в письме Аттала, брата царя Эвмена II, относительно поселенцев на земле храма Аполлона Тарсена. Им было предоставлено освобождение от налога на мелкий рогатый скот (RC. 47. Стк. 5–7). Этот сбор, как ясно из надписи, взимался в размере одной десятой части дохода. Неизвестно, имел налог форму денежную или натуральную. В хозяйстве многих полисов и деревень Малой Азии овцеводство играло немалую роль: некоторые из них даже специализировались на изготовлении шерстяных тканей. Поэтому вполне вероятно, что греческие города и сельские общины могли уплачивать сбор со скота, хотя прямых сведений об этом нет¹⁰⁶.

Принципы взимания налогов Атталидами с подвластного населения после 188 г. до н. э., очевидно, установились следующие: города ежегодно платили в качестве основного налога форос или, как сказано в письме царевича Аттала жителям Амлады, $\phi\acute{o}\rho\omicron\varsigma \kappa\alpha\iota \tau\acute{\epsilon} \lambda\epsilon\sigma\mu\alpha$, который исчислялся, видимо, изначально как десятая часть доходов городского населения и в дальнейшем приобретал вид фиксированного на достаточное продолжительное время платежа. Военные колонии и храмовые общины — относительно небольшие, легко управляемые и контролируемые поселения — платили ежегодно определенную долю дохода: как указано выше, военные поселенцы вносили 5 процентов дохода с виноградника и 10 процентов с зерна (RC. 51. Стк. 17–18). Наконец, сельское общинное население на царской земле, возможно, облагалось подушным налогом, который назван $\sigma\acute{\upsilon}\nu\tau\alpha\chi\iota\varsigma$ (Clara Rhodos. 1938. Vol. 9. P. 190). Может быть, крестьяне платили и подоходный налог.

Кроме названных выше регулярных и экстраординарных выплат в денежном виде существовала и иная форма эксплуатации населения греческих полисов и сельских общин — сборы в натуральной форме. Декрет Апамен, принятый между 188 и 159 гг. до н. э. в честь видного гражданина города Кефисодора (MAMA. VI. 173), упоми-

¹⁰⁶ Тапн В. Эллинистическая цивилизация... С. 231; Rostovtzeff M. Pergamum. P. 611; Broughton T. R. S. Op. cit. P. 618–619. О. М. Зельдина считает, что налог со скота в государстве Селевкидов играл немалую роль: Зельдина О. М. Виды налогов... С. 152.

нает о том, что полис Апамея снабжал зерном армию Пергама во время войны и выполнял иные услуги. В другом городе — Атту-да — аналогичные поставки зерна обеспечили богатые граждане (МАМА. VI. 68).

Из документов следует, что царь и занимающиеся финансами представители его администрации определяли для города общие суммы платежей и налогов. Очевидно, распределением среди городского населения налоговых сумм и их сбором занимались полисные органы управления, ведающие финансами (стратеги в Пергаме и ряде других городов, казначеи), и передавали собранные средства в руки царских должностных лиц (эпистатов, стратегов провинций и других). Предоставление довольно значительной финансовой автономии городам было вызвано, наряду с политическими мотивами, также невозможностью содержать огромный бюрократический и фискальный аппарат в полисах. Интересы царской казны защищали специальные должностные лица, выполнявшие контрольные и некоторые административные функции. К сожалению, структура финансовой администрации Атталидов не известна. Недавно — в 2002 г. — опубликованная надпись времени правления Эвмена II перечисляет ряд должностных лиц, деятельность которых связана с обязанностями финансового и экономического характера — диойкет, археологист, эконоом, эклогист. В силу фрагментарности текста и характера самого документа — он представляет собой постановление религиозного сообщества — определить обязанности названных лиц невозможно. Очевидно, в данном случае можно опереться на известные материалы царств Селевкидов и Птолемеев¹⁰⁷.

Конкретных примеров размера налогов, к сожалению, очень немного. Амлада платила в казну не менее двух талантов ежегодно (RC. 62), городу Темну или Теосу определялся ежегодный взнос в размере 20 мин (Sardis. VII, 2. Стк. 18). Этот налог был невелик, что, возможно, объясняется бедственным положением жителей (стк. 8–10). Дж. Кардинали считал, что Эгинский полис вносил в казну каждый год не менее восьми талантов¹⁰⁸. По мнению Э. Хансен, эта

¹⁰⁷ О налогах с городского населения в государстве Селевкидов см.: Бикерман Э. Государство... С. 100–101; Зельдина О. М. Доходы полиса в державе Селевкидов // XXVI герценовские чтения. Исторические науки. Л., 1973. С. 118; Muller H., Worrie M. Ein Verein im Hinterland Pergamons zur Zeit Eumenes' II // Chiron. 2002. Bd. 32. S. 192–193, стк. 10–12. О полномочиях и функциях перечисленных должностных лиц в других эллинистических государствах см.: Бикерман Э. Государство... С. 120–122; Muller H., Worrie M. Ein Verein... S. 220–231.

¹⁰⁸ Cardinali G. Op. cit. P. 177–178.

сумма была выше и составляла 10–12 талантов¹⁰⁹. Следует учитывать, кроме того, что население полисов платило дополнительные налоги и в городскую казну¹¹⁰.

В отдельных случаях пергамские цари предоставляли полисам и сельским или храмовым общинам льготы и привилегии финансового характера. Амлада, оказавшаяся в трудном экономическом положении, была освобождена от главных, наиболее обременительных налогов. Ежегодный взнос был уменьшен на три тысячи драхм, а долг в десять тысяч драхм прощен (RC. 54. Стк. 13–15). В документе нет никаких указаний относительно срока, в течение которого действительна эта привилегия. Видимо, предполагалось предоставление ателии навечно. По декрету в честь Коррага (SEG. II. 663) город Аполлония на Риндаке освобождался от уплаты всех налогов сроком на 5 лет¹¹¹. Другому городу — Темну или Теосу — в связи с разорением гражданской войной, пожаром и другими бедствиями была предоставлена ателия на семь лет. Те платежи, которые полис должен был вносить в казну с восьмого года, разрешалось осуществлять в три приема. В документе при этом подчеркнуто, что иными налогами следует город не обременять (Sardis. VII. 2. Стк. 18–19). Очевидно, полис должен был вносить с восьмого года только основной налог — форос и освобождался от различных дополнительных платежей.

В ряде случаев цари в дополнение к указанным выше льготам предоставляли городам денежные суммы. Такая необходимость возникла в какой-то чрезвычайной и нетипичной ситуации. Например, из царских средств были выплачены деньги разоренному войной населению полиса Аполлония-на-Риндаке (SEG. II. 663. Стк. 20). Жителям Аполлонии во Фригии Аттал II предоставил при синой-кизме деньги из своих частных средств¹¹². Данные факты показывают, что финансовая политика царей Пергама была достаточно гибкой и дальновидной. Размер налога определялся в зависимости от экономического состояния полиса, а в случае необходимости предоставлялись значительные льготы на восстановление хозяйства.

Источники сохранили сведения относительно ряда мероприятий экономического характера, проводимых Атталидами в отношении

¹⁰⁹ Hansen E. Op. cit. P. 204.

¹¹⁰ Мы не касаемся вопроса о городской финансовой системе, доходах и расходах полисов. Положение в городах царств Атталидов и Селевкидов было в основном аналогичным. См.: Зельдина О. М. Доходы полиса...; Бикерман Э. Государство... С. 110–111.

¹¹¹ Примечательно, что полная ателия, предоставленная Аполлонии-на-Риндаке, не имеет параллелей в документах царства Пергам (Bengtson H. Die Strategie... Bd. 2. S. 221).

¹¹² Tschirikover V. Die Hellenistischen Städtegrundungen... S. 23.

городов. Одна из таких мер — расширение земельных владений полисов. Страбон отмечает, что жители Пария в Троаде, выслужившись перед Атталидами, получили от царей территорию города Приапа (Strab. XIII. I, 14). Эта акция способствовала процветанию Пария, правда, в ущерб интересам другого полиса. Отметим весьма существенное обстоятельство: цари произвольно распоряжались хорошей подвластного им города. Известно также, что основатель династии Филетер предоставил соседнему городу Питана деньги на приобретение земельного участка (IvP. 245. Стк. 42–45; OGIS. 335. Стк. 134–135).

К числу мероприятий социально-экономического характера относится и достаточно распространенная в эпоху эллинизма практика переселения жителей слабеющего полиса в другой, расположенный в более выгодных условиях, экономически более сильный, или, наоборот, из достаточно многолюдного города в тот, где из-за малочисленности населения угасала жизнь. Страбон сохранил известие о том, что в Гаргару один из царей Пергама переселил колонистов из Милетополя — главного города племени милатов, проживавших около озера Аполлониатиды (Strab. XIII. I, 58). По его же словам, Аттал II вывел колонию в город Корик (Strab. XIV. IV, 1). Из найденной в Сардах надписи (Sardis. VII. 2) известно, что жители какого-то города Пергамского государства, пострадавшего и обезлюдившего в годы войны, обратились к царю с просьбой направить к ним колонистов, чтобы восполнить эту потерю населения. Очень близкой по содержанию мерой был синойкизм. Пергамские цари занимали покровительственную позицию по отношению к населению вновь образовываемого полиса. Аттал II предложил жителям Аполлонию деньги из личных средств (стк. 5–6) и предпринял какие-то иные акции, направленные на повышение благосостояния граждан (стк. 6–8)¹¹³. Основу такой позиции монархов составлял расчет иметь в лице новых полисов источник доходов и опору власти.

Ряд сообщений источников показывает стремление Атталидов содействовать развитию торговли в городах царства. С этой целью, например, на южном побережье Малой Азии был основан город Атталия, превратившийся в крупный порт и важный торговый центр. Атталом II была предпринята попытка перестройки гавани Эфеса, которая, впрочем, закончилась неудачей: «Строители сделали вход в гавань более узким, но они ошиблись вместе с царем, который повелел им это (именно Атталом Филадельфом). Ибо царь этот думал, что вход будет достаточно глубоким для больших грузовых судов...

¹¹³ Ibidem.

если насыпать мол у входа, в то время очень широкого, и поэтому приказал им построить плотину. Однако случилось обратное: заключенные внутри гавани наносы сделали ее мелководной вплоть до входа» (Strab. XIV. I, 24. Пер. Г. А. Стратановского). Очевидно, что Атталиды планировали отвести Эфесу особую роль в своем государстве, сделав его главным торговым центром¹¹⁴. В значительной степени им удалось осуществить данное намерение, ибо позже римляне превратили этот город в столицу провинции Азия.

Археологические исследования позволяют считать такую попытку не единственной. При изучении приморской части города Кима были обнаружены два мола, которые защищали обе гавани от северных ветров. Южный мол представлял собой внушительное сооружение длиной более 220 м и шириной более 40 м, сложенное из тесаного камня. Исследователи определили, что мол трижды перестраивался, в том числе в годы правления Эвмена II¹¹⁵.

На основании данных фактов можно считать, что в политике Атталидов выделяется тенденция к созданию благоприятных условий для развития торговли в государстве вообще и прежде всего в полисах, игравших роль торговых центров. М. И. Ростовцев, характеризуя это направление деятельности пергамских монархов, считал возможным говорить даже о торговой экспансии Атталидов и об очень больших успехах их в данной области¹¹⁶.

Весьма активный характер имела строительная деятельность Атталидов в полисах царства. Прежде всего это коснулось столицы государства, которой правящий дом стремился придать великолепие. В городе были возведены царский дворец, библиотека, гимнасии, алтарь Зевса, храмы Афины, Диониса, театр, две агоры, крепость, оборонительные стены¹¹⁷. Все эти постройки возведены не полисом, а царями, причем цари с равным величием и основательностью сооружали постройки как монархического назначения (дворец, крепость), так и общественные, рассчитанные именно на городские нужды и потребности (театр, площади, гимнасии, система водоснабжения и другое).

¹¹⁴ Hansen E. Op. cit. P. 172.

¹¹⁵ Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Археологические работы последних лет в Малой Азии // ВДИ. 1967. № 1. С. 178–179; Cook J. M., Blackmore D. Greek Archaeology in Asia Minore // Archaeological Reports for 1964–1965. London, 1965. P. 36–37.

¹¹⁶ Rostovtzeff M. SEHW. Vol. 2. P. 650–659, 804–805 f.

¹¹⁷ Описание построек Пергама дано в большом количестве работ, из которых назовем: Die Altertümer von Pergamon. Bd. I–XI. Berlin, 1885–1969; Deubner O. Das Asclepieion von Pergamon. Berlin, 1938; Hiepe R. Die Pergamonaltar. Leipzig, 1961; Rohde E. Pergamon. Burgberg und Altar. Berlin, 1982; Hansen E. Op. cit. P. 238–284.

Пергамские цари подарили целый ряд значительных по архитектурным, художественным достоинствам и дорогостоящих общественных сооружений и другим полисам государства. Основные постройки небольшого городка Эги показывают сильное влияние столичного архитектурного стиля, во многом напоминающая здания Пергама. Как считают Р. Бон и Э. Хансен, город значительно перестраивался при Атталидах, которые направили на эти работы своих архитекторов и выделили очень значительные средства. В Ассе Атталидами было возведено трехэтажное рыночное здание, городу Термесу была подарена стоя, а Корику построена новая, более длинная, стена (Strab. XIV.IV. 1). Видимо, новые стены были построены и в Эоанде: специалисты отмечают, что они возведены в технике, которая характерна именно для пергамского строительства времени Эвмена II¹¹⁸.

Влияние пергамского архитектурного стиля также отмечают в постройках эллинистического времени городов Сагаласс, Селге, Адада, Термесс и других¹¹⁹.

Атталиды, подобно всем другим эллинистическим династиям, имели собственную денежную систему и чеканили свою собственную монету.

Цари Пергама предоставляли полисам важную финансовую льготу — право чеканить собственную монету¹²⁰. Особенностью поли-

30. Монета-кистофор (2-я пол. II в. до н. э.)

¹¹⁸ Hansen E. Op. cit. P. 285–289.

¹¹⁹ Kosmetatou E. Pisidia and the Hellenistic kings from 323 to 133 B. C. // *Ancient Society*. 1997. Vol. 28. P. 32–33.

¹²⁰ Монетам Пергамского царства посвящены работы: Imhoof-Blumer Fr. *Die Münzen der Dynastie von Pergamon* // ABA. 1884. Abh. III; Fritze H. von. *Die Münzen von Pergamon* // ABA. 1910. Abh. I; Rostovtzeff M. SEHWW. Vol. 2. P. 654–659; Hansen E. Op. cit. P. 216–224; Head B. *Historia Numorum. A Manual of Greek Numismatics*. Oxford, 1911. P. 520–688; Westermarck U. *Das Bildnis des Philetairos von Pergamon*. Stockholm, 1961.

тики пергамских царей является то, что города могли выпускать преимущественно монеты из бронзы. Серебряные деньги чеканил главным образом царский монетный двор. Примечательно, что подвластные царям города выпускали монеты своего собственного типа, имели известную свободу в выборе денежной системы и в этом ничем не отличались от автономных полисов¹²¹. Вместе с тем в политике Атталидов достаточно отчетливо вырисовывается стремление к унификации денег, выпускаемых городами. Все полисы переходят на аттическую денежную систему и выпускают монеты по типу распространенных в Малой Азии и Сирии тетрадрахм Александра и Лисимаха. Эти деньги имели широкое хождение в государстве Селевкидов и, как считает М. И. Ростовцев, чеканились в период сближения государств Атталидов и Селевкидов после Апамейского мира в значительной степени специально для восточных рынков. Такая политика правителей Пергамского царства была направлена на развитие торговой активности полисов Малой Азии и на установление прочных экономических контактов с Сирией. Во II в. до н. э. в Малой Азии получили распространение новые монеты — кистофоры, которые чеканились по родосскому стандарту, но благодаря исключительно удачному соотношению денежных единиц могли использоваться и на греческом, и на восточном, и даже на римском рынке. Чеканились кистофоры в основном зависимыми от династии городами (Пергам, Эфес, Сарды, Фиатир, Апамя, Траллы), но также и некоторыми свободными полисами (Милет, Смирна) и выполняли прежде всего роль общегосударственной монеты, что было необходимо в обстановке общего хозяйственного подъема и интенсивных торговых связей¹²².

В системе отношений короны с населением городов и сельских общин важное место принадлежало финансовым отношениям. Полисы, материальную основу существования которых составляло земледелие, скотоводство, ремесленное производство и торговля, получившие значительное развитие в III–II вв. до н. э., облагались разнообразными налогами и являлись, таким образом, важным источником доходов монархии Атталидов. Система обложения, установленная центральной властью, была достаточно сложной и включала как основной налог — форос, являвшийся скорее всего подоходным налогом в размере десятой части дохода, так и дополнительные косвенные сборы. В руках пергамских царей финансовая политика стала важным политическим инструментом. Обременяя одни полисы налогами, предо-

¹²¹ Hansen E. Op. cit. P. 221.

¹²² Rostovtzeff M. Some Remarks... P. 283–284, 288, 293, 295–296; Hansen E. Op. cit. P. 221–223.

ставляя полную или частичную и временную ателию другим, Атталиды умело поддерживали свою власть над полисами, сохраняя и усиливая их зависимость от короны. Перечисленные выше мероприятия экономического характера показывают заинтересованность центральной власти в хозяйственном процветании городов. Это объясняется прежде всего соображениями фискального характера. Вместе с тем эта серия мероприятий имела и политический смысл, ибо обеспечивала династии верность полисов.

Отметим, что какой-либо стройной и четкой системы экономических мероприятий в отношении городов и сельских территорий у Атталидов все-таки не сложилось. Это объясняется прежде всего менее значительной ролью государственного сектора в хозяйственной жизни страны, чем, например, в Египте Птолемеев. Может быть, причина заключается в том, что пятьдесят пять лет, охватывающие период между Апамейским миром и гибелью царства, — слишком незначительный срок для целенаправленного осуществления целой системы экономических мер, направленных на создание благоприятных для развития хозяйства условий.

2.5. Военные силы государства

Армия Пергамского царства состояла из отрядов профессиональных воинов-наемников, из катеков — военных поселенцев; к службе привлекались также граждане столицы и, вероятно, других городов царства; наконец, набирались представители местного малоазиатского населения.

Судя по всем имеющимся материалам, численность пергамской армии была невелика. Во время войны Рима с Сирией (192–188 гг. до н. э.), в которой Эвмен II принял деятельное участие, в битве при Магнезии в 190 г. до н. э., войско пергамского царя насчитывало 2–3 тысячи человек. Значительной поддержкой пергамскому царю стал отряд, посланный в помощь Ахейским союзом; в его состав входили 1 тысяча пехотинцев и 100 всадников (Polyb. XXI. 9, 2; Liv. XXXVII. 20; App. Syr. 26). Неясно, были эти воины наемниками или Ахейский союз направил их в помощь по договору. В дальнейшем, вероятно, часть их была поселена в одном из основанных Атталидами городов — в Эвмении во Фригии.

В 189 г. до н. э. во время похода римской и пергамской армий против галатов силы Эвмена II были представлены всего 200 всад-

ников и примерно 1 тысячей пехотинцев (Liv. XXXVII. 18; XXXVIII. 12, 8; 21, 2).

После Апамейского мира 188 г. до н. э. в связи со значительным территориальным ростом государства увеличилась численно и его армия. Источники вполне определенно свидетельствуют о несколько возросшей военной силе царей Пергама. В 171 г. до н. э. Эвмен II направил в Балканскую Грецию для участия на стороне Рима в войне против царя Македонии Персея 6 тысяч пехотинцев и 1 тысячу всадников (Liv. XLII. 55). М. И. Ростовцев полагал, что дошедшие в античных исторических сочинениях данные о численности армии Пергамского царства не соответствуют в полной мере действительности и являются заниженными. Основная часть сохранившихся в трудах греческих и римских авторов сведений связана с действием пергамских войск как союзника в военных действиях на стороне Рима, в которых участвовала только часть армии¹²³. Поэтому естественно полагать, что армия Атталидов имела большую мощь и численность, чем представляют наши основные нарративные источники. Действительно, пергамские цари добивались побед и над кельтами, и над армиями Селевкидов, царей Вифинии, Понта и ряда других государств. При этом все-таки следует иметь в виду, что, по сравнению с такими мощными эллинистическими царствами, как государство Селевкидов или Македония при Филиппе II или Филиппе V, военные возможности Пергама были достаточно скромными. В противном случае трудно объяснить ряд военных неудач правителей Пергамского государства. Вероятно, известная военная слабость в сравнении с могучими и опасными соседями в немалой степени объясняет и устойчивую ориентацию пергамских царей на союз с Римом.

Важную роль в армиях эллинистических государств, в том числе и царства Атталидов, играли наемные солдаты, которые составляли многочисленные и, видимо, наиболее боеспособные подразделения¹²⁴. Среди надписей Пергама имеется документ, раскрывающий многие стороны положения наемников, — это договор Эвмена I с наемными солдатами¹²⁵.

¹²³ Rostovtzeff M. Pergamum. P. 594.

¹²⁴ Parke H. W. Greek Mercenaries Soldiers. Oxford, 1933; Griffith G. T. The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge, 1935; Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. T. 1–2. Paris, 1949–1950.

¹²⁵ Текст опубликован: IvP. 13; OGIS. 266. Перевод (неполный) см.: Хрестоматия по истории Древней Греции. М., 1964. С. 516–517. Анализ документа см.: Соколов Ф. Ф. Договор Евмена с наемными войнами // Тр. Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910. С. 405–410; Griffith G. T. The Mercenaries... P. 172–173, 282–288; Bengtson H. Op. cit. Bd. 2. S. 198–207; Hansen E. Op. cit. P. 231–232.

Договор, видимо, был заключен после мятежа воинов, который они подняли во главе со своими командирами. Документ представляет собой большую по объему (более 60 строк) и весьма содержательную надпись. Состоит она из трех основных разделов. В первом определяются условия службы наемников. Вторым является клятвой воинов и их командиров хранить верность Эвмену I. Третий раздел содержит клятву правителя. К сожалению, не все положения документа ясны.

Условия службы наемников указаны следующие.

1. Для них определена цена хлеба в 4 драхмы за медимн и цена вина в 4 драхмы за метрет (стк. 3–4). Цены установлены не низкие¹²⁶. Возможно двоякое понимание данного положения. Ф. Ф. Соколов и Т. Рейнак считали, что говорится о деньгах, которые должны платить наемники за питание. По мнению Г. Т. Гриффита, речь идет о замене выдаваемого воинам натурального довольствия денежным¹²⁷. На размере жалования это не сказалось. Ф. Ф. Соколов подметил, что о повышении жалования в документе нет речи. Видимо, оно осталось прежним — как до мятежа, и солдаты не требовали его увеличения¹²⁸.
2. Год считать в 10 месяцев, вставной месяц не считать (стк. 5–6). По греческим обычаям полисы вели войны, как правило, в течение 7–8 месяцев года, пока была благоприятная погода. Для наемников этот сезон продлен до 10 месяцев. По предположению Г. Т. Гриффита¹²⁹, наемные отряды, которые размещались в крепостях царства, поздней осенью и зимой делились на две половины, каждая из которых получала два месяца отдыха (может быть, ноябрь–декабрь и январь–февраль). Не совсем ясно положение относительно вставного месяца. Видимо, оно связано с разницей в ионийском и македонском календарях (как считает Г. Т. Гриффит) или с разницей между лунным и солнечным календарями (по мнению Ф. Ф. Соколова)¹³⁰. В любом случае открывалась возможность злоупотреблений со стороны нанимателя, которую данное положение должно было пресечь.
3. Тем, кто отслужил установленный срок (лет или месяцев — в надписи не сказано), — быть свободным от службы; чтобы плату получали в соответствии с выслугой (стк. 6–8). Ф. Ф. Со-

¹²⁶ См.: OGIS. Vol. I. P. 434. Not. 6–8.

¹²⁷ Соколов Ф. Ф. Договор... С. 406; Griffith G. T. The Mercenaries... P. 282–283.

¹²⁸ Соколов Ф. Ф. Договор...

¹²⁹ Griffith G. T. The Mercenaries... P. 283.

¹³⁰ Соколов Ф. Ф. Договор...; Griffith G. T. The Mercenaries...

колов полагал, что установленный срок службы наемников Эвмена I составлял 430 лунных месяцев, после которых жалование становилось пенсией¹³¹. Г. Т. Гриффит по-иному понимает данное выражение надписи: речь идет об установленных 10 месяцах службы, после которых воин получал плату и 2-месячный отдых¹³².

4. Предусмотрена выдача специальных средств на содержание детей-сирот в случае гибели воина. Получать эти средства могли ближайшие родственники наемника или те люди, в отношении которых он распорядился (стк. 8–9). Возможно, речь в данном случае идет не о денежных суммах, а о каких-то натуральных выплатах.
5. Воинам предоставлено освобождение от налогов, как в 44-м году (именно так сказано в надписи). Закончившие службу или отпущенные с нее наемники получали право свободного выезда с территории страны и освобождались от пошлин при вывозе своего имущества (стк. 9–13). Неясна первая часть данного положения из-за чрезмерной краткости текста. По мнению М. Френкеля и Й. Уссинга, освобождение от налогов воин получал на 44-м году своей службы у Эвмена I. В. Диттенбергер считал, что речь идет о 44-м годе эры Селевкидов (269/268 г. до н. э.), когда Филетер предоставил воинам освобождение от налогов, а Эвмен I в договоре, таким образом, подтвердил данную льготу¹³³. Ф. Ф. Соколов воздержался от точного определения смысла положения договора. По его мнению, может быть, освобождались от налогов отслужившие 43 лунных года (или 430 лунных месяцев) солдаты или же статья означала вообще свободу от налогов для всех наемников¹³⁴.
6. Жалование, которое Эвмен I согласился выдать наемникам за 4 месяца, должно выплачиваться без вычетов (стк. 13–14). Статья договора также не совсем ясна. О каких 4 месяцах идет речь? Специалисты единодушны в своем предположении о том, что 4 месяца продолжался мятеж наемников, а при заключении мира с Эвменом I они потребовали считать этот срок временем службы. Г. Т. Гриффит также обратил внимание на то, что в данной

¹³¹ Соколов Ф. Ф. Договор... Аналогичное мнение высказывал Т. Рейнак.

¹³² Griffith G. T. The Mercenaries... P. 284.

¹³³ Fränkel M. IvP. Bd. 1. S. 16; Ussing J. Pergamos. Seine Geschichte und Monumente. Berlin, 1899. S. 12; Dittenberger W. OGIS. Vol. I. P. 436. Not. 14; Hansen E. Op. cit. P. 232. Not. 414.

¹³⁴ Соколов Ф. Ф. Договор... С. 407.

статье нет речи о натуральном довольствии для солдат за 4 месяца. Дело, видимо, объясняется тем, что продовольствие мятежные наемники добывали грабежом окрестных мест¹³⁵.

7. Последнее, седьмое, положение договора, в котором говорится о какой-то у неизвестной категории воинов, неясно из-за плохой сохранности текста. В 14–15-й строках издатели и исследователи по-разному восстановили одно слово. Ф. Ф. Соколов читал ὑπὲρ τῶν λευ[χα]νῶν, полагая, что речь идет о луканах — наемниках италийского происхождения. В. Диттенбергер и вслед за ним Г. Т. Гриффит предпочли иной вариант восстановления текста: ὑπὲρ τῶν λευ[χι]νῶν. По мнению В. Диттенбергера, речь идет об особой категории воинов, которые за заслуги, может быть за храбрость, награждались специальным знаком — венком из ветвей белого тополя¹³⁶. Воины этой неизвестной категории должны были получить хлеб за то же время и «венки». Видимо, этой категории воинов предоставлены определенные льготы — в отличие от основной массы наемников они получали бесплатно натуральное содержание «за то же время», то есть за 4 месяца мятежа, и, кроме того, «венки». Под этим словом В. Ф. Соколов понимал жалованье за 4 месяца. По нашему мнению, это была какая-то дополнительная плата, прибавка, определенная для данной категории воинов.

Договор относится к начальному периоду истории государства Атталидов. Изменились ли в дальнейшем условия службы воинов, неизвестно.

Наемники в армии Пергамского царства происходили из самых разных областей греческого мира: из городов Массилия, Солы, Лисимахия на полуострове Херсонес Фракийский, из полисов Малой Азии, областей северной и средней частей Балканской Греции, из городов Пелопоннеса и с острова Крит¹³⁷. Часть воинов-наемников имела негреческое происхождение. Источники упоминают македонян, траллов, фракийцев (Hesych. Τραλλεῖς; Liv. XXXVII. 39, 10; XXXVIII. 21, 2).

Часть пергамских военных сил составляли военные поселенцы, которых нередко в литературе не совсем точно называют катека-

¹³⁵ Соколов Ф. Ф. Договор...; Dittenberger W. OGIS. Vol. I. P. 436. Not. 15; Griffith G. T. The Mercenaries... P. 285.

¹³⁶ Соколов Ф. Ф. Договор... С. 408; Dittenberger W. OGIS. Vol. I. P. 437. Not. 16, 17; Griffith G. T. The Mercenaries... P. 286.

¹³⁷ Fouilles de Delphes. T. III. Epigraphie. Fasc. IV. Livr. 2. Inscriptions de la Terrasse du Temple. Paris, 1954. N 132–135 (A, B, C, D).

ми¹³⁸. К сожалению, информации о военных поселениях Атталидов недостаточно. В некоторых случаях население их называлось македонянами, что в надписях отмечалось специально, например: «проживающие в Кобедиле македоняне...»¹³⁹. По предположению Г. Коэна, македонянами жителей поселения называли не только в связи с этническим происхождением их самих или их предков. Так могли называть воинов иного этнического происхождения, «служивших в военных македонских подразделениях. Македоняне упоминаются в поселениях Акрасос, Дойды, Кобедил и некоторых других (OGIS. 290, 314). Видимо, основная часть военных поселений в Малой Азии, в том числе македонских, была основана Селевкидами. После 188 г. до н. э. они вошли в состав царства Атталидов.

Внутренняя организация военных поселений отличалась от полисной, во всяком случае, колонии не имели своих эпонимных магистратов и вели счет лет по годам правления царя¹⁴⁰. Возможно, и в мирной жизни поселенцы сохраняли черты военной организации. Одно из постановлений катекии македонян принято в честь стратега. Судя по использованному в надписи выражению, в данном случае стратег — не выборное должностное лицо общины, а военный командир¹⁴¹. В надписи из колонии Накрасы в честь Аполлония говорится, что он прежде был назначен стратегом города (πρότερον δὲ στρατηγὸς τῆς πόλεως κατασταθεὶς — OGIS. 268. Стк. 9–10), то есть командиром военного поселения.

Вместе с тем колонии приобретали элементы общинной организации. Видимо, члены поселений собирались на собрания, принимали почетные постановления (документы другого рода не сохранились), отмечали общинные праздники (OGIS. 268; *Malay H. Researches...* № 179). Среди поселенцев могли возникать культовые сообщества. В поселении Мернуфита сохранилась надпись, поставленная объединением Гераклиастов — почитателей Геракла¹⁴². Геракл — популярное

¹³⁸ О военных поселениях см.: *Cohen G. Hellenistic settlements...*; *Cohen G. Katoikiai, katoikoi and Macedonians in Asia Minor // Ancient Society. 1991. Vol. 22. P. 42–43, 48–50; Billows R. Kings and colonists. Aspects of Macedonian imperialism. Leiden; New York; Köln, 1995* (в Приложении дан список македонских поселений со ссылкой на источники — P. 179–180).

Важно обратить внимание на то, что упоминание о македонянах в том или ином поселении не всегда является свидетельством военного характера поселения (См.: *Cohen G. Op. cit. P. 49–50*).

¹³⁹ *Keil–Premmerstein. II. № 233. См. также: Keil–Premmerstein. I. № 95.*

¹⁴⁰ *Keil–Premmerstein. I. № 94, 95; II. № 233; OGIS. 268.*

¹⁴¹ *Keil–Premmerstein. I. № 95; Allen R. Op. cit. P. 96; cp.: Bengtson H. Die Strategie... Bd. 2. S. 207.*

¹⁴² *Keil–Premmerstein. II. № 51; Cohen G. Hellenistic settlements... P. 218.*

среди воинов божество, высоко почитался в Пергамском царстве в связи с тем, что он являлся отцом Телефа — легендарного правителя Мисии и мифического родоначальника династии Атталидов.

Итогом естественного развития некоторых военных колоний было превращение их в конечном счете в полисы или сближение их организации с полисной. Подтверждением этому является надпись, составленная в 163–162 гг. до н. э. от имени македонян из местечка Кобедил. По форме она напоминает почетные постановления военных колоний Атталидов, но человек, в честь которого составлен документ, назван гражданином поселения¹⁴³. Аналогичным было положение Накрасы, которая, будучи военной колонией, имела стратега в качестве командира и счет годам вела по годам правления царя; вместе с тем названа в почетном декрете полисом, имела гражданский коллектив, общинные праздники, своих должностных лиц (OGIS. 268). На основе военных колоний произошло также образование некоторых городов — Атталии в Лидии, Аполлонии во Фригии, возможно, Аполлониды в Лидии. Э. Бикерман полагает, что «тексты, относящиеся к селевкидским и атталидским колониям, не содержат никаких указаний на военный характер этих населенных пунктов»¹⁴⁴. Едва ли это утверждение справедливо, поскольку во главе военных поселений стоял стратег, то есть колонии имели квазивоенную структуру, что признает и Э. Бикерман. Кроме того, декрет Пергама 133 г. до н. э. упоминает среди разных категорий воинов македонян (OGIS. 338. Стк. 14). Складывается впечатление, что данный этноним служил устойчивым обозначением воинов.

Возможно, на военные колонии и их командиров возлагалась обязанность осуществлять управление ближайшими поселениями местных сельских жителей. Недавно найденная почетная надпись (*Malay H. Researches...* 179), к сожалению, очень плохо сохранившаяся, представляет собой почетное постановление в честь некоего стратега, которого царь поставил «эпистатом местечка» (ὁ ἐπιστάτης τοῦ τόπου). Наиболее вероятно, что в почетной надписи идет речь о стратеге военного поселения, на которого также возлагались обязанности управления поселением, где проживали мисийцы.

Положение военных поселенцев известно по двум частично сохранившимся письмам пергамских царей (RC. 16; 51)¹⁴⁵. Катекам

¹⁴³ Keil-Premierstein. II. № 223. Ср.: Свенцицкая И. С. Особенности гражданской общины... С. 37; Cohen G. Hellenistic settlements... P. 214.

¹⁴⁴ Бикерман Э. Государство... С. 78.

¹⁴⁵ Billows R. Kings and colonists... P. 160–169.

предоставлялись земельные наделы из государственного фонда в качестве повинностного владения, а не на правах частной собственности. За это поселенцы должны исполнять обязанности военного характера. Назывался данный надел κλῆρος. В одном из писем (RC. 51) указаны размеры надела. Они зависели от принадлежности поселенца к одной из двух выделенных в документе категорий: первая — οἱ ἐστεγυποποιημένοι (стк. 14), вторая — οἱ μὴ πω ἐστεγυποποιημένοι (стк. 15). Первые получали 100 плетров необработанной земли и 10 плетров виноградника, вторые в два раза меньше — 50 плетров необработанной земли и 5 плетров виноградника (стк. 14–16)¹⁴⁶.

Смысл выражений не совсем ясен, поэтому ускользает от понимания характер различия. По предположению Ч. Б. Уэллза, которое принимает И. С. Свенцицкая¹⁴⁷, речь идет о воинах, построивших себе в городе собственное жилье (именно им предоставляется в два раза больше земли) и не имевших своего дома. Последние расквартированы по жилищам других жителей. Льгота первым предоставлена, видимо, в связи с тем, что они прочно и надолго обосновались на месте поселения, кроме того, не обременяя граждан населенного пункта постоем.

Сравнение пергамских и других античных материалов с данными относительно современного сельскохозяйственного производства в странах Средиземноморья показывает, что даже небольшой клер, выделяемый колонистам пергамскими царями, представлял собой основательное хозяйство, которое могло прокормить две семьи. Клеры более значительного размера представляли собой уже небольшие поместья¹⁴⁸.

Помимо полученных от казны во владение земель каждый военный поселенец имел право приобрести из царского земельного фонда надел в частную собственность (RC. 51. Стк. 18–21). Исполняя военные обязанности, катеки должны были, кроме того, вносить в казну налоги за пользование землей. С виноградника налог составлял двадцатую часть урожая, с зерна и других плодов — десятую (стк. 16–18). Бездетным воинам предоставлялось право свободного завещания собственности после уплаты налога в казну (стк. 25–27). В некоторых

¹⁴⁶ О взаимобусловленности военной службы горожан в основанных Селевкдами полисах и полисной земельной собственности см.: Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 230 сл.; 239, др.

¹⁴⁷ Хрестоматия... С. 517; Welles Ch. B. RC. P. 207–208. Подробнее см.: Segre M. 'Ἐστεγυποποιημένοι' // Riv. fil. class. 1935. Vol. LXIII. P. 222–225.

¹⁴⁸ Billows R. A. Kings and colonists... P. 160–165.

случаях военным поселенцам предоставлялось освобождение от налогов на определенное время¹⁴⁹.

При характеристике военных поселений царей Пергама приходится признавать, что неясен один из самых важных вопросов: как была организована военная служба колонистов¹⁵⁰. Скорее всего поселения напоминали клерухии птолемеевского Египта и представляли собой резервные силы, которые призывались на службу в случае необходимости. Обычно такие поселения в Египте имели военизированный характер, но некоторые черты военной организации сохраняли и колонии Атталидов. Уже упоминалось о том, что одно из почетных постановлений было принято македонянами в честь своего стратега, который стоял во главе данного поселения¹⁵¹. Другой документ представляет собой посвящение «воинов из Паралии» (OGIS. 330), которые были поселенцами, мобилизованными при Аттале II в 145 г. до н. э. в военный поход и благополучно из него вернувшимися¹⁵².

Полибий в рассказе о походе Атталы I в 218 г. до н. э. по районам западного побережья Малой Азии сообщает о том, что свою армию царь Пергама усилил отрядом галлов из Фракии из племени эгосагов, пообещав им при этом дать удобную для жительства территорию (Polyb. V. 78, 5). Предполагалось, очевидно, создание поселений, мужское население которых можно было привлекать к военной службе.

Кроме того, размещение многих военных поселений вдоль границ показывает, что они могли исполнять роль постоянной пограничной службы. В целом военных поселенцев можно охарактеризовать как профессиональную и социальную категорию, обладавшую определенными правами и привилегиями и занимавшую хотя и невысокое, но устойчивое экономическое и общественное положение.

Пергамские цари призывали к военной службе и представителей негреческого местного населения Малой Азии. Практика привлече-

¹⁴⁹ Rostovtzeff M. Pergamum. P. 171 f. Убедительные доказательства возможности приобретения даже царских земель в собственность городами и частными лицами приведены Е. С. Голубцовой: Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство в эллинистических государствах в II–I вв. до н. э. М., 1969. С. 165 сл.

О превращении в эллинистическом Египте земельного держания военных поселенцев в частную собственность см.: Зельин К. К. Исследования по истории земельных отношений в Египте II–I веков до нашей эры. М., 1960. С. 346, др. См. также: Billows R. Op. cit. P. 167–168.

¹⁵⁰ О характере военных поселений Селевкидов и Птолемеев и организации службы солдат см.: Бикерман Э. Государство... С. 74–79; Billows R. Kings and Colonists... P. 172 f.

¹⁵¹ Keil–Premierstein. I. № 95. См. также: OGIS. 268.

¹⁵² Бикерман Э. Государство... С. 78.

ния к военной службе местных восточных народов получила широкое распространение в государстве Селевкидов, в армию которых также набирались воины из малоазийских народов — писидяне, ликийцы, памфилийцы и мисийцы¹⁵³. О порядке набора их в армию, условиях службы ничего не известно. Видимо, в сельских общинах и городах с местным населением в случае необходимости производился набор. После военного похода солдаты возвращались домой. Нужно также отметить, что в ряде случаев по источникам трудно определить, идет речь о наемниках или о призываемых на службу в порядке повинности воинах.

В договоре Эвмена I с наемниками (OGIS. 266) выделены две основные категории солдат. Первые — получающие плату, то есть наемные воины, среди которых были пехотинцы, всадники, гарнизонная стража. Вторые — воины, не получающие жалованья (ἄμιστοι — стк. 36). Г. Бенгтсон считал, что в договоре идет речь о гражданах Пергама, привлекавшихся к военной службе¹⁵⁴. По предположению Г. Т. Гриффита, это были какие-то нерегулярные части, состоявшие или из ветеранов, или из представителей местного малоазийского населения¹⁵⁵. Последнее предположение более вероятно в связи со следующими фактами. Декретом Пергама 133 г. до н. э. предусмотрено предоставление гражданских прав ряду категорий воинов, в том числе мисийцам, масдиэнам (стк. 14, 16). Они названы в документе среди других групп воинов, составлявших вспомогательные части (καὶ τοῖς ἄλλοις ἐπικούροις — OGIS. 338. Стк. 17–18). Уже упоминавшиеся надписи из Лилеи (область Фокида в Балканской Греции) называют имена воинов Аттала I, составлявших шесть подразделений. В составе трех из них служили мисийцы, двух — наемники, одного — граждане Пергама. Как указывал Г. Т. Гриффит, положение мисийцев не совсем ясно. Скорее всего они не были наемниками. Возникает предположение, что пергамские цари набирали в свою армию наряду с наемниками представителей местного малоазийского населения, которые занимали в войске особое положение, составляя вспомогательные отряды¹⁵⁶.

После установления власти Атталидов над галатами в армию царей Пергамского государства привлекались кельты. В 171 г. до н. э. в войне против македонского царя Персея Эвмен II имел конный отряд

¹⁵³ Там же. С. 56–57, 63.

¹⁵⁴ Bengtson H. Die Strategie... Bd. 2. S. 207.

¹⁵⁵ Griffith G. T. The Mercenaries... P. 287–288.

¹⁵⁶ Griffith G. T. The Mercenaries... P. 172; Hansen E. Op. cit. P. 226–228.

галатов (Liv. XLII. 55; 58). Напомним читателю уже упоминавшийся факт: весной 168 г. до н. э. из Пергама было отправлено 35 специальных кораблей для перевозки конницы, на которых находилось не менее 1 тысячи галльских воинов. Из них вследствие неожиданного нападения македонского флота 800 погибло, а 200 попало в плен (Liv. XLIV. 28). Э. Хансен высказала предположение о том, что именно обременительная военная служба в армии Пергамского царства явилась одной из причин восстания галатов в 168 г. до н. э. После того как вмешавшийся в отношения Эвмена II и кельтов римский сенат предоставил последним автономию, галаты не служили более в армии Пергама¹⁵⁷.

Тит Ливий рассказывает также о том, что для участия в совместном походе с римлянами против галатов брат Эвмена II Афеней привел 1 тысячу пехотинцев из различных племен (Liv. XXXVIII. 13). Римский историк упоминает в составе вспомогательных сил Эвмена II воинов киртиев (*cyrtiorum gentis* — Liv. XLII. 58) числом в 300 человек. Этот народ, проживавший на территории западной части Иранского нагорья, считают предком современных курдов. Участие их в составе армии Пергамского царства выглядит странным, но между тем может быть объяснено. В мирном договоре, который был заключен в 179 г. до н. э. между Эвменом II и царем Понта Фарнаком I, участвовали некоторые другие правители, среди них — царь Великой Армении Артаксий (Polyb. XXV. 2, 12). Возможно, он направил Эвмену II в качестве вспомогательных сил своих 300 воинов или предоставил ему право набирать наемников среди киртиев¹⁵⁸.

В армии царей Пергамского государства также определенную роль играли гражданские ополчения полисов царства. В трудах, посвященных военному искусству эпохи эллинизма, а также эллинистическому полису и монархии, вопрос о военной организации городов рассматривался недостаточно. Нет сомнений в том, что свободные и так называемые союзные царям полисы Малой Азии сохраняли в III—I вв. до н. э. военную организацию, имели свои армии и флот, вели самостоятельные военные действия с другими городами или даже с армиями монархов. К этой категории городов относились Родос, Кизик, Византий, Гераклея, Приена, Милет, Калхедон, Синопа и другие.

Исследования Г. А. Кошеленко на материалах городов Дура-Европос и Сузы (Селевкия-на-Эвлее) показали, что созданные династией Селевкидов полисы являлись условными коллективными соб-

¹⁵⁷ Hansen E. Op. cit. P. 227.

¹⁵⁸ Hansen E. Op. cit. P. 112. Not. 139; P. 228; cp.: Polyb. V. 52, 5; Liv. XXXVII. 40, 14; Strab. XI. 13, 3.

ственниками предоставленной им земли, за пользование которой жители городов обязаны были служить в царской армии¹⁵⁹. Видимо, аналогичным было положение основанных династией городов и в государстве Атталидов. К их числу относятся Атталия в Лидии, Эллинополь, Дионисополь, Аполлония во Фригии, Аполлониды в Лидии, Триполис, Атталия в Памфилии, Эвмениа, Филадельфия и другие. Данное предположение в отношении названных городов тем более вероятно, что часть их возникла из военных колоний.

Известно, что к военным походам привлекались граждане столицы царства. Четыре надписи с декретом города Лилея в Фокиде, принятым в годы Первой Македонской войны, видимо, в 209–208 гг. до н. э., содержат имена воинов, которых царь Пергама Аттал I разместил в городе для его защиты. Солдаты составляли шесть подразделений (ἡγεμονίαι), из которых два состояли из наемников, три из мисийцев — жителей области Мисия в Малой Азии, а одно — из граждан города Пергама. В общей массе воинов граждане столицы составляли значительную часть — 17 процентов¹⁶⁰. По мнению Г. Т. Гриффита, доля граждан Пергама в составе царской армии в тех ее подразделениях, которые воевали не за морем, а на территории Малой Азии, была еще выше¹⁶¹.

Большой интерес представляет в связи с этим еще один документ — договор Аттала I с жителями полиса Малла, который находился на острове Крит¹⁶². Договор датируется временем около 200 г. до н. э. и включает обязательство Аттала I направить в Маллу 300 воинов с командиром. Царь должен обеспечить транспорт, жалование (видимо, на время дороги) и то, что необходимо в пути (стк. 18–19). Установлены размеры оплаты воинов: в день каждый из них должен получать по одной эгинской драхме, командиры — по две драхмы, на питание — по одному аттическому хойнику хлеба (стк. 21–24). Деньгами и хлебом солдат по договору обеспечивают маллийцы. В документе оговорено, что во время военных действий, когда вои-

¹⁵⁹ Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 231–232, 289. См.: Климов О. Ю. Военная организация городов Малой Азии в эпоху эллинизма // *Античный мир и археология: Межвузов. сб. науч. тр. Вып. 9.* Саратов, 1993. С. 50–59.

¹⁶⁰ Fouilles de Delphes. № 132–135 (А, В, С, Д); Маринович Л. П. О некоторых особенностях армии Пергамского государства // *Проблемы античной истории и культуры.* Т. I. Ереван, 1979. С. 158; Griffith G. T. The Mercenaries... P. 171–172; Bengtson H. Die Strategie... Bd. 2. S. 207.

¹⁶¹ Griffith G. T. The Mercenaries... P. 172. О большой роли граждан Пергама в составе царской армии см.: Hansen E. Op. cit. P. 225; Rostovtzeff M. Pergamum. P. 596.

¹⁶² Allen R. Op. cit. P. 209–210 (№ 3 А, В).

ны находятся на вражеской территории, пропитание они должны добывать сами (стк. 24–25). Особое внимание вызывает в данном договоре то обстоятельство, что он не содержит условий относительно вооружения посылаемых воинов, их социального статуса и других, как это делалось в иных подобных документах. При этом тщательно оговорены условия службы солдат. По предположению Л. П. Маринович¹⁶³, речь в данном договоре идет именно о воинах из числа граждан города Пергама.

Как известно, одной из черт полиса было совпадение в принципе социально-политической и военной организации¹⁶⁴, при котором каждый гражданин являлся воином, входил в состав полисного ополчения и получал в детские и юношеские годы не только гражданское воспитание, но и общую физическую и военную подготовку. Этой последней цели должен был служить институт эфебов и юношей как особых возрастных объединений. В связи со всем сказанным выше возникают два вопроса: 1. Имела ли практика воспитания эфебов и юношей в Пергаме и других городах царства хотя бы частично военный характер; 2. Сохраняла ли полисная организация в городах Малой Азии, вошедших в состав Пергамского царства, военный характер?

В надписях Пергама часто упоминаются возрастные объединения эфебов и юношей. Известно, что в столице царства Атталидов для юношей и эфебов были построены специальные гимнасии, что эти объединения участвовали в отправлении культа того или иного божества или царя (OGIS. 332. Стк. 35–36; 764). В одной из надписей города времени правления Аттала III говорится о наградах эфебам и юношам за состязания в беге и с оружием (OGIS. 764. Стк. 25, 30, 34, 35). В других документах Пергама упомянуты соревнования с оружием эфебов и мужчин¹⁶⁵. Можно полагать, что, во всяком случае, элементы военной подготовки граждан в эллинистическом Пергаме сохранялись. Использование Атталом I гражданского ополчения столицы царства в военных действиях свидетельствует о сохранении полисной общиной Пергама черт военной организации. Аналогичным было, видимо, и положение других городов, подвластных Атталидам. Полибий сообщает, что в 218 г. до н. э., когда отряды галатов стали осаждать город Илион и разорять его окрестности, на помощь грекам

¹⁶³ Маринович Л. П. О некоторых особенностях... С. 158–160.

¹⁶⁴ Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 9–10; Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. С. 267; Ehrenberg V. The Greek State. Oxford, 1960. P. 80.

¹⁶⁵ AM. 1904. Bd. XXIX. S. 152. № 1. Стк. 24–25, 29, 38; 1908. Bd. XXXIII. S. 382. № 3. Стк. 8; 1910. Bd. XXXV. S. 410. № 13. Стк. 15, 17, 20.

31. Асс. Городские укрепления эллинистического времени

пришли их соседи — жители Александрии в Троаде, сформировавшие отряд в 4 тысячи воинов. Оба города в данный момент были подвластны Атталу I (Polyb. V. 78, 6; III. 3–4). Надпись II в. до н. э. из города Скеписиса в Троаде, который после 188 г. до н. э. подчинился Атталидам, содержит перечень предоставленных народным собранием полиса льгот жрецу Диониса, среди которых указано освобождение от военной службы¹⁶⁶. Страбон сообщает еще один любопытный факт: поднявший в 133 г. до н. э. восстание Аристоник был разбит жителями Эфеса в морском сражении (XIV. 1, 38). Эфес по условиям Апамейского мира 188 г. до н. э. находился во власти Атталидов, но город, судя по сообщению Страбона, имел боевые корабли, а его граждане за пятьдесят пять лет власти пергамских царей не утратили военного опыта. Надпись из города Сеста на полуострове Херсонес Фракийский, представляющая собой почетный декрет города в честь Менаса (OGIS. 339), рассказывает о том, что дважды избиравшийся гимнасиархом Менас устраивал для эфесов и юношей состязания по бегу, стрельбе из лука, метанию дротика, а также проводил показательные бои в тяжелом вооружении (ὀπλομαχία). Дети и юноши проходили, таким образом, военную подготовку, хотя город находился в это время под властью Атталидов.

Надпись из Милета с указанием культовых почестей Эвмену II упоминает шествие вооруженных эфесов (ABA. Abh. 1. 1911. S. 27–

¹⁶⁶ Tasliklioglu Z., Frisch P. New Inscriptions from Troad // ZPE. 1975. Bd. 17. H. 2. P. 106. (N 2. Стк. 3–4).

32. Асс. Городские укрепления эллинистического времени

30)¹⁶⁷. Награды за метание дротиков, стрельбу из лука назначали в подвластных царям Пергама Траллах (Syll.³ 1060, 1062). В целом ряде свободных городов — в Гераклее Понтийской, Миласе, а также в подчинявшихся Атталидам полисах — в Сесте (OGIS. 339), Пергаме (IGR. 4, 482) — в гимнасиях одним из видов состязаний, за которые назначались специальные награды, была *εὐταξία*, представлявшая собой, по мнению исследователей, какой-то вид коллективного военизированного выступления¹⁶⁸. Может быть, это были показательные действия в строю.

Добавим к сказанному, что города царства сохраняли свои укрепления — стены, башни, ворота. Их имели, например, Сест (Strab. XIII. I, 22), Сарды (Polyb. XXI. 16, 1), Корик (Strab. XIV. 4, 1), Пергам, Андрос (Liv. XXXI. 45).

К сожалению, мы почти не имеем информации о том, привлекали ли цари Пергамского государства граждан подвластных им городов, кроме столицы, к службе в составе своих военных сил. А. Х. М. Джонз в принципе отвергал такую возможность, считая, что цари не доверяли подвластным им городам. Но известно, что Андрос посылал своих граждан в Пергам для участия в войне. В свете всех приведенных фактов предположение об использовании Атталидами граждан зависимых городов царства в военной службе представля-

¹⁶⁷ Новое издание надписи: Allen R. E. Op. cit. P. 220. N 15. Стк. 12.

¹⁶⁸ Crowther N. Euexia, Eutaxia, Philoponia: three Contests of the Greek Gymnasium // ZPE. 1991. Bd. 85. S. 301–304.

ется вполне вероятным. М. И. Ростовцев и Э. Хансен уже высказывали его, правда, почти не обосновывая фактами¹⁶⁹. М. И. Ростовцев также отмечал большую роль, какую играли гимнасии в Пергаме и подвластных династии городах в организации военной подготовки детей, эфэбов и юношей¹⁷⁰. Новая надпись из Метрополя — один из двух декретов в честь Аполлония, сына Аттала, — свидетельствует о том, что полисное ополчение участвовало в составе римской армии в подавлении восстания Аристоники (I. Metropolis. I. A, стк. 19, 23–32, 43–44, 47–56).

Пергамская сухопутная армия делилась на три рода войск: конницу, тяжелую и легкую пехоту. Во главе конницы стояли гиппархи (RC. 16. Стк. 1; IvP. 13. Стк. 20–22, 54, 55, 29). Пехота делилась на подразделения, называвшиеся гегемонии (ἡγεμονίαι), во главе которых находились гегемоны (ἡγεμόνες) или, по надписям из Лилеи, ксенаги (ξενάγοι). Более крупные подразделения, а также своеобразные военные округа возглавляли стратеги¹⁷¹.

Верховное командование армией Пергамского государства осуществляли цари, во многих случаях лично возглавлявшие войска. Известно, что Аттал I командовал армией во время борьбы с полководцем Селевкидов Ахеем, во время войны с галатами, с Антиохом Гиераксом, а также во время Первой и Второй Македонских войн. Его сын Эвмен II также стоял во главе армии во всех крупных кампаниях. Большую роль в осуществлении военного командования армией играли ближайшие родственники царя. При Эвмене II его братья в некоторых случаях даже возглавляли самостоятельные военные предприятия. Например, во время похода римской армии против галатов в Малой Азии в 189 г. до н. э. во главе союзных частей пергамского войска стоял брат Эвмена II Аттал (Liv. XXXVIII. 12). В других ситуациях братья царя командовали отдельными подразделениями. В битве при Магнезии 190 г. до н. э. армию Пергама возглавил Эвмен II, но некоторые отряды конницы находились под началом Аттала (Liv. XXXVII. 43). Во время войны Рима с царем Македонии Персеем Эвмен II снова возглавил армию и флот. Для охраны столицы царства был оставлен его брат Филетер. Другой брат, Афней, стал командиром размещенного в горо-

¹⁶⁹ Jones A. H. M. The Greek City... P. 111; Rostovtzeff M. Pergamum. P. 596; Hansen E. Op. cit. P. 209.

¹⁷⁰ Rostovtzeff M. Pergamum. P. 596–597.

¹⁷¹ Griffith G. T. The Mercenaries... P. 172, 173; Bengtson H. Die Strategie... S. 200–209, 411–412; Hansen E. Op. cit. P. 232.

де Халкида пергамского гарнизона в 2 тысячи пехотинцев (Liv. XLII. 55).

Воины Пергамского царства имели традиционное греческое и македонское вооружение: шлем, оставлявший открытым лицо и защищавший голову, затылок, лоб и щеки, а также панцирь, щит, поножи, копья и мечи.

Для осады городов противника и защиты собственных укреплений использовались военные машины. Тит Ливий повествует о том, что в годы Первой Македонской войны при осаде города Орея Аттал I использовал баллисты, катапульты и другие орудия, которые метали камни огромной тяжести (XXXI. 46). При археологических исследованиях Пергама были открыты специальные помещения для хранения метательной техники и найдено около 900 ядер к ней. Их вес достигал 72 кг¹⁷².

Пергамские цари обладали собственным военным флотом. Возникновение его связано, вероятно, со временем правления Эвмена I. Р. Аллен считает, что созданию флота благоприятствовал территориальный рост государства при втором правителе, овладение зоной Эгейского залива¹⁷³. Договор Эвмена I с наемниками содержит обязательство воинов, «если что-либо получу от него (Эвмена. — О. К.), город, или крепость, или корабль, или деньги, или другое, что он передаст мне, — верну правильно и справедливо Эвмену» (OGIS. 266. Стк. 37–39). В период правления Аттала I и последующих пергамских царей флот активно участвовал в военных операциях, главным образом в войнах против Македонии. В Первую Македонскую войну Аттал I снарядил в 208 г. до н. э. 35 военных кораблей (Liv. XXVIII. 5), в годы Второй Македонской войны в составе участвовавшей в боевых действиях пергамской флотилии находилось 24 корабля. Во время войны с Антиохом III (192–188 гг. до н. э.) Эвмен II выставил около 50 кораблей, среди которых 24 были крытыми палубными, остальные беспалубными (Liv. XXXVI. 43. Ср.: App. Syr. 22). Из сообщения Полибия известно, что Аттал II для войны с Вифинией создал с помощью своих союзников Родоса, Кизика и других мощный флот в 80 кораблей, 27 из которых принадлежали собственно Пергаму (XXXIII. 13, 1–2). Флот Пергама составляли корабли разного класса и назначения. Среди них источники упоминают палубные пентеры, квадриремы, имевшие соответственно по 5 и 4 ряда весел (Polyb. XVI. 7; Liv. XXVIII. 5),

¹⁷² Hansen E. Op. cit. P. 230.

¹⁷³ Allen R. Op. cit. P. 26.

беспалубные корабли (Liv. XXXVI. 43). Для перевозки конницы имелись специальные суда, которые Тит Ливий именует по-гречески «гиппагоги». 35 таких кораблей использовал Эвмен II, чтобы переправить конницу галатов в Балканскую Грецию для участия в войне с Персеем (Liv. XLIV. 28). В состав флота входили также грузовые корабли, имелось специальное царское судно (Polyb. XVI. 7). Главной военно-морской базой страны являлся город Элея (Liv. XXXVI. 43), расположенный по соседству с Пергамом и соединенный с ним дорогой. Во время войн с Македонией в качестве стоянки и военной базы флота использовалась гавань острова Эгина. Цари также свободно пользовались гаванями зависимых от них полисов.

* * *

Обзор государственных институтов Пергамского царства показывает, что политическое развитие государства имело свои особенности. Формирование и развитие государственных институтов происходило на основе уже давно сложившегося политического опыта, потому что территория, на которой образовалось государство Атталидов, издавна входила в состав различных политических образований, прежде всего Лидийского царства и империи Ахеменидов. Важный опыт доэллинистической государственности в западной части Малой Азии сохраняли также греческие полисы и местные храмовые общины.

Территориальное государство выросло из полиса Пергама, который сыграл роль центра в борьбе правителей за расширение владений и превратился в столицу достаточно значительного и влиятельного царства.

Складывание политической системы царства Атталидов происходило, как и во всех без исключения эллинистических государствах, под стимулирующим воздействием войн. Возможно, в значительной степени по этой причине вся политическая система любой эллинистической монархии носит военизированный характер.

Во главе государства стояли цари, составлявшие династию Атталидов. Царь являлся носителем высшей власти в стране: ему принадлежала власть административная, законодательная, военная, финансовая, контрольная. Личность царя являлась объектом культового почитания. В Пергамском царстве культ монарха не получил столь законченного развития и оформления, как, например, в Египте, но и в таком виде ему принадлежала важная роль в жизни общества. Атталиды энергично распространяли почитание династии и отдельных ее представителей, способствовали созданию специальной

33. Вид акрополя Пергама. Театр, алтарь Зевса. На заднем плане — царский дворец (макет)

культовой коллегии атталистов, а также использовали популярное в греческом мире объединение артистов Диониса. Царская власть опиралась на наследственное право, на знать, составлявшую достаточно многочисленный и влиятельный слой, и профессиональную наемную армию.

В Пергаме не сразу после достижения государством самостоятельности установилась царская власть. Первые два правителя, властвуя фактически, не имели официального титула и никак не определяли свое положение в государстве. При Аттале I после серии крупных побед был принят царский титул и установился порядок наследования власти от отца к сыну. Царская власть стала центральным, структурообразующим институтом государства.

Цари осуществляли управление через некоторые центральные ведомства — канцелярию, казну и через штат придворных разных рангов и званий, выполнявших наиболее ответственные поручения монарха. Наиболее влиятельные родственники и приближенные составляли совет, при участии которого царь принимал важнейшие решения. В царстве Атталидов штатная разветвленная система органов центрального управления с четко очерченными функциями не получила значительного развития.

В Пергамском государстве под властью царей находились обширные территории, на которых проживало объединенное в общины местное население, основывались царские военные поселения, строились крепости. Царские владения делились на административно-территориальные округа, в которых управление осуществляли назначаемые монархами должностные лица. В провинциях эту функцию исполняли стратеги. Возможно, страна делилась и на более мелкие единицы во главе с соответствующими им ставленниками короны, но надежной информации об этом нет. Строго говоря, мы не можем даже утверждать, что единообразная для всех частей страны, четкая система управления, подобная сложившейся в эллинистическом Египте, вообще существовала. В целом система управления страной носила централизованный характер, но при этом сочеталась на низшем уровне — в сельских общинах, может быть, также в военных колониях — с элементами самоуправления в виде сохранившейся общинной организации.

Одну из основ царской власти в Пергаме составляла армия, в которой, как и в других эллинистических государствах, важнейшую роль играли наемные профессиональные воины. Кроме них корона привлекала к службе представителей местного малоазийского населения, а также гражданские ополчения полисов, подвластных династии, в том числе и столицы — города Пергама.

Сложившаяся в Пергамском царстве система государственных институтов при определенных ее особенностях являлась типичной для эллинистических государств.

ГОРОДА В ПЕРГАМСКОМ ЦАРСТВЕ

3.1. Социально-экономическое развитие городов Малой Азии в эпоху эллинизма

Пергамское царство сформировалось в западной части Малой Азии, которая представляла собой сильно урбанизированную область эллинистического мира. Расширение территории Пергамского царства привело к тому, что многие греческие полисы и местные города вошли в состав державы Атталидов. Города играли важную экономическую, социальную, военно-политическую роль, поэтому перед правившей династией встала задача эффективного управления полисами и выработки политики в отношении городских общин.

Рассмотрение сложного вопроса о положении городов в составе Пергамского царства необходимо начать общим очерком социально-экономической ситуации, сложившейся в западной части Малой Азии в эллинистическую эпоху. Этот сюжет рассматривался в исторических и археологических исследованиях отечественных и зарубежных специалистов, поэтому наш очерк носит обзорный характер и должен рассматриваться лишь в качестве необходимого введения к основной теме.

Города Малой Азии в III–II вв. до н. э. переживали экономический подъем, проявившийся во всех сферах хозяйственной жизни. В городах активно развивались торговля, ремесленное и сельскохозяйственное производства, строительство, товарно-денежные отношения, мореплавание, морская торговля и рыбная ловля. По особенностям экономического развития можно условно выделить две группы полисов. Первая — высокоразвитые города, в которых наряду с сельским хозяйством большую роль играли торговля, ремесленное производ-

ство, мореплавание. По преимуществу в нее вошли приморские полисы Западной Малой Азии — Милет, Эфес, Фокея, Византий, Кизик, Теос, Смирна, Кима, но также и удаленные от моря Пергам, Магнесия-на-Меандре, Миласа. Вторую группу составили относительно небольшие городки аграрного типа, в которых торговля и ремесло играли значительно меньшую роль. К их числу можно отнести Приену, Пидасу, Лебед, Колофон, Питану, Темн, Левки. Следует при этом подчеркнуть, что различие между двумя данными группами не носило абсолютного характера: основу экономики всех городов составляло сельское хозяйство.

Экономический подъем городов проявился в строительстве. В эпоху эллинизма значительно усовершенствовалась его техника, улучшились планировка городов, система водоснабжения и благоустройства. Наряду с городами или отдельными кварталами старого типа с бессистемно возводившимися постройками появились новые районы или целые города, построенные иначе: они имели регулярную планировку, в основе которой лежал принцип перпендикулярно-осевой сети. Главные улицы были шире остальных. Центром городов становился комплекс площадей, украшавшихся общественными и торговыми зданиями или храмами. Среди общественных сооружений важное место занимали бульварии (здания для заседания городского совета — булэ), гимнасии, в которых граждане получали физическую подготовку, театры.

Большое внимание стали уделять украшению городов. Для этих целей возводились общественные постройки, отличавшиеся не только своим функциональным удобством, но и значительными архитектурными достоинствами и красотой, — стои, храмы, театры, стадионы, рынки и другие. Так как жизни городов постоянно сопутствовала военная опасность, города имели фортификационные сооружения — стены, башни.

Относительно полно исследован археологами ряд городов Малой Азии. Среди них, например, Милет и небольшой город Приена. В Милете в эллинистическую эпоху было устроено четыре гавани. Самая большая из них — так называемая Львиная — была украшена статуями львов. Ее роскошная набережная была выложена мраморными плитами. В городе были возведены прекрасный гимнасий, бульварий с полукруглым залом, несколько рыночных комплексов. Для защиты от врагов Милет окружала крепостная стена, толщина которой достигала 5 метров. Другой город — Приена — после разгрома персами был заново построен во второй половине IV в. до н. э. архитектором Пифеем на склоне горы. Город окружала стена с

башнями, улицы были протянуты с востока на запад и с севера на юг. Жилые районы делились на кварталы. Центр занимали «священная» стоя, театр, гимнасий, храмы Зевса и Афины, агора, с трех сторон украшенная портиком. В «священной» стое, которая открывала вход в зал народных собраний, вдоль стен были размещены каменные плиты с выбитым на них текстом важнейших городских решений.

Разнообразные археологические материалы свидетельствуют о процветании Милета, Эфеса, Пергама, Магнесии-на-Меандре, Сард и многих других городов, каждый из которых украшали замечательные архитектурные сооружения. Гордостью Милета считались святилище Аполлона Дельфиния, бульваров, стадион, театр, Магнесии-на-Меандре — храм Артемиды Левкофриены, агора, Асса — агора, Эфеса — театр, вмещавший около 23 тысяч зрителей. Большое внимание уделялось в городах благоустройству и водоснабжению¹.

Основу хозяйственной жизни всех городов, в том числе ремесленно-торговых центров, составляло сельское хозяйство. На земле полисов выращивались разнообразные полевые культуры, фруктовые деревья, виноград, маслины, овощи. По словам Страбона, из области города Асса поставлялась для стола персидского царя отборная пшеница (XV. 3, 22). Римский ученый — агроном Колумелла писал, что Мисия изобилует хлебом (Colum. III. 8, 4). Немалую роль в экономике играло скотоводство, прежде всего выращивание мелкого рогатого скота. Город Кебрен в Троаде на своих монетах чеканил голову барана, Милет и Лаодикея славились овцами; Милет имел стада, принадлежавшие не только отдельным гражданам, но и всей общине. На монетах Неандрии изображалась голова лошади². В Апамее, по словам Страбона, имелись конные заводы (XVI. 2, 10).

Многочисленные археологические материалы свидетельствуют о высоком уровне развития ремесленного производства в городах Малой Азии. Кизик, Сарды, Милет, Пергам были известны как центры металлургического производства. В Пергаме и других полисах производилась керамика, которая шла не только на удовлетворение внутренних нужд, но и поступала на продажу в другие районы Средиземноморья. Теос, Эги, Перкота, Гамбрий, Палайскеписис являлись

¹ Археологическая литература, посвященная раскопкам городов Малой Азии и отдельным памятникам, необозрима и для наших целей носит вспомогательный характер, поэтому мы не приводим ссылки на материалы специальных археологических исследований.

² Cook J. The Troad. An Archaeological and Topographical Study. Oxford, 1973. P. 363; Rostovtzeff M. SEHNV. Vol. 2. P. 650–654.

центрами производства шерстяных тканей, дорогих одежд, ковров. В Пергаме изготавливались золототканые одежды и занавеси, пергамент, парфюмерия (Athen. XV. 689. А–В). Милете производились шерстяные ткани, одежда, одеяла, ковры, покрывала, роскошные пурпурные плащи. Город славился деревообрабатывающим производством — из дерева изготавливались ложа, другая домашняя утварь. В Милете развивалось кораблестроение для нужд торговли, рыбной ловли и военного дела.

Огромную роль в хозяйстве приморских полисов играли мореплавание, морская торговля, рыболовство. Города Кизик, Элея, Кима, Эфес, Колофон, Эритры, Смирна, Теос имели хорошие гавани, вели торговлю со многими районами Средиземноморья³.

В городах получили значительное развитие товарно-денежные отношения. Большинство полисов чеканило свою монету, которая использовалась как на внутреннем рынке, так и в системе межполисной и международной торговли. Сохранились монеты большого числа городов Малой Азии эллинистической эпохи — Аспенда, Атталии, Милета, Эфеса, Перге, Сиде, Аполлониды, Магнесии у горы Сипил, Сард, Филадельфии, Стратоникеи, Фиатире, Тралл и многих других⁴. Среди городов, чеканивших собственные деньги, — как свободные полисы, так и те, которые находились под властью Атталидов.

В какой мере все перечисленные явления были связаны с политикой правившего в Пергаме царского рода, точно неизвестно. Но имеющийся в распоряжении исследователей богатый археологический и нумизматический материал, а также разрозненные данные письменных источников свидетельствуют о стремлении Атталидов создать в стране в целом благоприятную для подъема ремесла, торговли и иных сфер хозяйственной активности ситуацию. В этом смысле можно согласиться, но с известной осторожностью, с М. И. Ростовцевым, который прямо связывал экономические из-

³ *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 226–227, 231–232; *Rostovtzeff M.* Pergamum // *CAH*. Vol. 8. 1930. P. 611–612; *idem.* Notes on the Economic Policy of the Pergamene Kings // *Anatolian Studies presented to W. Ramsay*. Manchester, 1923. P. 379; *Broughton T. R. S.* Roman Asia // *An Economic Survey of Ancient Rome*. Vol. 4. Baltimore, 1938. P. 615, 817–839; *Magie D.* *RRAM*. Vol. 1. P. 43–52; Vol. 2. P. 802–812.

⁴ См., например, классическую работу: *Head B.* *Historia Numorum. A Manual of Greek numismatics*. Oxford, 1911. P. 648, 652, 655, 656–659, 700–703, etc. См. также сайты: Asia Minor Coins. An online index of Greek and Roman coins from Asia Minor – <http://www.asiaminorcoins.com/gallery/index.php> и Sylloge Nummorum Graecorum – <http://www.sylloge-nummorum-graecorum.org/>.

менения в развитии полисов Западной Малой Азии с деятельностью династии Атталидов⁵.

Города Малой Азии, в том числе входившие в состав Пергамского царства, имели сельскую округу — хору. Границы хоры полиса были точно определены специальными пограничными стелами с надписями; некоторые из пограничных камней сохранились до настоящего времени. Границы устанавливались на основании сложившейся традиции межполисных отношений, договоров между соседними городами и общинами или регламентировались царскими распоряжениями⁶. В связи с большим числом полисов и местных общин в плодородных регионах западной части Малой Азии между ними нередко возникали пограничные конфликты. В таком случае спор могли решать с помощью обращения к царю или в третейский суд, как это было, например, в конфликтах между Магнесией и Приеной (Syll.³ 679), Илионом и его соседями (CIG. 3598), между Самосом и Приеной (IvPr. 37)⁷.

Структура полисных земельных владений была сложной. В составе земель общины важное место занимали участки граждан, которые принадлежали им на праве частной собственности. Определенную часть городских земель составляла общинная собственность, которую могли использовать в коллективных целях, например для выпаса общинного стада, или сдавали в аренду частным лицам. В последнем случае доходы от аренды пополняли городскую казну. На земле полиса могли проживать общины местных малоазийских народов, которые за это платили в городскую казну подати.

⁵ Материалы археологического исследования Ольвии IV–III вв. до н. э. показывают во многом аналогичную картину развития. Но в конце III–II в. до н. э. Ольвия, в отличие от полисов Малой Азии, вступает в полосу кризиса, вызванного внутренними негативными процессами и решительным изменением международного положения, прежде всего губительным давлением кочевых племен. — См.: *Левы Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 150–151. Ср.: *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 172–175, 178 сл.

Города Малой Азии, вследствие развития в значительно более благоприятной политической и экономической ситуациях и в конце III–II в. до н. э. сохраняли высокий уровень экономической жизни и благосостояния. Так, в частности, они не подвергались разрушительным набегам и получали защиту от внешнего врага (кельтов или пиратов) со стороны могущественных монархий.

⁶ Например, известны пограничные камни города Эги, а также пограничные камни, поставленные от имени Филетера и Эвмена I в связи с пожертвованием ими земли храму Аполлона Хрестерия (*Malay H. Researches...* 1, 3).

⁷ О практике разрешения пограничных конфликтов см.: *Кащеев В. И.* Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н. э. М., 1993. С. 247–254.

Являлась хора собственностью гражданских общин царства или рассматривалась лишь как их владение, принадлежавшее царю и переданное им городу на определенных условиях? Разбирать эту проблему следует не в общем виде, а применительно к городам разного статуса⁸.

Рассмотрим сначала полисы, которые были основаны династией. Г. А. Кошеленко показал, что в царстве Селевкидов основанный вновь полис не являлся собственником предоставленной ему земли, а становился лишь ее условным владельцем. Право верховной собственности на земельный фонд сохранялось за монархом⁹. В государстве Атталидов, очевидно, отношения царей с построенными по их воле городами основывались на этом же принципе. Но таких городов было немного, и основную часть полисов составляли поселения, имевшие многовековую историю. Обладали ли при Атталидах правом верховной собственности на свои земли старые города Малой Азии? Данный вопрос сложен, а информации для его решения недостаточно. Источники по разным периодам эллинистической истории содержат примеры приобретения городами земли (OGIS. 335. Стк. 132–133), территориальных споров между полисами (OGIS. 335). Эти материалы свидетельствуют о наличии права собственности гражданских общин на их земельный фонд. Вместе с тем источники сохранили факты, когда цари произвольно распоряжались хорой полисов. Страбон сообщает о том, что жители города Пария в Троаде, выслужившись, как он выразился, перед Атталидами, получили в награду территорию полиса Приапа (XIII. 1, 14). Другой пример связан с деятельностью римлян в 188 г. до н. э. После победы над Антиохом III при окончательном решении всех вопросов, связанных с заключением мира, уполномоченные римским сенатом послы отдали Клазоменах остров Дримуссу. Милету было возвращено священное поле, Илиону даны городки Ретей и Гергифа, а Фокее, Смирне, Эретрии предоставлены земли (Polyb. XXI. 46; Liv. XXXVIII. 39). Но, очевидно, вмешательство подобного рода не было правилом. По-видимому, можно говорить о сохранении в эпоху эллинизма права собственности греческих городов западной части Малой Азии и близких им по положению местных эллинизированных общин на

⁸ На материале царства Селевкидов проблему отношений короны и полиса в сфере земельной собственности исследовал Х. Крайссиг: *Kreissig H. Wirtschaft und Gesellschaft im Seleucidenreich. Die Eigentums- und die Abhängigkeitsverhältnisse*. Berlin, 1978. S. 56–69.

⁹ Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 231, 232, 239, 247, 289.

полисный земельный фонд с той оговоркой, что в ряде случаев правители нарушали это право¹⁰.

Наконец, обладала ли правом верховной собственности на свой земельный фонд гражданская община столицы царства? Сельская округа (хора) Пергама упоминается в ряде документов, в том числе в декрете 133 г. до н. э., по которому гражданские права предоставляются воинам, живущим в городе и в хоре (OGIS. 338. Стк. 14). Но данное и подобные ему иные упоминания о хоре Пергама во все не позволяют ответить на поставленный вопрос. По мнению М. И. Ростовцева, сельская округа столицы являлась собственностью царя¹¹. По нашему предположению, гражданская община столицы все-таки сохранила за собой право собственности на хору, что вовсе не исключало, впрочем, нарушения этого права царской властью.

Греческие города Западной Малой Азии в эпоху эллинизма имели неоднородное по своему социальному и этническому составу население. Жителей полисов по их юридическому положению можно разделить на три основные категории: граждане, негражданское, следовательно, неполноправное свободное население, и рабы.

Многочисленные надписи городов Малой Азии свидетельствуют о сохранении в эпоху эллинизма института гражданства и замкнутых гражданских общин. Обретение прав гражданина в любом городе было возможно лишь по рождению и по решению народного собрания данного полиса. Незаконное присвоение гражданских прав каралось. Можно полагать, что в ряде городов гражданином считался лишь тот, у кого и отец и мать происходили из полноправных семей, подобно тому, как это было установлено в Афинах при Перикле в 451 г. до н. э.¹² Права граждан выражались в том, что они получали возможность участвовать в общественно-политической жизни в своих городах, входили в состав высшего органа полисного управления — народного собрания и участвовали, как члены его, в принятии законов, выборах должностных лиц, в решении принципиальных вопросов жизни гражданского коллектива. Только граждане могли избираться на должности, связанные с управлением городом. Преимущественно им принадлежало право владения земельной собственностью на территории полиса. Участие в отправ-

¹⁰ *Свенцицкая И. С.* Зависимое население на землях городов Малой Азии в период эллинизма // ВДИ. 1957. № 3. С. 91; *Kreissig H.* Wirtschaft und Gesellschaft... S. 62–69.

¹¹ *Rostovtzeff M.* Pergamum. P. 598; *idem.* SEHW. Vol. 1. P. 560.

¹² *Свенцицкая И. С.* К вопросу о гражданских и имущественных правах в эллинистических полисах Малой Азии // ВДИ. 1966. № 2. С. 45.

лении полисного культа также было одной из черт полноправного положения.

Имеющиеся в распоряжении исследователей источники свидетельствуют о развитии в эпоху эллинизма весьма важных социальных изменений в составе гражданских общин. Декрет, принятый городом Сестом в честь Менаса (OGIS. 339), показывает, что этот гражданин играл в своем полисе выдающуюся роль. Менас был очень богат. Исполняя обязанности гимнасиарха, он оборудовал для полиса баню и рядом с ней дом (стк. 33–34), устраивал за свой счет жертвоприношения и умощения маслом, предоставлял деньги на организацию различного рода состязаний (стк. 37–38, 62–70, 72–86). Характеризует его также высокая политическая активность. Менас стал выступать на поприще городских дел еще в молодости (стк. 2–3) и добился в дальнейшем больших успехов. Он неоднократно отправлялся послом к царю, а после смерти Аттала III принял на себя организацию посольств к римским консулам и другим должностным лицам, направленным в Малую Азию (стк. 10, 20–22). Менас дважды занимал должность гимнасиарха, являлся жрецом царя Аттала (стк. 26–27, 30–31, 53), исполнял ряд других важных магистратур (стк. 47–50). Всю его политическую деятельность отличает промонархический характер.

Аналогичная фигура — Кефисодор из Апамен (MAMA. VI. 173). Он тоже был богат и совершил для своего полиса ряд ценных пожертвований. Как и Менас, Кефисодор, занимая должность гимнасиарха, являлся видным деятелем в городе. Явно демонстрируемая преданность династии (Кефисодор за свой счет установил в гимнасии статуи Эвмена II и его брата Аттала) также роднит их. Очевидно, такими же влиятельными в своих городах — Магнесии, Эфесе, Мирине, Пергаме — и промонархически настроенными были участники царских посольств, направленных в различные полисы Малой Азии и Греции в связи с основанием Никефорий (RC. 49. Стк. 1–5; 50. Стк. 4–12). Значительные расходы на городские нужды несли в Приене Мосхион и Фрасибул (IvP. 108; 99–103), в Лаодикее — Гиерон, в Миласе — Эвтидем. Указанные факты свидетельствуют о выделении в городах слоя людей, которые обладали высоким имущественным положением, играли в общинах важную роль и вместе с тем отличались преданностью монархии, являлись социальной основой власти Атталидов в греческих полисах¹³. Интересно, что эта

¹³ См. также: *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация... С. 115; *Magie D.* RRAM. Vol. 1. P. 257; Vol. 2. P. 1130–1131; *Rostovtzeff M.* SEHWW. Vol. 2. P. 819 f.; *Dmitriev Sv.* City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor. Oxford, 2005. P. 42–25, 48–52, 290

тенденция развития характерна не только для полисов Малой Азии, но и для других регионов античного мира¹⁴.

Основную массу граждан греческих полисов составляли люди среднего и небольшого достатка — мелкие землевладельцы, ремесленники, торговцы, моряки, рыбаки.

Большей частью они были собственниками земли, ремесленных мастерских, мелких лавок, таверн, лодок. Люди этого социального слоя жили плодами своей деятельности, сами много трудились и получали доход от своего труда. В работе им помогали домохозяева и, если позволял достаток, рабы или наемные работники. Среди граждан значительную часть составляли крестьяне, но даже ремесленники и моряки зачастую не порывали связи с землей и вели подсобное хозяйство, выращивая для своих нужд виноград, фрукты и овощи, изготавливая собственное вино и оливковое масло.

К числу свободных неполноправных, то есть не входивших в состав гражданского коллектива, жителей полисов относились пареки, вольноотпущенники и некоторые другие социальные группы. Пареки имели достаточно точно определенный юридический статус. По своему положению они стояли выше вольноотпущенников и рабов: в некоторых документах предусматривается предоставление вольноотпущенникам и общественным рабам статуса пареков как благодеяние. Людям этого правового ранга разрешено было постоянно проживать в городах или в сельской округе; они учитывались в специальных списках, которые вели городские власти; имели право участвовать в городских празднествах и в отправлении культа, от своего имени ставить посвятельные надписи тому или иному лицу, а в некоторых полисах при раздаче общественных денег — получать определенные суммы. Но пареки были лишены возможности участвовать в политической жизни полиса, не входили в состав народного собрания и, естественно, не могли выбираться на руководящие должности. Одним из существенных ограничений их прав стало запрещение приобретать в полисе в собственность землю. Формировался слой пареков из переселенцев из других городов или из местного малоазийского населения¹⁵.

Вольноотпущенники составляли еще более низкую категорию свободного населения, чем пареки. Они были лишены даже тех не-

¹⁴ *Леви Е. И.* Оливия. С. 3, 148–149; *Шелов Д. Б.* Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // *Античное общество.* М., 1967. С. 223; *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация... С. 115.

¹⁵ *Свенцицкая И. С.* Категория ΠΑΡΟΙΚΟΙ в эллинистических полисах Малой Азии // *ВДИ.* 1959. № 2. С. 146–153; *Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И.* Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н. э. М., 1969. С. 155–156.

многих прав, которыми обладали последние, и получали при освобождении, видимо, только личную свободу. О положении вольноотпущенников в полисах Малой Азии источники не сообщают ничего. Получение гражданских прав вольноотпущенником являлось задачей необыкновенно сложной, если вообще осуществимой. Город Эфес принял постановление, по которому гражданские права давались воинам из Приены, но, как особо оговорено в документе, только свободным и детям свободных (Syll.³ 363). По предположению И. С. Свенцицкой, среди солдат могли быть и вольноотпущенники; на них льгота не распространялась¹⁶.

Характеризуя развитие рабовладельческих отношений в городах Малой Азии, мы вынуждены сослаться на недостаток источников. По этой причине вопрос о роли рабства и рабовладельческих отношений в эллинистической Малой Азии остается в науке дискуссионным. В отечественной науке установилось мнение относительно значительной роли рабства в эпоху эллинизма, в частности в городах малоазиатского региона. При этом отмечается недостаток и фрагментарность информации. Между тем ряд зарубежных ученых не считают роль рабства в эпоху эллинизма существенной¹⁷.

Имеющиеся источники указывают на наличие рабов, но не позволяют исследователям определить роль рабства в жизни городов Малой Азии эллинистической эпохи. Видимо, более важное место рабство занимало в жизни Милета, Пергама, Теоса, Эфеса и других развитых полисов.

Рабы находились в собственности частных лиц, в целом гражданских общин, а также монархии. Царские и государственные рабы были заняты в обслуживании дворцов правителей, их хозяйств, работали в ремесленных мастерских, принадлежавших короне. В Пергаме, например, находились мастерские по производству пергамента, керамики, дорогих тканей и одежды, основанные на рабском труде. Общественные рабы, которыми владел весь гражданский коллектив, обычно выполняли в городе низшие административные обязанности — были писцами, полицейскими¹⁸. Возможно, рабский труд использовался в городском хозяйстве — на работах по благоустройству, строительству. Известно, что Эфес имел два священных озера,

¹⁶ Свенцицкая И. С. К вопросу о гражданских... С. 46.

¹⁷ Блаватская Т. Е., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Указ. соч. С. 154, 158; Schneider C. *Culturgeschichte des Hellenismus*. Bd. 2. München, 1969. S. 73, 168; Kreissig H. *Die Polis in Griechenland und im Orient in der hellenistischen Epoche* // *Hellenische Poleis* / Hrsg. von E. Welskopf. Bd. 2. Berlin, 1974. S. 1075.

¹⁸ Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Указ. соч. С. 152.

которые приносили городу большие средства (Strab. XIV. I, 26), у Милета имелись общинные стада овец и мастерские по переработке шерсти, в Теосе, Милете, Приене и других городах создавались постоянные полисные запасы зерна, имелись общественные зернохранилища¹⁹. Обслуживание доходных владений всех перечисленных видов возлагалось скорее всего на городских рабов.

Основную массу рабского населения городов составляли рабы частновладельческие. О количестве их нет точных данных, некоторые источники лишь подчеркивают многочисленность данной категории (OGIS. 351). Как вообще в античном мире, рабы частных лиц в городах Малой Азии были заняты в домашнем хозяйстве, использовались в ремесле и сельскохозяйственном производстве²⁰.

О положении рабов можно судить по «закону об астиномах» (OGIS. 483) из Пергама. Этот документ устанавливал для свободных и рабов наказание за загрязнение городских водных источников. Свободный человек, в случае если он поил из источника скот или мыл посуду и одежду, лишался скота, или посуды, или одежды и карался штрафом в 50 драхм. Рабу же, если он действовал по указанию господина, надевалась колодка на шею и присуждалось 50 ударов бичом. Раба, предпринявшего подобные действия по собственному почину, надлежало наказать 100 ударами бичом, на 10 дней заключить в колодки, а после этого подвергнуть еще 50 ударам бича. Обращает на себя внимание резкое противопоставление в данном документе свободного и раба. В отношении первого не предусматривается применение телесного наказания, тогда как несвободного человека карают именно мерами физического воздействия. Поскольку преступление носит общественный характер, наказание осуществляют полисные органы управления: мы встречаемся с редким примером нарушения государством права собственности хозяина раба²¹.

Очень важную и многочисленную социальную категорию составляли жители хоры — крестьяне, большинство из которых были выходцами из местного малоазийского населения. Они были организованы в общины, подчинялись полисам или царской администрации и подвергались эксплуатации со стороны городского населения или царской власти²².

¹⁹ Тарн В. Эллинистическая цивилизация... С. 114, 226.

²⁰ Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство... С. 151.

²¹ Там же. С. 150–151.

²² О взаимоотношениях населения хоры, в частности, сохранявших племенных

Жители сельских общин постепенно эллинизировались. Этому способствовали введение греческого языка в качестве официально-государственного языка, стремление местной верхушки дать детям греческое воспитание и образование, так как именно оно открывало возможность повышения социального статуса и совершения карьеры. Многочисленные надписи, найденные на сельской территории царства, написаны на греческом языке. О желании как власти, так и самих родителей местного этнического происхождения дать своим детям греческое воспитание говорят так называемые надписи эфбев Пергама, в которых перечисляются дети «те, кто из местечек» (ἀπὸ τόπων)²³. Названия некоторых местечек (топов) сохранились — Масдие (Μασδύη), Мидапедион (Μιδαπεδίων) и свидетельствуют о негреческом их происхождении. При этом все-таки не следует преувеличивать интенсивность процесса эллинизации сельских регионов: местные этнические традиции сохраняли значительную силу, особенно в сфере религиозной жизни. Об этом можно судить, например, по сохранению местных верований, культов и языков²⁴.

Социальные отношения в городах Малой Азии и в хоре полисов характеризовались наличием напряженности и острых противоречий между классами и сословиями. Эти противоречия проявлялись в выступлениях бесправного сельского населения — педизев против эксплуатировавших их граждан города Приена (IvPr. 14, 15; RC. 8), племени салеяцев — против жителей Аполлонии и других подобных фактах, а также в выступлениях рабов против угнетения²⁵. В 133–129 г. до н. э. западная часть Малой Азии была охвачена восстанием Аристоника, который призвал в свою армию рабов и множество свободной бедноты. Именно бесправие и тяжелое положение социальных низов способствовали их активному участию в восстании, которое с большим трудом было подавлено римлянами.

Таким образом, социально-экономическое развитие западной части Малой Азии, в том числе территории Пергамского царства,

структур, и полисов в Малой Азии см.: Голубцова Е. С. Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998. С. 113–132.

²³ Например, надписи: AM. 1902. Bd. XXVII. № 132, 133, 134; 1907. Bd. XXXII. № 309–314, 322, 324, 326, 327, 331; 1910. Bd. XXXV. № 11, 12, 19.

²⁴ Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии. III в. до н. э. — III в. н. э. М., 1972. С. 152 сл.; она же. Идеология и культура сельского населения Малой Азии. I–III вв. М., 1977. С. 11 сл., 45, 47, др.; Баюн Л. С. Этноязыковая ситуация на эллинистическом Востоке // Эллинизм: Восток и Запад. М., 1992. С. 270–280.

²⁵ Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство... С. 186–188; Magie D. RRAM. Vol. 2. P. 862–863. Not. 41.

протекало в эпоху эллинизма сложным и противоречивым образом. Имеющиеся источники позволяют констатировать определенные позитивные изменения в экономическом развитии — развитие городов, активную строительную деятельность, расцвет торговли, мореплавания и ремесленного производства, но при этом социальная система представляла собой сложную картину, сущность которой составляли классовые, сословные, культурно-религиозные, этнические различия и острые общественные противоречия.

3.2. Городской строй Пергама

Города, вошедшие в состав государства Атталидов, имели свою территорию, гражданскую общину, законы, органы управления, финансовую систему, устанавливали экономические и политические связи с другими городами, то есть обладали тем набором черт, который характерен для полисной организации²⁶. На протяжении всей эпохи эллинизма он не оставался неизменным, а претерпевал известную внутреннюю эволюцию. Изучение основных институтов Пергама и других полисов государства Атталидов, изменений, которые произошли в городском строе, составляет содержание данного раздела.

Первый вопрос, который встает в связи с этим, — имел ли Пергам традиционное полисное устройство в доэллинистический период, какие традиции общественно-политической жизни сложились в городе к моменту установления власти Атталидов?

До середины VI в. до н. э. Пергам входил в состав Лидийского царства. Вопрос о том, имел ли город в это время автономию и какие-либо полисные институты, не может быть решен ввиду полного отсутствия источников. Но известно, что правители установившей в Лидии свою власть династии Мермнадов во взаимоотношениях с греческими городами предпочитали не вмешиваться в их внутренние дела (за исключением случаев борьбы с тиранией), поощряли создание и развитие на своей территории небольших городков, вообще

²⁶ О дискуссии по поводу важнейших черт и признаков эллинистического полиса см.: *Kreissig H. Wirtschaft und Gesellschaft...* S. 56–57. О важнейших чертах полиса см.: *Умченко С. Л. Политические учения Древнего Рима (III–I вв. до н. э.).* М., 1977; *Кошеленко Г. А. Введение. Древнегреческий полис // Античная Греция. Проблемы развития полиса.* Т. I. М., 1983. С. 9–36 (особенно — с. 13–30). Характеристика основных концепций полиса полно дана в работе: *Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса.* Л., 1988. С. 5–54.

стремились к поддержанию дружественных отношений с полисами²⁷. На этом фоне вполне основательным будет предположение о существовании в Пергаме городского строя. После завоевания Малой Азии персами Мисия вошла вместе с другими областями полуострова в состав империи Ахеменидов. В начале V в. до н. э. власть над Пергамом была дана греческому изгнаннику Гонгилу, который происходил из города Эретрия на острове Эвбея.

К этому времени, очевидно, восходит и одно из наиболее ранних свидетельств о городском строе. Известно, что одна из фил Пергама называлась Эвбея. Э. Хансен справедливо полагает, что в этом названии увековечена родина эритрейца Гонгила, а деление населения на филы имело место уже в начале V в. до н. э.²⁸

О наиболее значительных для города событиях IV в. до н. э. рассказывает первая часть надписи, условно названной «Хроника Пергама» (OGIS. 264). Из нее следует, что примерно в середине IV в. до н. э. в городе была введена должность притана, которую впервые занял некий Архий. Срок полномочий этого должностного лица составлял один год (стк. 1–2). По документам эллинистического времени известно, что по притану датировались годы и он стоял во главе городской администрации. Очевидно, его власть носила сугубо гражданский характер, военная же принадлежала коллегии стратегов, о которой речь пойдет ниже. Чем было вызвано введение этой должности Архием, неясно. Видимо, после Анталкидова мира (387 г. до н. э.) Гонгилиды за переход на сторону греков во время войны были лишены власти в Пергаме, а городу персы возвратили самоуправление²⁹.

Другое важное событие, о котором говорится в «Хронике Пергама», — переселение жителей на холм, на старое место города сатрапом Оронтом (стк. 7–8). Ранее жители были выселены персами с холма на равнину, видимо, из соображений стратегических: пергамский холм был наиболее удобным местом размещения гарнизона, с него легко можно было контролировать значительную часть плодородной равнины реки Каик.

Документ рисует довольно сложную ситуацию, в которой очевидным является установление над городом и его населением сильной персид-

²⁷ О взаимоотношениях греческих полисов и монархии Мермнадов см.: *Свенцицкая И. С.* Греческие города в составе Лидийского царства // ВДИ. 1978. № 1. С. 30, 33–35, 37.

²⁸ *Hansen E.* The Attalids of Pergamon. Ithaca; London, 1971. P. 187.

²⁹ *Hansen E.* Op. cit. P. 11. Об Архии см.: *IvP.* 109; *Paus.* II. 26, 8. О пританах см.: *Magie D.* RRAM. Vol. 2. P. 835–836. Not. 21; *Allen R.* The Attalid Kingdom. A Constitutional History. Oxford, 1983. P. 162. Not. 9; P. 163.

ской власти³⁰. Вместе с тем ясно, что и в этот период Пергам имел некоторые институты городского строя, именно — пританов, филы.

Дополнительные сведения дает надпись об исполнении Пергама и Темна (IvP. 5; OGIS. 265). По мнению издателя документа М. Френкеля, принятому большинством исследователей, постановление относится ко времени правления Лисимаха или Филетера. Таким образом, данная надпись содержит текст одного из наиболее ранних декретов Пергама и может быть привлечена для характеристики строя пергамского полиса доэллинистической эпохи³¹. Предлагаем ее перевод.

- Постановили совет и народ. Предложение стратегов.
Поскольку народ темнитов оказывается дружелюбно
расположенным к народу Пергама,
в добрый час, постановить совету и народу (Пергама).
Отправить двух послов; пусть они, явившись,
выразят благосклонность, которую постоянно
сохраняет к нему (народу темнитов) народ Пергама,
и обсудят, чтобы постановить обоим
полисам исполнители. Если покажется это
- 10 темнитам выгодным, пусть встретятся относительно
этого наделенные полномочиями лица.
Избранные (послами) Аполлонид, сын Апеллеса...
сын Гермиппа.
В добрый час. Постановили темниты
и граждане Пергама при притане после Гера-
- 15 клида³², сына Дита, в месяце Герее, в Пергаме
при притане Аристократе, сыне...
в месяце Герее. Иметь темнитам в Пер-
гаме гражданство, а гражданам Пергама в Темне и
участвовать в том, в чем другие граждане участвуют.
- 20 Иметь право владения землей и домом темниту
в Пергаме и гражданину Пергама в Темне. Голосует
темнит в Пергаме так же, как гражданин
Пергама голосует, а гражданин Пергама в Темне так,
как темнит голосует...

³⁰ Dittenberger W. OGIS. Vol. 1. P. 428–429. Not. 7.

³¹ Fränkel M. IvP. Bd. 1. S. 4–5; Dittenberger W. OGIS. Vol. 1. P. 430–431. Not. 1; Keil J. Temnos // RE. 1934. Hbhd. 9. Sp. 461; Hansen E. Op. cit. P. 188.

³² Редкое в надписях выражение ἐπὶ πρυτάνειος τῷ μετὰ Ἡρακλῆϊδα означает, что в Темне в течение года избирался не один притан, а, по крайней мере, два, срок полномочий которых в таком случае длился по полгода. Эпонимным же являлся лишь первый притан года. См.: Keil–Premierstein. I. S. 95–96. № 202.

Документ представляет собой постановление народного собрания и городского совета; упоминаются стратеги, по предложению которых принимается закон, и послы. В греческом мире, как известно, была распространена практика разделения гражданской и военной власти. Притан часто являлся носителем гражданской власти, обязанности военного характера исполняли стратеги. Такой порядок существовал, например, в Афинах, на Родосе и в целом ряде других полисов. Думается, что и доэллинистический Пергам не был в этом отношении исключением. Упоминание коллегии стратегов в данном документе конца IV — начала III в. до н. э. может служить свидетельством того, что эта магистратура была унаследована городом от времени до воцарения Атталидов. Итак, к тому моменту, когда в Пергаме к власти пришел Филетер, город имел определенные традиции в области общественно-политической жизни, некоторые институты городского строя: имелись гражданская община, система деления населения на филы, собрание, совет, притан, коллегия стратегов. Устанавливавшая свою власть в городе династия была вынуждена считаться с полисными традициями и принимать их во внимание в своей политической деятельности.

В III–II вв. до н. э. в столице царства Атталидов сохранялся строй полиса. Характерная его черта — наличие института гражданства и гражданской общины.

Документ об исополитии Пергама и Темна (IvP. 5; OGIS. 265), перевод которого приведен выше, предусматривает предоставление прав гражданства в Темне жителям Пергама и, наоборот, темнитам в Пергаме (стк. 17–19). Другое крайне важное условие, отмеченное в постановлении, — это право владения недвижимым имуществом на территории заключающего договор полиса (стк. 20–21). Как известно, в античных государствах право владения земельной собственностью на территории полиса являлось прерогативой исключительно членов гражданской общины³³. Известный декрет Пергама 133 г. до н. э. предоставляет гражданский статус парекам, наемникам и некоторым другим категориям городского населения (IvP. 249; OGIS. 338). Все это говорит о наличии четких границ между гражданским коллективом и лишенными или ограниченными в правах слоями обитателей города.

³³ Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима. I–III вв. до н. э. М., 1977. С. 28; Кошеленко Г. А. Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. 1980. № 1. С. 5; он же. Древнегреческий полис // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1. М., 1983. С. 13–17.

Рассмотренные документы относятся к разным этапам жизни Пергама: первый — к концу IV — началу III в. до н. э., второй — к 133 г. до н. э., то есть гражданская община столицы царства Атталидов сохраняла корпоративный характер на протяжении всей эллинистической эпохи.

Каким было этническое происхождение членов гражданского коллектива? Об этом можно с известной осторожностью судить по именам. Городские документы называют имена, эллинский характер которых не вызывает сомнений: Филократ, Андроник, Клеомброт, Феоген, Критон, Сосикл, Диодор, Аристоген³⁴. В декрете 133 г. до н. э. идет речь о предоставлении гражданских прав не просто лицам определенного социального уровня (наемным воинам), но имеющим, кроме того, негреческое происхождение — македонянам, мисийцам, масдиэнам³⁵. Впрочем, в некоторых документах можно встретить и негреческие имена, но их доля невелика. В списке имен эфэбов Пергама середины II в. до н. э. из сохранившихся в надписи примерно 90 имен всего три имеют негреческое происхождение³⁶. Исследователи отмечали, что в число граждан греческих городов Малой Азии попадали отдельные представители местного населения³⁷. Этот процесс затронул и Пергам, но видимо, лишь в незначительной степени. Как мы уже сказали, судить об этнической принадлежности граждан городов по их именам можно только со значительной осторожностью. Поэтому наш вывод носит условный характер и скорее дает представление о тенденции в развитии социально-этнических процессов, но не о конечном точном результате.

Вероятно, доля негреческого и смешанного в этническом отношении населения была значительной в составе населения периферийных городов, особенно тех, которые имели старое местное происхождение. Об этом свидетельствует пример Амлады, полиса в Писидии, жители которого носили негреческие имена — Опрасат, Наланлой, Килларий (RC. 54. Стк. 2–3).

К сожалению, характер источников таков, что предоставляет крайне ограниченные возможности для решения вопроса об имущественной и

³⁴ IvP. 2, 3, 4, 7, 9, 14, 18 и др. О греческом характере имен см.: *Fränkel M.* IvP. Bd. 1. S. 3.

³⁵ О масдиэнах см.: *Dittenberger W.* OGIS. Vol. 1. P. 535–536. Not. 16; *Cagnat R.* IGRR. Vol. 4. P. 289. Not. 12; *Griffith G. T.* The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge, 1935. P. 179.

³⁶ AM. 1904. Bd. XXIX. S. 173.

³⁷ *Ранович А. Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 103–104; *Свенцицкая И. С.* К вопросу о гражданских... С. 44.

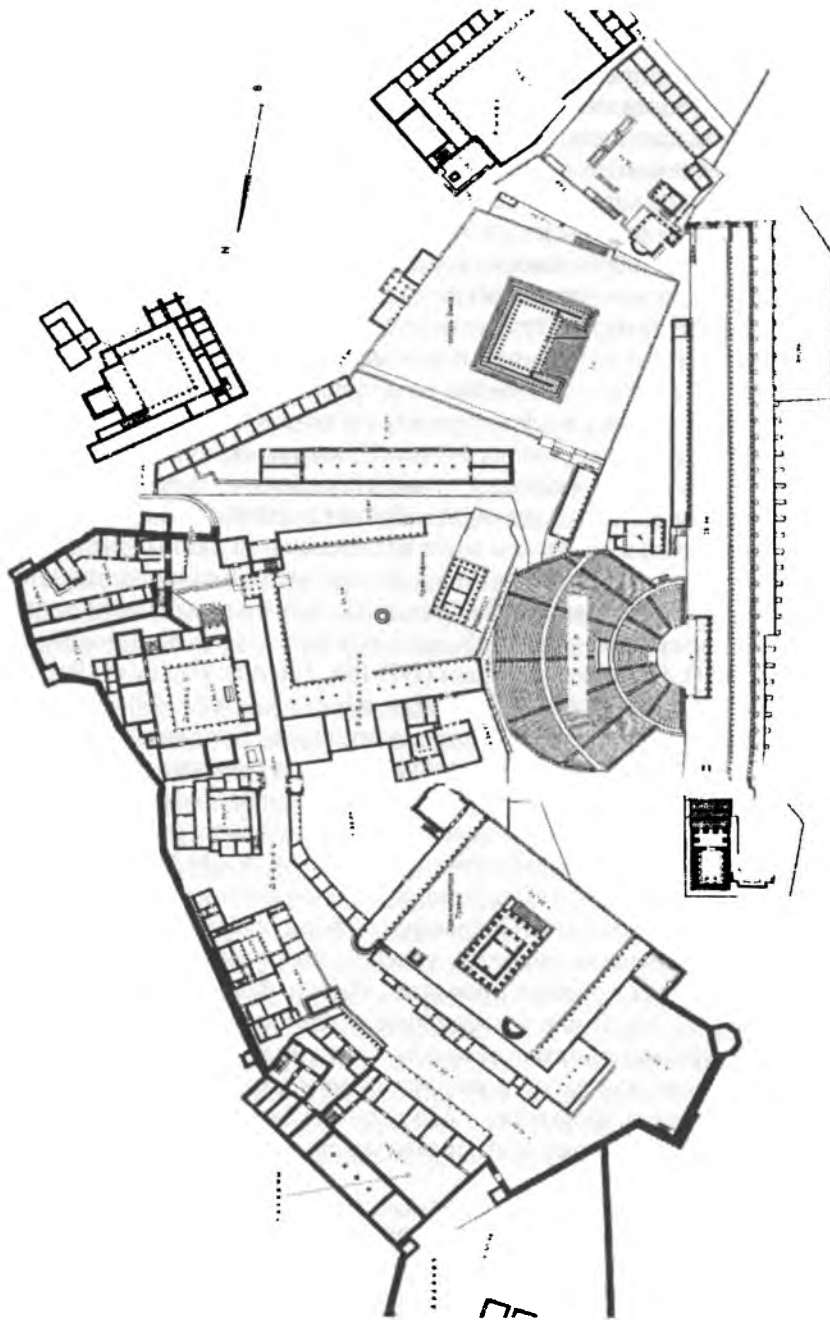
политической дифференциации гражданской общины. Главный источник — надписи — дают ряд сведений такого характера, но это главным образом данные, которые показывают положение не рядовых граждан, а выборных должностных лиц. Например, упоминаемый в нескольких надписях Аполлодор, занимавший должности секретаря народа и номофилака, совершил единолично или с коллегами по магистратуре пожертвования, которые требовали немалых средств (IvP. 236, 237).

Аполлодор не был единственным жертвователем. Двое его коллег по магистратуре — номофилаки Дионис и Аристобул тоже внесли свои средства на украшение и ремонт номофилакиона. Некто Асклепиодор, сын Зевксида, занимавший также одну из городских должностей, посвятил Зевсу Тропею и народу дверь, колонны и ворота (IvP. 239). Агораном Аpellес подарил городу водяные часы в форме статуи бога Гермеса, которые были установлены на агоре (IvP. 183). Богу Гермесу посвятили свои пожертвования агораном Сократ, сын Героида (IvP. 244), другой агораном, имя которого не сохранилось (IvP. 243), гимнасиарх Диодор, сын Аристогена (IvP. 9). Их дары представляли собой гермы на основаниях из белого мрамора. Такое пожертвование, конечно, более скромное, чем совершенное Аполлодором, было тоже доступно лишь людям с весьма солидным достатком.

На этом основании можно полагать, что на городские должности избирались или назначались лица из числа состоятельных граждан. Важно, что свидетельства о дорогих пожертвованиях и посвящениях частных лиц в Пергаме отсутствуют, а положение в других полисах царства (Апамея, Сест) было аналогичным сложившейся в столице ситуации.

Гражданское население делилось на демы и филы — территориальные округа. Число фил во времена Атталидов равнялось двенадцати. Все они в соответствии с греческими обычаями имели названия. Например, одна носила имя популярного в Пергаме бога Асклепия, другая — героя мифа Телефа, а четыре филы были названы в честь представителей царствующей династии — Филетера, Аттала (видимо, Аттала I), Аполлониды и Эвмена (очевидно, Эвмена II)³⁸. Видимо, филы не только играли роль административно-территориальных единиц в полисе, но, как это характерно вообще для греческого мира, и служили для отправления культа. Декрет гражданской общины, принятый в честь каких-то военных побед последнего царя Пергама Аттала III, свидетельствует о важной роли

³⁸ Hansen E. Op. cit. P. 187–188. Филы Пергама перечислены в надписях: AM. 1902. Bd. XXVII. S. 66, 114; 1907. Bd. XXXII. S. 466–469; 1908. Bd. XXXIII. S. 383–386.

34. План акрополя города Пергама

фил в организации культа царя. В священный день всем гражданам предписано совершать жертвы по филам, на что должны выдаваться специальные деньги (OGIS. 332. Стк. 39–40). Во главе филы находился филарх. В документе упоминаются священные и городские доходы, из которых надлежит использовать средства для жертвоприношения (стк. 42).

В структуре пергамского полиса сохранились фратрии, упоминаемые в «царском законе об астиномах» (OGIS. 483). Положение фратрии в жизни города трудно определить: информация о них слишком незначительна. В надписи сообщается о том, что заложенное имущество в случае, если хозяин не выкупил его в течение пяти дней, поступает в продажу во фратрии или на агоре (стк. 85–87).

Коллектив полноправных жителей полиса являлся социальной основой одного из важнейших органов городского управления — народного собрания. При Атталидах собрание выполняло те же функции, которые обычно в греческом мире возлагались на данный орган.

Прежде всего собрание выступает как высший законодательный институт³⁹. Постановления собрания Пергама открываются рядом традиционных формул: ἔγνων βουλὴ καὶ δῆμος (IvP. 5); ἔγνων δῆμος (IvP. 18, 224); δεδόχθαι τῷ δήμῳ (IvP. 156, 166 A?); ἔδοξεν τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ (IvP. 162, 167); ἔδοξεν τῷ δήμῳ (IvP. 249). На основании различий в формуле постановлений Дж. Кардинали выделил две группы законодательных актов собрания Пергама. Во-первых, декреты пробулевтические, принятые собранием и советом, во-вторых, постановления, утвержденные собранием без участия совета⁴⁰. Во многом похожим было положение в Афинах. А. Де Лейкс выделил три группы декретов: 1. Декреты, принятые советом по делам, входящим в его юрисдикцию. Открываются формулой ἔδοχεν τῇ βολῇ; 2. Пробулевтические декреты, утвержденные демосом на основе подготовленных советом проектов. Имеют формулу ἔδοχεν τῇ βολῇ καὶ τῷ δήμῳ или в исключительных случаях ἔδοχεν τῷ δήμῳ; 3. Декреты, принятые демосом. Текст их или вообще не обсуждался советом, или же он в окончательном виде значительно отличался от проекта. Формула — ἔδοχεν τῷ δήμῳ. Интересно, что в Пергаме нет постановлений, принятых одним советом.

³⁹ Законодательную деятельность собрания Пергама рассмотрел Дж. Кардинали: *Cardinali G. Il regno di Pergamo. Roma, 1906. P. 244–274.* На материале Афин этот вопрос исследован в работе: *De Laix A. Probouleusis in Athens. A Study of Political Decision-Making. Berkeley; Los Angeles; London. 1973.*

⁴⁰ *Cardinali G. Op. cit. P. 252.* Пробулевтические декреты: IvP. 5, 162, 166A(?), 167. Декреты собрания: IvP. 18, 156, 224(?), 249, 258? *De Laix A. Op. cit. P. 87 f.*

По содержанию декреты делятся на следующие группы. Первая категория постановлений, наиболее многочисленная, это декреты в честь отдельных лиц. Из четырнадцати сохранившихся актов собрания почетные постановления составляют подавляющее большинство — девять.

Вторую категорию постановлений образуют документы, связанные с межполисными отношениями. Сохранилось всего три пергамских декрета такого содержания: относительно исополитии Пергама и Темна (IvP. 5; OGIS. 265); в честь города Тегея (IvP. 156), по поводу территориального спора между городами Питана и Митилена, в котором Пергам выступал в роли арбитра (IvP. 245).

Наконец, два документа занимают особое положение. Это постановление в связи с письмами Аттала II Афенею и Аттала III городам Кизик и Пергам относительно некоторых вопросов культового характера (IvP. 248; OGIS. 331; RC. 67) и знаменитый декрет 133 г. до н. э. (OGIS. 338).

Итак, отметим преобладание почетных законодательных актов и наличие ограниченного числа постановлений, в которых гражданская община самостоятельно решала бы принципиальные вопросы своей жизни.

В законодательной деятельности народного собрания Пергама заметно проявилось влияние царской власти. Во-первых, ряд городских декретов принят в честь приближенных к царю лиц, самих царей или членов их семей. Одно из городских постановлений принято в честь Аполлонида, сына Феофила, носившего придворный титул «товарищ детства царя» (IvP. 179). Обладали этим придворным званием люди, относившиеся к числу высшей знати, нередко состоявшие в родственных отношениях с монархом. Примечательно, что гражданская община оказала почести Аполлонида за доблесть и благорасположение не только к народу, но и к царю (стк. 4–5). Другая надпись содержит постановление в честь неизвестного лица (возможно, это Андроник, посол Аттала II к римскому сенату), которое тоже принадлежало к числу высшей придворной аристократии (IvP. 224). В документе подчеркнуто, что этот придворный «имел при царе почетное положение и высшие почести» (стк. 7–8)⁴¹.

⁴¹ М. Френкель восстановил в утраченных строках титул σύντροφος τοῦ βασιλέως: IvP. Bd. 1. S. 129. Об Андронике см.: Polyb. XXXII. 16, 2; App. Mithr. 4. Сам характер поручения, которое выполнял этот приближенный, — он был послом в Рим — свидетельствует о его весьма высоком положении при дворе. Эвмен II, например, нередко отправлял в Рим в качестве послов своих братьев или даже выезжал сам (см. гл. 2, п. 1).

Во-вторых, значительное влияние царской власти на законодательную деятельность собрания прослеживается в том, что ряд декретов был принят по прямой рекомендации или указанию царя. Наиболее ярким примером служат письмо Эвмена I Пергаму относительно коллегии городских стратегов и ответное постановление собрания (IvP. 18; OGIS. 267; RC. 23). Правитель фактически продиктовал свою волю народному собранию. В повелительной манере Эвмен I сообщил городу о плодотворной деятельности стратегов с тем, чтобы народ предоставил им те почести, какими сочтет этих должностных лиц достойными (стк. 19–20). Собрание дало ответ совершенно в духе царского указания. Решено было наградить коллегию стратегов золотым венком на Панафинеях, представить другие почести, а письмо Эвмена I и постановление собрания высечь на стеле и установить на агоре (стк. 31–32, 36–38).

Другой пример подобного рода относится к последним десятилетиям существования государства Атталидов. Речь идет о письме Аттала III Пергаму от 135 г. до н. э. по поводу культа Зевса Сабазия (IvP. 248; OGIS. 331; RC. 67). В послании совету и народу царь распорядился относительно нового культа, назначил жрецом Афенея, своего родственника. Заканчивается письмо требованием, чтобы царское распоряжение было внесено в священные законы города (стк. 15–16). Гражданская община, как и в первом случае, приняла именно то решение, которого требовал царь.

Но, видимо, Атталиды не часто прибегали к такому откровенному давлению на полис. Цари обеспечивали принятие городом законов, не противоречащих политике династии, через коллегию высших должностных лиц стратегов, которые назначались царями, а не избирались гражданской общиной. Стратегам принадлежало исключительное право законодательной инициативы. Таким образом, практически исключалось выдвижение на обсуждение народного собрания проектов законов, которые могли бы вызвать неодобрение царя или его администрации.

Собрание также формировало аппарат исполнительной власти, коллегии должностных лиц. Гражданская община избирала притана, секретарей, гимнасиархов, жрецов ряда культов. Но династия осуществляла за данной деятельностью собрания контроль и ограничила его полномочия в этом отношении. Важнейшая городская коллегия — стратеги — с середины III в. до н. э. назначалась царем, а не избиралась коллективом граждан. Это открытое вторжение монархической власти в сферу компетенции народного собрания имело результатом значительное ограничение его прав и возрастание влия-

ния короны в делах полиса⁴². Интересно предположение Р. Аллена о том, что практика назначения стратегов была введена Эвменом I после его победы при Сардах между 263 и 261 гг. до н. э. над Антиохом I, в результате которой укрепилось внешнеполитическое и внутреннее положение правителя. При Атталей II и Атталей III цари также назначали жрецов Диониса Категемона и Зевса Сабазия (IvP. 248).

Народное собрание имело право освобождать от городских налогов, литургий, даровать гражданский статус, распоряжаться городскими финансами, отдавать указания коллегиям и должностным лицам⁴³. Но и эти области деятельности не остались сферой компетенции исключительно собрания. В письме Пергаму, написанном, как считают, Атталом I и датированном второй половиной III в. до н. э.⁴⁴, идет речь о введении царем новой жреческой должности, о религиозных атрибутах и привилегиях, которые даются жрецу (IvP. 40). В частности, царь предоставил ему на время исполнения должности освобождение от всех литургий, то есть от общественных обязанностей, исполнение которых нередко было связано с денежными расходами, присвоив себе, таким образом, право, которым обладало народное собрание.

Итак, собрание в Пергаме при Атталидах сохранялось и выполняло те же функции, какие возлагались на этот орган в классическом греческом полисе. Существовало собрание как политическое объединение коллектива граждан и именно в таком качестве принимали его цари, вынужденные считаться с традиционными формами самоуправления гражданской общины. Вместе с тем обнаруживается явное стремление царской власти ограничить собрание в его важнейших функциях и, прежде всего, в сфере деятельности законодательной, в деле формирования коллегий должностных лиц. В конечном

⁴² Мнение о назначении коллегии стратегов в Пергаме правителем широко распространено в науке. См.: *Tarn B.* Эллинистическая цивилизация... С. 77, 157; *Swoboda H.* Zu den Urkunden von Pergamon // *RhM.* 1891. Bd. 64. S. 497–510; *Ussing J.* Pergamos. Seine Geschichte und Monumente. Berlin, 1899. S. 11; *Cardinali G.* Il Regno... P. 254; *Welles Ch. B.* RC. P. 113; *Schwahn W.* Strategos (hellenistisch) // *RE.* 1935. Supplbd. 6. Sp. 1118; *Jones A. H. M.* The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940. P. 168; *Magie D.* RRAM. Vol. 1. P. 134; *Rostovtzeff M.* Pergamum. P. 593; *idem.* SEHWW. Vol. 1. P. 558; *Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2. München, 1944. S. 232; *Hansen E.* Op. cit. P. 23–24, 188; *Allen R.* Op. cit. P. 166–167, 177.

⁴³ IvP. 5, 18, 156, 249, 251, 252; *Cardinali G.* Il regno... P. 286–287.

⁴⁴ Р. Аллен полагает возможным датировать документ временем Эвмена II, а не Атталы I, как это делали М. Френкель и Э. Олемуц: *Allen R.* Op. cit. P. 173. Ср.: *Fränkel M.* IvP. Bd. 1. S. 37; *Ohlemuts E.* Die Kulte und Heiligtümer der Gotter in Pergamon. Würzburg, 1940. S. 65.

35. Монета Пергама (II в. до н. э.).
Изображение бога Асклепия

счете работа этого органа оказалась под контролем центральной власти, в главных, принципиальных положениях зависела от нее.

Надписи Пергама содержат упоминание о другом традиционном органе полиса — городском совете (IvP. 5, 162, 166 A, 167). К сожалению, на целый ряд вопросов, связанных с его деятельностью, ответа нет. О нем известно лишь из стандартных формул, которыми открывались декреты полиса (IvP. 5, 162, 167; 166 A). Упоминание совета служит свидетельством того, что этот орган предварительно обсуждал законопроекты, которые выносились на рассмотрение народного собрания. О какой-либо иной деятельности совета документы не содержат сведений. Некоторые декреты приняты от имени только народа и не содержат упоминаний о совете. По справедливому заключению Дж. Кардинали и Э. Хансен, это означает,

что в ряде случаев совет не участвовал в подготовке и обсуждении законов⁴⁵. Причины данного явления неясны. Видимо, в Пергаме при Атталидах значение совета не было большим. Подтверждают эту мысль соображения косвенного характера: важнейшая из городских магистратур — коллегия стратегов — фактически сконцентрировала в своих руках исполнение некоторых из тех обязанностей, которые обычно выполнял совет.

Аппарат исполнительной власти в Пергаме, как и вообще в греческом мире, составляли коллегии должностных лиц, формируемые из числа граждан. Среди них наиболее значительную роль играла коллегия стратегов⁴⁶. Она состояла из пяти членов (IvP. 18. Стк. 2,

⁴⁵ IvP. 18, 156, 224?, 149, 258? *Cardinali G.* Il regno... P. 252; *Hansen E.* Op. cit. P. 188.

⁴⁶ О стратегах в Пергаме см.: *Swoboda H.* Op. cit. S. 497–510; *Cardinali G.* Il regno... P. 233 f.; *Schwahn W.* Strategos... Sp. 1117–1120; *Bengtson H.* Die Strategie... P. 232–240; *Magie D.* RRAM. Vol. 1. P. 135; Vol. 2. P. 1006–1007; *Hansen E.* Op. cit. P. 188 f.; *Allen R.* Op. cit. P. 167–168.

22–23). Деятельность коллегии стратегов была ограничена сроком в один год (IvP. 18. Стк. 3, 8–9, 13)⁴⁷. Выше отмечено, что этих должностных лиц не избирало народное собрание, но они назначались царями примерно с середины III в. до н. э. — времени правления Эвмена I. То есть, назначая стратегов, цари вместе с тем сохранили практику обновления состава данной коллегии. Видимо, Атталиды, действуя во внутренней и внешней политике очень гибко и осмотрительно, вынуждены были считаться, хотя бы внешне, с полисной традицией периодического (чаще всего ежегодного) обновления аппарата исполнительной власти. Неясен вопрос, сохранилась ли практика прямого назначения стратегов правителем на протяжении всей истории государства Атталидов или это была мера временная? В. Диттенбергер считал, что с введением в Пергаме специального царского должностного лица — градоначальника *ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως* (о его роли в полисе будет сказано ниже) право избирать коллегию стратегов было возвращено народному собранию⁴⁸. Принять это мнение нельзя, источники его не подтверждают, а отмеченное выше стремление Атталидов к сохранению жесткого контроля над гражданской общиной столицы приводит к противоположному выводу.

Роль этого органа в жизни города была весьма значительной. В Пергаме коллегия стратегов получила исключительное право законодательной инициативы: все городские декреты предложены ею (OGIS. 265, 299, 323, 338). Исключение составляет постановление собрания в ответ на письмо Эвмена I Пергаму, которое было предложено неким Архестратом, видимо, частным лицом (IvP. 18). Но данный декрет не совсем обычен: цель его — отметить деятельность коллегии стратегов, заслужившую особое одобрение правителя. Понятно, что в этом случае выступление с законопроектом самих стратегов было бы неуместным⁴⁹. Кроме того, сохранился ряд декретов, начальные строки которых утеряны. По мнению Э. Хансен,

⁴⁷ Schwahn W. Op. cit. Sp. 1119; Welles Ch. B. RC. P. 113.

⁴⁸ Dittenberger W. OGIS. Vol. 2. P. 96. Not. 17.

⁴⁹ На основании данного документа Г. Свобода полагал, что в Пергаме было возможно выступление рядовых граждан с проектом закона в собрании. Но это мнение не подтверждается другими источниками: Swoboda H. Op. cit. S. 498–499. См. об этом: Allen R. Op. cit. P. 166. Not. 25. Дж. Кардинали считал, что частные лица могли выдвигать законопроекты через стратегов (*Cardinali G. Il regno...* P. 256–258), но его вывод был основан на неверном и отвергнутом в настоящее время восстановлении строк документа: IvP. Bd. II. 260. Ср. более позднее издание: AM. 1907. Bd. XXXII. S. 257. № 8 (a). Col. II. Стк. 44. См. также: Allen R. Op. cit. P. 165. Not. 24.

инициатором принятия и этих постановлений были тоже стратеги, а формула $\gamma\nu\omega\mu\eta$ στρατηγῶν восстанавливается без сомнений⁵⁰.

Г. Бенгтсон высказал предположение, что практика исключительного права стратегов в Пергаме предлагать законопроекты явилась нововведением Атталидов⁵¹. По нашему мнению, в данном случае цари Пергамского государства едва ли нарушили полисную традицию. В самом раннем из известных декретов города — относительно исополитии Пергама и Темна — инициатором принятия закона выступают стратеги. Кроме того, в целом ряде полисов (в том числе и в городах Малой Азии) право вносить в собрание проект закона принадлежало также именно этой коллегии должностных лиц. Скорее всего Атталиды закрепили эту распространенную в греческом мире, в том числе и в Пергаме, традицию.

Роль стратегов была очень велика в финансовых делах города. В письме Эвмена I Пергаму сообщается о том, что одним из наиболее замечательных деяний данной коллегии была деятельность в сфере финансов. Стратеги собрали городские и священные доходы, вернули городу деньги, не полученные при их предшественниках (IvP. 18. Стк. 6–10). Об этой деятельности стратегов идет речь как о неотъемлемой составной части их круга обязанностей: занимаются финансами сами чествуемые магистраты, их предшественники (стк. 8–9), которые небрежно исполняли эти дела, наконец, подразумевается, что новые стратеги будут тоже заниматься городскими финансами (стк. 11–14). Поскольку город имел еще и казначеев, которые ведали казной, то на стратегах, видимо, лежала обязанность общего контроля над финансами полиса и решения наиболее сложных проблем в этой сфере деятельности.

В отношениях с другими полисами стратеги выступали в качестве представителей гражданской общины (IvP. 156. Стк. 14–15). Рядом документов определено, что эти должностные лица обязаны обеспечить установку каменных стел с текстом декретов (IvP. 156, 157, 160, 246). Таким образом, стратеги не только вносили в собрание проект закона, но должны были уже утвержденный и получивший силу закона проект сохранить, текст его зафиксировать и обнародовать.

В письме Эвмена I Пергаму упоминается, что стратеги позаботились также об обеспечении храмов священными приношениями (IvP. 18. Стк. 10–11). Возможно, эта коллегия осуществляла общий надзор за делами, связанными с культом, в том числе за жертвоприношениями.

⁵⁰ Hansen E. Op. cit. P. 188. Not. 143. Речь идет о надписях: IvP. 156, 224, 249.

⁵¹ Bengtson H. Die Strategie... S. 233–234.

«Царский закон об астиномах» (OGIS. 483), отражающий практику городской жизни, показывает, что стратеги контролировали деятельность астиномов. Последние обязаны были докладывать им о важнейших делах, составлять для стратегов списки находившихся в домах цистерн для воды, информировать их о состоянии каналов, по которым подавалась вода в город. Стратеги имели право подвергнуть астиномов штрафу в случае, если те небрежно выполняли предписанные им обязанности. Коллегия стратегов выступала в качестве главы исполнительной власти; очевидно, она точно так же руководила деятельностью других магистратур и контролировала ее.

Стратеги играли важную роль в отправлении культа правителя. Постановление, принятое гражданской общиной Пергама в ответ на письмо Эвмена I, возлагает на стратегов обязанность ежегодно совершать жертвоприношение в праздник Эвмении (IvP. 18. Стк. 33–35). Другой документ, относящийся к годам правления последнего пергамского царя Аттала III, предписывает стратегам в числе иных высших должностных лиц полиса встречать царя и предоставляет только им право приглашать его в пританей к очагу общины (OGIS. 332. Стк. 33–34, 49–50)⁵².

Обзор деятельности коллегии стратегов в Пергаме убеждает в ее совершенно особом положении. Назначаемые царем, а не избираемые народным собранием, эти должностные лица, монополизировавшие законодательную инициативу, возглавившие аппарат исполнительной власти, контролировавшие финансы, играли в полисе огромную роль, обеспечивали лояльность города по отношению к центральной власти.

В доэллинистическом Пергаме видное положение занимал притан, который избирался на год и по своему положению напоминал архонта-эпонима Афин. Со времени правления Эвмена I эпонимным магистратом стал жрец (IvP. 18, 249), правда, некоторые документы по-прежнему датированы по притану (IvP. 157, 224). Также имеются факты совмещения должностей притана и жреца в руках одного и того же лица⁵³. Видимо, это явление отражает снижение роли притана, что было неизбежным следствием установления ведущего положения стратегов.

⁵² Bengtson H. Die Strategie... S. 236–237.

⁵³ AM. 1907. Bd. XXXII. S. 433; 1908. Bd. XXXIII. S. 376. По мнению Р. Аллена, притан при Атталидах сохранил свое значение и место в системе городского управления (Allen R. Op. cit. P. 164). В эллинистическое время эпонимная функция также перешла от пританов к жрецам-стефанефорам в Магнесии-на-Меандре, на Хиосе, возможно, в Приене. См.: Sherk R. The Eponymous Officials of Greek Cities. V // ZPE. 1993. Bd. 96. S. 279–280. N 33–34; Dmitriev Sv. City Government... P. 82–85.

Из городских коллегий сравнительно много известно об астиномах. Обязанности их раскрывает так называемый «царский закон об астиномах» (OGIS. 483). Документ дошел в копии римского времени, составленной при Траяне или Адриане, но, как единодушно считают издатели и исследователи этой надписи, оригинал был написан при Атталидах. В. Диттенбергер датировал документ временем правления кого-либо из трех последних пергамских царей — Эвмена II, Аттала II или Аттала III. По мнению Э. Хансен, данный закон был издан при Эвмене II, уделявшем большое внимание сооружению храмов и других общественных строений, благоустройству города. Р. Аллен также относит документ ко времени правления Эвмена II, точнее, к периоду после Апамейского мира 188 г. до н. э.⁵⁴ «Царский закон об астиномах» — большой по объему документ (сохранилось 233 строки, начало и конец надписи утеряны), содержит очень важную информацию о деятельности городских коллегий, прежде всего астиномов.

Астиномы имели достаточно широкий и вместе с тем четко очерченный круг обязанностей. Они следили за чистотой и порядком на улицах Пергама, состоянием стен домов, организовывали работы по очистке улиц, ремонту стен. Важным направлением деятельности коллегии являлась забота о водоснабжении города. Астиномы должны были иметь попечение об источниках, находящихся в самом Пергаме и в предместье, об их чистоте, о хорошем состоянии каналов, подводящих воду (стк. 190 сл., 159 сл.). Наконец, объектом их заботы были и общественные отхожие места (стк. 220–223). Астиномы имели в своем подчинении коллегию должностных лиц амфодархов, были наделены правом штрафовать последних, а также частных лиц, нарушающих порядок строительства, правила пользования общественными источниками, загрязняющих улицы. Отметим, что астиномы, в свою очередь, были подотчетны возглавлявшим городскую администрацию стратегам, которые могли подвергнуть их штрафу⁵⁵.

⁵⁴ AM. 1902. Bd. XXVII. S. 47–77; *Dittenberger W.* OGIS. Vol. 2. P. 92. Not. 1, 2; *Klaf-fenbach G.* Die Astynomeninschrift von Pergamon // *Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst.* 1953. Berlin, 1954. N 6; *Oliver J. H.* The Date of the Pergamene Astynomic Law // *Hesperia.* 1955. Vol. XXIV. P. 88–92; *Hansen E.* Op. cit. P. 192; *Allen R.* Op. cit. P. 171.

⁵⁵ О деятельности коллегии астиномов см.: *Павличенко Н. А.* Коллегия астиномов в эллинистическом полисе // *Античный мир и археология. Проблемы античной государственности, материальной и духовной культуры: Межвуз. науч. сб. Вып. 8.* Саратов, 1990. С. 52–62; *Haederli R.* Die hellenistischen Astynomen und Agoranomen, vornehmlich im alten Athen // *Jahrbucher für classische Philologie. Supplbd.* 15. Leipzig, 1887. S. 45–94; *Oehler J.* Astynomoi // *RE.* 1896. Bd. 2. Sp. 1870–1872; *Jones A. H. M.* The Greek City... P. 213–215.

Факт составления такого закона о деятельности должностных лиц полиса в канцелярии царя, мелочная регламентация всей деятельности коллегии астиномов и некоторых других магистратов есть свидетельство активного и бесцеремонного вмешательства монарха в городские дела, проявление большого влияния царской власти на жизнь гражданской общины столицы.

«Царский закон» сообщает о коллегии должностных лиц амфодархов (οἱ ἀμφοδάρχοι), находившихся в подчинении у астиномов. На амфодархов возлагалась функция попечения о дорогах и улицах. Они обязаны были контролировать их состояние, обеспечивать чистоту, организовывать работы по очистке улиц (стк. 29–39, 60–64). Подчиненное по отношению к астиномам положение данной коллегии проявляется в том, что амфодархи обязаны были информировать тех обо всех нарушениях, выполнять их распоряжения, наконец, могли быть подвергнуты штрафу (стк. 44–47, 64–65). Важна еще одна деталь, характеризующая положение амфодархов: они не имели права сами штрафовать граждан, а должны были в случае необходимости применения такого рода санкций ставить в известность астиномов, которые уже налагали штраф. Количественный состав коллегии амфодархов, порядок ее формирования, срок полномочий неизвестны.

Агораномы, упоминаемые в нескольких надписях Пергама (IvP. 183, 243, 244), проверяли качество продаваемой на рынке продукции, контролировали меры веса и объема, обеспечивали подвоз на городской рынок необходимого количества продовольствия⁵⁶. Из числа других важнейших магистратур следует назвать гимнасиарха, осуществлявшего контроль за воспитанием детей и юношей (IvP. 9, 252, 256; IGR. IV. 292, 293). Город также имел коллегию номофилаков (οἱ νομοφύλακες), состоявшую из трех членов (IvP. 237–238; OGIS. 290, 483). Им принадлежало право контролировать деятельность некоторых магистратов (например астиномов) и взимать с них штрафы, налагаемые стратегами (OGIS. 483. Стк. 20–21, 218–219). Возможно, эта коллегия выполняла контрольные функции при выборах должностных лиц⁵⁷. Делопроизводством ведал секретарь (ὁ γραμματεὺς

⁵⁶ Об агораномех см., например: *Haederli R. Op. cit.*; *Oehler J. Agoranomoi* // RE. Bd. 1. 1894. Sp. 883–885; *Jones A. H. M. The Greek City...* P. 215–217.

⁵⁷ В Афинах основные обязанности номофилаков заключались в том, чтобы контролировать соблюдение законов должностными лицами, а в совете и собрании препятствовать принятию необдуманных решений (*De Laix A. Op. cit.* P. 70). Аристотель подчеркивал важность этой коллегии в государстве (*Arist. Polit.* IV. 5, 13 (1323a)). См. также: *Ziebarth E. Nomophylakes* // RE. Hbbd. 33. 1936. Sp. 832–833.

δημου), которого избирало народное собрание (IvP. 236, 247). Должностное лицо практор (ὁ πρᾶκτωρ), упоминавшееся лишь в одной надписи Пергама, подчинялось стратегам, получало штрафные суммы, налагаемые этой высшей административной коллегией на нарушителей (OGIS. 483. Стк. 5–7)⁵⁸.

Финансами полиса ведала коллегия казначеев (οἱ ταμίαι — IvP. 18, 156; OGIS. 483). На основании одной надписи (IvP. 18. Стк. 33–34) Э. Хансен, Г. Бенгтсон и Р. Аллен полагали, что она ежегодно назначалась правителем, а не избиралась собранием⁵⁹. Это мнение вполне соответствует существующей системе представлений о политике Атталидов в столице, но, строго говоря, из документа неясно, кто назначал коллессию. Это могли делать как цари, так и стратеги. Казначеем заведовали казной полиса, его доходами, выдавали из этих средств суммы на религиозные празднества, на установление каменных стел с текстами постановлений. Обязанностью казначеев был также сбор сумм, налагаемых в виде штрафа на нарушителей.

На жреческие должности кандидаты частично избирались гражданской общиной (жрецы Афины, жрец-эпоним), частично — особенно это касается культов, введенных в городе монархами, — назначались царем (жрец Диониса Категемона, Зевса Сабазия). Вообще, влияние царской власти на религиозную жизнь пергамского полиса было значительным.

Право самостоятельного ведения внешней политики — установление контактов с другими греческими городами, решение вопросов войны и мира, заключение союзов — составляет неотъемлемую характеристику полисного строя. В западной части Малой Азии в архаический и классический периоды сложилась система торговых, военно-политических и религиозных связей, в которую в большей или меньшей степени был вовлечен практически каждый полис данного региона.

Относительно связей Пергама с другими греческими городами имеется ряд свидетельств. Наиболее ранним из них является надпись об исполитии Пергама и Темна (IvP. 5). Оба полиса выступают в данном случае как равноправные политические партнеры, посылают и принимают послов. Другая надпись, от которой сохранился

⁵⁸ Практикор нечасто упоминается в источниках. Видимо, во многих полисах этой магистратуры не было. Обязанности их известны лучше всего по афинским источникам: Dem. LVIII. 20, 48; Lex ap. Demosth. XLIII. 71; Lex ap. Aeschinem. I, 35.

⁵⁹ Bengtson H. Die Strategie... Bd. 2. S. 236; Hansen E. Op. cit P. 195; Allen R. Op. cit. P. 167.

лишь незначительный фрагмент, является постановлением какого-то эолийского города в честь граждан Пергама (IvP. 159). Декрет интересен тем, что содержит (по восстановлению М. Френкеля) строки о направлении в Пергам послов (стк. 1), причем это посольство обратилось к гражданскому коллективу — «народу Пергама». Такого же рода отношения между столицей царства Атталидов и другими полисами раскрывает постановление Пергама в честь граждан города Тегея (IvP. 156). Наконец, заслуживает внимания надпись, рассказывающая о территориальном споре городов Питана и Митилена, в котором Пергам выступал в роли арбитра (IvP. 245; OGIS. 336). Документ, относящийся ко II в. до н. э., содержит упоминания о посольствах (ими обменивались участвовавшие в споре стороны) и является важным свидетельством того, что гражданская община столицы сохранила право решения некоторых внешнеполитических вопросов.

Но реальная ситуация была значительно сложнее. Обратимся к надписям, рассказывающим о дипломатических усилиях Атталидов добиться признания греческими городами и союзами празднеств в честь Афины Никефоры (Syll.³ 629, 630; RC. 49, 50). Никефории были задуманы как общегосударственные и даже панэллинские празднества и должны были сыграть определенную роль в дипломатической и военной деятельности, которую проводил Эвмен II⁶⁰. Естественно, посольства, направленные в греческие города, были царскими. Но состав их не совсем обычен. Так, в карийский город (название его не известно, может быть, это Иас) направлены «друг» царя Мегон из Эфеса и, кроме того, гражданин Пергама Калас (RC. 49). Близким по составу было посольство на острове Кос. Оно состояло из пяти членов, трое из которых представляли монарха (Мегон и двое приближенных Эвмена II — один из Магнесии, другой из Мирины). Два других посла являлись представителями Пергама (один из них Калас — RC. 50). В письме Эвмена гражданам острова Кос отмечено, что послы Пергама избраны городом, а сам полис присоединился к царю в почитании Афины (стк. 8–12). Еще из одного документа — декрета Этолийской лиги в ответ на письмо Эвмена II по поводу Никефорий — ясно, что царь обратился к этолийцам не только от имени своего и членов правящего дома, но и от имени народа Пергама (Syll.³ 629. Стк. 1, 5–7). Поэтому в постановлении Этолийского союза предусмотрено чествование как царской фамилии, так и гражд-

⁶⁰ О внешней политике Эвмена II в этот период см.: *McShane R. The Foreign Policy of the Attalids of Pergamon. Urbana, 1964. P. 155–156, 170–174.*

данской общины столицы (стк. 10–13). В данной ситуации коллектив граждан Пергама, присоединяясь к деятельности царя по пропаганде празднеств в честь Афины Nikeфоры, выступал формально как самостоятельный участник этой внешнеполитической акции Эвмена II, избирал и посылал своих послов. В документах (царских посланиях и постановлении Этолийской лиги) обязательно подчеркивается это формально самостоятельное, но вместе с тем совпадающее с мнением монарха решение народного собрания. Понятно, что в деятельности посольств представители Пергама играли подчиненную роль; главные же позиции принадлежали царским приближенным, которые в конечном счете и обеспечивали проведение нужной Эвмену II политики. Упоминание в письмах о позиции Пергама и стремлении царя включить в состав посольств представителей гражданской общины своей столицы свидетельствует о желании монарха использовать высокий престиж Пергама в греческом мире.

О фактически подчиненном положении полиса во внешнеполитических делах свидетельствует и участие граждан Пергама в составе армии и флота Аттала I в Первой Македонской войне⁶¹. Таким образом, хотя Пергам в III–II вв. до н. э. и сохранял право внешних сношений (речь идет о связях с другими городами), вступал в систему межполисных отношений, эта самостоятельность распространялась лишь на вопросы второстепенные, касающиеся главным образом задач и проблем полисной жизни. В делах более важных обнаруживается зависимость гражданской общины от центральной власти.

Изменения, происшедшие в общественно-политической жизни столицы царства Атталидов, показывают, что полисный строй при сохранении его внешних форм и традиционных институтов приспособлялся к новым условиям эллинистического территориального государства. В результате цари осуществляли за жизнью столицы постоянный контроль, обеспечивали проведение необходимой диктаторской политики.

3.3. Города Пергамского царства

В западной части полуострова Малая Азия и на Херсонесе располагалось большое число греческих полисов — Абидос, Асс, Горгара, Скеписис, Антандр, Адрамиттий, Питана, Теос, Эфес, Элея,

⁶¹ См. об этом гл. 2, п. 5.

Мирина, Кима, Эритры, Гриней, Левки, Лампсак, Эги, Илион, Фокея, Колофон, Милет, Нотион, Сест и другие. Многие из них оказались под властью пергамских царей⁶².

Важнейшим институтом каждого города являлось народное собрание, функционировавшее в качестве высшего политического органа гражданской общины. Надписями III — первой половины II в. до н. э. собрания засвидетельствованы в Темне (IvP. 5), Гиерополе (OGIS. 308), Теосе (OGIS. 309; SEG. II, 580), Илионе (RC. 62), Элее (OGIS. 332; Syll.³ 694), Питане (OGIS. 335), Сесте (OGIS. 339), Аттуде (MAMA. VI. 68), Табах (MAMA. VI. 164), Апамее (MAMA. VI. 173), Сардах (Sardis. VII. 4, 21, 27), Аполлонии-на-Риндаке (SEG. II. 663), Иасе (RC. 49), Антандре (Michel. 542), Лаодикее во Фригии (Michel. 543), Гамбрии (Michel. 520), Траллах (CIG. 2927; 2930 B), Телмессе (Allen R. E. The Attalid... P. 211. № 7), Эфесе (Allen R. E. The Attalid... P. 225–226. № 24) и других городах Малой Азии, а также на островах Андрос (Allen R. E. The Attalid... P. 224. № 21) и Эгина (Syll.³ 642; OGIS. 329). Этот орган принимал законы, формировал аппарат исполнительной власти, отдавал указания должностным лицам, распоряжался казной.

Совет также относился к числу традиционных органов греческого полиса и сохранялся в городах западной части Малой Азии при Атталидах. Существование совета засвидетельствовано документами в городах Темн (RC. 48), Иас (RC. 49), Илион (RC. 62), Сест (OGIS. 339), Элея (OGIS. 332; Syll.³ 694), Апамея (MAMA. VI. 173), Сарды (Sardis. VII. 4), Аполлония-на-Риндаке (SEG. II. 663), Траллы (AM. 1901. Bd. XXVI. 1; AM. 1883. Bd. VIII. 16) и других.

Совет, очевидно, выполнял функции совещательные, контрольные, предварительно обсуждал проекты городских законодательных актов⁶³.

Исполнительная власть принадлежала коллегиям должностных лиц. Во многих городах царства Атталидов имела коллегия стратегов — в Элее (OGIS. 332; Syll.³ 694), Питане (OGIS. 335), Теосе (OGIS. 309; IvMM. 97), Гиерополе (OGIS. 308), Сардах (Sardis. VII. 4, 7), Фокее (IvPr. 65), Синнаде (Michel. 542), Магнесии у горы Сипил (AM. 1899. Bd. XXIV. S. 411), Темне (Cic. pro Flacc. 19, 44)⁶⁴. О поло-

⁶² Списки городов, подвластных Атталидам, и свободных полисов Малой Азии даны в Приложениях 3 и 4.

⁶³ См.: Müller H. Bemerkungen zu Funktion und Bedeutung des Rats in den hellenistischen Städten // Stadtbild und Bürgerbild im Hellenismus. Kolloquium, München, 24. bis 26. Juni 1993 / Hrsg. von M. Wörle und P. Zanker. München, 1995. S. 41–54.

⁶⁴ Деятельность коллегии стратегов в городах Малой Азии охарактеризована в работе: Schwahn W. Strategos... Sp. 1104–1123. О должностных лицах в эллинистической Малой Азии см.: Dmitriev Sv. City Government... P. 52–63.

жении данной коллегии в полисах Пергамского государства известно немного. В ряде городов (Траллы, Синнада, Гиерополь, Сарды, Теос) стратеги обладали правом вносить в собрание проекты законов. Количественный состав коллегии был различным. В Темне, как и в Пергаме, их было пять (Cic. pro Flacc. 19, 44), в Сардах четыре (Sardis. VII. 8, 28, 29, 120) или три (IvP. 268 C), в Гиерополе три (OGIS. 308), в Траллах десять или одиннадцать (ABSA. 1927–1928. 29. P. 70).

В свое время М. Френкелем и Г. Свободой, а позже А. Х. М. Джоунзом и М. И. Ростовцевым было высказано мнение о том, что Атталиды назначали в городах царства стратегов, которые занимали в управлении ключевые позиции⁶⁵. Дж. Кардинали с сомнением отнесся к такому выводу, Г. Бенгтсон и Э. Хансен отвергли его⁶⁶. Э. Хансен обратила внимание на то, что правители были вынуждены вводить в отдельные города своих чиновников — эпистатов. В этом не было необходимости, если бы высшие должностные лица полисов персонально назначались царем. Г. Бенгтсон указал на то, что положение коллегии стратегов в Пергаме и других полисах во многом было различным. Не совпадал количественный состав этого органа. Функцию подготовки проекта решения народного собрания коллегии стратегов выполняли и в тех городах Малой Азии, которые не испытывали власти Атталидов, например в Клазоменах (IvMM. 53), Эритрах (Syll.³ 285; IvPr. 50), Приене (IvPr. 14).

Добавим к этому следующее: в столице царства доминирующее положение стратегов прямо связано с их исключительным правом предварительно готовить и выдвигать проекты постановлений для народного собрания, между тем как во многих полисах государства Атталидов законодательная инициатива принадлежала не стратегам. Известно, что в Сесте с проектом декрета выступило частное лицо — некий Менандр (OGIS. 339. Стк. 2), в карийском городе Иасе — притан (RC. 49. Стк. 2), в Гамбрии — частное лицо (Michel. 520). Наконец, важно также то, что в ряде городов стратеги традиционно играли очень большую роль, например в Эритрах (Michel. 503–504), Галикарнасе, Приене⁶⁷.

Таким образом, представление о стратегах в полисах Пергамского царства как «агентах» царя не имеет достаточно прочной доказатель-

⁶⁵ Fränkel M. IvP. Bd. 1. S. 158; Swoboda G. Op. cit. S. 503; Rostovtzeff M. Pergamum. P. 604; Jones A. H. M. The Cities... P. 55. Отметим, что эта мысль была высказана в достаточно осторожной форме.

⁶⁶ Cardinali G. Il regno... P. 233; Bengtson H. Die Strategie... Bd. 2. S. 246–250; Hansen E. Op. cit. P. 200.

⁶⁷ Schwahn W. Strategos... Sp. 1111–1114.

ной основы и упрощает систему отношений Атталидов с городами. Свое влияние на полисы династия распространяла через городскую знать — тех достаточно состоятельных, политически активных и промонархически настроенных людей, которые часто избирались на высшие административные должности и положение которых было частично охарактеризовано выше.

Кроме стратегов, в полисах государства известно большое число других должностных лиц: пританы в Темне, Теосе, Элее, Иасе (OGIS. 265, 309, 332; RC. 49), архонты в Элее, Траллах (OGIS. 332; Syll.³ 694; CIG. 2931; BCH. XI. 1887. P. 218, 12), казначеи в Накрасе, Апамее, Элее, Траллах, Темне, Гамбрии, Нисире (OGIS. 268, 332; MAMA. VI. 173; CIG. 2930 в; Michel. 520; IvMM. 85; Cic. Pro Flacc. 44; Malay H. Researches... 135), гимнасиархи в Сесте, Элее, Фемизонии, Апамее, Табах, Траллах, Фиатире (IvP. 246; OGIS. 332, 339; MAMA. VI. 164, 173; Michel. 544; Malay H. Researches... 16)⁶⁸, стефанфоры в Элее, Табах, Траллах, Гамбрии (OGIS. 332; Syll.³ 694; Michel. 520; MAMA. VI. 164), агонифет в Сесте (OGIS. 339), секретарь народа в Траллах, Скеписисе (AM. Bd. VIII. 1883, 11; OGIS. 6; Allen R. E. The Attalid... P. 211. № 6), гиераном, гинеконом в Гамбрии (Michel. 520), агораномы в Эфесе, Парии, Ассе (Syll.³ 354, 596, 945).

Рассмотренные выше примеры с Менасом (OGIS. 339) и Кефисодором (MAMA. VI. 173) показывают большую роль отдельных магистратов в жизни общины. Подобные примеры дают основание предположить, что определенными преимуществами при избрании на городские должности зачастую пользовались состоятельные граждане.

М. И. Ростовцев, анализируя политическое устройство полисов царства Атталидов, высказал предположение, которое было поддержано Э. Хансен: города государства Атталидов имели строй, для которого своего рода моделью послужила конституция столицы царства⁶⁹. С этим мнением едва ли можно согласиться, ибо ряд фактов свидетельствует против него.

Заметные различия обнаруживаются в системе летоисчисления городов. Наиболее значительные городские решения датировались по имени эпонимного должностного лица. В Темне, Эфесе, Лебеде, Стратоникее на реке Каик, Теосе это был притан (OGIS. 265), в Сес-

⁶⁸ *Hesberg H. von.* Das griechische Gymnasium im 2. Jh. v. Chr. // *Stadt und Bürgerbild im Hellenismus.* S. 13–27.

⁶⁹ *Rostovtzeff M.* Pergamum. P. 602; *Hansen E.* Op. cit. P. 199. М. И. Ростовцев высказал данное предположение применительно к городам, оказавшимся под властью Атталидов на ранних этапах истории царства.

те, Дионисополе, Лаодикее на реке Лик — жрец (OGIS. 339), в Гамбрии — гиероном (Michel. 520), в Сардах, Траллах, Магнесии у горы Сипил, в Гераклее у Латма, Смирне — жрец-стефанофор (RC. 49; Sardis. VII, 21; RE. Hbbd. XII. Стлб. 2111–2112; Keil — Premerstein. II. 1), Эзанах, Фиатире — архонт, Аспенде, Перге — демиург⁷⁰. В военных колониях счет лет вели по годам правления царя (OGIS. 268; Keil — Premerstein — I. 94, 95; II. 167, 223).

Надпись об образовании полиса Тириес во Фригии содержит разрешение жителям вновь образованной гражданской общины пользоваться своими собственными законами⁷¹. Ясно, что в случае стремления Атталидов унифицировать городской строй о подобном разрешении не могло быть речи. Наконец, предоставление права законодательной инициативы различным магистратам (не только стратегам) — тоже важный аргумент против идеи об унификации Атталидами городского строя подвластных полисов. Обнаруживающееся в конституции ряда городов сходство возникало естественным образом, вследствие общих традиций социально-политического развития⁷².

Влияние монархии Атталидов на городской строй полисов Малой Азии обнаруживается достаточно отчетливо в другом. В Илионе (IGR. III. 72), Магнесии-на-Меандре (Syll.³ 589), Лаодикее на реке Лик (JHS. 1897. XVII. P. 408) одна из городских фил носила имя Атталида (Ἀτταλίδης) в честь династии. Среди городских законодательных актов довольно многочисленную группу составляют постановления, принятые в честь царей, членов царской семьи или приближенных ко двору лиц. Аполлонида, мать Эвмена II, была отмечена почетными декретами Теоса и Гиерополя (OGIS. 308, 309), «друг» царя — городом Аттуда (MAMA. VI. 68), наконец, в честь Аттала II и Афenea были приняты декреты Милетом (OGIS. 320, 321), Эвмена II — Ионийской лигой (RC. 52), Аттала III — Элеей (IvP. 246).

⁷⁰ Полный свод материалов об эпонимных магистратах о греческих полисах см.: *Sherk R. K. The Eponymous Officials of Greek Cities. I–V* // ZPE. 1990. Bd. 83. S. 249–288; Bd. 84. S. 231–295; 1991. Bd. 88. S. 225–260; 1992. Bd. 93. S. 223–272; 1993. Bd. 96. S. 267–295.

⁷¹ *Jonnes L., Riel M. A. New Royal Inscription from Phrygia Paroreios: Eumenes II grants Tyriaion the Status of a Polis* // EA. 1997. Vol. 29. P. 1–29; *Schuler Chr. Kolonisten und einheimische in einer Attalidischen Polisgründung* // ZPE. 1999. Bd. 128. S. 124–132. Стк. 27–28. Подробнее о надписи и ее содержании см. ниже.

⁷² В федеративных государствах Балканской Греции наблюдается аналогичная ситуация: полисы, входившие в Ахейский и Этолийский союзы, также сохраняли своеобразие политических институтов. См.: *Сизов С. К. Ахейский союз. История древнегреческого федеративного государства (281–221 гг. до н. э.)*. М., 1989. С. 78–79; *он же. Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз*. Н. Новгород, 1990. С. 61.

В ряде случаев полисы вынуждены были принимать решения по прямому распоряжению монарха. Аттал I, признав празднества в честь Артемиды Левкофриены, писал Магнесии-на-Меандре: «города, повинующиеся мне, поступят подобным же образом, ибо я написал им, призывая к этому» (αἱ πόλεις δὲ αἱ πειθόμεναι ἐμοὶ ποιήσουσιν ὁμοίως ἔγραψα γὰρ αὐταῖς παρακαλῶν — RC. 34. Стк. 19–21). В 189 г. до н. э., когда Эвмен II обратился к греческим городам и союзам с предложением признать празднества в честь Афины Nikephory, неизвестный карийский полис (может быть, Иас) воздвиг царю в ответ статую и принял постановление в духе царского требования⁷³. Безусловно, было бы упрощением абсолютно отрицать некоторую, возможно, даже довольно значительную долю самостоятельности гражданских общин Пергамского государства,

36. Монета Темна (III в. до н. э.)

но при этом нельзя не признать их зависимость от монархической власти и некоторую формализацию городского строя.

В состав царства Атталидов входил ряд внутренних областей полуострова Малая Азия, где находились значительно эллинизированные местные общины — Тиаре, Амлада, Ипс, Синнада, Котиэй, Эзаны, Акмония и другие. В IV–II вв. до н. э. происходила интенсивная эллинизация этих городков, они приобрели греческие формы устройства — собрание, институт гражданства, совет, коллегии должностных лиц, филы, законы⁷⁴, но вместе с тем в ряде случаев могли сохранить какие-либо местные особенности. Положение этих общин, их строй и статус можно рассмотреть на примере города Амлада⁷⁵. Он находился в области Писидия (Strab. XII. 7, 2), которая вошла в состав царства Атталидов по условиям договора в Апамее (188 г. до н. э.). Сохранилось письмо Аттала, брата Эвмена II, жителям города (RC. 54). Приводим полный перевод текста этого документа.

⁷³ Welles Ch. B. RC. P. 199.

⁷⁴ Magie D. RRAM. Vol. 1. P. 133–136.

⁷⁵ О положении полисов Писидии, в том числе Амлады, в составе царства Атталидов см.: Kosmetatou E. Pisidia and the Hellenistic kings from 323 to 133 B. C. // Ancient Society. 1997. Vol. 28. P. 24–33.

- Аттал приветствует город и старцев Амлады.
Ваши послы Опрасат, сын...
Наланлой, сын Киллария, и Менней, прибывшие к нам и
переговорившие относительно того, что поручили им
вы, просили
- 5 отпустить ваших заложников, а от тех девяти тысяч
драхм на восстановление⁷⁶, которые вы задолжали в
Галатскую войну,
и от двух талантов, которые вносите ежегодно,
освободить вас, поскольку вы, во многом угнетаемые,
теперь
обеднели. Видя, что вы раскаиваетесь в совершенных ранее
- 10 нарушениях, а наши предписания
с готовностью выполняете, я принял попечение о вас и,
выражая расположение к Опрасату и городу, распорядился
вычесть из форося и уплаты
три тысячи драхм и освободить вас от других девяти тысяч
- 15 драхм, которые вы задолжали нам. Я освободил также
ваших заложников...

Из письма следует, что послов принимал брат царя Аттал, будущий царь Аттал II. Он же распорядился по поводу обращения жителей города. Данный факт объясняется скорее всего тем, что описываемое событие происходило около 160 г. до н. э., когда Эвмен II был уже серьезно болен и не всегда мог исполнять свои официальные обязанности. Так как Аттал назван в письме лишь по имени, следует заключить, что он еще не принял царского титула и не стал соправителем Эвмена II.

Имена граждан города имеют явно негреческий характер, что можно считать свидетельством их местного малоазийского происхождения. Особый интерес вызывает то обстоятельство, что Амлада являет собой пример городка, полностью находившегося в зависимом от царя положении: видимо, за участие в антипергамском выступлении, возможно в 168–167 гг. до н. э., монарх обложил жителей немалой контрибуцией и держал у себя заложников. Несмотря на эти особые обстоятельства, Эвмен II сохранил органы самоуправления, а город в обращении назван полисом.

⁷⁶ Выражение *ἐπισκευῆς ἔνεκε* (стк. 6–7) не совсем понятно. По предположению М. Олло, жители Амлады обязаны были восстановить царские сооружения в городе, разрушенные ими в ходе выступления против власти Атталидов. Возможно, была разрушена цитадель, которую занимал царский гарнизон (*Welles Ch. B. RC. P. 240*).

В Амладе имелся совет, который носил необычное в греческой политической терминологии название οἱ γερᾶτοί, то есть буквально «старцы». Ч. Б. Уэллз, А. Х. М. Джоунз и Э. Хансен считают, что этот институт имеет местное происхождение и унаследован городом от тех времен, когда он еще не испытывал значительного греческого влияния⁷⁷.

Институт οἱ γερᾶτοί засвидетельствован еще одной надписью, обнаруженной на месте городка Табы (современный Тавас, расположенный примерно в 15 км южнее города Денизли). Здесь этот орган играл, как и в Амладе, роль городского совета (ΜΑΜΑ. VI. 164). Данный факт характеризует стремление правящей династии не производить значительных изменений во внешних формах строя местных городских общин, сохранять их традиционные институты и не осуществлять эллинизацию силовыми методами. При этом ясно, что процесс эллинизации городских институтов развивался, о чем свидетельствует греческий характер основных институтов Амлады и других подобных городков.

Кроме того, следует принять во внимание, что многие старые восточные города, например Сарды, испытали значительное влияние греческих институтов и традиций. Вероятно, этнический состав их населения также изменился. Поэтому многие подобные города получили полисный статус, утратили своеобразие, и их уже невозможно отделить от собственно греческих полисов. Во всяком случае, фактического материала для изучения эволюции их городского строя недостаточно.

Процесс образования полисов на основе сельских поселений раскрывает найденная в 1997 г. в горном районе древней Фригии уникальная по своему содержанию надпись — письмо Эвмена II по поводу предоставления жителям общины Тириеев (Βασιλεὺς Εὐμένης Τυριαίων τοῖς κατοικοῦσι) статуса полиса⁷⁸. Царь дарит жителям общины и живущим в укреплениях «право организоваться в гражданскую общину и пользоваться собственными законами (εἰς ἑν πολίτευμα συνθᾶχθῆναι καὶ νόμοις τε χρῆσται ἰδίοις — стк. 26–28)». Если община не удовлетворена своими законами, Эвмен II предла-

⁷⁷ Kosmetatou E. Op. cit. P. 25–26; Welles Ch. B. RC. P. 239; Jones A. H. M. The Cities... P. 130–131; Hansen E. Op. cit. P. 182. Этот совет старцев οἱ γερᾶτοί, являвшийся политическим органом, следует отличать от возрастных объединений οἱ πρεσβύτεροι, οἱ γέροντες и других, которые распространились в городах Малой Азии уже в римское время (Magie D. RRAM. Vol. 2. P. 855–860; Свенцицкая И. С. Полис и империя: эволюция императорского культа и роль «возрастных союзов» в городах малоазиатских провинций I–II вв. // ВДИ. 1981. № 4. С. 33–51).

⁷⁸ См. сноску 71.

гает информировать его об этом, чтобы помочь «образовать совет и власти (βουλὴν καὶ ἀρχὰς καθιστάναι), жителей распределить и приписать по филам, построить гимнасий и обеспечить молодежь маслом» (стк. 30–34).

В царском письме обращает на себя внимание то, что образование нового полиса становилось результатом официального царского публично-правового акта. Непременными чертами гражданской общины указаны наличие совета и властей, распределение населения по филам, строительство гимнасия. Наконец, царь вполне допускает, чтобы новая институализированная гражданская община пользовалась своими прежними законами. Это весьма важное замечание означает, что центральная власть вовсе не стремилась унифицировать устройство не только старых городов, но даже молодых общин. Выше мы обращали внимание на ошибочность предположения ряда ученых относительно стремления Атталидов унифицировать городское устройство подвластных полисов.

Что касается этнического состава населения нового полиса, документ, к сожалению, не дает оснований для однозначного ответа. Можно предполагать, что полис образовался на основе поселения (или поселений), включая их укрепления на территории хоры, в котором проживало смешанное греческо-македонское и местное эллинизированное население. В этом отношении он напоминает упомянутые выше местные города, в частности Амладу. Косвенным доказательством местного этнического состава населения может служить разрешение царя гражданам жить по их собственным законам и необходимость оказать помощь в обустройстве города по греческому образцу.

Особое место в составе государства Атталидов занимали островные полисы — Эгина и Андрос. Остров Эгина не принадлежал к числу первоначальных владений Атталидов. Пергамский царь Аттал I присоединил его к своей территории в годы Первой Македонской войны (Polyb. XXII. 8, 10). Эгинский полис имел гражданскую общину, совет, целый ряд выборных должностных лиц — секретаря, стратегов, казначея (OGIS. 329. Стк. 45, 47, 48), сохранил институт гражданства, некоторые распространенные в греческом мире формы выражения почестей, например предоставление пожизненного права обедать в притании (OGIS. 339. Стк. 44–45). Вместе с тем на острове находились царские эпистаты, контролировавшие жизнь гражданского коллектива. Правители Пергама значительно ограничили полномочия народного собрания. Цари установили для полиса распоряжения и законы, которыми надле-

жало руководствоваться в жизни. Постановления народных собраний отправлялись монарху, который утверждал их (OGIS. 329. Стк. 13–14, 51–53)⁷⁹.

Второй островной полис — Андрос — также сохранил собрание, совет, магистратуры. Э. Хансен высказала предположение, что Андрос, как и Пергам, находился под властью стратегов⁸⁰. Скорее можно думать, что в этом полисе были произведены те же изменения, которые наблюдаются в положении Эгины, то есть гражданский коллектив был поставлен под контроль эпистата — царского должностного лица.

В целом богатый и разнообразный материал источников дает достаточные основания для выводов о развитии городского строя полисов Малой Азии, Херсонеса, островов Эгина и Андрос. На протяжении полутора веков существования монархии Атталидов Пергам и другие города царства сохранили все основные черты и институты полисного строя — относительно замкнутый в социально-политическом и этническом отношении гражданский коллектив, свою систему законов, финансов, определенное единство экономической, социально-политической, культурной и религиозной жизни, типичную для греческого мира особую форму самоуправления гражданской общины, составляемую собранием, советом и разветвленным аппаратом исполнительной власти, наконец, право самостоятельной внешней политики, установления связей с другими полисами. Формально этот строй не претерпел значительных изменений, во всяком случае внешне они мало заметны. Вместе с тем изменения происходили. Более отчетливо проявились они в столице государства и выразились в том, что высший и главный орган полиса — народное собрание было ограничено в важнейших правах и полномочиях. Это заметно в основных сферах его деятельности — законодательной, в деле формирования аппарата исполнительной власти, дарования некоторых льгот и т. д. Царями была введена практика назначения главных должностных лиц — стратегов, в руках которых сконцентрировалась весьма значительная власть. Некоторые другие должностные лица (казначей, жрецы ряда культов) также назначались царями. В отдельных случаях Атталиды детально регламентировали деятельность магистратов (например астиномов). Результатом изменений, произведенных династией, стало уменьшение самостоятельной роли гражданской общины. Роль Пергама как одного из крупнейших городов страны, царской резиденции, столицы,

⁷⁹ Jones A. H. M. *The Greek City...* P. 104; Hansen E. *Op. cit.* P. 167.

⁸⁰ Hansen E. *Ibidem*.

военной крепости была исключительно велика. В силу указанных особенностей полиса монархическая власть и оказала на городские институты столь значительное воздействие.

Влияние монархии на полисный строй других городов царства было менее заметным, но при этом достаточно сильным. Роль гражданского коллектива, составляющего основу народного собрания, снизилась. Большое влияние в городских делах приобрели отдельные магистраты, выдвинувшиеся из среды наиболее состоятельных, промонархически настроенных граждан. Этот социальный слой служил опорой власти династии в полисах.

Царская власть, стремившаяся контролировать города, вместе с тем проводила в отношении полисов гибкую политику и предоставляла им возможность сохранить местные особенности городского строя. Столкновение монархического и полисного начал в исторической судьбе Пергама и других городов царства и конечное подчинение их власти Атталидов происходило менее болезненно и в конечном счете значительно легче, чем, например, в Балканской Греции. Причина заключается в том, что подчиненное или, по крайней мере, зависимое положение было постоянным фактором их существования: города были зависимы при персах, Гонгилидах, Демаратидах и других персидских ставленниках, в державе Лисимаха. В силу этого традиции полисной самостоятельности не были сильны, что и облегчило Атталидам установление достаточно сильной власти и эффективного контроля над жизнью городов.

3.4. Управление городами в царстве Атталидов

Расширение территории Пергамского царства привело к тому, что многие греческие полисы и местные города оказались в составе державы Атталидов. В связи с этим перед правившей династией встала задача эффективного управления городами.

Управление подвластными династии городами центральная власть осуществляла несколькими путями. Первый путь — непосредственно через традиционно формируемый в полисах из числа граждан аппарат выборных должностных лиц, в деятельность которого цари осуществляли вмешательство. Вводилась практика назначения высших должностных лиц — стратегов в столице, ограничивались полномочия и права народных собраний и других органов управления

в городах, что вело в результате к известной формализации, постепенному внутреннему перерождению полисного строя. (Об этом рассказано в предыдущем разделе.)

Второй путь включал методы неприкрытого давления царской власти на полисы — назначение в города специальных должностных лиц царя, размещение гарнизонов, направление гражданским общинам распоряжений или писем монарха. Назначение царских ставленников в города Балканской Греции, Малой Азии, Сирии, Египта, на островные полисы Средиземного моря стало в эпоху эллинизма распространенным явлением⁸¹. Александр Македонский в ходе завоевания подвластных персам стран нередко оставлял в городах военные гарнизоны и своих доверенных лиц во главе их⁸². Сохранились сведения о гарнизонах Александра в городах Фивы (Арг. Anab. I. 9, 9; Diod. XVII. 3, 4, 8², 3; 8², 7; 12, 5), Лампсак (Арг. Anab. I. 12, 7), Сарды (Арг. Anab. I. 17, 7), Магнесия и Траллы (Арг. Anab. I. 18, 1), Галикарнас и другие города Карии (Арг. Anab. I. 23, 6), Сиде (Арг. Anab. I. 26, 5), Софы (Арг. Anab. II. 5, 5). В ходе борьбы диадохов эта практика получила значительное распространение: Эвмен, Лисимах, Кассандр и другие видные деятели этого бурного времени часто старались закрепить свою власть над городами именно путем размещения гарнизонов и назначения своих чиновников. К числу царских ставленников в полисах принадлежал и основатель правившего в Пергаме царского дома.

После образования самостоятельного Пергамского царства постепенный территориальный рост государства, включение в его состав значительного числа городов диктовало центральной власти

⁸¹ Анализ положения царских должностных лиц в полисах дан в работах: Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 52–54, 135–137; Heuss A. Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren staats- und volkerrechtlichen Beziehungen // Klio. Bh. 39. Leipzig, 1937. S. 26–32, 61. Not. 1; S. 55, 75. Not. 1; S. 83 etc.; Jones A. H. M. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940. P. 103–107; Bengtson H. Die Strategie...; Mooren L. The Aulic Titulature in Ptolemaic Egypt. Brüssels, 1975; Bagnall R. The Administration of the Ptolemaic Possessions outside Egypt. Leiden, 1976; Hammond N. G. L. The Macedonian State... P. 393–394.

⁸² О политике Александра по отношению к греческим полисам см.: Ранович А. Б. Александр Македонский и греческие города Малой Азии // ВДИ. 1947. № 4. С. 57–63; Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 161–188; Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М., 1980; Маринович Л. П. Александр Македонский и полисы Малой Азии (к постановке проблемы) // ВДИ. 1980. № 2. С. 29–51; Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский (к проблеме кризиса полиса). М., 1993; Ehrenberg V. Alexander and the Liberated Greek Cities // Ehrenberg V. Alexander and the Greeks. Oxford, 1939. P. 1–51; Tarn W. Alexander the Great. Vol. 2. Cambridge, 1948. P. 199–232.

необходимость выбора таких форм и методов управления, которые позволили бы установить над полисами достаточно эффективный контроль. К сожалению, в нашем распоряжении лишь краткая и разрозненная информация о царских должностных лицах и гарнизонах в городах.

В столице царства Атталидов известно должностное лицо, которое носило титул $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \pi\acute{o}\lambda\epsilon\omega\varsigma$ (далее мы именуем его градоначальником). Упоминается оно в документах Пергама всего один раз в знаменитом «царском законе об астиномах», датируемом первой половиной II в. до н. э.: «Если же они (т. е. астиномы. — *О. К.*) не выполняют предписанного, то они должны быть оштрафованы за каждое нарушение стратегами и градоначальником на 50 драхм»⁸³. Стратеги, упоминаемые в этом фрагменте текста, — это городские должностные лица из числа граждан. Что касается $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \pi\acute{o}\lambda\epsilon\omega\varsigma$, то из титула, составленного по образцу царской придворной титулатуры эллинистической эпохи, ясно, что это не общинное должностное лицо, а царский ставленник⁸⁴. В эллинистическую эпоху это должностное лицо назначалось царем, о чем имеется ряд свидетельств. Ладам, ставленник Птолемея на острове Фера, назван $\tau\epsilon\tau\alpha\gamma\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma \upsilon\pi\acute{o} \tau\omega\nu \beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega\nu$ (OGIS. 735. Стк. 5), Арибаз — военачальник полководства Селевкидов Ахея — $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \pi\acute{o}\lambda\epsilon\omega\varsigma \tau\epsilon\tau\alpha\gamma\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ (Polyb. VII. 17, 9). Довольно многочисленную группу градоначальников в государстве Птолемея составляли должностные лица, обладавшие придворными титулами. Ясно, что эти носители титулов «телохранитель», «старший телохранитель», «первый друг царя» и другие являлись не представителями местных общин, а царскими ставленниками⁸⁵. По пергамскому «закону об астиномах» градоначальник, как и стратеги, имел право контроля за деятельностью астиномов (возможно и других городских лиц), был облечен полномочиями штрафовать членов этой коллегии. Обладание этими правами и упоминание градоначальника рядом с высшими должностными лицами полиса — стратегами свидетельствует о его весьма высоком служебном уровне.

⁸³ AM. 1902. Bd. XXVII. S. 49. № 71. Col. II. Стк. 33–36; OGIS. 483. Стк. 55–58. Это должностное лицо известно в Александрии Египетской (Polyb. V. 39, 3), в других эллинистических городах (OGIS. 113, 134, 735; Polyb. VII. 17, 9 и т. д.). См.: Heuss A. Op. cit. S. 26–29; Bagnall R. The Administration... P. 35, 50, 59, 63–65, 131, 221–224.

⁸⁴ Fränkel M. IvP. S. 110; Kolbe W. AM. 1902. Bd. XXVII. S. 64; Heuss A. Stadt... S. 61–62. Not. 1; Bengtson H. Die Strategie... Bd. 2. S. 240; Klaffenbach G. Die Astynomeninschrift... S. 24; Oliver J. H. The Date of the Pergamene Astynomic Law // Hesperia. 1955. Vol. XXIV. P. 90; Hansen E. Op. cit. P. 200.

⁸⁵ Mooren L. The Aulic Titulature... P. 198 (N 0360), 199 (N 0361–0264), 200 (N 0365), др.

Вместе с тем неясен ряд вопросов, связанных с характеристикой деятельности этого представителя царской администрации. Прежде всего, обладал он только гражданской или еще и военной властью? Какими были вообще полномочия градоначальника и роль в политической жизни страны? А. Хойсс выразил недоумение по поводу того, почему всего лишь в одном случае должностное лицо, пренебрегающее своими обязанностями, штрафуется градоначальником (ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως), в других ситуациях это делается кем-либо из городских магистратов⁸⁶. На этот вопрос ответ может быть дан вполне определенно: «царский закон об астиномах» регламентирует деятельность именно городских должностных лиц и некоторые другие вопросы внутрисполитической жизни, решаемые, как правило, без участия представителей царской администрации. Поэтому для характеристики функций и полномочий градоначальника вопрос следует поставить иначе: почему именно в этом месте документа (стр. 55–59) упоминается градоначальник, чем описываемая ситуация отличается от всех предшествующих и последующих? Градоначальник вмешивается в деятельность органов самоуправления в том случае, когда астиномы — важные должностные лица полиса — не выполняют предписанные им обязанности. Эта ситуация, видимо, расценивалась как особо важная, чем и было вызвано вмешательство представителей царской администрации. В случае, когда пренебрежение делами общины выказывали низшие магистраты — амфодархи, штраф налагали сами астиномы. Из этого можно заключить, что градоначальник предоставлял право решения основной массы вопросов городской жизни полисным органам и вмешивался лишь в нетипичных и важных случаях.

Объем и характер власти градоначальника не совсем ясен. А. Хойсс высказал мнение о наличии у градоначальника военной власти и видел в нем прежде всего городского коменданта⁸⁷. Близкое по смыслу мнение выразил А. Х. М. Джоунз, который отметил наличие ряда титулов у командиров царских гарнизонов, к числу которых относился и титул ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως. При этом ученый подчеркнул, что военный комендант, являясь в полисе представителем центральной власти, постепенно приобретал и некоторые гражданские полномочия и функции⁸⁸. Г. Бенгтсон и Э. Хансен видели в градоначальнике Пергама царского ставленника, облеченного гражданской властью, основной функцией которого был контроль над жизнью общины сто-

⁸⁶ Heuss A. Stadt... S. 61–62. Not. 1.

⁸⁷ Ibidem. S. 26–27, 29.

⁸⁸ Jones A. H. M. The Greek City... P. 105.

лицы, над деятельностью ее органов самоуправления⁸⁹. Р. Бэгнол на основе документов государства Птолемеев рассматривал градоначальника как военного коменданта, обладавшего, кроме того, контрольной и административной властью в подвластном ему полисе⁹⁰.

В данной связи следует обратиться к одному незаслуженно забытому исследователями свидетельству римского историка Тита Ливия. Рассказывая о покушении на жизнь Эвмена II в Дельфах в 172 г. до н. э., Ливий отмечает, что слухи о смерти пергамского царя достигли столицы государства Атталидов, и тогда брат Эвмена Аттал «переговорил с женой брата (с царицей Стратоникой. — *О. К.*) и с начальником кремля как несомненный наследник царства» *cum uxore fratris et praefecto arci tamquam iam haut dubius regni heres est locutus* (Liv. XLII. 16, 8). Ясно, что речь идет о кремле столицы царства, а начальник крепости являлся чрезвычайно важным должностным лицом, которое находилось в прямом подчинении монарху. Очевидно, право отдавать распоряжения начальнику кремля принадлежало только царю. Само по себе это единичное упоминание о коменданте пергамского кремля у Ливия, сделанное, причем, случайно, мимоходом, возможно и не заслуживало бы значительного внимания, если бы археологические данные не убеждали нас в мысли, что речь идет о совершенно реальной, конкретной политической фигуре. В результате многолетних археологических исследований Пергама стало известно, что город обладал великолепной системой укреплений. Холм Пергама был прекрасно приспособлен самой природой для строительства оборонительных сооружений. Он возвышался над плодородной равниной реки Каик почти на 300 метров, имел достаточно большую площадь. Северный и восточный склоны его были обрывистыми, в то время как противоположные южная и юго-западная стороны имели пологий, длинный спуск. Крепость существовала здесь уже в доэллинистический период; открыты остатки стен, ворота, охранявшиеся башней, и некоторые другие элементы фортификационной системы. В ряде письменных источников Пергам конца IV — начала III в. до н. э. изображается прежде всего именно как крепость; не случайно Лисимах избрал это место для хранения части своих сокровищ. В доэллинистический период вершина холма была заселена жителями города, о чем имеются два свидетельства. Первое — «Хроника Пергама». В ней говорится о том, что сатрап Оронт переселил опять жителей на холм, на старое место города (OGIS. 264. Стк. 7–8). Второе сви-

⁸⁹ Bengtson G. Die Strategie... Bd. 2. S. 241–242; Hansen E. Op. cit. P. 193, 200.

⁹⁰ Bagnall R. The Administration... P. 131, 221–224 f.

детельство содержится в произведении Страбона, писавшего, что во время царствования Лисимаха «население города жило на самой вершине горы» (XIII. 4, 1). При Атталидах ситуация решительно изменилась: холм превратился в мощную крепость и резиденцию царей, а собственно жилые кварталы были вытеснены на нижнюю часть склона и к подножью горы.

При Эвмене II город, территория которого к тому времени значительно увеличилась, был окружен крепостной стеной, сложенной из каменных блоков различных размеров без какого-либо скрепляющего раствора. Толщина стены составляла примерно 2–3 метра, высота, очевидно, примерно 10 метров. Главный вход в город открывали южные ворота, являвшиеся сами по себе достаточно примечательным фортификационным сооружением. Центральную часть его составлял двор прямоугольной формы, размером 21 на 23 метра. Во двор можно было попасть через основные ворота шириной 4 метра и сравнительно узкий проход, ширина которого составляла 2,6 метра. На территорию города путь открывали лишь одни ворота. К этому центральному двору, высота стен которого составляла 4 метра, примыкали 3 башни, выполнявшие важную функцию защиты главных ворот города. Наиболее значительная из них имела высоту 13 метров. В целом город обладал мощной внешней линией укреплений, которая обеспечивала защиту населения от внезапного нападения, штурма и осады.

Кроме внешней линии укреплений, возведенной при Эвмене II, на вершине холма по-прежнему сохранялась крепость, которая была основана еще в доэллинистический период, но позже значительно расширена Атталидами. Вершина холма была заключена в кольцо крепостной стены. Главный вход в цитадель находился в юго-восточной части стены и представлял собой ворота шириной около 2,5 метров. С правой стороны от входа в крепость находилась мощная башня. К ней были пристроены комнаты, которые использовались стражей ворот как караульные помещения. Юго-восточную часть пергамского кремля занимал комплекс зданий, являвшихся, как считают исследователи, местом хранения метательных машин, ядер к ним и другого оружия. В расположенных севернее помещениях размещались военные отряды. Северную часть акрополя занимали арсеналы и склады. Они были расположены на довольно обширном плато (длина его около 150 метров), окруженном стеной, и представляли собой пять зданий длиной от 30 до 50 метров и шириной от 4 до 6 метров. В этих помещениях хранились запасы продовольствия, которых по подсчетам исследователей хватило бы на то, чтобы прокормить тысячу воинов в течение года. Здесь же держали метатель-

ные машины и индивидуальное вооружение воинов. При раскопках было обнаружено 900 каменных ядер для метательных машин, весом до 72 килограммов.

Мощная система укреплений делала город практически неприступным. Действительно, за полтора столетия владычества Атталидов угроза городу возникала неоднократно со стороны могущественных и воинственных соседей Пергама — царей Филиппа V, Антиоха III, Пруссия I и II, но взять город штурмом или осадой не удалось никому⁹¹. Из ряда письменных свидетельств известно, что в Пергаме находился военный гарнизон. Декрет 133 г. до н. э. упоминает воинов, «живущих в городе» (OGIS. 338. Стк. 11–13), — это царские наемники. Таким образом, мы вправе полагать, что Тит Ливий, упоминая «начальника кремля», имел в виду реальное должностное лицо — коменданта крепости и командира гарнизона. Возникает вопрос: какой греческий титул скрывается за латинским *praefectus arci*? Возможно, Ливий имел в виду достаточно распространенное в эпоху эллинизма должностное лицо ἀκροφύλαξ. Положение его известно, например, по материалам государства Селевкидов: комендант, возглавляя царский гарнизон, размещенный в крепости, удерживал под властью какой-либо важный город или район⁹². Полномочия коменданта носили военный характер и не распространялись, как правило, на область гражданских дел. В таком случае следует признать, что в столице государства Атталидов власть над городом Пергамом была поделена между двумя должностными лицами: военным гарнизоном командовал начальник кремля ἀκροφύλαξ, а контроль над жизнью гражданской общины и некоторые административные функции выполнял ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως.

Возможен и другой вариант поиска исходного греческого титула. Тит Ливий словом «префект» (*praefectus*) обозначает нередко лиц, которые имели совершенно разные греческие титулы. Например, Агесимброт, командир родосского флота (Полибий называет его навархом — XVIII. 2, 3 Liv. XXXII. 32, 11), полководцы Филиппа V Динократ (XXXIII. 18, 6), Гераклид (XXXI. 46, 8), Филокл (XXXI. 26, 1), стратеги Персея Андрокл (XLIV. 32, 7) и Эвмена II Корраг (XLII. 67, 4). Наконец, префектами названы командиры македонского гарнизона в Абидосе Филота (*praefectus praesidii* — XXXVII. 12, 1),

⁹¹ Hansen E. Op. cit. P. 235, 243–246; Dörpfeld W. Das südliche Stadthor von Pergamon // ABA. 1901. Abh. 1. S. 6–10; Wiegand Th. Bericht über die Ausgrabungen in Pergamon. 1927 // ABA. 1928. S. 1–22.

⁹² Бикерман Э. Государство... С. 52–53.

ставленник Птолемея в городе Эны Каллимед (XXXI. 16, 4) и командир отряда наемников в Афинах Диоксипп (XXXI. 24, 6). Приведенные факты показывают, что данный термин используется Ливием в достаточно широком смысловом диапазоне и не является переводом на латинский язык какого-то одного строго определенного греческого титула. Заметим, что префектом назван и Каллимед, являвшийся представителем птолемеявской провинциальной администрации в городе Энос на фракийском побережье Эгейского моря (XXXI. 16, 4). В документах государства Птолемея такие градоправители с конца III в. до н. э. носили титул *ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως*⁹³. Многие известные по источникам должностные лица *ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως* являлись командирами размещенных в полисах гарнизонов и обладали, кроме того, некоторыми административно-контрольными функциями⁹⁴. Все сказанное выше дает основания предположить, что *praefectus arci*, упоминаемый Титом Ливием (XLII. 16, 8) и известный по «царскому закону об астиномах» *ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως* (OGIS. 483), — это одно и то же должностное лицо. Допуская это, мы приходим в итоге к выводу, что *ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως* в столице государства Атталидов — назначаемое царем должностное лицо, комендант пергамского кремля и командир размещенного в городе гарнизона. Кроме этих военных функций он обладал правом контроля над жизнью гражданской общины и мог в случае необходимости вмешиваться в деятельность органов полисного управления. Введение института градоначальников в Пергаме так или иначе было связано со становлением в государстве царской власти, расширением границ, усложнением внешнеполитических и внутренних задач, которые встали перед центральной властью, и может быть датировано примерно временем правления Аттала I или Эвмена II — второй половиной III в. до н. э. или началом II в. до н. э. Подтвердить это предположение можно только косвенными свидетельствами. Во-первых, именно при Аттале I и Эвмене II произошли существенные изменения в развитии государства, оно стало царством, приобрело более значительные размеры и внешнеполитическое влияние. Во-вторых, должность градоначальника получила относительно позднее распространение. В документах государства Птолемея она появилась в конце III в. до н. э., а во II в. до н. э. распространилась

⁹³ *Mooren L.* The Aulic Titulature... P. 198–199 (№ 0360–0364); *Bagnall R.* The Administration... P. 35, 50, 59, 63–65, 83.

⁹⁴ *Polyb.* VII. 17, 9; *Heuss A.* Op. cit. S. 26–29; *Bagnall R.* The Administration... P. 35, 49, 50, 59, 63–65, 83, 131, 221–223, 225.

довольно широко⁹⁵. В-третьих, документы Пергама времени правления Эвмена I не содержат упоминаний о назначаемых правителем должностных лицах из своего административного аппарата. При Аттале I, видимо, в столице уже появляются царские должностные лица (IvP. 40).

Р. Аллен датирует введение в Пергаме должности градоначальника временем правления Эвмена II, точнее, периодом после 188 г. до н. э.⁹⁶ Но убедительных доказательств столь конкретной датировке, строго говоря, нет.

Еще одним представителем царской администрации в столице являлся «заведующий священными доходами» ὁ ἐπὶ τῶν ἱερῶν προσόδων, упоминаемый, как и градоначальник, всего лишь один раз в «царском законе об астиномах»: «Астиномы должны иметь попечение об источниках, находящихся в городе и в предместьях, чтобы они содержались в чистоте и чтобы подземные каналы, входящие в них и выводящие из них воду, были достаточно широки. Если каналы требуют ремонта, астиномы должны доложить об этом стратегам и заведующему священными доходами; последние должны сдать производство работ с подряда» (OGIS. 483. Стк. 159–166). По характеру титула «заведующего священными доходами» также следует считать царским чиновником, а не полисным должностным лицом⁹⁷. Интересно, что в других эллинистических государствах не было царских чиновников с таким именно титулом; представители финансовой администрации высокого ранга обозначались в документах царств Селевкидов и Птолемеев как ὁ ἐπὶ τῶν προσόδων, что есть «заведующий доходами», причем в Египте это звание (и, очевидно, должность) могли иметь эпистаты номов, стратеги, старшие телохранители, «друзья» царя и другие обладатели придворных рангов и чинов. В малоазийских владениях Селевкидов имелось должностное лицо ὁ ἐπὶ τῶν ἱερῶν, контролировавшее храмы и ведавшее финансовыми вопросами, связанными с деятельностью

⁹⁵ Mooren L. The Aulic Titulature... P. 198 (№ 0360), 199 (№ 0361–0364), 200 (№ 0365); Bagnall R. The Administration... P. 220–224. В. Диттенбергер тоже полагал, что введение должности градоправителя относится ко времени после правления Эвмена I (OGIS. Vol. 2. P. 96. Not. 27). Предположение ученого относительно того, что с введением должности градоправителя право избрания коллегии стратегов было возвращено гражданскому коллективу столицы, не представляется убедительным.

⁹⁶ Allen R. Op. cit. P. 172–173.

⁹⁷ Kolbe W. AM. 1902. Bd. XXVII. S. 73; Dittenberger W. OGIS. Vol. 2. P. 102. Not. 63; Hansen E. Op. cit. P. 196; Rostovtzeff M. Pergamum. P. 602; Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. Leipzig, 1958. Tl. 2. S. 257.

святилищ⁹⁸. В «царском законе об астиномах» подавляющее большинство дел, связанных с финансами, выполняют полисные должностные лица — казначеи, стратеги, астиномы. «Заведующий священными доходами» включается в систему отношений между магистратами лишь в том случае, когда возникает необходимость ремонта некоторых элементов системы водоснабжения. О каких-либо нарушениях ее обязаны докладывать астиномы, а задачей «заведующего священными доходами» является организация ремонтных работ.

Как известно, созданием системы водоснабжения столицы занимались уже первые Атталиды, при которых были сооружены колодцы и некоторые другие ее элементы. Но наиболее значительные работы проведены в Пергаме при Эвмене II, когда в городе соорудили водопровод, мало чем уступавший знаменитым римским постройкам аналогичного назначения⁹⁹. Видимо, этой системе придавалось большое значение, и попечение о ней было возложено не только на полисных выборных должностных лиц, но и на представителя царской администрации, связанного с финансовой деятельностью. Можно полагать, что надзор за состоянием системы водоснабжения был лишь одной из функций данного должностного лица. В ряде документов Пергама четко разграничены средства полисные и «священные» (ἱεροί), то есть доходы храмов. «Заведующий священными доходами», видимо, контролировал финансы храмов, их доходы и расходы, в случае необходимости принимал необходимые меры. Э. Хансен считает главным содержанием деятельности «заведующего священными доходами» именно контроль, административные функции определяет как второстепенные¹⁰⁰. По мнению Дж. Кардинали, данная должность была введена после правления Эвмена I, ибо при нем доходы полиса и храмов контролировали и взыскивали стратеги. Стремление монархической власти к усилению влияния в делах полиса и прежде всего в финансовых делах имело следствием введение специального должностного лица — «заведующего священными доходами»¹⁰¹.

Итак, в столице державы Атталидов имелось несколько должностных лиц, являвшихся промежуточным звеном между центральной

⁹⁸ Бикерман Э. Государство... С. 120–121; Mooren L. The Aulic Titulature... P. 126 (№ 0138), 129 (№ 0142), 130 (№ 0143), 144 (№ 0188), 145 (№ 0189) f.; Ma J. Antiochos III... P. 145–147.

⁹⁹ Gräber F. Die Wasserleitungen von Pergamon // ABA. 1887. Abh. 7; Hansen E. Op. cit. P. 246–247, 250.

¹⁰⁰ Hansen E. Op. cit. P. 196; см. также Kolbe W. AM. 1902. Bd. XXVII. S. 73–74.

¹⁰¹ Cardinali G. L'amministrazione finanziaria del comune di Pergamo // MAB. X. 1915–1916. P. 192–193.

властью и гражданской общиной. Основной их задачей был контроль над жизнью столицы, над работой традиционных полисных органов. Обладая, кроме того, некоторыми административными функциями, царские ставленники при этом не дублировали деятельность городского совета или магистратов.

Известно о наличии царских должностных лиц на острове Эгина. Остров, приобретенный Атталом I в 210 г. до н. э. и занимавший выгодное стратегическое положение, являлся в годы Первой и Второй Македонских войн важной военно-морской базой римской и пергамской армий. На основании свидетельств источников ясно, что на острове во время войны находился не только флот, но и сухопутные силы пергамского царя¹⁰².

Сведения относительно размещения Атталидами на острове Эгина своего флота и сухопутных сил относятся только ко времени войн с Македонией конца III — начала II в. до н. э., но следует полагать, что на острове Эгина гарнизон пергамских царей располагался и в мирное время. Остров был отделен от основной территории царства водами Эгейского моря, находился у самых берегов Балканского полуострова, северная часть которого принадлежала враждебной Пергаму Македонии, и поэтому нуждался в защите.

Известны два ставленника Атталидов на Эгине. Первый — гражданин Эфеса Гикесий, сын Метродора, упоминаемый в почетном декрете в связи с его благодеяниями гражданам Мегар (Syll.³ 642). Гикесий был назначен на Эгину царем Эвменом II (стк. 3–4). К сожалению, сохранились немногие строки декрета и ничего не известно о деятельности Гикесия — даже его официальный статус. После Гикесия на Эгину был назначен Клеон, сын Стратага, гражданин Пергама, в честь которого было принято большое постановление (OGIS. 329). Оба царских ставленника не являлись местными уроженцами, а принадлежали к гражданским общинам других полисов, то есть с точки зрения греческого государственного права Гикесий и Клеон, строго говоря, не имели на Эгине политических и некоторых иных прав, связанных с институтом гражданства. В декрете зафиксирована важная деталь биографии Клеона: он являлся телохранителем (ὁ σωματοφύλαξ) царя Аттала II Филадельфа (стк. 5–6). Назначение Клеона на Эгину стало, таким образом, закономерным

¹⁰² См.: Liv. XXXI. 25, 1 и надписи с острова Эгина (Еф. 'Αρχ. 1913. № 3. Р. 90), упоминающие полководцев Аттала I Каллимаха и Сатирина (Bengtson H. Die Strategie... Bd. 2. S. 412. № 11, 14). К сожалению, по данным документам невозможно определить титул этих лиц, хотя ясен военный характер их деятельности (см.: Allen R. Attalos I and Aigina // ABSA. 1971. Vol. 66. P. 2, 12).

продолжением его придворной карьеры. На острове в качестве царского ставленника он провел 16 лет. В. Диттенбергер выразил недоумение по поводу того, как Клеон мог выполнять обязанности телохранителя Аттала II, находясь 16 лет на Эгине. Нам представляется, что эта ситуация вполне объяснима. Клеон мог быть телохранителем Аттала до прихода его к власти, то есть еще при жизни Эвмена II. В декрете же, составленном в годы царствования Аттала II, прежняя близость Клеона к царю отмечена совершенно естественно как важный и примечательный факт его биографии. Кроме того, являясь царским ставленником, он мог сохранять за собой почетный придворный титул телохранителя. В птолемеевском Египте, например, некий Аммоний являлся старшим телохранителем и правителем полиса, Эней — телохранителем и эпистатом, Эвксимброт — старшим телохранителем и правителем города Ларета на Кипре¹⁰³.

Клеон носил официальный титул «эпистат». Ставленнику Атталидов принадлежали судебные функции в полисе (стк. 1–14), что позволяло оказывать значительное влияние на жизнь гражданской общины¹⁰⁴. Декретом Клеону и его родственникам предоставлены гражданские права в полисе и предложено приписаться к той филе и дему, к каким эпистат пожелает (стк. 43–44). Это решение имело значение в том, что Клеон как гражданин получал формальное право активно вмешиваться в жизнь гражданского коллектива. До принятия данного постановления деятельность Клеона с точки зрения полисной конституции формально не имела легального основания и осуществлялась лишь по праву силы¹⁰⁵. Обладал ли Клеон военной властью и можно ли считать его командиром размещенного на острове гарнизона? В декрете гражданской общины острова Эгина об этом не сообщается ничего. Материалы государства Селевкидов позволяют считать эпистатов носителями лишь гражданской власти¹⁰⁶. В таком случае следует предположить наличие на острове еще одного царского должностного лица, под командованием которого находились военные силы.

¹⁰³ Dittenberger W. OGIS. Vol. 1. P. 505. Not. 4; Mooren L. The Aulic Titulature... P. 123 (№ 0130, 0131), 129 (№ 0140, 0142), 130 (№ 0145), 198 (№ 0360), 199 (№ 0361–0363) f.

¹⁰⁴ Тапи В. Эллинистическая цивилизация... С. 99; Jones A. H. M. The Greek City... P. 107; Rostovtzeff M. SEHFW. Vol. 2. P. 644. Некоторые эпистаты, известные по документам государства Птолемеев, тоже занимались решением судебных вопросов (OGIS. 44; Bagnall R. The Administration... P. 124, 224).

¹⁰⁵ Heuss A. Op. cit. S. 35–36.

¹⁰⁶ Бикерман Э. Государство... С. 53.

Сведений относительно гарнизонов Атталидов в полисах царства немного. Выше отмечено, что военные отряды пергамских царей размещались в столице, причем для них были сооружены специальные казармы и арсеналы. Гарнизон находился также на острове Эгина. Из сообщений Полибия и Тита Ливия ясно, что в 200 г. до н. э. перед самым началом Второй Македонской войны пергамский отряд находился в городе Абидосе (Polyb. XVI. 30, 7; Liv. XXXI. 17, 3). Также во время войны с Вифинией в Элею вступил с войском «товарищ детства царя» Эвмена II — Сосандр. Возможно, гарнизон был размещен Эвменом II во время войны с галатами в Амладе (RC. 54). В городе Эги цитадель, открытая при археологических раскопках, была построена при Атталидах и напоминает крепость Пергама. Видимо, она служила местом размещения царского гарнизона¹⁰⁷. Известно также, что крепостные укрепления имели такие города царства, как Сест (Strab. XIII. 1, 22), Корик (Strab. XIV. 4, 1), Сарды (Polyb. XXI. 16, 1), но находились ли там при пергамских царях военные отряды, источники не сообщают. Значительная часть упоминаний о гарнизонах связана с военным временем.

Поэтому следует решить вопрос о том, находились ли отряды армии Атталидов в полисах в периоды, когда не существовало непосредственной военной опасности. Клятва наемников в договоре Эвмена I с воинами содержит следующую фразу: «И если что получу от Эвмена — город, или крепость, или корабль, или ценности, или другое, что мне будет поручено, — все это сохранию и возвращу...» (OGIS. 266. Стк. 37–38). Вместе с тем, видимо, основная масса подчиненных Атталидам городов была свободна от царских военных отрядов. В письме царя городу Темну или Теосу (в надписи сохранилась только первая буква имени города) содержится распоряжение εἶναι δὲ αὐτοὺς ἀφροῦρήτους ὡς καὶ πρότερον ἦσαν «быть им (гражданам. — О. К.) свободным от гарнизона, как были прежде» (Sardis. VII. 1, 2. Стк. 19–20). Следует полагать, что в Пергамском царстве небольшие городки типа Аполлонии-на-Риндаке или полисов Херсонеса могли не иметь и специальных царских ставленников — градоначальников или эпистатов, а подчинялись в наиболее важных вопросах стратегу «провинции», наделенному широкой гражданской и военной властью и имевшему в своем распоряжении военные силы.

О взаимоотношениях стратегов провинций с находящимися на подвластной им территории городами рассказывают некоторые документы. Один из них — постановление в честь Коррага (SEG. II.

¹⁰⁷ Hansen E. Op. cit. P. 286.

663). Плита с текстом декрета в честь Коррага была найдена на месте вифинского города Прусы, но, по мнению издателей и исследователей, постановление было принято в каком-то соседнем полисе, входившем в состав Пергамского царства (возможно, в Аполлонии-на-Риндаке). Все исследователи относят надпись к первой половине II в. до н. э., но вопрос о более точной датировке является спорным. Определенно можно утверждать лишь, что постановление было составлено после Апамейского мира 188 г. до н. э., когда побережье Геллеспонта вошло в состав Пергамского государства¹⁰⁸. Декрет принят от имени гражданской общины какого-то города, упоминается совет как участвующий в принятии законов орган управления, имеются законы и вообще традиционный полисный уклад, который обозначен в надписи как *πᾶτριος πολετεία* (стк. 10). Корраг, в честь которого составлен документ, известен еще по двум сообщениям Тита Ливия (XXXVIII. 13, 3; XLII. 67, 4) как один из полководцев Пергама. Видимо, после Апамейского мира 188 г. до н. э. он был назначен на пост стратега прилегающих к Геллеспонту областей (*τεταγμένος στρατηγός τῶν καθ' Ἑλλάσποντον τόπων*), в качестве какового и представил городу ряд льгот. Полис, принявший данное постановление, относится к числу тех, которые были обязаны платить пергамскому царю дань. После войны городу было предоставлено монархом освобождение от налогов на три года, а через посредство Коррага этот срок был увеличен еще на два года (стк. 21–24). В декрете упоминается о выплате городу из царских средств каких-то сумм. Корраг также предоставил жителям хлеб на семена и пропитание, даровал оливковое масло для юношей, возвратил священный участок, совершил другие благодеяния. Огромное значение имеет свидетельство надписи о том, что царем были возвращены городу законы и его традиционное устройство. В целом можно говорить о том, что данный полис находился в полной зависимости от царской администрации; это проявилось во многих сферах городской жизни — в хозяйственной, финансовой, политической, возможно, в идеологической¹⁰⁹. Особенность положения Коррага состоит в том, что

¹⁰⁸ Д. Мейджи считал, что декрет в честь Коррага был принят в Абидосе (*Magie D. RRAM. Vol. 2. P. 1012–1013*). Г. Бенгтсон датировал документ временем около 186 г. до н. э. (*Bengtson H. Die Strategie... Bd. 2. S. 213–217*). Анализу декрета посвящены работы: *Saucine-Saveanu Th. Le decret an l'honneur du Macedonien Corrhagos // REG. 1923. T. XXXVI. P. 197–216*; *Holleaux M. Inscription trouvee a Brousse // BCH. 1924. T. XLVIII. P. 1–57*; *De Sanctis G. Eumene II e la citta greche d'Asia // RFIC. 1925. Vol. LIII. P. 68–78*.

¹⁰⁹ *Bengtson H. Die Strategie... Bd. 2. S. 221–223*. Г. Бенгтсон предполагал, что священный участок имел отношение к культу царя: *Ibidem. S. 218–219*.

он не являлся гражданином данного полиса, а был стратегом провинции Пергамского царства, то есть его власть распространялась как на сельскую местность, так и на греческие города, расположенные на управляемой им территории. Поддерживалась власть наместника, очевидно, военной силой, которая находилась в его распоряжении. Во всяком случае, Тит Ливий рассказывает именно о его военной деятельности (XXXVIII. 13, 3; XLII. 67, 4).

Во многом похожую ситуацию рисует декрет города Сеста, расположенного на Херсонесе Фракийском, принятый в честь Менаса (OGIS. 339). В документе упоминается Стратон — стратег Херсонеса и фракийских областей (ὁ στρατηγός τῆς Χερρονήσου καὶ τῶν κατὰ τὴν Θράκην τόπων — стк. 12–13), то есть провинциальный наместник. Резиденцией Стратона и других наместников пергамских царей на Херсонесе являлся город Лисимахия. Стратег провинции обладал военными отрядами, что служило важным средством поддержания его власти. Города Херсонеса сохраняли свой полисный строй (например Сест имел собрание, совет, магистратов, законы), но при этом находился под властью стратега «провинции». Иных данных о назначенных в города царских должностных лицах очень немного и они недостаточно информативны. Упомянутая выше недавно открытая в верховьях реки Каик надпись времени правления Эвмена II — постановление религиозного сообщества — перечисляет среди других должностных лиц, которым следует оказывать почести, и градоначальника — ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως. К сожалению, документ добавляет мало информации к вопросу о полномочиях данного представителя царской администрации. Видимо, деятельность культового сообщества в определенной степени подлежала контролю царского должностного лица. Из документа также неясно, градоначальник какого полиса имеется в виду. Возможно, речь о должностном лице столицы царства. Градоначальника — ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως — упоминает еще одна новая надпись, найденная в области Месогиды — декрет города Олбаса в честь Сотата, сына Патрокла, и письмо Атталы II. Таким образом, из документа ясно, что даже небольшие городки могли иметь царских ставленников. В документе также упоминается стратег, вероятно, возглавлявший округ. Видимо, Сотад подчинялся данному должностному лицу¹¹⁰.

¹¹⁰ Стратон был именно провинциальным наместником, а не полководцем, как считал В. Диттенбергер (OGIS. Vol. 1. P. 538. Not. 6). О военных силах Атталидов на Херсонесе см.: OGIS. 330; Bengtson H. Die Strategie... Bd. 2. S. 228–229; Muller H., Worrie M. Ein Verein... S. 192. Стк. 10; Savalli-Lestradе I. Les Attalides et les Cites Grecques d'Asie Mineure au IIe siècle A.C. // Les Grecques d'Asie Mineure Occidentale au IIe siècle A.C. / Ed. A. Bresson, R. Descat. Bordeaux, 2001. P. 82..

Итак, можно заключить, что царские административные лица и гарнизоны назначались не во все полисы государства, эта мера не являлась универсальной, а применялась лишь по отношению к отдельным городам. Прежде всего под контролем должностных лиц короны и военного гарнизона оказалась столица — город Пергам. Для других полисов, поставленных под власть эпистата или стратега провинции, характерно то, что они расположены в районах, или значительно удаленных от основной территории царства (о. Эгина, Херсонес Фракийский), или находящихся под внешней угрозой (о. Эгина — со стороны Македонии, Херсонес Фракийский — со стороны Македонии и фракийцев), или, наконец, на землях, недавно присоединенных к Пергамскому царству (города на побережье Геллеспонта, на Херсонесе).

Административный аппарат царей в городах был невелик, не заменял ту систему местного самоуправления, которая традиционно существовала в полисах. Важно, кроме того, что ставленники монархов не дублировали деятельность полисных органов (собрания, совета, выборных или иногда назначаемых магистратур), а выполняли функцию правительственного контроля, надзора, имея право вмешиваться во внутреннюю жизнь городов. Должностным лицам — ставленникам царей принадлежала важная роль, ибо они являлись представителями центральной власти в полисах; опираясь на военные силы, обеспечивали лояльность городов, способствовали включению полисов в политическую структуру эллинистического государства.

Управление городами, особенно теми, в которых не было царских должностных лиц, цари осуществляли через посредство специально рассылавшихся по тому или иному поводу писем (они назывались *τὸ πρόσταγμα* — повеление, предписание или *ἡ ἐπιστολή* — письмо, послание), а также через посольства. Некоторые письма Атталидов полисам сохранились и представляют собой любопытное явление политических отношений между монархией и городом. Адресовались царские послания, как правило, всей гражданской общине или общине и городскому совету, а не каким-либо полисным должностным лицам. Эвмен I свое послание жителям столицы начал словами: «Эвмен, сын Филетера, приветствует народ Пергама» (RC. 23. Стк. I). Другое письмо открывается фразой: «Царь Эвмен II приветствует совет и народ Темна» (RC. 48. Стк. 2).

Этот, казалось бы, малозначительный факт между тем отражает специфику политического мышления греков с их традиционной полисной организацией. В системе политических ценностей и приоритетов греков важнее и выше был гражданский коллектив, чем отдельно

выбранные для осуществления тех или иных общественных функций городские должностные лица. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что в общественном сознании греков эпохи эллинизма полис по-прежнему был основной формой организации свободного полноправного населения, а гражданский коллектив, несмотря на известные ограничения, возникшие в связи с влиянием царской власти, рассматривался как действительный носитель высшей власти в полисе. Видимо, царские послания городам рассылались лишь по важнейшим вопросам, не касались их внутренней деятельности и поэтому расценивались как важное событие городской жизни.

В городах письма монархов полисам вырезались на каменных плитах и выставлялись на всеобщее обозрение на агоре, в храмах или в других общественных местах. Для того чтобы царская воля приобрела в полисе законное основание, народное собрание — высший орган гражданской общины — должно было принять специальное постановление. Можно полагать, что в обычных условиях зависимому полису было достаточно направить письменное изъяснение воли царя, чтобы гражданский коллектив поступил соответствующим образом. Аттал I в ответе на обращение к нему жителей свободного города Магнесии-на-Меандре с просьбой признать празднества в честь богини Артемиды Левкофриены писал: «...города, повинующиеся мне, поступят подобным же образом (то есть признают празднества. — *О. К.*), ибо я написал им, призвав к этому» (RC. 34. Стк. 19–21). Судя по этим словам, у царя нет сомнения в том, что полисы выполняют его распоряжение¹¹¹. В данном случае речь идет о городах, которые не имели царских ставленников, поэтому обращение монарха адресовалось непосредственно гражданскому коллективу.

Пергамские цари применяли с целью обеспечения лояльности полисов такую широко распространенную в истории практику, как удержание заложников. Источники сообщают два подобных примера. В 218 г. до н. э. во время похода по западной части Малой Азии, описанного Полибием, Аттал I возвратил под свою власть захваченные Ахеем города Киму, Смирну (может быть, имеется в виду Мираина), Фокою, Эги, Темн, Теос, Колофон, от которых получил заложников (V. 77, 3–9). Второй раз они упоминаются в письме Атталла, брата Эвмена II, жителям города Амлада, которые, видимо, за участие

¹¹¹ Интересно, что аналогичной была в тех обстоятельствах реакция Антиоха III: «Мы написали нашим должностным лицам, чтобы города тоже приняли соответствующие решения» (RC. 31. Стк. 26). Обзор методов управления Селевкидов городами см.: *Dmitriev Sv. City Government...* P. 294–302; *Ma J. Antiochos III...* P. 150–173, etc.

в антипергамской борьбе в 168–167 гг. до н. э. были обязаны уплачивать дополнительные налоги и предоставить заложников. Последним Аттал возвратил свободу (RC. 54).

Была ли практика удержания заложников в Пергаме постоянной, или мы имеем дело с единичным явлением? Прямого ответа источники не содержат, но если исходить из общей позиции Атталидов по отношению к городам, то содержание заложников можно считать скорее исключительным явлением, вызванным какими-либо особыми обстоятельствами. В первом случае это неустойчивость власти Аттала I в городах и наличие опасности со стороны Ахея, во втором — участие жителей Амлады в войне против власти династии.

Наконец, надписи эфэбов Пергама показывают, что курс эфебии в столице царства проходили подростки и юноши не только из пергамских семей, но и из других городов, подвластных династии. Складывается впечатление, что таким образом формировался слой людей, которые в дальнейшем становились опорой династии в своих общинах.

С. Ю. Сапрыкин отмечает, что в Понтийском царстве самоуправление полисов ограничивалось и политическая жизнь городов контролировалась через посредство построенных неподалеку царских укреплений¹¹². Подобная управленческая практика материалами Пергамского государства не зафиксирована. При этом, несомненно, следует принять во внимание, что на территории царства Атталидов размещались военные поселения, которые служили опорой царской власти. Городам приходилось принимать во внимание их существование при выстраивании отношений с короной.

Источники сообщают также о том, что отношения Аттала I с некоторыми подвластными городами строились на основе договоров (Polyb. V. 77, 5–6). К сожалению, неизвестно содержание подобных документов и даже нельзя ответить на вопрос, строились ли в дальнейшем — при Эвмене II и его преемниках — отношения короны с городами на договорных началах¹¹³.

В связи с отсутствием упоминаний о договорах как в царских письмах, так и в декретах городских собраний можно предполагать, что отношения царей с полисами строились все-таки не на договорах. В основе этих отношений лежали сложившаяся политическая тра-

¹¹² Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство... С. 220–221.

¹¹³ О практике заложничества во внешней политике см.: Кащеев В. И. Эллинистический мир... С. 237–238. О договорных отношениях Аттала I с городами см.: Allen R. Op. cit. P. 44–46, 55, 57–58, 59–61, 65. О важной роли договорных отношений в отношениях между полисами, входившими в состав федеративных государств, см.: Сизов С. К. Ахейский союз. М. 1989. С. 70 сл.

диция и конкретная ситуация, царские распоряжения по отдельным поводам и запросам, письма монархов городам. Складывается впечатление, что отношения царей с городами, как и вся политическая система царства, были слабо формализованы и больше строились на основе сложившейся традиции и личной воли монарха.

3.5. Градостроительная деятельность династии

Открывшее эпоху эллинизма вторжение греко-македонской армии под предводительством Александра Македонского в страны Ближнего Востока и Средней Азии сопровождалось массовым переселением греков и македонян на Восток. Закономерным следствием этого процесса стало широкое распространение полиса как традиционной экономической и социально-политической формы организации греческого населения. Очевидно, в ряде случаев основание полисов на восточных территориях происходило стихийно, без участия центральной власти. В основном же колонизационный процесс развивался при активном участии или, во всяком случае, под контролем царской власти, в известной степени целенаправленно и планомерно. Итогом его стало основание примерно 170 городов в Малой Азии, Сирии, Египте¹¹⁴. Областью активной градостроитель-

¹¹⁴ Ранович А. Б. Эллинизм... С. 98. О градостроительстве в эпоху эллинизма в Малой Азии и других районах эллинистического мира см.: Бикерман Э. Государство... С. 147–153; Кошеленко Г. А. Греческий полис... М., 1980. С. 80–180; Шофман А. С. Градостроительная деятельность Александра Македонского // *Klio*. 1957. Bd. 57. H. I. S. 123–145; Бернар П. Проблемы греческой колониальной истории и урбанизм эллинистического города Центральной Азии // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 249–258; Schuchhardt C. Die Makedonischen Kolonien zwischen Hermos und Kaikos // *AM*. 1888. Bd. XIII. S. 1–17; Schulten A. Die Makedonischen Militarkolonien // *Hermes*. 1897. Bd. XXXII. S. 523–537; Radet G. De Coloniis a Macedonibus in Asiam cis Taurum deductis. Paris, 1892; *idem*. La Lydie et la Monde grec au temps des Mermnades. Paris, 1893; Ramsay W. M. The Cities and Bishoprics of Phrygia. Oxford, 1897; Meyer E. Die Grenzen der hellenistischen Staaten in Kleinasien. Zurich; Leipzig, 1925; Tscherikover V. Die Hellenistischen Stadtgrundungen von Alexander dem Grossen bis auf die Romerzeit. Leipzig, 1927; Robert L. Villes d'Asie Mineure. Paris, 1935; Hansen E. Op. cit. P. 173–179; Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. München, 1977. S. 102–106; Cohen G. Katoikiai, katoikoi and Macedonians in Asia Minor // *Ancient Society*. 1991. Vol. 22. P. 41–50; Billows R. A. Kings and colonists. Aspects of Macedonian imperialism. Leiden; New York; Koln, 1995; Cohen G. The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands, and Asia Minor. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1995.

ной деятельности эллинистических монархов была Малая Азия, где возникли основанные Александром, Антигоном, Селевкидами, Атталидами и другими царями города. Воссоздание подробной и полной картины деятельности Атталидов в области градостроительства является сложной задачей: в распоряжении исследователей имеются лишь отрывочные сведения, содержащиеся в трудах Страбона, Плиния Старшего, Стефана Византийского, Свида и некоторых других поздних авторов. Известное значение имеют легенды монет малоазиатских городов, описания путешественников и исследователей, изучавших развалины полисов, топографию мест. Всем этим обусловлены следующие трудности: невозможность в ряде случаев точно локализовать город, известный по письменным источникам; отсутствие достаточно прочных ориентиров для определения даты основания полиса; невозможность решить вопрос о том, является основанный город таковым в строгом смысле слова или же он представляет собой расширенное и переименованное поселение, существовавшее раньше на его месте.

Одно из наиболее ранних известных по источникам поселений, основанных династией пергамских царей, город Филетерия у горы Ида. Упоминается он впервые в договоре середины III в. до н. э., заключенном между Эвменом I и восставшими наемными воинами. Среди групп солдат названы те, «которые находятся в Филетерии под Идой» (IvP. 13; OGIS. 226. Стк. 20–21, 54–55). Данное указание весьма неопределенно. Гора Ида (современная Каз-Даг), упоминаемая во многих античных источниках, находилась к северу от Пергама на границе Мисии и Троады и, строго говоря, представляла собой целый горный массив, занимающий обширную территорию. Поэтому точное местоположение Филетерии неизвестно¹¹⁵.

Вопрос о времени основания города тоже может быть решен лишь приблизительно. В. Чериковер, Э. Хансен и Г. Коэн считали, что сам Филетер не мог быть основателем поселения: его власть еще не распространялась на территорию северной Мисии и южной Троады. Поэтому скорее всего, по их мнению, основателем являлся племянник Филетера Эвмен I, увековечивший имя своего предшественника в названии города¹¹⁶. По мнению Р. Аллена, крепость Филетерия была построена при Филетере. Основания для суждения следует признать убедительными: договор Эвмена I с наемниками, в котором колония упоминается, датирован по эре Селевкидов, то есть был заключен в

¹¹⁵ *Tscherikover V. Stadtgrundungen...* S. 18.

¹¹⁶ *Ibid.*; *Hansen E. Op. cit.* P. 22; *Cohen G. Hellenistic Settlements...* P. 171. Not. 3..

период, когда Эвмен I еще был вынужден признавать верховную власть Антиоха I. Страбон сообщает, что Эвмен I одержал победу над Антиохом I в битве при Сардах (XIII. 4, 2), которая могла произойти только между 263 г. до н. э. (приход к власти Эвмена I) и 261 г. до н. э. (смерть Антиоха I). Следовательно, уже к началу правления Эвмена I военные крепости — Филетерия и упоминаемая наряду с ней Атталия — существовали¹¹⁷. Характер поселения можно определить достаточно точно. Упоминание о командирах и рядовых воинах, размещенных в Филетерии, свидетельствует о военном характере поселения¹¹⁸. Эта колония наемников прикрывала северные границы государства и защищала от нападения важный в экономическом отношении район царства. Гора Ида была богата строительным лесом, смолой; в этой области находились конные заводы, медные и серебряные рудники (Strab. XIII. I, 45).

Филетерия упоминается еще в одной более поздней пергамской надписи, принятой в честь Диогена, сына Эпиклея, коменданта крепости, которого документ называет ὁ κατασταθεὶς πρὸς τῇ ἐπιμελείᾳ καὶ φυλακῇ τῶν ἐν Φιλεταιρείᾳ τευχῶν καὶ πυλῶν (IvP. 240). По мнению М. Френкеля, Дж. Кардинали, Э. Мейера, в надписи упомянута Филетерия у горы Ида. Но Р. Аллен убедительно показал, что в данном случае речь идет о другой Филетерии, которая находилась скорее всего в окрестностях Пергама¹¹⁹. Когда и в связи с какими обстоятельствами возникла вторая Филетерия, неизвестно.

В том же договоре Эвмена I с наемниками назван еще один городок — Атталия (ἡ Ἀτταλεία в надписи или по легенде монет Ἀττάλεα — IvP. 13; OGIS. 226. Стк. 22, также стк. 2, 59). Ясно, что речь идет тоже о военном поселении, скорее всего оно названо в честь отца Филетера Атталы. Видимо, об этом же поселении рассказывает писатель VI в. н. э. Стефан Византийский. Он называет Атталию полисом в Лидии и сообщает о том, что прежде город назывался иначе — Аллойра или Агроейра. В таком случае Атталия не является в строгом смысле слова вновь основанным поселением¹²⁰. Деятельность основателя, видимо, заключалась в том, что он разместил в негреческом городке наемных воинов, возможно, расширил, укрепил его и, наконец,

¹¹⁷ Allen R. Attalos I and Aigina // ABSA. 1971. Vol. 66. P. 3. Not. 12; *idem*. The Attalid Kingdom. P. 23. Not. 49; P. 24.

¹¹⁸ Tscherikover V. Stadtgrundungen...; Bengtson H. Die Strategie... S. 199–201.

¹¹⁹ Fränkel M. IvP. Bd. I. S. 138; Cardinali G. Op. cit. P. 14. Not. 8; Meyer E. Op. cit. S. 99; Allen R. Op. cit. P. 23. Not. 49; Cp.: AM. 1907. Bd. XXXII. S. 243. N 4; IGR. IV. 292. Стк. 40–43. См. также: Cohen G. Hellenistic Settlements... P. 172.

¹²⁰ Steph. Byz. s.v. Ἀτταλεία; Burchner. Attaleia // RE. Bd. 2. 1896. Sp. 2155; Tscherikover V. Stadtgrundungen... S. 22.

переименовал. Основателем Атталии следует считать, исходя из указанных выше соображений Р. Аллена, Филетера. Определить точное место, на котором располагался город, невозможно, хотя специалисты предпринимали попытки такого рода. По мнению Ж. Раде, город занимал территорию на правом берегу реки Лик у подножья акрополя Гюрдюк-Кале к северу от Фиатиры. К. Шуххардт считал, что город размещался на месте современного поселка Сельджикли тоже около Гюрдюк-Кале¹²¹. Видимо, можно лишь утверждать, что Атталия находилась в Лидии к востоку от Пергама на плодородной равнине реки Лик и выполняла первоначально функцию военного форта на восточных границах государства. В отличие от первой колонии, Атталия значительно позже выросла в крупное поселение и, утратив свое исключительно военное значение, стала полисом, имела органы самоуправления, право чеканки монеты. Известны монеты города с легендой АТТАΛΕΑ.

Страбон рассказывает о том, что Аттал, разрушив местность Гергифы в Трояде, переселил жителей к истокам реки Каик, в нижней части долины которой находилась столица государства. К сожалению, он не уточняет, о каком представителе династии идет речь (XIII. I, 70). Большинство исследователей считают, что эту акцию следует связывать с именем Аттала I, однако соотносят ее с разными событиями периода его правления. Ж. Раде и В. Чериковер полагают, что основание нового поселения в Мисии путем переселения жителей Гергифы произошло вскоре после победы Аттала I над галатами у истоков реки Каик, когда действительно существовала необходимость укрепления восточных границ государства. Э. Хансен высказала суждение о том, что данное событие случилось во время похода Аттала I в 218 г. до н. э. в ходе борьбы последнего с полководцем Селевкидов Ахеем. Именно тогда Аттал I совершил поход по Мисии и Трояде, подтвердил свою власть над греческими городами и произвел указанное выше переселение жителей Гергифы. Аргументацию первой группы ученых американская исследовательница отвергла, возразив, что после победы над галатами власть Аттала I еще не распространилась на Трояду. Видимо, в данном случае следует отдать предпочтение мнению Э. Хансен, которое принимает также Г. Козн¹²².

Новая Гергифа у истоков реки Каик не являлась городом. Во времена Страбона это была деревня. Некоторые исследователи (В. Че-

¹²¹ *Radet G.* La Lydie... P. 319; *Schuchhardt C.* Op. cit. S. 13; См. также: *RE.* Bd. 2. 1896. Sp. 2155; *Cohen G.* Hellenistic Settlements... P. 205–206.

¹²² *Tschirikover V.* Stadtegründungen... S. 19; *Radet G.* La Lydie... P. 306; *Hansen E.* Op. cit. P. 42, 175; *Cohen G.* Hellenistic Settlements... P. 166–167. Not. 1, 2.

риковер, Г. Коэн) связывали переселение жителей Гергифы в Троаде в Мисию с намерением Аттала I создать у истоков реки Каик новый форт, закрывавший путь к столице, и хотя о военном характере поселения сведений нет, данное предположение весьма вероятно¹²³.

Об основании городка Эллинополя в Вифинии кратко сказано в сочинении *Etimologicum Magnum*: «Эллинополь: Аттал, сводя жителей греческих городов, основал город и назвал его Эллинополем» (s. v. Ἐλλήνων πόλις). В данном случае мы имеем пример синойкизма, когда новый город создавался за счет объединения двух или нескольких поселений. Новый город Эллинополь являлся полисом, о чем совершенно определенно сказано в источнике. Об этом же свидетельствует и название города. На том основании, что Аттал свел воедино жителей полисов, можно считать город поселением сугубо гражданским, а не военным. Относительно времени его основания существуют различные мнения. В. Чериковер считает возможным приписать это деяние Атталу I. Э. Хансен связывает данное событие с именем Аттала II¹²⁴. Локализовать город невозможно из-за краткости информации.

Одним из построенных Атталидами во Фригии городов являлся Дионисополь. Стефан Византийский сообщает о том, что город этот был основан Атталом и Эвменом (s. v. Διονύσου πόλις; Plin. Nat. Hist. V. 113). Местоположение Дионисополя неизвестно. В. М. Рэмзи считал возможным локализовать его около местечка Ортакей в верхней части долины реки Меандр на южном ее берегу. Л. Робер полагал, что древний Дионисополь располагался в районе горного хребта Чал-Даг около современных местечек Ючкюйю или Бекилли на северном берегу реки Меандр, но расценивал и этот вариант локализации лишь как возможный¹²⁵. Некоторые новые материалы позволяют отдать предпочтение мнению Л. Робера¹²⁶. Относительно времени основания города существуют два мнения. Один из первых исследователей проблемы градостроительства в эпоху эллинизма Ж. Раде связывал это событие с именем Аттала I и его сына Эвмена (будущего царя Эвмена II)¹²⁷. Другого мнения придерживались В. Э. Рэмзи, В. Руге, В. Чериковер, Э. Хансен, Хр. Хабиخت и

¹²³ *Tscherikover V. Stadtegrundungen...* S. 19; *Magie D. RRAM. Vol. 2. P. 979. Not. 13; Cohen G. Hellenistic Settlements...* P. 39.

¹²⁴ *Tscherikover V. Stadtegrundungen...* S. 179–180; *Hansen E. Op. cit. P. 164; Cohen G. Hellenistic Settlements...* P. 397–398.

¹²⁵ *Ramsay W. M. Op. cit. P. 126–128; Ruge W. Dionysopolis // RE. Bd. 5. 1905. Sp. 1009; Robert L. Villes...* P. 127–149; *Cohen G. Hellenistic Settlements...* P. 293–295.

¹²⁶ *Habicht Chr. New Evidence on the Province of Asia // JRS. 1975. Vol. LXV. P. 82.*

¹²⁷ *Radet G. De Coloniis...* P. 56.

Г. Коэн¹²⁸. Они считали основателями Дионисополя Аттала II и Эвмена II, аргументируя свою точку зрения тем, что власть Аттала I над Фригией была кратковременной. Действительно, Аттал I владел данной областью в течение всего нескольких лет, причем это время было наполнено войнами. Одна из надписей, найденных в этом районе, упоминает «народ (то есть гражданскую общину) Дионисополитов»¹²⁹. Правда, документ относится к римскому времени, но, видимо, он отражает более ранние эллинистические традиции городской жизни. Кроме того, само название города свидетельствует о том, что он являлся полисом.

В западной части Малой Азии находилось несколько городов, называвшихся Аполлония, Аполлониада или Аполлониды. В научных работах, посвященных градостроительной деятельности Атталидов, был поставлен вопрос о том, какие из этой группы полисов были основаны царями Пергама. В. Чериковер склонен связывать с именами Эвмена II и Аттала II основание большинства Аполлонид и Аполлоний¹³⁰. Э. Хансен и Г. Коэн высказали совершенно справедливое возражение против подобного подхода, ибо источниками засвидетельствовано существование ряда Аполлоний еще в доэллинистическую эпоху¹³¹.

С именами пергамских монархов вполне надежно может быть связано строительство Аполлониды в Лидии, Аполлонии во Фригии. Аполлониды в Лидии относится к числу наиболее значительных и известных в ряду основанных Атталидами поселений. Назван был город (в источниках переданы варианты 'Απολλωνίς — Strab. XIII. 4, 4; 'Απολλωνία — Steph. Byz. и другие) по имени царицы Аполлониды, жены Аттала I и матери Эвмена II¹³². Об основании города рассказывает надпись, найденная в Лидии в окрестностях Акхисара. Начало документа утрачено, но смысл его можно понять. Гражданская община города Аполлониды постановила в знак благодарности предоставить какие-то почести или восхвалить (далее предлагаем перевод сохранившейся части надписи) «основателя и благодетеля, позаботившегося прекрасно о синойкизме полиса и исполнившего брата, царя Эвмена, замысел, давшего из личных средств деньги поселенцам и сделавшего все другое из того, что

¹²⁸ Ramsay W. M. Op. cit. P. 126; Ruge W. Ibidem; Tschirikover V. Stadtgrundungen... S. 33; Hansen E. Op. cit. P. 177; Habicht Chr. Ibidem; Cohen G. Hellenistic Settlements... P. 293–295.

¹²⁹ IGR. IV. 756; MAMA. IV. 315; Стк. 2.

¹³⁰ Tschirikover V. Stadtgrundungen... S. 20, 49–50, 180.

¹³¹ Hansen E. Op. cit. P. 176; RE. Bd. 2. 1896. Sp. 115–116 (Apollonia. 15, 17, 19).

¹³² Hirschfeld G. Apollonis // RE. Bd. 2. 1896. Sp. 163.

относится к их благосостоянию, вследствие всяческого к ним расположения»¹³³. Из документа ясно, что город был основан одним из братьев царя Эвмена путем синойкизма, основатель поселения занял покровительственную позицию, предоставив деньги переселенцам. Новый город был организован как полис. Об этом говорится в самом документе (стк. 3); о том же свидетельствует факт принятия данного постановления — это декрет гражданской общины. В соответствии с эллинистическими традициями брат царя, осуществивший, строго говоря, не строительство нового города, а синойкизм, назван при этом основателем полиса. Как известно, в эллинистическую эпоху цари часто именовались основателями городов, даже если их только расширяли, перестраивали и переименовывали¹³⁴. Этот документ интересен не только своим содержанием, но и тем, что дает прекрасный пример стиля официальных городских постановлений в царстве Пергам: документы многословны, стиль напыщенный, неживой.

Вопрос о времени основания города неясен. Д. Мейджи относит основание Аполлониды ко времени правления Аттала I, но данная точка зрения не получила поддержки. Большинство ученых датируют это событие в рамках первых двух десятилетий II в. до н. э.: Й. Кайл, А. фон Премерштайн и М. И. Ростовцев — между 190–186 гг. до н. э. В. Чериковер — между 197 и 186 гг. до н. э., А. Х. Джоунз — временем перед Апамейским миром 188 г. до н. э., Й. Хопп связывает основание Аполлониды с периодом правления Эвмена II, Э. Хансен, В. М. Рэмзи, Б. Ниезе — с годами царствования Аттала II¹³⁵.

Для многих ученых опорными точками при определении даты служили следующие события: 197 г. до н. э. — начало царствования Эвмена II (ранее этого года основание данного полиса не могло произойти), 190 г. до н. э. — год битвы при Магнесии, после которой значительно расширилась территория Пергама и в состав его вошла область Лидия (Й. Кайл, А. фон Премерштайн и М. И. Ростовцев

¹³³ Keil–Premenstein. II. S. 113; *Tscherikover V. Die Hellenistischen Stadtgrundungen...* S. 23; *Robert L. Villes...* P. 32. Перевод дан по изданию: *Tscherikover V. Die Hellenistischen Stadtgrundungen...* S. 23. Л. Робер восстанавливает некоторые строки иначе, что, впрочем, не меняет общего содержания документа (*Robert L. Villes...* P. 23).

¹³⁴ Ранович А. Б. Эллинизм... С. 98.

¹³⁵ *Magie D. RRAM. Vol. 2. P. 981. Not. 16; Keil–Premenstein. II. S. 54; Rostovtzeff M. Pergamum. P. 603; Tscherikover V. Die Hellenistischen Stadtgrundungen...* S. 23–24; *Jones A. H. M. The Cities...* P. 54; *Hopp J. Untersuchungen...* S. 33. Not. 98; *Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Gotha. Bd. 3. 1903. S. 362. Not. 3; Ramsay W. H. The Historical Geography of Asia Minor. London, 1890. P. 126; Hansen E. Op. cit. P. 175–176.*

считают эту дату нижней гранью), 186 г. до н. э. — когда название города Аполлонида появляется на монетах. Таким образом, большинство исследователей определяло время основания полиса хронологическим промежутком 197 (или 190) г. до н. э. — 186 г. до н. э. Хр. Хабихт и Г. Коэн считают наиболее вероятным, что город был основан после смерти царицы Аполлониды, может быть, в связи с этим событием¹³⁶, но никаких доказательств в пользу данного утверждения источники не содержат. Известно, что в районе Фиатиры находилось большое количество военных поселений. Возможно, население Аполлониды первоначально состояло именно из воинов, а будущий город выполнял функцию военно-земледельческого поселения. После Апамейского мира 188 г. до н. э. Аполлонида оказалась в центральной части государства и превратилась в обычный полис. В это время город получил право чеканки монет — это были кистофоры с названием города и именем Эвмена II и бронзовые монеты с названием города.

В отличие от других построенных Атталидами городов местоположение Аполлониды точно засвидетельствовано источниками. Страбон сообщает: «Справа (от Фиатиры) расположена Аполлонида, в 300 стадиях от Пергама и на таком же расстоянии от Сард...» (XIII. 4, 4. Пер. Г. А. Стратановского). К. Шуххардт считал, что этот город находился около селения Паламут примерно в 15 километрах от Фиатиры (современного Акхиссара)¹³⁷.

Во Фригии, у границы с Писидией, находился город с названием Аполлония (по Стефану Византийскому) или Аполлониада (по Страбону — XII. 3, 13). Монеты Аполлонии имели легенду ΑΛΕΧΑΝΔΡΟΣ ΚΤΙΣΤ, на основании чего некоторые исследователи (И. Г. Дройзен, В. Ваддингтон, В. Чериковер) считали основателем города Александра Македонского, но Г. Треубер показал, что монеты чеканились значительно позже — в III в. н. э., при римском императоре Александре Севере. Г. Хиршфельд и Э. Хансен связывают появление данной Аполлонии с именами пергамских царей Эвмена II или Аттала II, которые называли ее в честь своей матери¹³⁸.

Из сообщений Стефана Византийского (s. v. Ἀπολλωνία) вытекает, что Аполлония была основана на месте древнего поселения Мордиэя или Маргиона и является переименованным, возможно, расширенным

¹³⁶ *Habicht Chr. Op. cit. P. 78; Cohen G. Hellenistic Settlements... P. 201.*

¹³⁷ *Head B. Op. cit. P. 648; Schuchhardt C. Op. cit. S. 3. Также см.: Tschirikover V. Die Hellenistischen Stadtgrundungen... S. 23; Magie D. RRAM. Vol. 2. P. 981; Cohen G. Hellenistic Settlements... P. 201–202.*

¹³⁸ *Head B. Op. cit. P. 706; Hirschfeld G. Apollonia (21) // RE. Bd. 2. 1896. Sp. 116; Tschirikover V. Die Hellenistischen Stadtgrundungen... S. 37; Hansen E. Op. cit. P. 176.*

и перестроенным старым городом. Надписи римского времени упоминают жителей — ликийцев и фракийцев, которые, очевидно, были потомками поселенных здесь наемников. Поселение оценивается исследователями (В. Чериковер, Э. Хансен) как военная колония, расположенная напротив Селевкии — колонии сирийских царей и охраняющая южную границу Пергамского государства. Локализуется Аполлония около современного селения Улуборлу к востоку от древней Апамен. Г. Коэн справедливо отвергает возможность того, что данный город был основан Атталидами: прямых свидетельств в источниках об этом нет, а название города, по его мнению, служит слишком шатким основанием для вывода о строительстве Аполлонии Атталидами¹³⁹.

На границе Лидии и Фригии располагался город Триполис. Моне-ты Триполиса эллинистического времени имели легенду ΑΠΟΛΛΟΝΙΑΤΩΝ. Как предполагают некоторые исследователи, город был основан пергамскими царями, может быть Атталом II, и первоначально носил название Аполлония. Располагался город около современного местечка Енидже-Кей, в верхней части долины реки Меандр. Э. Хансен определяет значение городка и своеобразие его местоположения тем, что он находился на важной дороге, соединявшей Пергам с юго-восточной частью страны. Возможно, первоначально это было военное поселение, расположенное напротив селевкидской колонии Лаодикеи на реке Лик, позже оно превратилось в полис. По мнению Л. Робера, которое принимает Г. Коэн, город был основан до эпохи эллинизма, а название получил в честь бога Аполлона. Аргументация ученых представляется весьма убедительной¹⁴⁰. В римское время город Аполлония неоднократно менял свое название на Триполис и Антониополь.

Основание города Филадельфии в Лидии источники связывают с именем царя Аттала II Филадельфа. Город находился на северо-восточном склоне горы Тмол, на месте современного города Алашехир¹⁴¹.

Страбон, описывая города Памфилии, сообщает о том, что за Фаселидой «далее следует город Атталия, названный по имени его

¹³⁹ CIG. 3969–3976; *Le Bas-Waddington*. III. 747, 1192–1195; *Tscherikover V. Die Hellenistischen Stadtgrundungen...*; *Hansen E. Op. cit.* P. 163.

¹⁴⁰ *Keil J. Tripolis // RE*. 1939. Bd. 13. Sp. 203; *Head B. Op. cit.* P. 661; *Ramsay W. M. The Cities and Bishoprics...* P. 192–193; *Tscherikover V. Die Hellenistischen Stadtgrundungen...* S. 26; *Hansen E. Op. cit.* P. 177; *Cohen G. Hellenistic Settlements...* P. 199.

¹⁴¹ *Ramsay W. M. The Historical Geography...* P. 121; *Tscherikover V. Die Hellenistischen Stadtgrundungen...* S. 25–26; *Magie D. RRAM*. Vol. 1. P. 124–125; Vol. 2. P. 982–983; *Hansen E. Op. cit.* P. 177; *Hopp J. Untersuchungen...* S. 103; *Habicht Chr. Op. cit.* P. 75; *Cohen G. Hellenistic Settlements...* P. 227–228.

основателя Аттала Филадельфа, который вывел также другую колонию в соседний городок Корик и окружил его более длинной стеной» (XIV. 4, 1. Пер. Г. А. Стратановского). В отличие от большинства разобранных выше случаев источник содержит совершенно точное указание относительно времени, места основания города и его статуса. Локализуется Атталия Памфилийская сравнительно легко благодаря достаточно ясным указаниям Страбона и некоторых других авторов, а еще вследствие того, что само название города, правда, в несколько измененном виде, сохранилось до настоящего времени. Современный турецкий город, расположенный на месте Атталии, называется Анталия¹⁴².

Основателем города Страбон называет Аттала II Филадельфа; таким образом, это событие может быть отнесено или к годам его правления (159–138 гг. до н. э.), или даже к более раннему времени. Как считает А. Х. М. Джоунз, основание Атталии на побережье Памфилии было вызвано стремлением Атталидов иметь порт в этой части Средиземноморья. Английский ученый высказал также предположение о том, что приморские земли, отданные новому городу, были конфискованы у соседнего полиса Ольвии, являвшегося тогда довольно важным центром морской торговли. В дальнейшем значение Ольвии стало резко падать. Страбон называет ее большой крепостью; в византийское время это была всего лишь сельская община¹⁴³.

Дальнейшее развитие Атталии протекало весьма успешно. Этому способствовал чрезвычайно удачный выбор места для нового города, наличие в данном районе Средиземноморья хороших условий для развития морской торговли. Атталия соединялась с другими городами царства, в том числе со столицей, дорогой, проходившей через пункты: Пергам — Фиатира — Сарды — Филадельфия — Лаодикея — Фемизоний — Термес — Атталия¹⁴⁴. Очевидно, город имел хорошую гавань, ибо после падения династии Атталидов он привлек внимание пиратов и попал под их власть.

Страбон не случайно называет Атталию полисом. Следует полагать, что городу был предоставлен пергамскими монархами полисный статус. Монеты и надписи Атталии сохранили имена тех же богов,

¹⁴² Suidas. s.v. Κορυκαῖος; Steph. Bys. s.v' Ἀττάλεια; Plut. Pomp. 76; Ptol. V. 5, 2; Ruge W. Attaleia (3) // RE. Bd. 2. 1896. Sp. 2156; Hansen E. Op. cit. P. 178–179; Magie D. RRAM. Vol. 2. P. 1113. Not. 4; Hopp J. Untersuchungen... S. 103–104; ; Cohen G. Hellenistic Settlements... P. 337–338.

¹⁴³ Jones A. H. M. The Cities... P. 129–130. Об Ольвии см.: Scylax. 100; Strab. XIV. 4, 1.

¹⁴⁴ Hansen E. Op. cit. P. 178–179.

которые почитались в столице — Зевс Сотер, Зевс Тропей, Афина Полиада, Афина Никефора, Дионис Категемон, Аполлон Архегет, Гермес, Асклепий. Э. Хансен высказывает на этом основании интересное суждение: город Атталиа был основан путем переселения колонистов из столицы царства — Пергама. Согласившись с этим мнением, добавим следующее. Все перечисленные боги не просто являлись божествами гражданской общины Пергама, но составляли официальный государственный пантеон царства; распространению данных культов способствовали сами монархи. Поэтому упоминание их в документах Атталии служит дополнительным свидетельством активного участия царской власти не только в деле создания нового полиса на побережье Памфилии, но и в дальнейшем его устройстве, организации жизни.

Стефан Византийский упоминает город с названием Эвмениа на Гиркании (Εὐμένεια ἐπὶ Ὑρκανία). В среднем течении реки Герм между городами Сарды, Магнесия и Фиатира располагалась Гирканская равнина, называемая также равниной Кира. Название свое она получила потому, что в эту область персидскими царями были переселены колонисты с востока — из народа гирканов. В. Чериковер и А. Х. М. Джоунз размещали город на Гирканской равнине в Лидии и считали, что назван он был в честь Эвмена II¹⁴⁵. А. Х. М. Джоунз высказал еще и предположение о том, что данный город возник как результат искусственно проведенного Атталидами слияния племенных общин гирканов. К сожалению, информация о городе в источниках столь мала, что приходится ограничиваться предположениями.

Другую Эвмению упоминают Плиний, перечисляя города Кари: *est Eumenia Cludro flumini adposita* (Plin. Nat. Hist. V. 29, 108), и Стефан Византийский (s.v. *Eumeneia*). Возможно, этот город был основан пергамскими царями и назван в честь Эвмена II. Произойти данное событие могло не ранее 188 г. до н. э., ибо до Апамейского мира, как известно, власть Атталидов на северную Карию не распространялась. Информация об этом городе столь скудна и ненадежна, что Л. Робер и Г. Козн отрицают его существование, полагая, что Плиний допустил ошибку¹⁴⁶.

¹⁴⁵ Ramsay W. M. The Historical Geography... P. 124–125; *Tscherikover V. Die Hellenistischen Stadtegründungen...* S. 22–23; Jones A. H. M. The Greek City... P. 17; *idem*. The Cities... P. 54.

¹⁴⁶ *Tscherikover V. Die Hellenistischen Stadtegründungen...* S. 31; Cohen G. Hellenistic Settlements... P. 255.

Наиболее значительным и надежно засвидетельствованным в источниках городом с данным названием являлась Эвмения в Великой Фригии. Стефан Византийский¹⁴⁷ сообщает о том, что царь Аттал II Филадельф увековечил в названии полиса имя своего брата Эвмена II. По словам Евтропия (IV. 4, 2), основателем города был сам Эвмен II. Как полагает В. М. Рэмзи, Эвмения возникла на месте существовавшего ранее поселения. Место для города было выбрано не случайно: рядом находился влиятельный храм Мена-Аскена в Аттанасе, вокруг которого были разбросаны многочисленные сельские общины. Видимо, на территории одной из них была основана Атталидами военная колония, которая должна была противостоять военному поселению Селевкидов Пельты. При Эвмене II и Аттале II, когда вследствие расширения границ государства колония оказалась в центральной его части и утратила военные функции, она была перестроена в город и названа Эвменией¹⁴⁸.

Стефан Византийский отмечает, что город являлся полисом. Это сообщение подтверждается эпиграфическими и нумизматическими данными. Эвмения имела четыре филы, народное собрание, совет, магистратуры (архонтов, стратегов, агораномов, секретаря народа и другие), объединения юношей, эфебов, старцев¹⁴⁹. Монеты города чеканились с легендой ΕΥΜΕΝΕΩΝ ΑΧΑΙΩΝ. На этом основании В. Руге, В. Чериковер, Г. Т. Гриффит, Э. Хансен, Й. Хопп предполагают, что Аттал II поселил в Эвмении ахейских наемников. Локализуется город около современного местечка Ишиклы у реки Куфи-Чай в верхней части долины реки Меандр¹⁵⁰.

¹⁴⁷ См. также: *Strab.* XII. 8, 13; *Plin. Hist. Nat.* V. 31, 113; *Eutrop.* IV. 4, 2. Возможно, как считает Л. Робер, свидетельство Плиния об Эвмении в Кarii следует отнести к данному городу. См.: *Plin. Hist. Nat.* V. 29, 108; *Robert L. Villes...* P. 151–160; *Magie D. RRAM.* Vol. 2. P. 984. Not. 21.

¹⁴⁸ *Ramsay W. M. The Cities and Bishoprics...* P. 353–356; *Tscherikover V. Die Hellenistischen Stadtgrundungen...* S. 33.

¹⁴⁹ Тексты надписей опубликованы В. М. Рэмзи: *Ramsay W. M. The Cities and Bishoprics...* Народное собрание и совет — № 204, 210, 219(?), 359, 361, 371; магистратуры — № 201, 197, 88, 197, 203 и другие. Все указанные надписи относятся к периоду римского владычества, но перечисленные институты существовали и раньше, в эпоху Атталидов.

¹⁵⁰ *Head B. Op. cit.* P. 563; *Ruge W. Eumeneia (1) // RE.* 1909. Bd. 6. Sp. 1082; *Ramsay W. M. The Cities and Bishoprics...* P. 354; *Tscherikover V. Die Hellenistischen Stadtgrundungen...* S. 33; *Griffith G. T. The Mercenaries of the Hellenistic World.* Cambridge, 1935. P. 179–180; *Hansen E. Op. cit.* P. 178; *Magie D. RRAM.* Vol. 2. P. 984–985. Not. 21; *Hopp J. Untersuchungen...* S. 103. См. также: *Cohen G. Hellenistic Settlements...* P. 302–303.

Все перечисленные выше города и военные поселения были основаны Атталидами в Азии. Относительно данного рода деятельности на островах и в их европейских владениях известно немного. Аттал I, захватив во время Второй Македонской войны остров Андрос, убедил местное население остаться и, кроме того, поселил некоторых из захваченных там солдат Филиппа V, чтобы не владеть пустым островом (Liv. XXXI. 45).

На территории европейских владений Атталидов около местечка Панион на фракийском берегу Эгейского моря была найдена надпись, в которой Эвмен II назван основателем полиса (OGIS. 301). Надпись представляет собой посвящение богам Зевсу Сотеру, Афине Nikeфоре и Аполлону, которые составляли часть официального пантеона в Пергамском царстве. Таким образом, мы снова встречаем косвенное свидетельство не только участия центральной власти в основании города, но и активного влияния ее на организацию внутренней жизни. Возник данный полис после Апамейского мира 188 г. до н. э., когда под власть Эвмена II перешел полуостров Херсонес Фракийский и некоторые прилегающие к нему территории. Локализуется город на берегу Пропонтиды, к югу от хребта Такирдаг (см. также: OGIS. 302–304)¹⁵¹.

Отмеченные выше процессы образования в Пергамском царстве полисов на основе местных общин или военных поселений нашли еще одно подтверждение благодаря открытию упоминавшейся выше новой надписи с текстом письма Эвмена II об основании нового полиса Тириея¹⁵². Документ также подтверждает тезис о большой роли царской власти в процессе образования новых городов.

Указанными сведениями ограничиваются сообщения источников о градостроительстве в государстве Атталидов. В деятельности пергамских царей по основанию новых городов с замечательной ясностью обнаруживаются как общие черты, проявляющиеся в истории всех государств Восточного Средиземноморья III–II вв. до н. э. и характерные для эллинистического мира в целом, так и особенные, определяемые своеобразием политического и социально-экономического развития Пергамского государства. Общим, по-видимому, следует считать само стремление центральной власти к созданию целого ряда новых городов, ставших военно-политическими и экономическими центрами. Объективно явление это было порождено массовым переселением греков и македонян на восток, общим эко-

¹⁵¹ *Cohen G. Hellenistic Settlements...* P. 87.

¹⁵² Подробно см. гл. 3, п. 3.

номическим подъемом, определившимися в Восточном Средиземноморье в конце IV—III в. до н. э. Определенную роль в широком распространении практики градостроительства сыграло и желание центральной власти закрепить суверенитет над захваченными территориями, создать систему административно-политических и торгово-экономических пунктов, которые облегчили бы управление новыми обширными землями.

Другой чертой является распространение полиса как экономической и социально-политической организации греческого и македонского населения. Процесс колонизации происходил в форме основания не только полисов, а также военных колоний, различного рода местечек, поселков. Но именно полис оказался наиболее распространенной и исторически более гибкой формой. Приспособившись к новым условиям, он сыграл огромную роль в развитии эллинистического, а в дальнейшем и восточно-римского мира. В Пергамском царстве некоторые полисы создавались путем объединения военно-земледельческих поселений (Аполлонида в Лидии) или происходило постепенное расширение колоний и формирование на их основе полисов (Атталия, Эвмения во Фригии и другие).

Градостроительная деятельность Атталидов в целом протекала без какого-либо четкого и заранее продуманного плана. Создание новых полисов и колоний было обусловлено конкретными политическими событиями, связано с задачами, которые вставали в тот или иной период истории государства. При первых правителях основной задачей являлось создание военных колоний для защиты рубежей. После Апамейского мира 188 г. до н. э. характер градостроительства изменился: стали создаваться прежде всего полисы, центры экономической и политической жизни; основанные ранее колонии превратились в ряде случаев в настоящие города.

Общее количество построенных пергамскими царями полисов и колоний значительно уступает числу основанных Александром, Селевкидами и некоторыми другими династиями городов. Причины этого очевидны. До Апамейского мира территория государства была очень невелика, равно как материальные и людские ресурсы царства. Кроме того, западное побережье Малой Азии (Эолида, Иония, Троада) было очень плотно заселено греками, создавшими здесь большое количество городов. Поэтому первые Атталиды не имели ни возможностей, ни необходимости основывать новые полисы и строили главным образом военные колонии, чтобы прикрыть северные и восточные границы государства. После 188 г. до н. э. деятельность пергамских царей в этой сфере значительно активизировалась и, как сказано выше,

в известной степени изменила свой характер, но этот период продолжался всего лишь пятьдесят пять лет до падения династии. В эти годы значительно расширились экономические возможности династии и людские резервы страны, возникла необходимость освоения некоторых глубинных районов западной части Малой Азии, строительства новых торгово-экономических и политических центров.

Несмотря на незначительные масштабы, градостроительная деятельность Атталидов сыграла немалую роль в истории Пергамского государства. Многие из основанных ими городов оказались вполне жизнеспособными и продолжали свое существование после падения династии в римское, византийское и новое время.

Полисы — города, полноправное население которых составляло гражданскую общину, являлись очень важным структурным элементом эллинистического государства, а также по-прежнему представляли собой наиболее важную и распространенную форму экономической и социально-политической организации свободного населения. Это проявилось в том, что сохранялись и по-прежнему играли большую роль старые греческие общины, восточные эллинизированные города постепенно трансформировались в полисы, а процесс колонизации греками Востока проходил преимущественно путем основания именно полисов. Иные формы организации — храмовые общины, военные поселения, даже сельские поселения — имели нередко квази-полисную структуру и при благоприятных обстоятельствах развивались в полноценные города.

Западная часть Малой Азии, в которой формировалось царство Атталидов, являлась сильно урбанизированным регионом античного мира. Письменные источники и материалы археологических исследований свидетельствуют об очень большом числе городов в описываемом регионе. Наиболее ярким примером урбанизации в Малой Азии служат многочисленные греческие города, среди которых некоторые (Эфес, Милет, Кизик) превратились в крупные центры экономической и культурной жизни. Среди городов в регионе важное место принадлежало эллинизированным и сохранившим сильную местную культурную и этническую традицию поселениям, которые, видимо, были достаточно многочисленны и включали весьма значительную часть населения полуострова, особенно в его центральной и восточной частях. В некоторой степени примером урбанизированного стиля жизни могут служить также храмовые общины Малой Азии.

Развиваясь в составе эллинистической монархии Атталидов, гражданские общины претерпели известную внутреннюю эволюцию,

которую характеризуют следующие важные изменения. Во-первых, можно говорить о значительном имущественном и социальном расхождении гражданского коллектива, составлявшего основу полиса. Рядом документов засвидетельствовано выделение в общинах, очевидно, немногочисленного слоя людей, обладавших немалым богатством, первенствовавших в своих городах. К их числу относились упоминавшиеся Менас из Сеста, Кефисодор из Апамеи, Калас из Пергама. Эти люди занимали важные городские выборные должности, активно влияли на политику общины. Важной чертой этого круга лиц являлась их промонархическая деятельность или даже в некоторых случаях близость к царям из династии Атталидов.

Еще одним существенным изменением в развитии городов стала заметная формализация полисного строя. При сохранении всех его внешних черт произошло уменьшение роли собрания и рост влияния отдельных магистратур. С одной стороны, этот процесс был определен отмеченным выше социальным явлением и развивался естественным путем. С другой стороны, формализация городского строя происходила вследствие необходимого сосуществования полиса с монархией. В ряде случаев воздействие короны на полисные институты осуществлялось в форме прямого и непосредственного вторжения центральной власти в жизнь гражданского коллектива. Наиболее ярким примером подобного рода деятельности является факт назначения коллегии стратегов в Пергаме правителем. Вместе с тем монархия оказывала воздействие на полисные институты косвенно, скорее самим фактом своего существования. Поэтому изменения происходили в конституции не только зависимых и подвластных городов, но и так называемых свободных.

Роль полисов в эллинистическом Пергамском царстве была исключительно велика. В III–II вв. до н. э. произошли значительные прогрессивные изменения в развитии их хозяйства и культуры; города переживали состояние общего экономического и культурного подъема, который затронул ремесленное производство, торговлю, сельское хозяйство, систему денежного обращения, строительство, сферу благоустройства и другие стороны полисной жизни.

Для династии Атталидов греческие полисы и эллинизированные местные общины являлись важнейшим источником доходов, резервом колонистов для новых поселений, в некоторых случаях военными и административно-политическими центрами. Города, кроме того, владея хорой и эксплуатируя проживавших в ней местных жителей, служили важным средством поддержания власти эллинистического государства над восточным населением. В силу этого существование

полисов было для Пергамского царства жизненно необходимым фактором развития, а сами города включены в экономическую, финансовую, социально-политическую, административную, военную и идеологическую системы государства.

Включение полисов в структуру эллинистического царства Атталидов в значительной степени облегчалось тем фактом, что города Малой Азии издавна, в отличие от полисов Балканской Греции, развивались в составе монархий. Лидийское царство, империя Ахеменидов, государство Александра Македонского, царства диадохов — все поочередно устанавливали над городами политический контроль и вводили систему эксплуатации городского населения.

Положение городов в государстве Атталидов было различным. В известной степени условно могут быть выделены, во-первых, подвластные династии полисы, обложенные налогами и обязанные иметь на своей территории гарнизоны или назначенных царями должностных лиц — эпистатов или градоначальников, и, во-вторых, подвластные Атталидам города, освобожденные от налогов и гарнизонов. Эти льготы были исключительно проявлением доброй воли монархов, нередко предоставлялись на определенный период времени.

Статус города определялся в Пергамском государстве целым рядом обстоятельств. Играли роль традиционные, исторически сложившиеся связи, завоевание новых земель с расположенными на них полисами, реальное соотношение сил монархии и городов. Наконец, в истории царства Атталидов большое значение имел и внешнеполитический фактор — вмешательство Рима.

Кроме подвластных династии городов, в Малой Азии в III–II вв. до н. э. сохранялось большое количество так называемых свободных полисов, которые не только по формальным признакам, но и в значительной степени по реальному положению являлись, как и в классическую эпоху, самостоятельными государствами. К их числу относятся Родос, Самос, Кизик, Византий, Милет, Кима, Смирна, Магнесия-на-Меандре, Приена, Лампсак, Илион, Александрия в Троаде, Галикарнасс и другие. Полисы этой категории сохраняли политическую независимость, свою систему органов управления, собственный денежный чекан, армию и флот, а также самостоятельно вели внешнюю политику. Но будучи включенными в сложную систему международных отношений, полисы данной категории вынуждены были ориентироваться во внешней политике на крупные государства — Рим и эллинистические царства, в ряде случаев испытывали влияние монархии во внутренней жизни. Среди названных полисов на Атталидов ориентировались Кизик, с которым отношения династии носили особенно тесный

характер, города Троады Александрия, Лампсак, Илион, а также Смирна и Милет. В Милете, например, значительное развитие получил царский культ Атталидов, причем он приобрел даже более завершенные формы, чем в подвластных династии городах.

В политике Атталидов выделяется ряд мероприятий, направленных на поддержание власти династии над зависимыми городами и на сохранение тесных отношений со свободными полисами. Пергамские монархи стремились осуществлять свою политику в отношении городов с позиции силы, насильственно вторгаясь в полисные дела, ограничивая права органов городского управления, размещая гарнизоны, назначая специальных должностных лиц, облагая города налогами. Не создавая разветвленной системы управления городами, центральная власть, как правило ограничивалась установлением общего контроля за жизнью гражданских общин и была вынуждена сохранять известную самостоятельность их во внутренних делах. Одновременно Атталиды стремились заинтересовать города в союзе с монархией, добиться их расположения. С этой целью полисам в ряде случаев предоставлялись финансовые льготы и привилегии, создавались благоприятные условия для развития городского хозяйства, строились за счет казны царей общественные сооружения.

Таким образом, история Пергамского государства является собой пример не только достаточно жесткого контроля центральной власти за жизнью полисов, но и конструктивного взаимодействия монархии и многочисленных городов, образец удачного сочетания двух принципов — централизации и автономии. Хозяйственный подъем, характерный для Малой Азии эпохи эллинизма, массовое переселение греков и македонян, возникновение новых полисов, объединение городов в составе монархии Атталидов и установление над ними контроля со стороны центральной власти — все названные факторы способствовали сближению полисов, установлению более тесных и регулярных экономических контактов, политических и религиозных связей. Но при этом гражданские общины не разрушались, не растворялись в эллинистическом государстве. Полисы в основном сохранили свои институты, замкнутый корпоративный характер, особые черты социально-экономической организации, политической и религиозной жизни.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА АТТАЛИДОВ

4.1. Царские культы и религиозная политика династии

В эпоху эллинизма становление сильной царской власти, обладавшей значительными материальными возможностями и военным потенциалом, распространявшей свое влияние на обширные территории и на многочисленное население, вызвало к жизни такое своеобразное явление в общественно-политической и идеологической жизни государств Восточного Средиземноморья, как культ царей и правителей.

Предпосылки складывания культов царей сформировались как на Востоке, так и в греческом мире в результате длительных изменений в обществе, в политической и духовной жизни. Основой формирования этих культов явилась, с одной стороны, распространенная в ряде стран Ближнего Востока практика обожествления личности носителя верховной власти и прочно укоренившаяся традиция деспотизма. Наиболее характерно обожествление живого носителя царской власти для Древнего Египта, где не только сложились развитые формы религиозного почитания царя, достаточно сложная религиозная концепция царской власти и личности монарха как воплощения богов, но также и весьма прочная и устойчивая практика массового почитания живого носителя верховной власти рядовым населением страны. В ряде других стран Ближнего Востока, в том числе в Двуречье или в империи Ахеменидов, обожествление царей не получило развития, но сформировалось представление о том, что царь является представителем и ставленником верховного божества, в империи Ахеменидов — бога Ахура-Мазды.

При этом, с другой стороны, в самой Греции в конце V — IV в. до н. э. все более частыми становились попытки обожествления отдельных выдающихся личностей — полководцев, государственных деятелей, врачей¹. И хотя практика почитания живого человека не приобрела массового характера, сам факт ее появления свидетельствует об определенных изменениях в умонастроениях греков.

Переломным пунктом в развитии этого процесса для греческого мира явилась религиозная политика Александра Македонского, выразившаяся во введении культового почитания царя в качестве сына Зевса и бога Амона². Для Александра, по определению Г. С. Кнабе и И. А. Протопоповой, свойственно мифологическое восприятие действительности, при котором совершаемые им самим деяния рассматривались как продолжение поступков великих героев; сам он при этом уподоблялся Ахиллу, своего друга Гефестиона сравнивал с Патроком, объявил себя потомком Амона, равнялся с Дионисом в великих деяниях. При Александре также стала формироваться религиозно-политическая доктрина, согласно которой все поступки царя считаются справедливыми, поскольку происходят по воле богов и носят, следовательно, божественный характер³.

При последователях Александра, позже — в государствах Селевкидов, Птолемеев, Атталидов царские культы стали обычным явлением религиозно-политической жизни эллинистических государств. В этот период в культурной жизни происходили глубокие перемены, постепенно формировалась новая культура. Внешним выражением новой культуры стал ее смешанный, синкретический характер, соединение эллинских и восточных черт. Глубинным выражением

¹ Байбаков Е. И. Происхождение эллинистического культа царей. Харьков, 1914; Зелинский Ф. Ф. Религия эллинизма. СПб., 1922. С. 81–89; Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. М., 1976. С. 148 сл.; Тураев Б. А. История Древнего Востока. Т. 1. М., 1935. С. 183–184, 198, др.; Вейнберг И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986. С. 115–140, др.; Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980. С. 330; Дандамаев М. А. Государство, религия и экономика в древней Передней Азии (характерные особенности) // Государство и социальные структуры на Древнем Востоке. М., 1989. С. 6; Kern O. Die religion der Griechen. Bd. III. Berlin, 1938. S. 111–113; Habicht Chr. Gottmenschentum und Griechische Städte. München, 1956. S. 3–10.

Характеристику культов царей см.: Walbank F. W. Monarchies and monarchic ideas // САН. Vol. 7. 1984. P. 84–100.

² Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 222–233; Habicht Chr. Gottmenschentum... S. 17–28.

³ Кнабе Г. С., Протопопова И. А. Культура античности // История мировой культуры. Наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение. М., 1998. С. 130–135.

нового стало изменение менталитета человека эллинистического времени. В основе нового менталитета лежало противоречивое сочетание рационализма и тяги к мистическим учениям и идеям, приверженность этнической и религиозной традиции и почитание иноземных богов, сохранение полисного республиканского политического мышления при культовом почитании царей и откровенном сервилизме перед ними. В некоторых отношениях произошла неомифологизация массового сознания⁴.

Среди новых черт духовной жизни эллинистического времени — распространение религиозного почитания монархов. С культом царей также тесно связано широко распространившееся в эллинистическую эпоху представление о царской власти и царской личности как воплощении высшей справедливости, защиты, божественной силы и благодати. Эти идеи, родившиеся среди разных слоев населения, сформировались в стройную политическую концепцию, которая нашла отражение в трудах ряда философов позднеклассического и собственно эллинистического времени. Известно о трудах Аристотеля «О царской власти» (Diog. Laert. V. 1, 22–27), Теофраста «О царской власти», «О воспитании царя», «К Кассандру о царской власти» (Diog. Laert. V. 2, 47, 49), Стратона из Лампсака, учителя Птолемея Филадельфа «О царской власти», «О царе-философе» (Diog. Laert. V. 3, 59) и других (Diog. Laert. VII. 5, 175; 6, 178). К сожалению, сочинения перечисленных ученых не сохранились и об их содержании практически ничего не известно. Мы знаем только, что труды подобного рода не обязательно носили апологетический характер, а в некоторых случаях отличались самостоятельностью суждений и критичностью оценок. По словам Плутарха, Деметрий Фалерский советовал Птолемею почитать книги о царской власти, ибо в них изложено то, что друзья не решаются сказать царю (Plut. Reg. Et imper. Aporptegm. 189 D). Очевидно также, что в политической теории эллинистического времени активизировался интерес к институту царской власти и к вопросу о ее характере и роли в обществе⁵.

⁴ Подробнее о «перемене ментальности» см.: *Свенцицкая И. С.* Человек и мир в восприятии греков эллинистического времени // *Эллинизм: Восток и Запад*. М., 1992. С. 201–213; *Кнабе Г. С., Протопопова И. А.* Культура античности... С. 135–136. Перемена менталитета связана с глубокими изменениями не только в идеологии, но также и в социальной психологии, которые пока ожидают исследования.

⁵ О формировании монархической идеологии и идеала царя см.: *Фролов Э. Д.* Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 306–326, 337–340, 346–348, др. (со ссылками на специальную литературу); *Walbank F. W.* Monarchies... P. 75–80, 82–84.

Но политическая теория была уделом достаточно узкой части образованного общества. Формой массовой идеологии эллинистического времени стало все-таки религиозное почитание царей. В нем отразились представление рядового человека об идеальном правителе и власти, надежды на справедливый и благой характер деятельности царей, благодарность за оказанные населению благодеяния.

Практика обожествления членов правящего дома характерна и для Пергамского государства. Уже основатель династии Филетер был удостоен приличествующих богу почестей. В Пергаме в гимнасии молодых людей ему была поставлена статуя, перед которой совершались жертвоприношения (AM. 1904. XXIX. S. 152 сл.). Этот обычай укоренился в столице настолько прочно, что сохранялся некоторое время даже после гибели династии, при римлянах.

Культовое почитание основателя династии развивалось не только в столице, но даже за пределами государства. В честь Филетера в связи с его многочисленными благодеяниями городу Кизик и святилищу Аполлона на Делосе в обоих полисах были основаны празднества Филетерии, призванные отметить деяния пергамского династа (SIG. 3660; BCH. 1908. XXXII. 83).

При его преемнике Эвмене I в Пергаме были основаны празднества Эвмении (OGIS. 267. Стк. 34), которые проводились ежегодно и по греческому обычаю сопровождалась торжественным жертвоприношением. Некоторыми учеными, например К. Шнайдером, было высказано мнение о том, что этот праздник отмечался в день рождения Эвмена I. Дж. Кардинали, Хр. Хабихт и Э. Хансен справедливо высказались против такого предположения, как не подкрепленного никакими данными источников⁶. Можно также предполагать, что основание этих торжеств было вызвано благодарностью населения полиса правителю. В колонии Филетерии, основанной Эвменом I, ему был воздвигнут храм, где, очевидно, отправлялся культ основателя этого города (OGIS. 336. Стк. 4).

Более значительная и результативная деятельность Аттала I получила достаточно яркое отражение в религиозной жизни его собственной страны и ряда самостоятельных полисов. В честь Аттала I на острове Эгина были основаны празднества Атталлии, которые носили характер театральных агонов, и также было воздвигнуто святилище Атталейон (OGIS. 329. Стк. 40–41, 46). Одна из надпи-

⁶ *Schneider C.* Kulturgeschichte des Hellenismus. München. Bd. 2. 1969. S. 904; *Cardinali G.* Il regno di Pergamo. Roma, 1906. P. 142. Not. 2; *Habicht Chr.* Gottmenschentum... S. 125; *Hansen E.* The Attalids of Pergamon. Ithaca; London, 1971. P. 454. Not. 186.

сей — почетный декрет в честь Аполлония из Накрасы — упоминает празднества Басилеи, основанные, по предположению В. Диттенбергера, в честь принятия царского титула Атталом I (OGIS. 268. Стк. 5). О существовании их в других полисах царства информации нет: вероятно, данные празднества носили местный характер.

Значительных почестей Аттал I удостоился также за пределами своего царства — в Греции и на островах Эгейского моря. На острове Делос около 217 г. до н. э. в честь пергамского царя был основан специальный праздник Атталии (Syll.² 588 В. Стк. 61, 183). Граждане Сикиона постановили воздвигнуть Атталу I статую и совершать ежегодные жертвоприношения в его честь (Polyb. XVIII. 16; Liv. XXXII. 40, 8–9). В Афинах имя Аттала было дано одной из фил города, а для совершения жертвоприношений в честь царя назначен специальный жрец (Polyb. XVI. 25, 8; Liv. XXXI. 15; Paus. I. 5, 5; 8, 1; IG. II². 5080).

Культового почитания удостоился не только сам царь, но и члены его семьи. Из надписи Нотия известно, что в этом городе были воздвигнуты статуи жене, сыновьям и, очевидно, самому царю; в честь рождения сына Афenea проводились жертвоприношения и состязания эфебов и юношей (BSH. XXX. 1906. P. 349–258). Возможно, все эти торжества составляли какой-то значительный праздник, посвященный Атталу I. Наконец, этот царь первым из пергамских правителей получил культовое имя. Он был назван Сотер, что связано, как считают исследователи, с его победами над галатами (IvP. 43–46; OGIS. 289)⁷.

Эвмен II, добившийся немалых успехов во внешней и внутренней политике, обеспечивший значительный территориальный рост государства и его дальнейшее усиление на международной арене, получил более значительные почести, чем предшественники. Известно, что на острове Эгина был основан театральный агон, называвшийся Эвмении (OGIS. 329. Стк. 40–41). Декрет города Траллы определял организацию музыкальных состязаний, также носивших имя пергамского царя Эвмена II Сотера⁸. Сарды основали празднества в честь Афины и Эвмена II Сотера (OGIS. 305; Sardis. VII. 27. Стк. 12–13). Исключительно важным при этом является то обстоятельство, что торжества одновременно посвящались богине Афине и здравствующему пергамскому монарху. Богиня Афина избрана в данном случае в качестве объекта почитания далеко не случайно:

⁷ Hansen E. Op. cit. P. 454.

⁸ Ibid. P. 458–459; Robert L. Decret de Tralles // RPh. 1934. T. 60. P. 279–291.

это одна из наиболее чтимых в Пергаме богинь, а распространению ее культа активно способствовали сами цари.

В 167–166 гг. до н. э. союз ионийских городов определил за многочисленные благодеяния царя городам союза воздвигнуть ему золотую статую в том месте союза, где Эвмен пожелает, увенчать его золотым венком, объявить о почестях царю на Панионийском празднике и в отдельных городах лиги (RC. 52. Стк. 23 сл.). Исследователи (Ч. Б. Уэллз) обращают внимание, вслед за Полибием (XXXI. 6, 6), на то, что возрастание влияния и авторитета Эвмена II среди греков и, соответственно, развитие его культового почитания происходило в то самое время, когда римляне демонстративно стали подчеркивать охлаждение своего отношения к пергамскому царю⁹. Рассматриваемый документ относится ко времени непосредственно после неудачного и унижительного визита Эвмена II в Италию. Недоброжелательное и оскорбительное отношение римлян не помешало ионийским грекам в высшей степени комплиментарно оценить деятельность пергамского монарха и определить ему особые почести и формы поклонения.

В почитании Эвмена II из полисов Ионии особо отличился Милет, который по условиям Апамейского мира 188 г. до н. э. сохранил свободу. Тем не менее полис, видимо, был настолько тесно связан с царской династией и так стремился заручиться ее благоволением, что удостоил Эвмена II особых культовых почестей. В городе был выделен священный участок, посвященный царю, принято решение о праздновании дня рождения Эвмена II — шестого Ленея. В этот день следовало устраивать религиозные процессии и жертвоприношения, шествие эфебов с оружием и угощение (ABA. Abh. 1. 1911. S. 27–30). На основании ряда надписей Р. Аллен отметил, что в этом влиятельном полисе, сохранившем после Апамейского мира 188 г. до н. э. политическую самостоятельность, культ царя развился до своей высшей точки — признания живого носителя верховной власти богом¹⁰.

Телмесс в связи с победами над Прусием и галатами Ортиагона постановил открыть двери всех храмов, жрецам и жрицам молить богов о победах Эвмена II на земле и в море (война к тому времени еще не завершилась), а день победы отмечать каждый месяц жертвоприношениями Зевсу Генетлию и Афине Никефоре¹¹. Культ мо-

⁹ Welles Ch. B. RC. P. 213–214.

¹⁰ Allen R. The Attalid Kingdom: A Constitutional History. Oxford, 1983. P. 119–120.

¹¹ Robert L. Etudes anatoliennes. Paris, 1937. P. 73, 1.

нарха сложился также в Теосе: известно, что в этом городе избирался жрец царя Эвмена II (OGIS. 309. Стк. 4–5).

Значительных почестей удостоился царь и за пределами Малой Азии. Его деятельность была отмечена Дельфийской амфикинией, Этолийским союзом, Афинами¹². Известно о празднествах в честь Эвмена II на острове Кос (Syll.³ 1028). Большинство исследователей связывают основание этого торжества с именем Эвмена II (В. Диттенбергер, Л. Робер, Хр. Хабиخت), который имел на острове жреца и храм¹³. Эвмен II, как и его предшественник, носил имя Сотер. Принял он его не позже 184/183 г. до н. э. в связи с победой над галатами¹⁴.

При Эвмене II сложился культ и его матери царицы Аполлониды. Надпись из Гиерополя говорит о том, что жена Аттала I была после смерти причислена к богам (μεθέστηκεν εἰς θεοὺς, OGIS. 308. Стк. 4). Другой документ — постановление из Теоса (OGIS. 309) — регламентирует все мероприятия, связанные с отправлением ее культа, и перечисляет определенные для нее почести. Умершая царица в Теосе также была причислена к богам — Θέα Ἀπολλωνίς Εὐσεβής Ἀποβατήρια (стк. 14; ср. стк. 5). В честь ее в городе был возведен храм. Умершая обожествленная царица получила культовое имя Аполлонида Благочестивая Апобатерия, в котором первая часть подчеркивала ее особое отношение к богам, а вторая увековечивала факт прибытия в город на корабле. Царице был посвящен день, когда ей приносились жертвы, совершалось торжественное шествие, исполнялись гимны, приалтарные песни¹⁵. Всем должностным лицам полиса — стратегам, тимухам, пританам и другим — было вменено в обязанность участвовать в проведении культовых праздников, посвященных царице (стк. 6–7). В Теосе для обожествленной царицы Аполлониды и ее здравствующего сына Эвмена II был выделен жрец, а для богини Аполлониды и царицы Стратоники — жрица (стк. 4–6).

¹² Syll.³ 628–630, 671, 672; SEG. XII, 261; Hansen E. Op. cit. P. 293–295, 457, 459–460.

¹³ Dittenberger W. Syll.³ 1028. Not. 11; Robert L. Op. cit. P. 85, 3; Habicht Chr. Gottmenschen... S. 125

¹⁴ Hansen E. Op. cit. P. 457. До открытия надписи из Телмесса считалось, что имя Сотер Эвмен II принял после 166 г. до н. э. См.: Fränkel M. IvP. 160. S. 41 сл.

¹⁵ Об особом благочестии царицы Аполлониды говорится в надписи Гиерополя (OGIS, 308). В письме городу Пергаму Аттал III подчеркивает исключительное расположение к богам своей матери — царицы Стратоники (OGIS. 332, IV. Стк. 45–50). Видимо, это традиционный мотив: Dittenberger W. OGIS. Vol. I. P. 479. Not. 9. Полную характеристику культовых почестей царицы Аполлониды см.: Van Looy H. Apollonis reine de Pergame // Ancient Society. 1976. Vol. 7. P. 151–165.

Култ Аттала II, сменившего на престоле своего брата Эвмена II, стал формироваться до его воцарения. Имя Филадельф, которое должно было подчеркнуть расположение Аттала к Эвмену II, он получил еще до прихода к власти (OGIS. 308. Стк. 14). В Апамее гимнасиарх Кефисодор установил в гимнасии культовые статуи Эвмена II и Аттала (ΜΑΜΑ. VI. 173. Стк. 10–11). В последние годы царствования Эвмена II, когда Аттал фактически стал выполнять функции царя, в Дельфах были основаны праздники в честь обоих братьев (Syll.³ 671; 672).

В Афинах — полисе, с которым оба брата-царя поддерживали исключительно тесные дружественные отношения, граждане города почтили Эвмена II и Аттала II статуями огромных размеров, поставленными на акрополе над театром (Plut. Anton. LX. 6).

На принадлежавшем пергамским правителям острове Андрос в честь Эвмена II или Аттала II (имя царя в надписи не сохранилось) устраивались торжественные шествия и жертвоприношения. В документе отмечено, что аналогичных почестей были удостоены и царицы (имеются в виду Аполлониды и Стратоника). В связи с культовым почитанием монарха в городе была установлена царская статуя¹⁶. После воцарения Аттала II в полисах сложился самостоятельный его культ. На острове Эгина был основан праздник Атталия Филадельфия¹⁷. Божественных почестей Аттал был удостоен и за пределами царства — в Афинах, на острове Кос, где в честь царя были устроены торжества (Syll.³ 670–672, 1028).

С культовым почитанием Афенея — брата царей Эвмена II и Аттала II — и их матери — царицы Аполлониды — связана плохо сохранившаяся надпись из Колофона¹⁸. Решением властей полиса, который после Арамейского мира 188 г. до н. э. сохранил политическую свободу, в честь Афенея следовало проводить жертвоприношения, а также состязания детей, эфэбов и юношей. Надпись представляет особую ценность в том отношении, что свидетельствует о развитии культового почитания не только самих царей, но и других членов царской семьи. Кроме того, документ, как и некоторые иные надписи из Милета, Коса и еще ряда полисов, свидетельствует о развитии культового почитания царей не только в подвластных городах, но и в независимых полисах.

Царица Стратоника, каппадокийская царевна, жена Эвмена II, после его смерти ставшая женой Аттала II, была удостоена статуи,

¹⁶ Allen R. E. Op. cit. P. 224. № 21.

¹⁷ RE. Bd. II. s. v. Ἀττάλεια (4). Стл. 2156; Hansen E. Op. cit. P. 466.

¹⁸ Allen R. E. Op. cit. P. 223. № 20.

которая от имени афинского народа была установлена на острове Делос (ID. 1575).

О культе последнего царя династии Аттала III рассказывает надпись из Пергама или Элеи (IvP. 246; OGIS. 332)¹⁹. В документе дано полное имя монарха — «царь Аттал Филометор и Эвергет, сын бога царя Эвмена Сотера» (стк. 21–22, 24–25, 44–45). Такая форма имени царя являлась официальной, торжественной, поэтому именно ее предусмотрено использовать в текстах надписей на статуе, изображении и в торжественном объявлении священного глашатая во время жертвоприношений²⁰. Аттал III имел два культовых имени. Одно — Филометор — подчеркивало его связь с царским домом, с вдовствующей царицей Стратоникой²¹. Второе — Эвергет — показывало его отношение к греческим городам и их гражданам и имело, как и имя Сотер его отца и деда, пропагандистский характер. Другая важная особенность парадного имени Аттала III в том, что он назван сыном бога царя Эвмена II Сотера. Этим подчеркивалась связь правящего монарха с богом, с обожествленным царем.

Полис определил воздать царю значительные почести. Было решено объявить священным тот день, когда царь прибыл после победы в Пергам, совершать в этот день праздничное шествие, поставить статую, изображавшую одетого в панцирь Аттала III, попирающего ногами трофеи. Собрание также тщательно регламентировало церемонию встречи царя на случай, если он посетит полис. В этом подробном описании церемоний, связанных с чествованием монарха, особого внимания заслуживают некоторые детали. Статую царя следует, согласно постановлению, воздвигнуть в храме Асклепия Сотера, «чтобы был сохраником богу» (ἵνα ᾗ σύνναος τῷ θεῷ — стк. 8–9). Практика определения какого-либо храма бога в качестве места почитания живого правителя распространяется широко в эллинистический период и служит важным средством формирования

¹⁹ Документ анализируется в работах: *Hansen E.* Op. cit. P. 467; *Hopp J.* Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. München, 1977. S. 111–113; *Nock A. D.* ΣΥΝΝΑΟΣ ΘΕΟΣ // *Essays on religion and the Ancient World*. Vol. I. Cambridge, 1972. P. 219–220; *Hamon P.* Les prêtres du culte royal dans la capitale des Attalides: note sur le décret de Pergame en l'honneur du roi Attale III (OGIS 332) // *Chiron*. 2004. Vol. 34. P. 169–185.

²⁰ Один раз он назван проще — «царь Аттал Филометор и Эвергет» (стк. 30). Интересно, что в письме, с которым монарх обратился к городам Кизик и Пергам, он называет себя «царь Аттал» (OGIS. 331. Стк. 26, 45).

²¹ Стратоника ни в одной надписи не отнесена к числу богов. Й. Хопп считает возможным, что осенью 135 г. до н. э. она еще была жива: IvP. 248; OGIS. 331, IV; RC. 67; *Hopp J.* Untersuchungen... S. 29, Anm. 70.

царского культа. Очень близкой формой почитания является принесение жертв богу и монарху на одном алтаре. В данной надписи определено совершать жертвоприношения Атталу на алтаре Зевса Сотера (стк. 13, 42–43), Зевса Советного и Гестии Советной (стк. 48–49).

Надпись, таким образом, показывает, что при Аттале III продолжалось развитие царского культа, отправление которого осуществлялось более пышно, торжественно и требовало значительно больших проявлений верноподданнических чувств к царю со стороны городов, чем при прежних правителях.

Становление и формирование царских культов в Пергаме, как и в других эллинистических государствах, — длительный процесс, растянувшийся на десятилетия. В развитии его в государстве Атталидов наблюдается определенная динамика и объективная логика, в соответствии с которой уровень культового почитания царя и роль царского культа в жизни страны постепенно возрастали и развивались от достаточно простых форм при первых представителях династии к сложным и совершенным при поздних Атталидах. При этом, как отмечают исследователи, на ранних стадиях развития культа нередко сложно разграничить благодарственные почести и культовое почитание²².

На начальном этапе носитель власти удостоивался многих почестей, приличествующих божеству: в его честь устраивались празднества, совершались процессии, жертвоприношения, ставились статуи, осуществлялось почитание в других формах, но при этом он формально не считался богом и не назывался им. Подобное отношение к монарху вполне укладывалось в рамки почитания, вызванного особой признательностью и благодарностью за реальную политическую защиту, обеспечение безопасности, стабильности, предоставление определенных льгот и привилегий населению полиса.

В дальнейшем наряду со всеми указанными формами культового почитания происходило совершенно официальное признание умершего царя богом. Из пергамских монархов после смерти были обожествлены Аттал I, Эвмен II, Аттал II и Аттал III. Что касается первых представителей династии — Филетера и Эвмена I, то их культ не развился до этой стадии. Во всяком случае, свидетельства подобного рода пока не известны.

²² Nock A. D. Op. cit. P. 241–244. Ср.: Самохина Г. С. Афины и ранние Антигониды (к вопросу об эволюции культа правителя в раннеэллинистический период) // Античная гражданская община: Проблемы социально-политического развития и идеологии. Л., 1986. С. 59–77.

На этом же этапе формирования культов царей к перечисленным формам почитания добавлялись попытки сблизить или вообще слить культ монарха с культом какого-либо традиционного авторитетного бога. Это могло выражаться в том, что богу и царю приносили жертвы на одном алтаре (Зевсу, Гестии и Атталу III — в Пергаме или Элее), учреждался общий праздник в честь бога и царя (в честь Афины и Эвмена II — в Сардах), наконец, местом почитания царя назначался храм бога (например Асклепия и Аттала III). Культ здравствующего царя мог сблизиться с культом умершего обожествленного правителя (Эвмена II и Аполлоны, Стратоники и Аполлоны).

Наконец, безусловно, высшую форму царского культа составляло признание богом живого носителя верховной власти, но в Пергаме имеется только одно свидетельство того, что царь получил статус божества при своей жизни. Р. Аллен на основании надписей из Милета пришел к неожиданному, но убедительному выводу о том, что Эвмен II был уже при жизни назван божеством²³. Удивительным фактом является то, что здравствовавший царь был признан богом в независимом полисе, который, хотя и поддерживал тесные отношения с Атталидами, все-таки сохранял после Апамейского мира 188 г. до н. э. политическую самостоятельность. Возможно, это было связано с какими-то не известными пока благодеяниями монарха богатому и влиятельному полису.

Введение и распространение новых культов богов является также важной чертой деятельности Атталидов в области религии. Одним из наиболее почитаемых пергамскими царями богов являлся Дионис Категемон. Строго говоря, его нельзя отнести к числу введенных Атталидами культов, ибо в Пергаме культ Диониса был распространен еще в доэллинистический период²⁴. При Атталидах этот бог приобрел эпитет Категемон. Особое его значение в государстве объясняется тем, что пергамские цари рассматривали Диониса Категемона как родоначальника династии и официально распространяли эту версию (Paus. X. 15, 3; Suid. s. v. Ἀττάλος). В этом отношении Атталиды копировали деятельность своих предшественников в других эллинистических царствах. Как известно, все эллинистические династии возводили свою родословную к богам: Птолемии через Геракла и Диониса — к Зевсу, Селевкиды — к Аполлону (CIG. III. 5127A, 4458, 3595; Iust. XV, 4)²⁵.

²³ Allen R. Op. cit. P. 119.

²⁴ Rostovtzeff M. Pergamum // The Cambridge Ancient History. Vol. 8. Cambridge, 1930. P. 616–617; Hansen E. Op. cit. p. 451

²⁵ CIG. III, 5127 A, 4458, 3595; Iust. XV. 4; Protz H., von. Dionysos Kathegemon // AM. 1902. Bd. XXVII. S. 162–166.

Письма Аттала II Афенею и Аттала III Кизику (OGIS. 331; RC. 67) показывают, что внимание царей к делам, связанным с культом этого бога, было исключительно велико. Жрецы Диониса Категемона Сосандр и его сын Афеней назначались лично царем в отличие от традиционного порядка замещения жреческих должностей путем избрания. Причем оба они являлись царскими родственниками, а жреческая должность фактически стала наследственной.

Почитание Диониса в качестве прародителя династии Атталидов засвидетельствовано источниками во многих полисах царства — в Пергаме (OGIS. 331, II, III; AM. 1902. XXVII. S. 164; 1910. XXXV. S. 471. № 55), Филадельфии в Лидии (Keil — Premerstein. I. S. 28. № 42; AM. 1895. XX. S. 243; *Quandt W.* De Baccho ab Alexandri aetate in Asia Minore culto. S. 179–180), в Теосе (AM. 1902. XXVII. S. 165; BCH. 1880. IV. P. 170. № 24; CIG. 3067, 3068 A), в Фиатире (Keil — Premerstein. II. S. 30. № 54) и других. Многие из этих документов относятся к римскому времени, что может свидетельствовать о силе религиозной традиции, введенной при Атталидах.

Пергамские цари также распространили еще одну версию относительно своего божественного происхождения. Мифологическая традиция связывала древнейшую историю Пергама с именем Телефа, очередного незаконнорожденного сына Геракла, который после многих драматических событий воцарился в Тевфрании. Телеф, приходившийся сыном Гераклу и, следовательно, внуком самому Зевсу, официально объявлялся родоначальником династии Атталидов. Тем самым цари Пергама становились далекими потомками верховного олимпийского бога и в этом отношении приближались к Птолемеям и копировали их политику. Мифологическая версия получила официальное

37. Статуя богини Афины

37. Изображение Афины Никефоры на монете Пергама (II в. до н. э.)

признание и была увековечена даже средствами изобразительного искусства: она представлена на внутреннем фризе знаменитого пергамского алтаря.

Пергам являлся также одним из центров почитания богини Афины в Малой Азии, причем надписи и легенды монет свидетельствуют о сравнительно позднем распространении этого культа в столице государства Атталидов — примерно с начала эллинистической эпохи. Известно, что при Филетере на акрополе был возведен храм Афины, а при Эвмене I уже существовали празднества Панафиней (OGIS. 267. II. Стк. 31–32).

С самого начала эта богиня в пантеоне Пергама была связана с войной и военным делом. В тексте договора Эвмена I с наемниками имя Афины поставлено после имени Ареса, и она наделена эпитетом Арейя (OGIS. 266. Стк. 24, 52), а на монетах изображалась в шлеме, с копьем и щитом²⁶.

При Аттале I эта богиня была выделена особо среди других олимпийских богов, а ее культ получил широкое распространение. Об особом ее значении свидетельствует то, что Аттал I все свои победные памятники посвятил Зевсу и Афине или только Афине (OGIS. 269, 271, 272–281, 283–285). В одном из писем царя Аттала (вероятно, Аттала II) городу Илиону отмечается особо благочестивое отношение именно к богине Афине, которая выделена из числа всех остальных богов (RC. 62. Стк. 4–6). Царским распоряжением святилищу Афины предоставлялись земли, скот и пастухи.

Исключительное положение Афины в пантеоне Пергама объясняется тем, что богиня рассматривалась как покровительница династии, как соучастница тех побед, которые одержал первый пергамский царь над галатами, Антиохом Гиераксом, Селевком II и другими противниками, поэтому получила эпитет Никефора. Впервые она названа этим именем в надписи по поводу морской победы над Фи-

²⁶ Этот же эпитет Афины известен по легендам монет конца династии. Монеты с изображением Афины стали чеканить в Пергаме лишь со времени Лисимаха: Hansen E. Op. cit. P. 447–448, 475–476, 478.

липпом V при острове Хиос, которая состоялась в 201 г. до н. э. (OGIS. 283; Polyb. XVI. 2–8).

В 182 г. до н. э. Эвмен II основал празднества в честь Афины — Никефории²⁷. Четыре документа — письма царя острову Кос, карийскому городу и ответные постановления Дельф и Этолийского союза — рассказывают о тех значительных усилиях, которые приложил Эвмен II с целью распространения культа Афины Никефоры и пропаганды празднеств в ее честь (RC. 49, 50; Syll.³ 629, 630).

Весьма вероятно, что к переговорам по поводу празднеств в честь богини Афины Никефоры имеет отношение большая надпись из Коса, упоминающая пять послов к царю. Хр. Хабихт без колебаний признает этим царем Эвмена II²⁸. К этому времени — к 182 г. до н. э. — Пергамское государство выдвинулось в число ведущих держав Восточного Средиземноморья, обладало очень высокой репутацией друга и постоянного и верного союзника Рима. Поэтому основание Никефорий и активность по пропаганде празднеств в честь Афины следует рассматривать как выражение претензий Атталидов на роль панэллинского гегемона, благодетеля и защитника интересов греческих полисов. В целом ряде документов времени правления Эвмена II отчетливо сформулированы претензии династии на славу защитников и благодетелей малоазийских и островных греков и, соответственно, восприятие их греками именно в этом качестве. В одном из постановлений Ионийского союза пергамский царь назван «благодетелем греков», который осуществил многочисленные и значительные действия по борьбе с варварами и предпринял все, чтобы обеспечить мир и благополучие греческим городам (RC. 52. Стк. 5–13)²⁹.

Култ Афины Никефоры получил широкое распространение в полисах Малой Азии. Он засвидетельствован в Пергаме, Сардах, на острове Эгина, в неизвестном полисе, находившемся у северо-восточного берега озера Бейшехир на границе Фригии и Ликаонии³⁰. Поскольку в состав указанных выше царских посольств были включены граждане Эфеса, Мирины, можно думать, что култ Афины Никефоры был принят и в этих городах (RC. 49, 50). Сохранился

²⁷ Нет ясности относительно того, являются ли Никефории основанным Эвменом II праздником или он только реорганизовал торжества, основанные Атталом I. См.: *Ziehen L. Νικηφόρια* // RE. 33 Hbhd. 1936. Стб. 307–309.

²⁸ *Habicht Chr. Neue Inschriften aus Kos* // ZPE. 1996. Bd. 112. S. 91.

²⁹ *Rostovtzeff M. Pergamum*. P. 614–615.

³⁰ OGIS. 322, 329, 299; *Sitlington Sterrett J. R. The Woolf Expedition to Asia Minor*. Boston, 1888. P. 161. № 271; *Wiegand Th. Bericht über die Ausgrabungen in Pergamon*, 1927 // ABA. 1928. S. 18. № 1; S. 19, № 3; *Sardis*. VII. № 21, 27, 55.

38. Храм Афины в Пергаме

также декрет гражданской общины Пергама в честь Метриды, дочери Артемидора, которая исполняла обязанности жрицы Афины Никефоры и попечительствовала празднества Никефории. За свою успешную деятельность Метрида была награждена золотым венком. Ее статую с соответствующей надписью на постаменте решено было установить в храме богини. Предусмотрены были и другие традиционные виды чествования жрицы (OGIS. 299. Стк. 13–16). Из документа ясно, что гражданская община рассматривала Никефории и культ богини Афины как весьма

важное явление городской и государственной жизни, а жрица богини входила в число значимых деятелей полиса.

Примечательно, что все города, в которых почитались Дионис Категемон и Афина Никефора, находились на подвластной Атталидам территории. Это явление отражает стремление династии усилить идеологическое воздействие на население полисов и сельских местностей и составляет важное направление всей религиозной политики пергамских монархов.

Деятельность Атталидов в области религии достаточно сложна и отражает объективную сложность отношений между монархией и населением царства. При этом явно обнаруживается тенденция к активному идеологическому воздействию короны на население подвластных городов и сельских общин. Осуществлялось это влияние через распространение культов царей, членов царского дома и таких официальных общегосударственных богов, как, например, Афина Никефора, Дионис Категемон, Зевс Сабазий.

4.2. Коллегия атталистов

В религиозной политике пергамских царей важное место принадлежало деятельности по распространению почитания царей через религиозные объединения артистов бога Диониса и через специальную культовую коллегия атталистов.

Культовые, профессиональные, возрастные и другие объединения играли важную роль в социально-политической, культурной и религиозной жизни греческого мира³¹. Среди них наиболее значительную группу составляли религиозные товарищества, объединявшие почитателей какого-либо божества или обожествленной личности. Важную роль играл союз технитов Диониса, широко известный и пользовавшийся уважением в греческом мире. В его состав входили профессиональные артисты, музыканты, постановщики массовых зрелищ. Товарищество технитов Диониса в отличие от большинства религиозных объединений, имевших, как правило, локальный характер, вышло за пределы полиса и играло значительную роль в системе межэллинических связей и отношений, по преимуществу религиозных и культурных, но также и политических. Участие технитов в религиозных празднествах придавало им особую пышность. Широкие возможности организации технитов в этом отношении оценили многие цари, которые старались привлечь артистов на свои торжества. Филипп II, например, захватив Олинф и устроив по этому поводу жертвоприношения и празднества, привлек к ним профессиональных артистов (Dem. XIX. 192). Диодор сообщает (XX. 108), что Антигон пригласил к участию в состязаниях и торжествах в Антигонии атлетов и артистов. Тигран II Великий собрал в своей столице технитов Диониса для открытия выстроенного им театра. Позже Лукулл, захватив во время войны с Митридатом VI Евпатором город Тигранакерт, использовал их для организации игр и зрелищ по случаю своей победы (Plut. Luc. XXIX). Известно несколько региональных объединений технитов; среди них большую роль играли союз технитов Диониса Ионии и Геллеспонта τὸ κοινὸν τῶν περὶ

³¹ Истории различного рода союзов посвящен ряд трудов, из которых наиболее полными и значительными являются исследования Э. Цибарта и Ф. Поланда: Ziebarth E. Das griechische Vereinswesen. Leipzig, 1896; Poland F. Geschichte des griechischen Vereinswesens. Leipzig, 1909. О технитах Диониса см.: Гускина Л. М. Асилия эллинистических полисов и Дельфы // ВДИ. 1977. № 1; Шарнина А. Б. Союзы технитов Диониса в эллинистических полисах // ВДИ. 1987. № 2. С. 102–117; она же. Техниты Диониса // Фролов Э. Д., Никитюк Е. В., Петров А. В., Шарнина А. Б. Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб., 2002. С. 217–314; Luders O. Die Dionysische Künstler. Berlin, 1873; Foucart P. De collegiis scenicorum artificum apud Graecos. Paris, 1873; Quandt W. De Baccho ab Alexandri aetate in Asia Minore culto. Halle, 1913; Claffenbach G. Symbolae ad historiam collegiorum artificum Bacchorum. Berlin, 1914; Poland F. Technitai // RE. 1934. 2 Rh. 10 Hbhd. Sp. 2473–2558; Nilsson M. The Dionysiac Mysteries of Hellenistic and Roman Age. Lund, 1957.

Авторы перечисленных трудов, отмечая факт существования коллегии атталистов, не проявили к ней должного внимания. Исследователи истории Пергама ограничились изложением общих сведений об этом союзе.

τὸν Διόνυσον τεχνιτῶν τῶν ἐπὶ Ἰωνίας καὶ Ἑλλησπόντου, центром которого являлся город Теос. Во II в. до н. э. эта организация, как и сам город, находилась под властью царей Пергама; до падения династии техниты пользовались постоянной поддержкой Атталидов³². В связи с этим объединение артистов Ионии и Геллеспонта стало даже избирать специального жреца Эвмена II, а после смерти царя — жреца бога Эвмена (SIG. 3070). О внимании центральной власти к делам союза свидетельствует письмо Эвмена II технитам по поводу их отношений с гражданской общиной Теоса (IvP. 163; RC. 53). Отношения между жителями города и поселившимися на его территории технитами складывались сложно. В начале II в. до н. э., очевидно вскоре после 188 г. до н. э., декретом Теоса артистам Диониса было предоставлено право приобрести участок земли в городе или хоре. Это земельное владение объявлялось священным и освобождалось от налогов (SEG. II, 580). В дальнейшем между гражданской общиной и объединением технитов возникли разногласия, основа которых не совсем ясна из-за фрагментарности источника. Эвмен II пытался разрешить противоречия, принимал посольства обеих сторон, а также направлял некоего Аристомаха из Пергама для решения спорных вопросов на месте (RC. 53. Col. III C)³³. Но эта деятельность не имела в конечном счете успеха. Страбон (XIV. 1, 29) сообщает о том, что техниты бежали из Теоса в Эфес, а царь Аттал поселил их в Мионнесе, между Теосом и Лебедом. Неясно, о каком из последних пергамских царей идет речь в этом фрагменте. Большинство ученых справедливо считают, что переселение технитов произвел Аттал III³⁴. Еще О. Людерс отметил, что уход артистов из Теоса не мог произойти ранее 153/152 г. до н. э., так как именно этим годом датируется один из найденных в Теосе важных документов, связанных с технитами (SIG. 3070)³⁵. Кроме того, согласно сообщению Страбона (XIV. 1, 29), теосцы, испугавшись закрепившихся в Мионнесе технитов, обратились с жалобой к Риму, по распоряжению которого артисты

³² О взаимоотношениях технитов Диониса с Атталидами см.: Глускина Л. М. Асилия... С. 90–91; Ziebarth E. Op. cit. S. 80–81; Poland F. Op. cit. S. 138–140; Ohlemutz E. Op. cit. S. 98 f.; Hansen E. Op. cit. P. 171 f.

³³ Комментарий к надписи дан в работах: Ziebarth E. Op. cit. S. 84 f.; Prott H. von Dionysos Kathegemon // AM. 1902. Bd. XXVII. S. 166, 171; Poland F. Op. cit. S. 140, 400; Welles Ch. B. RC. P. 230–237.

³⁴ Luders O. Op. cit. S. 85 f.; Ziebarth E. Op. cit. S. 81; Poland F. Op. cit. S. 140; Welles Ch. B. RC. P. 231; Hansen E. Op. cit. P. 172; Hopp J. Op. cit. S. 115; Walbank F. The Hellenistic World. Brighton, 1981. P. 70.

³⁵ Luders O. Op. cit. S. 86.

переселились в Лебед. Последние события — обращение к Риму и переселение в Лебед — произошли уже после падения династии Атталидов, поэтому переселение технитов в Мионнес следует связывать с именем Аттала III.

Отношения технитов с горожанами были сложными не только в Теосе, но и в других полисах, где селились артисты. Надпись, к сожалению, плохой сохранности, обнаруженная на месте античного городка Аттуда во Фригии, по предположению издателей, содержит текст послания одного из пергамских царей, правивших во II в. до н. э., городу в связи с ухудшением отношений между корпорацией технитов и коллективом граждан (МАМА. VI, 65).

Пристальное внимание и покровительственное отношение пергамских монархов к союзу технитов Диониса Ионии и Геллеспонта объясняются прежде всего стремлением иметь дружественные связи с этим влиятельным в греческом мире религиозным объединением. Установлению контактов способствовала также в немалой степени популярность культа Диониса в самом Пергаме и при царском дворе. В свете всех перечисленных в разделе 4.1 фактов внимание и покровительственное отношение Атталидов к технитам Диониса Ионии и Геллеспонта представляется совершенно естественным. В связи с распространением культа Диониса Категемона при Эвмене II произошли изменения и в организации союза технитов. Он стал называться τὸ κοινὸν τῶν περὶ τὸν Διόνυσον τεχνιτῶν τῶν ἐν Ἰωνίᾳ καὶ Ἑλλησπόντου καὶ τῶν περὶ τὸν Καθηγέμονα Διόνυσον. В надписях такое название союза получило распространение после 188 г. до н. э., когда окончательно установилась власть Атталидов над Теосом. Позже, в 133 г. до н. э., после гибели династии, исчезли воспоминания об артистах Диониса Категемона, из чего также ясна их связь с правившим в Пергаме царским домом. Следует полагать, что союз артистов Диониса Категемона составлял часть объединения технитов Малой Азии, имел центр в городе Пергаме и состоял из придворных артистов и музыкантов. Задача его состояла в распространении культа Диониса Категемона, в участии в связанных с именем этого бога празднествах и различных придворных торжествах. В 2002 году была опубликована надпись, найденная в верховьях долины реки Каик, которая представляла собой постановление культового союза, возможно, объединявшего артистов и музыкантов. Документ свидетельствует, что этот союз также служил средством распространения культа Атталидов. Документ предписывает при отправлении церемоний союза воздавать почести обожественным после смерти царю Атталу I и его супруге царице Аполлониде и

здравствовавшим царю Эвмену II, его супруге царице Стратонике и братьям царя³⁶.

К этому же времени относится и основание новой коллегии атталистов τὸ κοινὸν τῶν Ἀτταλιστῶν, данные о которой содержит серия надписей из городов Малой Азии (один документ — из Иаса, остальные — из Теоса), связанных с именем Кратона, сына Зотиха. Хронологическая последовательность документов определяется следующим образом³⁷. По всей вероятности, наиболее ранней является надпись из карийского города Иаса, упоминающая имя флейтиста Кратона в ряду имен агонифетов, артистов, хорегов³⁸. Ее можно датировать примерно первой третью II в. до н. э. Позже в честь Кратона были приняты почетные постановления объединениями синагонистов (CIG. 3068 B), технитов Диониса Ионии и Геллеспонта и Диониса Категемона (CIG. 3067, 3068 A). Последние два документа были составлены при жизни царя Эвмена II, очевидно в последние годы его правления. Следующие надписи относятся ко времени правления брата Эвмена II — Аттала II. Седьмым годом правления Аттала II — 153/152 г. до н. э. — датируется письмо Кратона коллегии атталистов, которая к тому времени была уже основана (CIG. 3070; OGIS. 325).

Примерно тогда же было сделано посвящение от имен атталистов и Кратона в Теосе³⁹. От первого документа, к сожалению, сохранилось лишь несколько начальных строк, а второй сам по себе предельно краток. К более позднему времени — после 153/152 г. до н. э. — относятся постановления атталистов в честь основателя коллегии (CIG. 3069; OGIS. 326) и сильно фрагментированная надпись, которую считают завещанием Кратона (CIG. 3071). Два документа не поддаются датированию. Один из них фиксирует памятное событие — награждение Кратона венками от имени эфебов, коллегии стратегов и гражданской общины Теоса⁴⁰; другой — постановление технитов Истма и Немей в честь Кратона (CIG. 3068 C).

Кратон, сын Зотиха, гражданин Калхедона, с именем которого связаны все указанные документы, начинал свою деятельность в объединении технитов Диониса флейтистом. Позже он начал играть

³⁶ Ibidem. S. 98–99; Ziebarth E. Op. cit. S. 80 f.; Poland F. Op. cit. S. 139; Welles Ch. B. RC. P. 321; Hansen E. Op. cit. P. 452; Muller H., Worrie M. Ein Verein... Стк. 8–9.

³⁷ Daux G. Craton, Eumene et Attale II // BCH. 1935. № 59. P. 218–220.

³⁸ Le Bas-Waddington. III. 255.

³⁹ BCH. 1880. IV. P. 164.

⁴⁰ Le Bas-Waddington. III. 1558.

значительную роль в этом союзе, был избран жрецом Диониса и агонифетом. Кратон стал настолько влиятелен и популярен, что союзы технитов Ионии и Геллеспонта, Истма и Немеи, а также объединение синагонистов отметили его деятельность серией специальных постановлений, предоставив значительные почести (CIG. 3067, 3068). Например, союз артистов Ионии и Геллеспонта решил ежегодно награждать его венком в день, когда производилось торжественное шествие, и установить три изображения Кратона (CIG. 3067). В документах подчеркивается, что деятельность Кратона была каким-то образом связана с царским двором Атталидов. К сожалению, о ней говорится в самых неопределенных и напыщенных выражениях: «... все, относящееся к чести и славе, совершил для Диониса... и для других всех богов и для царей, цариц и братьев царя Эвмена...» (CIG. 3067. Стк. 11–14). Надпись была составлена еще при жизни Эвмена II, в противном случае он был бы назван богом (ср.: CIG. 3070). Под царями подразумеваются Эвмен II и Аттал II. Последний, по мнению Ж. До, которое принято и другими исследователями, стал носить царский титул еще при жизни своего брата⁴¹. Видимо, этой деятельностью Кратон приобрел гражданские права в столице государства, ибо назван в одном из документов пергамцем (CIG. 3068 С). Гражданская община центра технитов Ионии и Геллеспонта города Теоса, коллегия стратегов города и эфебы также воздали ему почести — увенчали венками⁴². Именно в этот период жизни, когда он имел широкую популярность и влияние в организации технитов, в городе Теосе и стал известен своей промонархичной деятельностью, Кратон приступил к созданию новой коллегии. Отметим, что этот человек был еще и богат, о чем свидетельствует перечень имущества, переданного им коллегии атталистов. Кратон по праву может быть отнесен к тому достаточно узкому слою состоятельных и обладавших в полисах реальной политической властью граждан, который выделился в эпоху эллинизма и часто составлял социальную опору монархии в городах.

Деятельность Кратона по созданию коллегии заключалась в том, что он, как сказано в документе, отобрал и объединил людей в новый союз *τὸ κοινὸν τῶν ὑφ' ἑαυτοῦ συνευμένων καὶ κεκρίμένων* (OGIS. 326. Стк. 6–7; 325. Стк. 4). Учитывая характер всей предшествующей деятельности Кратона, следует полагать, что в новую коллегию были отобраны и объединены артисты — члены организации технитов

⁴¹ Daux G. Op. cit.; Hansen E. Op. cit. P. 127; Allen R. Op. cit. P. 10. Not. 7; P. 81.

⁴² Le Bas-Waddington. III. 1558.

Диониса⁴³. Позже Кратоном был составлен так называемый «священный закон» — νόμος ἱερός (OGIS. 325. Стк. 17, 35), представлявший собой, вероятно, совокупность норм и правил, определявших деятельность атталистов. Чрезвычайно важны указания надписи на существование прямых контактов Кратона с царем Атталом II и интерес последнего к деятельности союза. Например, упоминается о том, что после смерти Кратона, которая последовала в Пергаме, Аттал II отослал коллегии атталистов тот «священный закон», который был составлен основателем нового объединения (OGIS. 326. Стк. 17–18). Таким образом, Аттал II был знаком с содержанием разработанного Кратоном и утвержденного позже атталистами документа.

Известные сложности вызывает вопрос о времени создания союза. Письмо Кратона атталистам, которое содержит самое раннее упоминание об этой коллегии, датировано седьмым годом правления Аттала II, то есть 153/152 г. до н. э. (OGIS. 325. Стк. 1–2), но есть основания считать, что товарищество было создано почти на 10 лет раньше. В одном из постановлений в честь Кратона (CIG. 3067), которое Ж. До датирует временем ранее 166 г. до н. э.⁴⁴, отмечается, что Кратон выполнял в союзе технитов Диониса Ионии и Геллеспонта обязанности жреца Диониса и агонифета. Ясно, что тогда еще коллегия атталистов не была основана. В другом декрете — постановлении атталистов — содержится фраза, которая требует особого внимания: сказано, что Кратон «многое доброе и полезное объединению у царей совершил» (OGIS. 326. Стк. 8–10). Объединение (ἡ σύνοδος) — это коллегия атталистов, а под царями подразумеваются Аттал II, при котором принято постановление, и его предшественник Эвмен II. Из этого следует, что коллегия возникла еще при жизни Эвмена II, в промежутке между тем временем, когда было принято упомянутое выше постановление технитов Диониса Ионии и Геллеспонта в честь Кратона ранее 166 г. до н. э. (CIG. 3067), и смертью Эвмена II, которая последовала в 159 г. до н. э.

Г. фон Проттом было высказано предположение, что при Эвмене II возникла коллегия эвменистов, имевшая специальное святилище Эвменейон, а при Аттале II религиозное объединение и святилище по-

⁴³ Ziebarth E. Op. cit. S. 76; Hansen E. Op. cit. P. 418; Hopp J. Op. cit. S. 114. П. Фукар (Foucart P. Op. cit. P. 8) тоже считал атталистов артистами, но видел в них не особую коллессию, а технитов Диониса Малой Азии, принявших имя царя Аттала в благодарность за оказанные им благодеяния. Против такой трактовки свидетельствует наличие у атталистов своей организации и имущества.

⁴⁴ Daux G. Op. cit. P. 219.

лучили имя нового царя. Но никаких фактов в пользу данной мысли источники не содержат, поэтому она справедливо была отвергнута⁴⁵.

Деятельность коллегии атталистов продолжалась недолго, никаких сведений о ее существовании после падения династии Атталидов в 133 г. до н. э. нет.

Трудности вызывает также вопрос о том, в каком городе царства находилась коллегия атталистов. О. Керн, В. Диттенбергер, Ф. Поланд, В. Руге считали этим городом Теос на том основании, что он был центром технитов Диониса Ионии и Геллеспонта и именно в Теосе были найдены рассказывающие о Кратоне документы⁴⁶. А. Бек, О. Людерс, М. Френкель, Г. фон Протт, Дж. Кардинали, М. И. Ростовцев, Э. Олемутс, Э. Хансен, Р. Аллен, напротив, придерживались мнения о том, что центром атталистов стал Пергам⁴⁷. В пользу второй точки зрения свидетельствует ряд фактов. Кратон получил гражданские права в Пергаме, его деятельность была связана с царским двором. В постановлении атталистов говорится о том, что завещанный коллегии Кратоном дом находился рядом с дворцом (πρὸς τῷ βασιλείῳ — OGIS. 326. Стк. 22).

В данном случае речь идет о столице, хотя и известно, что Атталиды имели дворцы в некоторых других городах государства, например в Траллах (Vitruv. II. 8, 9). Упомянутый в указанном выше документе Атталейон исследователи отождествляют с так называемым «зданием с нишей», расположенным на склоне холма Пергама южнее театра (ср. указание надписи о положении Атталейона — πρὸς τῷ θεάτρῳ — OGIS. 326. Стк. 20)⁴⁸. Что касается одного из главных возражений против данной точки зрения (связанные с именем Кратона документы были открыты в Теосе), то оно объяснимо. С Теосом соотносились многие важные этапы карьеры Кратона, а коллегия атталистов имела тесные связи с союзом артистов Диониса. Поэтому, когда Кратон создал в столице союз атталистов, серия ранних почетных декретов была дополнена новыми документами: поста-

⁴⁵ *Prot H.*, von. Op. cit. S. 174, 177. Cp.: *Poland F.* Op. cit. S. 140; *Ohlemutz E.* Op. cit. S. 101. Not. 30; *Hansen E.* Op. cit. P. 462. Not. 255.

⁴⁶ *Kern O.* Attalistsai // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 2157; OGIS. Vol. 1. P. 500. Not. 13; *Poland F.* Op. cit. S. 231; *idem.* Technitai // RE. 2 Reihe. 10 Hbbd. Sp. 2543; *Ruge W.* // RE. 9 Hbbd. Sp. 567.

⁴⁷ CIG. Vol. 2. P. 667; *Luders O.* Op. cit. S. 22; *Fränkel M.* IvP. Bd. 1. S. 138; *Prot H.* von. Op. cit. S. 168 f.; 178 f.; *Cardinali G.* Il regno... P. 151 f., Not. 1; *Rostovtzeff M.* Pergamum. P. 600; *Ohlemutz E.* Op. cit. S. 100 f. Not. 29; *Hansen E.* Op. cit. P. 462; *Allen R.* Op. cit. P. 153; Cp.: OGIS. Vol. 1. P. 500. Not. 15.

⁴⁸ *Prot H.* von. Op. cit. S. 169, 178–180; *Ohlemutz E.* Op. cit. S. 102–103; *Hansen E.* Op. cit. P. 462 f.

новлением коллегии атталистов, письмом Кратона и, наконец, его завещанием.

Коллегия атталистов имела структуру и организацию, традиционную для такого рода союзов. Она официально называлась τὸ κοινὸν τῶν Ἀτταλιστῶν; ἡ σύνοδος τῶν Ἀτταλιστῶν или просто ἡ σύνοδος (OGIS. 326. Стк. 2, 9, 16, 19, 23, 32–33). Члены ее устраивали собрания ἡ σύνοδος (OGIS. 326. Стк. 25), которые являлись главным органом объединения. Примечательно, что даже «священный закон», составленный Кратоном, утверждался собранием. Собранием было принято также специальное почетное постановление с целью воздать хвалу основателю коллегии и увековечить его память (OGIS. 326). Во главе объединения находился жрец ὁ ἱερεὺς τῆς συνόδου (OGIS. 326. Стк. 2–3), должность которого первоначально занимал сам Кратон.

Сохранившиеся строки вышеназванного письма Кратона атталистам, которое датировано седьмым годом правления Аттала II — 153/152 г. до н. э. (OGIS. 325. Стк. 1–4), содержат упоминание о двух эпонимных магистратах союза технитов Диониса — агонифете и жреце, который был также жрецом обожествленного после смерти царя Эвмена II. Почему, обращаясь к основанному им религиозному товариществу, Кратон датирует письмо именно таким образом? Можно предположить, что коллегия атталистов имела организационную связь с теосским объединением артистов Диониса, возможно, составляла его отделение.

Союз атталистов, подобно другим культовым коллегиям эллинистического мира, имел собственные средства, имущество, нахдившееся в общем владении; возможно, выбирался казначей⁴⁹. Общим достоянием членов товарищества атталистов стали завещанная Кратоном на жертвоприношения и проведение собраний крупная сумма денег, утварь сакрального назначения, дом, а также переданный им еще при жизни Атталейон, очевидно, святилище — центр царского культа (OGIS. 326. Стк. 20–32).

Рассмотренные данные об организации союза атталистов свидетельствуют о влиянии объединения технитов Ионии и Геллеспонта. Товарищество артистов Диониса явилось основой и своего рода образцом формирования новой коллегии; возможно даже, оба союза сохраняли организационную связь. Причины этого заключались в том, что объединение технитов Диониса Ионии и Геллеспонта имело сложившуюся в течение долгого времени организационную структуру, было близко к дому Атталидов, придерживалось пропергамской

⁴⁹ О финансах религиозных объединений см.: Ziebarth E. Op. cit. S. 156–166; Poland F. Op. cit. S. 453–498.

ориентации, участвовало в отправлении культа монархов, наконец, имело широкую известность в греческом мире.

Важной особенностью союза технитов Диониса, как отмечалось выше, был его межполисный характер. В объединение вступали граждане различных общин и имели в нем равные права. Видимо, эту черту унаследовала и коллегия атталистов. Сам основатель товарищества Кратон являлся гражданином Калхедона, но получил еще гражданские права и в Пергаме.

В эллинистическую эпоху известны и другие коллегии почитателей царей или династий, возникновение которых было связано с широким распространением практики обожествления монархов. Из воинов египетского гарнизона на острове Кипр состояла коллегия базилистов (οἱ βασιλισταί — OGIS. 130). В Феспиях существовало объединение в честь основателя династии Атталидов Филетера (OGIS. 311), а на Делосе в первой половине I в. до н. э. — союз евпатористов в честь Митридата VI Евпатора (OGIS. 367). Среди названных коллегий союз атталистов занимал особое место: целью объединения было не только отправление царского культа, но и активное его распространение, участие в многочисленных религиозных и придворных праздниках. Создание коллегии атталистов было связано не только с практикой почитания царей Пергама, но и с активными и целенаправленными усилиями монархии распространить царский культ.

4.3. Пергамский алтарь Зевса

Археологические исследования, проведенные в Пергаме, демонстрируют огромное внимание Атталидов к строительной деятельности в столице, их стремление превратить ее в выдающийся центр архитектуры и украсить великолепными скульптурными памятниками. В числе наиболее важных построек, возведенных по приказу Атталидов в Пергаме, выдающееся место по своим художественным достоинствам и роли в монументальной пропаганде занимает знаменитый алтарь Зевса⁵⁰. Это сооружение по праву считается одним

⁵⁰ *Ampel*. Liber memor. 8, 14. Об алтаре Зевса см.: *Белов Г. Д.* Алтарь Зевса в Пергаме. Л., 1958; *Соколов Г. И.* Искусство Древней Греции. М., 1980. С. 247–248; *Schrammen J.* Der Grosse Altar. Der Obere Markt. Berlin, 1906 (Die Altertümer von Pergamon. Bd. III. H. 1); *Winnefeld Y.* Die Frieze des Grossen Altars. Berlin, 1910 (Die Altertümer von Pergamon. Bd. III. H. 2); *Hiepe R.* Der Pergamonaltar. Leipzig, 1959; *Rohde E.* Pergamon. Burgberg und Altar. Berlin, 1982; *Hansen E.* Op. cit. P. 319 f.

39. Вид акрополя Пергама. Театр и алтарь Зевса (макет)

из наиболее значительных и гармоничных произведений античной и мировой архитектуры и скульптуры. Строительство знаменитого алтаря Зевса было осуществлено в столице царства при Эвмене II в период между 180 и 160 гг. до н. э. Для строительства были привлечены выдающиеся мастера и выделены высококачественные материалы и значительные средства.

Алтарь представляет собой внушительное архитектурное сооружение более 9 м высотой, которое имело основание длиной более 36 м и шириной более 34 м. Алтарь имел многоступенчатое основание и поднятый на высокий цоколь ряд изящных колонн ионического ордера. Выдающейся чертой алтаря является сочетание строгой архитектурной формы с талантливо выполненным скульптурным фризом, который украшает цоколь.

По периметру сооружение со всех четырех сторон окружали ступени. С трех сторон они позволяли зрителю вплотную приблизиться к цоколю, на котором размещались мраморные плиты с рельефными

изображениями. С четвертой, западной, стороны ступени вели на огороженный с трех сторон глухой стеной ярус, в центре которого размещался жертвенник. С внутренней стороны стены яруса были украшены плитами с рельефным изображением сцен из жизни мифологического героя Телефа (малый фриз или фриз Телефа).

С внешней стороны сооружения на цоколе выполнен фриз, изображающий один из важнейших эпизодов греческой мифологической истории — битву олимпийских богов с гигантами⁵¹. Фриз с трех сторон охватывает здание. Его общая длина около 120 м, высота 2,3 м. Фриз составлен из отдельных плит, наиболее вероятное число которых 115. Они были тщательно подогнаны и прикреплены друг к другу и составляли единую композицию.

Алтарь был построен на верхней террасе города Пергама, в непосредственной близости от царского дворцового комплекса, по соседству с рядом других сооружений выдающегося значения: храмом Афины, библиотекой, театром. Алтарь был поставлен недалеко от края террасы таким образом, что лестница, ведущая на второй ярус, находилась со стороны террасы (западная сторона), а вход на площадку, где размещался алтарь, располагался с противоположной (восточной) стороны. С лестницы и со второго яруса алтаря был виден город, долина реки, окрестные местности. Но взору процессии, вступавшей на площадь, где находился алтарь, он открывался своей глухой восточной стороной.

По этой причине на восточной части фриза были изображены наиболее важные сцены битвы с участием главных богов (Зевса, Геры, Афины, Аполлона, Артемиды, Деметры, Ареса, Ники) и их наиболее опасных противников. Зевс представлен мужчиной атлетического сложения, могучим и неистовым в битве. Его торс обнажен, взору зрителей открываются мощные мышцы и энергичные движения бога. Зевс, размахнувшись правой рукой, мечет молнии в гигантов. У ног его тяжело раненный коленопреклоненный молодой гигант Порфирион. Рядом Афина, изображенная в виде статной молодой женщины, сражается с крылатым гигантом Алкионеом. Ухватив его за волосы, богиня пытается оторвать своего противника от матери-земли, чтобы лишить его тем самым сил. Змея богини Афины тем временем сдавила кольцами своего тела ногу и руку гиганта, а зубами впилась в его грудь. Рядом представлена поднимающаяся из

⁵¹ Миф о борьбе богов с гигантами см.: Apollod. I. 6, 1–2; *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 96–98.

40. Сцена битвы богов с гигантами (фрагменты фриза Пергамского алтаря)

земли по пояс мать гигантов Гея, которая в отчаянии заламывает руки, не имея сил и возможностей спасти своих сыновей. Вместе с богами, в непосредственной близости к своему отцу Зевсу, сражается Геракл, без участия которого, по велению рока, победа над гигантами была бы невозможной.

На южной стене алтаря изображен Гелиос на колеснице, в которую запряжена четверка лошадей. Кони сбили с ног и растоптали одного гиганта и готовы опрокинуть грудью другого. Рядом с Гелиосом богиня утренней зари Эос. Среди богов представлена также сидящая верхом на льве Рея, которая в религиозном сознании греков соединилась с богиней малоазийского происхождения Кибелой. Кибела, или Великая Мать богов, как известно, весьма высоко почиталась Атталидами.

Северная сторона рельефа алтаря содержала изображения Посейдона, Афродиты, Эрота, богини ночи Никс, Гесперид, Мойр и их многочисленных противников. Среди этих последних весьма выразительно представлен один из гигантов, пытающийся задушить кого-то из богов и в гневе впившийся ему зубами в руку. Лицо гиганта, искаженное ненавистью и яростью, может считаться одним из наиболее точных скульптурных отображений темных страстей, олицетворением которых считались гиганты.

Наконец, западная часть фриза, обрамляющая лестницу, изображает Диониса, Сатурна, Океана, Амфитриду, Тритона.

Именно большой фриз занимает центральное место среди всех элементов алтаря и придает всему памятнику выдающуюся известность. Стиль изображений пергамского фриза определяют как патетический. Рельефные фигуры выполнены необыкновенно живо и выразительно. Все они представлены в движении, в разнообразных позах и совершенно лишены статики. Весь 120-метровый рельеф составляет единую композицию, которая разбивается на отдельные связанные между собой сцены. Почти все участники битвы изображены в состоянии сильного эмоционального напряжения; оно передано в энергичных движениях и позах, а также в чертах их лиц.

Рельеф вырезан в мраморе глубоко, что создавало игру света и тени и придавало всем изображениям особую выразительность. Некоторые из изображений голов, торсов, конечностей были вырезаны в 2/3 объема, что позволяет относить их скорее к произведениям круглой скульптуры, чем к рельефу.

Избранный скульпторами мифологический сюжет главного фриза был осмыслен при пергамском дворе в соответствии с политическими событиями II в. до н. э. — времени правления Эвмена II. Пергамский алтарь был построен в ознаменование военных дости-

41. Гигант Порфирион (фрагмент фриза Пергамского алтаря)

жений царства, прежде всего крупной победы над галатами, и отразил восприятие этого события правящей династией.

Смысловую основу рельефа составляет достаточно ясная *аллегория*: боги олицетворяют собой мир греков, гиганты — кельтов. Боги воплощают в себе идею устроенной упорядоченной государственной жизни, гиганты — неизжитые родоплеменные традиции кельтов, их исключительную воинственность и агрессивность. Боги несут в себе покой, порядок, безопасность, гиганты — разрушение, хаос, дикость, опасность.

Аллегория еще одного рода составляет основу содержания знаменитого фриза. Зевс, Геракл, Дионис, являясь официальными государственными богами, служат олицетворением династии пергамских царей.

Победа богов, таким образом, символизирует победоносную деятельность Атталидов. Военная политика царей Пергама представлена как проэллинская, благотворительная, направленная на защиту малоазийских греков от варварского мира. Можно полагать, что аллегория, положенная в основу всей композиции, однозначно и легко воспринималась современниками, во всяком случае, людьми греческого происхождения или получившими эллинское воспитание и образование.

Одной из важнейших черт смысловой характеристики главного пергамского рельефа является *противопоставление* — *антитеза*, которая в принципе была типична для античной духовной культуры и которая сочеталась с *идеей агона* — борьбы и победы, также составлявшей важную черту греческого стиля жизни и социальной психологии⁵². Противопоставление и связанная с ним идея борьбы лежат в

⁵² Роль агона в греческой общественной, политической жизни и в культуре раскрыта в работе: *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л., 1985.

основе всего художественного замысла рельефного фриза: сюжет представляет собой сражение, битву. Противники олицетворяют собой разные миры: боги служат воплощением света и наземного и небесного миров, тогда как гиганты служат воплощением подземного темного царства. Боги покровительствуют людям, гиганты враждебны им. Боги несут благо людям, гиганты опасны для них. Боги гармонично сочетают физическое совершенство с духовными достоинствами, гиганты воплощают в себе грубую опасную физическую силу, соединенную с необузданными страстями. Боги антропоморфны, гиганты сохраняют черты животных и птиц: у некоторых из них вместо ног — змеи, за спиной — крылья. Боги не подвержены влиянию низменных страстей, что выражено в их подчеркнуто бесстрастных лицах, на которых даже в момент напряжения битвы не отразились эмоции. Гиганты же, напротив, изображены с лицами, на которых запечатлены сильные чувства — страдание на лице Алкионея, противника Афины, ярость и ненависть на лице гиганта, пытающегося укунить одного из богов, и т. д.

Глубокий характер рельефной резьбы, создававший сильную игру света и тени, также должен был служить цели подчеркнуть контрастность всей композиции⁵³.

Еще одной важнейшей смысловой идеей главного Пергамского алтаря можно считать *прославление богов и династии Атталидов*. Боги представлены в виде идеально сложенных гармоничных людей, обладающих вместе с тем огромной физической и духовной мощью. Они показаны в момент напряженной и опасной борьбы, но при этом в тот ее момент, когда уже ясна их победа. Тем самым очевиден победоносный, триумфальный характер битвы, но и подчеркнута ее исключительная сложность. Гиганты представлены опасными, мощными созданиями, победа над которыми под силу лишь таким всемогущим существам, как боги.

Композиционный центр отдельных сцен и всего рельефа составляли именно главные боги и те события, которые происходили вокруг них. Боги и гиганты размещены в разных пространственных уровнях: боги изображены выше, чем гиганты, они занимают центральную и верхнюю части рельефных плит, тогда как гигантам отведены нижняя и центральная части. Боги в изображении пергамских скульпторов величественны, могучи, прекрасны. В силу очевидной для современников аллегоричности всего изображения прославление богов воспринималось зрителями как восхваление династии Атталидов и ее военных побед.

⁵³ Соколов Г. И. Искусство... С. 247.

Рельеф выполнен таким образом, что участники религиозных процессий и обрядов как бы становились участниками мифологических событий: ступени, которые вели к алтарю, служили не только людям, но и богам — участникам битвы. Изображенные на рельефе боги опираются на те же ступени коленями, встают на них ногами. Тем самым значительно усилено эмоциональное воздействие рельефа на зрителя⁵⁴.

Важным элементом декора Пергамского алтаря Зевса является также так называемый малый фриз, или фриз Телефа⁵⁵. Он украшал внутренние стены двора алтаря и играл в композиции знаменитого памятника подчиненную, хотя и весьма важную роль. Фриз Телефа иллюстрирует хорошо известный миф о сыне Геракла и Авги Телефе, который после множества приключений и драматических событий стал царем Тевфрании — области, где позже возник город Пергам. Фриз Телефа имеет меньшую высоту, чем большой фриз алтаря. Он составлен из мраморных плит высотой 1,58 м и шириной 0,7 м. Изображения фриза Телефа в некоторых отношениях отличаются от рельефов большого фриза. Задача фриза Телефа носит вспомогательный характер: рассказать средствами искусства историю знаменитого мифического прародителя династии Атталидов, проиллюстрировать мифологический сюжет, а не воздействовать мощно на чувства и сознание зрителя. Поэтому изображения выполнены не столь экспрессивно и несут значительно меньшую эмоциональную нагрузку.

Все персонажи мифа представлены, как правило, в спокойном физическом состоянии, без того мощного динамизма, порыва, который характерен для изображений главного скульптурного фриза. Движения героев мифа, выразительно переданные скульпторами, носят плавный, неторопливый характер, за исключением немногих персонажей. Так, царь Тевфрант, изображенный на морском берегу, являет собой одну из наиболее динамичных фигур малого фриза. Он представлен в развевающейся от ветра одежде, энергично шагающим. Корпус его слегка развернут и наклонен в сторону движения, взгляд направлен на Телефа, прибывшего в Мисию. Соответственно этому состоянию неторопливого физического движения большинства пер-

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Мифологический сюжет о Телефе изложен в гл. 1. См.: см. 6 к гл. 1. См. также: *Bauchhens-Thuriedl C. Der Mythos von Telephos in der antiken Bildkunst. Würzburg, 1971; Kertesz I. Der Telephos-Mythos und der Telephos-Fries // Oikumene. 1982. Bd. 3. S. 203–215.*

сонажей эмоциональное состояние героев малого фриза также отличается эпическим спокойствием и невозмутимостью. Лица не выражают таких сильных страстей и страданий, какие свойственны изображениям большого фриза.

Техника изображений также значительно отличается и подчинена общему художественному замыслу: все изображения малого фриза вырезаны менее глубоко и рельефно, что подкрепляет ощущение неторопливого эпического повествования.

При этом рельеф Телефа не лишен движения и значительного композиционного разнообразия. Все персонажи представлены в разных позах, образуют, как правило, группы, члены которых составляют разнообразные композиции. Каждый из героев мифа, даже вспомогательные персонажи, наделен собственным образом и не повторяет облик другого.

Важной художественной особенностью фриза Телефа является присутствие элементов пейзажа, отдельных деревьев, скал, холмов, что придавало композиции значительное разнообразие и большую выразительность.

Среди героев, представленных на фризе Телефа, встречаются Геракл, дочь царя Аркадии Авга, мать Телефа, Тевфрант, царь Мисии, Орест, сын Агамемнона, наконец, сам Телеф и многие иные, в том числе безымянные, персонажи. Художники, разрабатывавшие и воплощавшие в скульптурных формах сюжет мифа, были весьма образованными в области греческой мифологии людьми.

Содержание мифа прекрасно отвечало тем идеологическим задачам, которые стали перед династией Атталидов в момент подъема и укрепления государства. Отцом Телефа, мифического предшественника Атталидов в Мисии, был обожествленный герой Геракл, являвшийся, как известно, сыном верховного божества греков Зевса. Тем самым Атталиды вводили в свою идеологическую политику идею о божественном происхождении династии Телефа, предшествовавшей в далекие времена царям Пергама.

На примере Пергамского алтаря и других памятников скульптуры эпохи эллинизма очевидно, что произведения изобразитель-

42. Гигант Алкионей (фрагмент фриза Пергамского алтаря)

43. Сражающийся гигант (фрагмент фриз Пергамского алтаря)

ного искусства эллинистического времени базируются на прочной основе классического греческого искусства и вместе с тем представляют собой во многих отношениях новый шаг в развитии античной художественной традиции. На смену застывшим архаическим куросам и корам, посылающим загадочную полуулыбку, или безупречным скульптурам классики пришло искусство, сохранившее достижения этих эпох и притом наполнившее их глубоким содержанием. В эпоху эллинизма в Пергаме в изобразительном искусстве, прежде всего в скульптуре, получил развитие патетический стиль, характеризующийся ярким динамизмом, отображением сильных страстей и страданий, а также широким распространением

трагических сюжетов, образов и трагических трактовок традиционных образов⁵⁶. Скульпторы проявляют повышенный интерес к трагической гибели персонажей, подчеркивая мужество и отчаяние погибающих, фиксируя черты предсмертных страданий и агонии. Таковы, например, знаменитые изображения Лаокоона с сыновьями, галла, убивающего жену и себя с целью избежать пленения, умирающего галла, наконец, гигантов, погибающих в битве с богами.

При этом трагические черты и образы не обезображены натурализмом. Запечатленные в скульптуре смерть и страдание носят возвышенный, иногда даже облагороженный характер. Напротив, сохранившиеся натуралистические скульптурные изображения эпохи эллинизма лишены трагичности.

Преемственность классической и эллинистической художественной традиции проявляется в том, что сражающиеся с гигантами боги

⁵⁶ Климов О. Ю. Черты трагического в скульптуре эпохи эллинизма // Вопросы гуманизации и гуманитаризации непрерывного образования: Сб. тезисов. Мурманск, 1994. С. 4; см. также: Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима. М., 1990. С. 169–171; Левек П. Эллинистический мир. М., 1992. С. 133–134; Соколов Г. И. Искусство... С. 248; он же. Искусство Древней Эллады. М., 1996. С. 212.

сохраняют величественный вид и торжественное выражение лица. Напротив, гиганты, олицетворяющие собой враждебные всему благому силы, воплощающие в себе дикость и необузданность варварства, разрушительный порыв врагов, имеют лица, искаженные злобой, болью, страхом⁵⁷.

В классическую эпоху трагизмом было наполнено искусство театра, в эллинистическую эпоху — изобразительное искусство. Причины большого внимания к трагическим сюжетам и образам лежат, видимо, в грандиозных общественных, политических и духовных переменах, связанных с эпохой эллинизма. За относительно короткое время на глазах одного-двух поколений погибла великая империя Ахеменидов, на ее развалинах образовалась новая империя — Александра Македонского, которая, в свою очередь, стремительно распалась, и после десятилетий жестоких войн на ее развалинах сформировалась система новых государств. Это сопровождалось подчинением полисных демократий монархической власти, изменением социальной структуры, массовым переселением греков и македонян на Восток, нарушением общественной устойчивости и жизненного равновесия десятков миллионов людей, изменением социальной психологии греков. Наконец, греки открыли для себя мир богатой и своеобразной культуры стран Ближнего Востока, в том числе восточных мифологий, религий и искусства.

Битва богов с гигантами являлась достаточно популярным сюжетом в изобразительном искусстве архаического и классического времени. Поэтому рельеф Пергамского алтаря с изображением гигантомахии продолжает сложившуюся традицию. Наиболее ранним изображением сражения богов с гигантами считается рисунок на аттической чернофигурной вазе 560–550 гг. до н. э. Поздние изображения этого сюжета датируются римским временем⁵⁸. Пергамский алтарь Зевса занимает совершенно особое место среди всех изображений гигантомахии и вообще памятников мирового изобразительного искусства как одно из наиболее выдающихся и гармоничных произведений.

В представлении широкой публики история того или иного государства, какого-либо периода или даже конкретного деятеля нередко ассоциируется с определенными архитектурными сооружениями. Древний Египет связывают с пирамидами, Вавилон — с висячими

⁵⁷ Борухович В. Г. Пластический идеал в классическом греческом искусстве (к вопросу о «греческом чуде») // Античный мир и археология: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10. Саратов, 1999. С. 9.

⁵⁸ Carpenter T. H. Art and myth in ancient Greece. London, 1992. P. 74–75.

садами Семирамиды. Ансамбль Акрополя Афин является свидетельством блестящего расцвета этого государства в середине и второй половине V в. до н. э., а Колизей и триумфальные арки императоров — напоминанием о величии Римской империи. Для Пергамского царства символом и олицетворением его силы и процветания можно считать алтарь Зевса, который является одним из самых значительных и известных архитектурных сооружений в истории человечества.

Древние мастера представили битву богов Олимпа с гигантами — наделенными страшной, зловещей, враждебной силой существами. Гиганты олицетворяли собой племена кельтов, переселение которых в Малую Азию сопровождалось нападениями на греческие города и местные поселения, гибелью людей и разорением территорий. Олимпийские боги символизировали своей борьбой деятельность царей Пергама, прежде всего Эвмена II, победы над кельтами и устранение в конечном счете опасности.

Но знаменитым изображениям можно дать и иное, с позиции современного исторического опыта и знания, толкование. Вся полуторавековая история небольшого царства Пергам была наполнена борьбой с гигантами — с могучей державой Селевкидов, с непримиримым противником пергамских правителей царем Македонии Филиппом V. История царства закончилась трагически — его включил в свой состав бывший союзник — Рим. Правители Пергама не смогли, как это сделали олимпийские боги, выстоять и победить в борьбе с гигантами. Поэтому если искать среди изображений знаменитого фриза символ истории Пергама, то им станет не победоносная богиня Афина — покровительница династии Атталидов и царства и не громовержец Зевс, а погибающий в муках крылатый гигант Алкионей, лицо которого искажено предсмертным страданием.

44. Голова змеи (фрагмент фриза Пергамского алтаря)

Хорошо известно, что алтарь оказал огромное влияние на развитие эллинистического и римского изобразительного искусства и произвел ошеломляющее впечатление на образованную публику конца XIX в., познакомившуюся с этим замечательным памятником после его открытия Карлом Хуманном и организации выставки в 1880 г. в Берлине привезенных из Малой Азии материалов археологических раскопок

Пергама. Основу экспозиции составили фрагменты знаменитого алтаря. Посетив выставку, И. С. Тургенев, потрясенный увиденным, писал: «...да это мир, целый мир, перед откровением которого невольный холод восторга и страстного благоговения пробегает по жилам... Как я счастлив, что не умер, не дожив до последних впечатлений, что я видел все это».

Грандиозная, впечатляющая своим масштабом и высокими архитектурными и художественными достоинствами даже современного человека строительная деятельность Атталидов принципиальным образом изменила облик города Пергама и многих других полисов царства. Пергам из периферийной непримечательной крепости превратился в один из политических и культурных центров эллинистического мира.

Вместе с тем интенсивная строительная деятельность пергамских царей имела еще и большое политическое значение. В силу всего сказанного выше следует считать знаменитый алтарь Зевса в Пергаме одним из наиболее ярких произведений монументальной пропаганды античного времени. В самом Пергаме алтарь Зевса являлся не единственным памятником монументальной пропаганды. К произведениям этого же рода следует отнести возведенный на акрополе столицы мемориальный комплекс времени Аттала I, предназначенный к прославлению его побед, и знаменитые скульптуры погибающих в борьбе кельтов⁵⁹.

Археологические исследования эллинистических памятников показывают, что строительство монументальных сооружений культового или погребального характера стало достаточно распространенным явлением. Сильная царская власть стремилась заявить о себе не только эффективными внешнеполитическими акциями, но и внушительными архитектурными памятниками.

Раскопки в Коммагене, в юго-восточной части Турции, открыли грандиозные памятники — одновременно святилища и гробницы — коммагенских царей, прежде всего Антиоха I. Наиболее значительное и известное святилище в Нимруд-Даге представляет собой искусственно насыпанный курган на вершине самой высокой горы Коммагены. Курган имеет форму конуса с диаметром около 150 метров и высотой более 50 метров. На склонах кургана были устроены террасы, на которых размещались скульптуры и культовые здания⁶⁰.

⁵⁹ Hansen E. Op. cit. P. 36, 302 f.

⁶⁰ Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток. Греческое искусство и его наследники в несредиземноморской Азии. М., 1985. С. 44 сл.

Другой яркий образец монументальных сооружений представлен находками в Халчаян на территории Бактрии. Во дворце, архитектурный стиль которого сохранил черты восточных и греческих форм и традиций, были открыты скульптуры правителей, основной целью изготовления которых, по мнению Г. А. Пугаченковой, «является прославление царствующей династии»⁶¹. Таким образом, политика Атталидов Пергама широко использовать средства монументальной пропаганды являет собой пример достаточно широко распространенной в эллинистическом и эллинизированном мире идеологической политики царей.

* * *

Имеющийся материал относительно религиозной политики Атталидов показывает, что роль царя в религиозной жизни царства была весьма велика и проявлялась в разных формах и видах деятельности монархов. В стране сложилась достаточно развитая система религиозного почитания царей и членов их семей.

Важной чертой царских культов в эллинистических государствах, в том числе и в Пергаме, являлось возникновение их на основе оказанных царями городам благодеяний. Мотив благодарности гражданской общины царю, как правило, звучал в качестве обоснования при введении культов правителей. Культовые имена Сотер, Эвергет тоже свидетельствуют о наличии прямой связи между политической деятельностью царей и развитием практики религиозного почитания носителя верховной власти.

Известно, что обожествление живого монарха было широко принято в Египте Птолемеев. Насколько значительно распространилась подобная практика в Пергаме? Имеются лишь свидетельства из города Милета об обожествлении здравствующего царя. Отсутствие аналогичных примеров из других полисов подтверждает, в принципе сложившееся в науке мнение о менее значительном развитии царского культа в Пергаме по сравнению с государством Птолемеев.

Несмотря на отмеченные выше факты обожествления в Милете здравствовавшего в то время Эвмена II, в религиозной политике Атталидов все-таки господствовала традиция причислять к богам лишь умерших правителей. В надписях умерший монарх назывался

⁶¹ Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966. С. 42; *Pougatchenkova G. Les tresors de Dalverzine-Tepe. Leningrad, 1978. P. 65.* См. также: Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток. С. 156, 160.

«бог-царь», жрец правителя становился жрецом бога-царя (CIG. II, 3068A. Стк. 17, 26; 3071. Стк. 3), а сам момент смерти обозначался выражением μετέστηκεν εἰς θεοῦς (OGIS. 308. Стк. 4; OGIS, 339. Стк. 16).

Царские культы в Пергаме имели явную греческую форму, отправление их сопровождалось традиционными эллинскими обрядами и атрибутами. Распространялись культы Атталидов именно в полисах, заселенных главным образом греческим населением или достаточно сильно эллинизированными. Наличие культов царей засвидетельствовано источниками в полисах: Пергам, Сарды, Теос, Гиерополь, Эгина, Андрос, Апамея, Аполлония-на-Риндаке, Милет, Траллы, Нотий, Телмесс, Элея.

Можно полагать, что религиозное почитание или прямое обожествление монарха осуществлялось во всех городах и стало явлением общегосударственного масштаба. Примечательно, что при этом культ царя рассматривался в полисах прежде всего как культ общинный, городской. Поэтому распространению культа монарха предшествовало, как правило, постановление собрания, в котором регламентировались формы почитания, характер почестей, атрибуты и иные детали. Локальный характер царского культа в городах виден также в том, что иногда он приобретал в полисах свои особенные, местные черты. Например, обожествленная царица Аполлониды в Теосе названа культовым именем «Благочестивая», которое имело официальный характер, но вместе с тем наделена эпитетом Апобатерия в честь того, что приплыла в Теос на корабле (OGIS. 309. Стк. 14).

Многие документы свидетельствуют о том, что традиционным местом почитания обожествленного монарха, наряду с храмами, алтарями, теменосами, являлись гимнасии. В них, очевидно, складывались особенно благоприятные возможности для распространения царских культов, особенно среди молодежи.

Можно предполагать, что введение культов монархов в полисах Пергамского царства происходило без прямого открытого давления царской власти. При этом имеется информация о некоторых мерах, специально направленных на распространение почитания царей. Но и в случае, когда полис самостоятельно принимал решение о воздании божественных почестей правителю, это было проявление осознанной гражданской общиной зависимости от царской власти, неравенства в отношении с ней.

Один из достаточно сложных вопросов, связанных с религиозной политикой Атталидов, состоит в том, существовал ли в стране

общегосударственный культ династии. Культ отдельных монархов, распространенный весьма широко на территории всей страны, известен. При этом его принятие городами оформлялось специальными постановлениями законодательных собраний полисов. Нет свидетельств прямого насаждения царского культа царской администрацией. Не имеется свидетельств культового почитания династии, а не только отдельных ее представителей. В этой связи можно полагать, что сложившегося единообразного культа династии и даже отдельных ее представителей в стране в установленных и регламентированных административно формах все-таки не существовало.

Подобную ситуацию отмечают ученые в Римской империи, особенно в начальный период становления культов императоров, при Августе и его преемниках⁶². Государственная власть принимала складывающиеся формы культового почитания царя, отдельными действиями способствовала развитию культа, но нет никаких оснований говорить о целенаправленной, систематической политике по созданию и развитию царского культа.

Важным аспектом характеристики религиозного сознания жителей Пергамского царства является ответ на вопрос о том, насколько естественно и искренне простые люди осуществляли религиозное почитание царя, в какой степени почитали они богами своих царей. Многие ученые справедливо полагают, что, хотя царям отдавались божественные почести, они все-таки не приравнивались в сознании к олимпийским богам⁶³. Вместе с тем невозможно воспринимать политическую религию эллинизма исключительно как проявление расчетливого сервилизма. Действительно, почему в таком случае культовое почитание Атталидов получило значительное развитие в независимых от них полисах — Милете, Косе, Колофоне? Поэтому исследователи совершенно справедливо отмечают в религиозном почитании царей большое влияние вполне искреннего эмоционального, духовного начала и благодарности гражданских общин за какие-либо оказанные им благодеяния.

Очевидно, что религия, особенно царские культы и культы богов, получавшие официальную поддержку власти, играли в стране важ-

⁶² Ср.: *Штаерман Е. М.* Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 171–175. О зарождении культа и его «сотериологической» основе см.: *Чернышов Ю. Г.* Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. 2. Ранний принципат. Новосибирск, 1992. С. 31–36.

⁶³ *Штаерман Е. М.* Указ. соч. С. 172 сл.

ную политическую роль⁶⁴. Следует признать принципиально большое значение всей деятельности Атталидов в области религии, которая служила идеологическим основанием и выражением той политики, которую проводили пергамские цари в отношении населения своего царства.

⁶⁴ *Kertesz I.* Das religionsleben von Pergamon und seine politische Bedeutung // Humanismus und Menschenbild im Orient und in der Antike: Konferenz-vortrage. Halle (Saale). 1977. S. 201–211. О политической роли религии в странах древней Передней Азии см.: *Вейнберг И. П.* Человек в культуре... С. 115 сл.; *Дандамаев М. А.* Государство, религия и экономика... С. 6 сл.; *Klengel H.* Politik und religion in Vorderasien in 2. Jahrtausend, besonders in hethitischen Anatolien // *Klio*. 1987. Bd. 69. H. 2. S. 308–316.

Заключение

Пергамское царство составляло неотъемлемую часть того географического, экономического, социально-политического и культурного целого, которое обозначается в науке понятием «эллинистический мир». Наряду с общими для всех эллинистических государств процессами и явлениями, истории царства Атталидов свойственны и некоторые особенные черты, определяющие ее специфику.

Пергамское государство занимало своеобразное географическое положение — западную и центральную части полуострова Малая Азия, зону интенсивных контактов греческого и восточных миров, область высокоразвитого сельского хозяйства, ремесла, торговли.

Пергамское царство сложилось и развивалось в области с достаточно сложным этническим составом населения. На территории государства издавна проживали представители разных малоазийских народностей — мисийцы, фригийцы, карийцы, фракийцы, а также поселившиеся со времен Александра Македонского македоняне и переселившиеся на полуостров в начале III в. до н. э. галаты. Местные традиции сохранялись в малоазийском регионе в течение всей античной истории. Наиболее заметным было их влияние в области религии, но оно проявлялось также в некоторых других сферах жизни Малой Азии эллинистического периода.

Вместе с тем важной чертой этнических процессов западной части Малой Азии было то, что в этом регионе еще с микенского времени сформировалось многочисленное греческое население, численность которого в классическую и эллинистическую эпоху значительно увеличилась. Греки были основным этническим элементом, прежде всего в городах. Они приносили в страну собственную культурно-бытовую традицию, важнейшие черты социально-политической жизни, систему образования, формы искусства, религию. Греческое население оказывало влияние на другие этносы, прожи-

вавшие в данном регионе. В результате происходила их постепенная эллинизация. Таким образом, Пергамское царство сложилось в области с многочисленным греческим, а также со значительно эллинизированным местным населением. Имеющиеся источники позволяют полагать, что именно греки играли наиболее активную роль в политической жизни Пергамского царства, в управлении царством, в развитии его культуры, тогда как в экономической жизни страны, особенно в сельском хозяйстве, была велика роль местных жителей — представителей малоазийских этносов.

Политическая история царства развивалась во многих отношениях своеобразно. Очевидной особенностью политической истории и внешней политики Пергамского царства является его существование в постоянном враждебном окружении. Отношения Пергама со всеми своими влиятельными соседями — Македонией, Вифинией, царством Селевкидов, Понтийским государством, галатами — носили враждебный характер, что заставляло царей Пергама большое внимание уделять укреплению столицы и других городов, развитию военных сил государства и ориентировать всю внешнюю политику на союз с греческими государствами Балканского полуострова и стремительно набиравшей мощь Римской республикой. Территория царства являлась ареной многочисленных войн и столкновений, вследствие чего власть Атталидов распространялась то на значительную часть полуострова, то лишь на долину реки Каик.

Политическая ситуация осложнялась также вторжением галатов и проникновением Рима на Восток. Из числа восточных эллинистических царств Пергам первым испытал влияние этого проникновения. Для государства это явление имело двоякое значение. Царство Атталидов, находившееся во враждебном окружении могущественных эллинистических государств, ориентировалось во внешней политике на Рим. Благодаря постоянному союзу с Римом Пергам значительно расширил свою территорию, превратился в крупный экономический, политический и культурный центр Средиземноморья.

Пергамские цари, строго говоря, не имели альтернативы в области внешнеполитической ориентации: им следовало или искать сильного союзника, или покориться опасным и агрессивным соседям. Поэтому преданность Риму была вынужденной и являлась единственным способом сохранения государственной самостоятельности в сложных внешнеполитических условиях. При этом Пергамское царство во многом неизбежно попадало в зависимость от Рима, который вмешивался во внутренние дела этого государства, пытаясь определять внешнюю, а возможно и внутреннюю политику династии.

Усиливая свое влияние в восточной половине Средиземноморья, в том числе в западной и центральной частях Малой Азии, Рим в конечном счете занял откровенно враждебную позицию по отношению к Пергамскому царству и подчинил его своей власти.

Формирование политических институтов Пергамского царства происходило на основе уже давно сложившегося политического опыта, потому что территория, на которой образовалось государство Атталидов, издавна входила в состав различных государственных образований, прежде всего Лидийского царства и империи Ахеменидов. Важный опыт доэллинистической государственности в западной части Малой Азии сохраняли также греческие полисы и местные храмовые общины.

Формирование политической системы царства Атталидов происходило, как и во всех без исключения эллинистических государствах, под воздействием военного фактора. Возможно, в значительной степени по этой причине государственность любой эллинистической монархии, от самого института царской власти и органов центрального управления до низших звеньев административной системы и полисов, сохраняла военизированный характер.

Сложившаяся в Пергамском царстве система политических институтов являлась типичной для эллинистических государств. Верховная власть в нем принадлежала царской династии, опиравшейся на наследственное право, на знать, составлявшую достаточно многочисленный и влиятельный слой, и на профессиональную наемную армию. Все нити управления страной сходились в руках царя, обладавшего высшей военной, административной, законодательной и контрольной властью. Реализовывалась власть царя через штат придворных разных рангов и званий, выполнявших наиболее ответственные поручения монарха, и через некоторые центральные ведомства — канцелярию, казну. Совет, который существовал при царе, не являлся органом бюрократической структуры, а представлял собой устраиваемые по мере надобности встречи наиболее влиятельных родственников и приближенных. Поэтому можно сделать заключение о том, что в Пергамском царстве штатная разветвленная система органов центрального управления не получила значительного развития.

В составе государства Пергам можно выделить два основных структурных элемента: собственно царские владения и многочисленные города. Первый представлял собой обширные территории, на которых проживало объединенное в общины местное население, основывались царские военные поселения, строились крепости и т. д.

Царские владения делились на административно-территориальные округа, в которых управление осуществляли назначаемые монархами должностные лица. В провинциях эту функцию осуществляли стратеги. Возможно, страна делилась и на более мелкие единицы во главе с соответствующими им ставленниками короны, но информации об этом нет. В целом система управления носила централизованный характер, но при этом сочеталась на низшем уровне — в сельских общинах, может быть, также в военных колониях — с элементами самоуправления в виде сохранившейся общинной организации. Делая общее заключение, приходится снова напоминать читателю о недостатке источников по данному поводу и тот уже фигурировавший в нашей работе вывод, что система административно-территориального деления страны и местного управления неизвестна и реконструируется лишь на основе фрагментарных данных. Строго говоря, мы не можем даже утверждать, что единообразная для всех частей страны, четкая система управления, подобная сложившейся в эллинистическом Египте, вообще существовала. Но предположение о том, что такая система существовала, имеет под собой определенные основания.

Одну из основ царской власти в Пергаме составляла армия, в которой, как и в других эллинистических государствах, важнейшую роль играли наемные профессиональные воины. Кроме них корона привлекала к службе представителей местного малоазиатского населения, а также гражданское ополчение полисов, подвластных династии, в том числе и столицы — города Пергама.

Имеющиеся источники ясно обозначают некоторые особенные черты политического развития Пергама. Территориальное государство выросло из полиса Пергама, который сыграл роль центра в борьбе правителей за расширение владений. Как мы уже указывали, эллинистическая история не знает подобных примеров.

Источником власти царя в Пергамском государстве стала единоличная власть правителя, которая в дальнейшем переросла в царскую. В Пергаме не сразу после достижения государством самостоятельности установилась царская власть. Первые два правителя, властвуя фактически, никак не определяли свое положение в государстве; и только при Аттале I после серии крупных побед был принят царский титул. Наконец, при Аттале I установился порядок наследования власти от отца к сыну.

Другим основным структурным элементом государства, как мы уже сказали, являлись полисы — города, гражданские общины. С полисами тесно связана судьба всего античного мира. Они возникли в

первой половине I тысячелетия до н. э. в Греции. Каждая эпоха античной истории являлась определенным этапом и в развитии полиса. В эллинистическую эпоху многие полисы вошли в состав эллинистических царств, были в большей или меньшей степени интегрированы в экономическую жизнь и социально-политическую структуру крупных территориальных государств, играли важную роль в их идеологической, духовной, культурной жизни. Множество так называемых свободных городов, которые сохраняли политический суверенитет, фактически тоже испытывало воздействие новых политических реалий: эллинистические монархии формировали новую систему международных отношений, новую систему политики в отношении городов, с которой «свободные» полисы были вынуждены считаться и в которую были вынуждены встраиваться.

Несмотря на ведущую политическую роль территориальных государств, как нередко именуют эллинистические монархии, полисы оставались в эпоху эллинизма основной формой экономической и социально-политической организации свободного полноправного населения. Сохранили свое значение старые греческие общины, восточные города эллинизировались и постепенно трансформировались в полисы. Колонизационный процесс на Востоке тоже протекал в форме образования полисов. Что касается других форм организации — сельских и храмовых общин, военных поселений, — то они приобретали нередко квазиполисную структуру, имели некоторые органы самоуправления. В случае успешного развития на базе таких общин или групп общин могли образовываться настоящие города.

Западная часть Малой Азии, в которой формировалось царство Атталидов, представляла собой сильно урбанизированный регион античного мира. Письменные источники и материалы археологических исследований свидетельствуют о большом числе городов в описываемом регионе. Наиболее ярким примером урбанизации в Малой Азии служат многочисленные греческие города, среди которых некоторые (Эфес, Милет, Кизик) превратились в крупные и очень значимые центры экономической и культурной жизни. Не менее важным было то, что кроме значительных по масштабам приморских центров было множество менее крупных городов как на побережье, так и во внутренних областях Малой Азии. Именно эти многочисленные городки формировали ту особую урбанистическую среду, которая служила важнейшим средством эллинизации местного населения, распространения греческих институтов и культуры. Среди городов региона важное место принадлежало также эллинизированым, но при этом сохранившим сильную местную культурную и

этническую традицию поселениям, которые, видимо, были достаточно многочисленны и включали в себя весьма значительную часть населения полуострова, особенно его центральной и восточной частей. В некоторой степени примером урбанизированного стиля жизни могут служить также храмовые общины Малой Азии. Местные города, храмовые общины, сельские поселения испытывали влияние греческой традиции и постепенно в большей или меньшей степени эллинизировались.

Полисы — гражданские общины, развиваясь в составе эллинистической монархии Атталидов, претерпели ряд внутренних изменений. Менялась социальная структура городского населения. Видимо, медленно происходило изменение этнического состава населения городов, включение в состав гражданских общин представителей местного населения и людей, рожденных в смешанных браках. В среде граждан происходило значительное имущественное и социальное расслоение, которое меняло общественный климат. Одним из таких процессов стало выделение, очевидно, немногочисленного слоя людей, обладавших немалым богатством. Этот круг людей стал играть важную политическую роль, занял в своих городах лидирующее положение, ведущие магистратуры. Часть людей этого круга проводила промонархическую политику и поддерживала Атталидов.

Изменился и полисный строй. Внешнее сохранение всех его черт сопровождалось снижением роли собрания и ростом влияния отдельных магистратур. Для городов местного происхождения важнейшие изменения заключались в эллинизации их институтов и самого населения.

Роль полисов в эллинистическом Пергамском царстве была исключительно велика. В III—II вв. до н. э. произошли значительные прогрессивные изменения в развитии их хозяйства и культуры; города переживали состояние общего экономического и культурного подъема в ремесленном производстве, торговле, сельском хозяйстве, в финансах и денежных отношениях, строительстве, городском благоустройстве и культуре. Заинтересованность династии в городах определялась экономическими выгодами, которые получали цари в виде, например, налогов, возможностью набирать наемников, привлекать городское ополчение, контролировать с помощью городов местное население. Поэтому для царей весьма важным направлением их внутривластной деятельности стало выстраивание сложной системы отношений с городами — развитие своего рода внутренней дипломатии. Корона была вынуждена использовать в этой политике как силу и угрозу, так и льготы и привилегии. Отношение городов к

монархии также характеризуется двойственностью — стремление сохранить свою автономию сочеталось с желанием получать военную защиту и финансовые выгоды, которые могла предоставить сильная царская власть. Результатом сложного взаимодействия центральной власти и городов стали постепенная интеграция полисов в структуру эллинистического царства Атталидов.

Важным средством укрепления государства объективно служила религиозная политика, которую проводила династия Атталидов, в том числе царские культы. В Пергамском царстве культ монарха не получил столь законченного развития и оформления, как, например, в Египте, но и в таком виде ему принадлежала важная роль в жизни общества. Атталиды энергично распространяли почитание династии и отдельных ее представителей, создав с этой целью специальную культовую коллегия атталистов, а также используя популярное в греческом мире объединение артистов бога Диониса. Важно также обратить внимание на политику религиозной терпимости, которая характерна для Атталидов, — кроме собственно греческих культов и культов царей они поддерживали культы некоторых местных богов.

Значительная политическая роль, которую сыграло Пергамское государство, несомненна. Не менее важным стал вклад государства в развитие культуры эллинистического мира. Пергамское царство сложилось в зоне богатой и продолжительной полиэтнической культурной традиции. На ее основе и под ее влиянием сформировались условия, благоприятные для дальнейшего культурного прогресса. Развитию культуры в царстве Атталидов немало способствовали интенсивно развитая греческая и эллинизированная полисная городская среда и целенаправленная политика самой династии. Благодаря строительству ряда великолепных построек — театра, гимнасиев, храмов — и благоустройству жилых районов города столица Атталидов превратилась в архитектурную достопримечательность Восточного Средиземноморья. В Пергаме развивались научное и литературное творчество, изобразительное искусство, архитектура, медицина. К числу важнейших достижений пергамской династии следует отнести создание знаменитой библиотеки, которая превратилась не только в одно из наиболее важных и крупных книжных собраний всего древнего мира, но и в научное учреждение. Привлечение к царскому двору ученых, писателей, поэтов и художников, создание условий для их научного и художественного творчества стимулировали превращение столицы Атталидов — города Пергама — в один из выдающихся центров культурной жизни древности III–II вв. до н. э.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Обладатели придворных титулов и званий в Пергамском царстве*

№	Имя	Титул и звание**	Источник	Время
1	Сосандр	ὁ σύντροφος τοῦ βασιλέως; ὁ ἀναγκαῖος	Polyb. XXXII. 15, 10; RC. 65; RC. 61	Правление Эвмена II и Аттала II
2	Меноген, сын Мено- фанта	ὁ συγγενής, ὁ ἀναγκαῖος; ὁ ἐπὶ τῶν πραγμάτων	OGIS. 290; OGIS. 291– 296; RC. 61	Правление Эвмена II и Аттала II
3	Мегон из Эфеса	τῶν φίλων ἐν τιμῇ τῇ πρώτῃ ὄντα; τῶν φίλων τῶν προτιμωμένων	RC. 49; RC. 50	Правление Эвмена II, 182 г. до н. э.
4	(?) из Мирины	τῶν φίλων τῶν προτιμωμένων	RC. 50	Правление Эвмена II, 182 г. до н. э.
5	Диодор	ὁ φίλος	Syll. ³ 651	Правление Эвмена II
6	Деметрий, сын Апол- лония	ὁ ἐπὶ τῆς σφραγίδος καὶ στρατηγός ἐπὶ τε Ἑφέσου καὶ τῶν κατ' Ἑφεσον τόπων καὶ Καύστρου πεδίου καὶ τὸ Κιβιανόν	Allen R. E. The Attalid Kingdom. P. 226. № 25	Правление Эвмена II
7	Филтес, сын Гипполоха из Кизика	ὁ φίλος (титул восстановлен Хр. Хабихтом предположительно)	IG. II ² 955	Правление Эвмена II
8	Менандр из Пергама	διατρίβων παρὰ τῷ βασιλεῖ	Syll. ³ 655	Правление Эвмена II
9	? (имя неизвестно)	ὁ οἰκείος τοῦ βασιλέως	Allen R.E. Op. cit. P. 223. № 18	Правление Эвмена II, 160/159 гг. до н. э.
10	Клеон, сын Стратага из Пергама	ὁ σωματοφύλαξ	OGIS. 329	Правление Эвмена II и Аттала II

11	Феофил из Пергама	διατρίβων παρὰ τῷ βασιλεῖ	IG. II ² 947	Правление Эвмена II
12	Аполлонид, сын Феофила	ὁ σύντροφος τοῦ βασιλέως	OGIS. 334	Правление Аттала II
13	Феофил, сын Фе... (имя не сохранилось, возможно, сын Феофила)	ὁ σύντροφος τοῦ βασιλέως	SEG. XIV. 127	Правление Аттала II
14	Асклепид, сын Феофила, из Пергама (вероятно, он же упоминается под именем Асклепиад в надписи из Ларисы в Фессалии)	συντεθραμμένος Ἀττάλῳ τῷ τοῦ βασιλέως ἀδελφῷ	Malay H. Researches... 182; SEG. XXXI. 574 (см. также 575)	Правление Эвмена II, между 170–159 гг. до н. э.
15	Андроник (?) (имя предположительно)	ὁ σύντροφος τοῦ βασιλέως	OGIS. 323; Polyb. XXXII. 16, 2. App. Mithr. 4–5	Правление Аттала II
16	Филопемен, сын Андроника	ὁ στρατηγός καὶ ἐπὶ τῆς σφραγίδος	Paus. VII. 16, 1; Plut. Moral. 792; SEG. I. 374	Правление Аттала II
17	Солон, сын Аттала	ὁ φίλος πρῶτος	MAMA. VI. 68	Правление Аттала II
18	Эпигон, сын Дамократа из Тарента	διατρίβων παρὰ τῷ βασιλεῖ	Allen R. E. Op. Cit. P. 226. № 26	Правление Аттала II

* Таблица составлена на основе: Allen R. E. The Attalid Kingdom: A Constitutional History. Oxford, 1983. P. 133–135; Habicht Chr. Athen in Hellenistischen Zeit. Munchen, 1994. S. 183–201; Malay, Hasan. Researches in Lydia, Mysia and Aiolis. With 246 Figures and a Map. Wien, 1999, а также материалов, собранных автором книги.

** Титулы и почетные придворные звания даны в той грамматической форме, в какой упоминаются в источниках.

Царские должностные лица в Пергамском государстве*

№	Имя	Титул	Город или область	Время	Источник
I. Провинциальные наместники					
1	Корраг	τεταγμένος στρατηγός τῶν καθ' Ἑλλάσποντον τόπων	Аполлония-на-Риндаке (?)	186 г. (?) до н. э.	SEG. II, 663, Liv. XXXVIII. 13, 3; XLII. 67, 4
2	Деметрий, сын Апол- лония	γενομένον στρατηγόν ἐπὶ τε Ἐφέσου καὶ τῶν κατ' Ἐφεσον τόπων καὶ Καύστρου πεδίου καὶ τὸ Κιλβιανόν	Эфес	Правление Эвмена II	Allen R. E. The Attalid Kingdom, P. 226. № 25
3	Стратон	στρατηγός της Χερρο- νήσου καὶ τῶν κατὰ την Θράκην τόπων	Херсонес Фракийский	Правление Аттала III	OGIS. 339
II. Градоначальники					
4	Гикесий	κατασταθεὶς ἐπὶ Ἀιγίνας	о. Эгина	Правление Эвмена II	Syll. ³ 642
5	Клеон	ὁ ἐπιστάτης τῆς πόλεως	о. Эгина	Правление Эвмена II и Аттала II	OGIS. 329
6	?	praefectus arci (возможно, это греческий титул ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως)	Пергам	171 г. до н. э.	Liv. XLII. 16, 8
7	?	ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως	Пергам	II в. до н. э. (?)	OGIS. 483

8	?	ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως	?	Правление Эвмена II. 168–164 гг. до н.э.	<i>Muller H., Worrie M.</i> Ein Verein... Стк. 10
9	Сотаг, сын Патрокла	ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως	Олбаса	Правление Аттала II	<i>Savalli-Lestrade I.</i> Les Attalides et les Cites Grecques d'Asie Mineure au IIe siècle A.C. // <i>Les Grecques d'Asie Mineure Occidentale au IIe siècle A.C.</i> / ed. A. Bresson, R. Descat. Bordeaux, 2001. P. 82.
10	?	οἱ τεταγμένοι ἐπὶ τῶν πόλεων	?	Правление Аттала III	Diod. XXXV. 3
11	?	ὁ τεταγμένος ἐπὶ Ἀβύδου	Абидос	II в. до н. э. (?)	Bruckner, Dörpfeld. Troja und Ilion. № 27; I. Ilion. 56.
III. Финансовая администрация					
12	?	ὁ διοικῆτες	?	Правление Эвмена II. 168–164 гг. до н.э.	<i>Muller H., Worrie M.</i> Ein Verein... Стк. 10
13	?	ὁ αρχεγλογιστής	?	Правление Эвмена II. 168–164 гг. до н.э.	<i>Muller H., Worrie M.</i> Ein Verein... Стк. 11
14	?	ὁ εγλογιστής	?	Правление Эвмена II. 168–164 гг. до н.э.	<i>Muller H., Worrie M.</i> Ein Verein... Стк. 11
15	?	ὁ οἰκονόμος	?	Правление Эвмена II. 168–164 гг. до н.э.	<i>Muller H., Worrie M.</i> Ein Verein... Стк. 10
16	?	ὁ ἐπὶ τῶν ἱερῶν προσόδων	Пергам	II в. до н. э.	OGIS. 483
17	Тимарх	ὁ νεοκόρος храма Артемиды	Сарды	Ок. 155 г. до н. э.	Sardis. VII. Part I. 4

IV. Прочие должностные лица					
18	?	?	Пергам	Время Атгала I (?)	IvP. 40. RC. 24
19	Артемидор	?	Ликия?	Правление Эвмена II. После 188 г. до н.э.	Segre M. Inscriptioni di Licia // Clara Rhodos. 1938. Vol.IX. P. 190.

* В таблицу включены должностные лица, входившие в систему административного управления. Поэтому в нее не вошли коменданты военных колоний Аполлоний (Накраса) и Меноген (Пергам или Филетерия), а также различные военные командиры.

**Свободные города Малой Азии после Апамейского мира
188 г. до н. э.***

№	По Дж. Кардини	По Э. Бикерману	По Э. Хансен	По Д. Мейджи	По Р. Аллену
1	Кизик	Кизик	Кизик	Кизик	Кизик
2	Парий	?	—	Парий	
3	Лампсак	Лампсак	Лампсак	Лампсак	Лампсак
4	Абидос		—		
5	Дардан	Дардан	Дардан	Дардан	Дардан
6	Илион	Илион	Илион	Илион	Илион
7	Александрия в Троаде	Александрия в Троаде	Александрия в Троаде	Александрия в Троаде	Александрия в Троаде
8	Кима	Кима	Кима	Кима	Кима
9	Смирна	Смирна	Смирна	Смирна	Смирна
10	Клазомены	Клазомены	Клазомены	Клазомены	
11	Эритры	Эритры	Эритры	Эритры	
12	Колофон	?		Колофон	Колофон
13	Магнесия-на-Меандре	Магнесия-на-Меандре	Магнесия-на-Меандре	Магнесия-на-Меандре	Магнесия-на-Меандре
14	Приена	Приена	Приена	Приена	
15	Гераклея у Латма	Гераклея у Латма		Гераклея у Латма	Гераклея у Латма
16	Милет	Милет		Милет	Милет
17	Алабанда	Алабанда			Алабанда
18	Иас	?		?	
19	Миласа	Миласа		Миласа	
20	Баргилия			?	
21	Галикарнас	Галикарнас		Галикарнас	
22	Минд	Минд		Минд	Минд
23	Книд			Книд	
24	Фаселида	Фаселида			
25	Сиде	Сиде	Сиде		
26	Аспенд	Аспенд	Аспенд		
27	Селге	Селге			

28	Антиохия в Писидии	Антиохия в Писидии			
29		Эги	Эги	Эги	
30		Фокея	Фокея	Фокея	
31		Кавн		—	
32		Пидаса		Пидаса	
33		Мирина?		?	
34		Кибира	Кибира		Кибира
35		Мефимна		Мефимна	
36			Нотий	Нотий	
37				Эрес?	
38				Питана?	
39				Теос	

**Города Малой Азии, Херсонеса и острова Эгейского моря,
подвластные Атталидам после Апамейского мира 188 г. до н. э.**

№	По Дж. Кардинали	По Э. Бикерману	По Э. Хансен	По Д. Мейджи	По Р. Аллену
1	Византий во Фракии				
2	Лисимахия				
3	Сест	Сест	Сест		
4	Приап	Приап	Приап	Приап	Приап
5	Асс		Асс		
6	Элея				
7	Питана		Питана	?	
8	Эги	—	—	—	
9	Фокея	—	—	—	
10	Темн	Темн	Темн	?	Темн
11	Магнесия у горы Сипил	Магнесия у горы Сипил	Магнесия у горы Сипил	Магнесия у горы Сипил	Магнесия у горы Сипил
12	Теос	Теос	Теос	?	Теос
13	Колофон древ- ний				
14	Эфес	Эфес	Эфес	Эфес	Эфес
15	Телмесс	Телмесс	Телмесс		Телмесс
16	Скепис	Скепис	Скепис	Скепис	Скепис
17	Гиерополь во Фригии				
18	Сарды	Сарды	Сарды	Сарды	Сарды
19	Траллы	Траллы	Траллы	Траллы	Траллы
20		Лебед	Лебед	?	
21		Фиатира	Фиатира	Фиатира	Фиатира
22	—	?	Парий	—	
23	—		Абидос		
24			Гаргара		
25			Антандр		
26			Адрамиттий		
27			Эгина		

28			Андрос		
29				Апамея	
30				Лаодикея	

* Таблицы составлены на основе: *Cardinali G.* Il regno di Pergamo. Roma, 1906. P. 101; *Bikerman E.* Notes sur Polybe. I. La statut des villes d'Asia apres la paix d'Apamee // REG. 1937. T. 50. P. 235–239; *Hansen J.* The Attalids of Pergamon. Ithaca. New York, 1971. P. 93–96 etc; *Magie D.* Roman Rule in Asia Minore. Vol. 1–2. Princeton, 1950. P. 108–109, 122–130, 958–959 etc; *Allen R.* The Attalid Kingdom: A Constitutional History. Oxford, 1983. P. 133–135. В данных исследованиях проблема рассматривалась наиболее основательно. Кроме того, в них учтены все предыдущие работы.

В приложениях 3 и 4 приняты следующие обозначения:

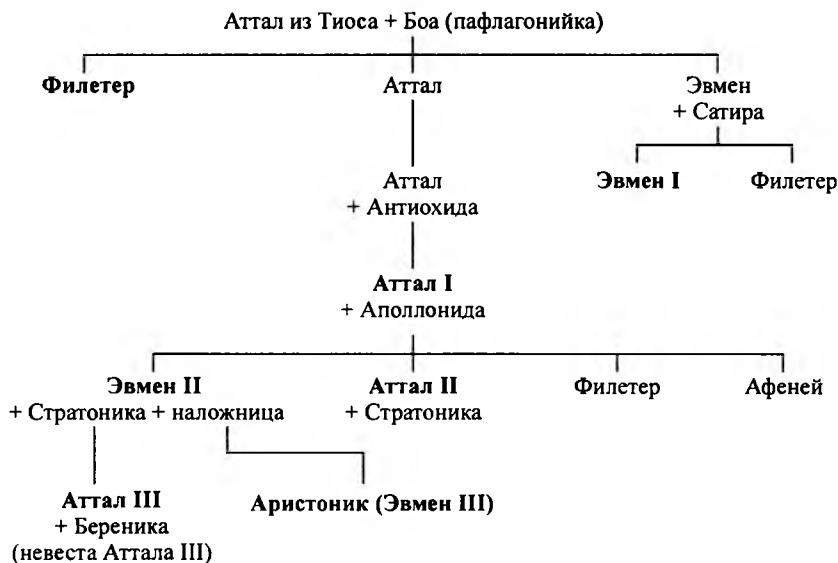
- несогласие ученого с мнением предшественников;
 - ? невозможность определить точно статус города или наличие у ученого сомнений.
- Пропуск в графе означает отсутствие упоминаний о данном городе.

Династия Атталидов

Филетер	283–263 гг. до н. э.
Эвмен I	263–241 гг. до н. э.
Аттал I	241–197 гг. до н. э.
Эвмен II	197–159 гг. до н. э.
Аттал II	159–139 (138) гг. до н. э.
Аттал III	139 (138)–133 гг. до н. э.
Аристоник (Эвмен III)	133–129 гг. до н. э.

Э. Бикерман датирует смерть Эвмена II и воцарение Аттала II — 160 г. до н. э., а смерть Аттала II и восшествие на престол Аттала III — 139 г. до н. э. См.: *Бикерман Э. Хронология Древнего мира*. М., 1976. С. 196.

Родословная Атталидов

Основные события истории Пергамского царства*

(все даты — до н. э.)

- 311–281 — правление Селевка I Никатора, основателя династии Селевкидов.
- 301 — битва при Ипсе между Антигоном и объединенными силами Лисимаха, Селевка и Кассандра. Поражение и гибель Антигона. Усиление и территориальный рост царств Лисимаха и Селевка.
- 305–282 — правление Птолемея I Сотера, основателя династии Птолемеев.
- 283 — отделение Филетера — хранителя сокровищ крепости Пергам — от царя Лисимаха.
- 283–239 — правление Антигона Гоната в Македонии.
- 281 (вероятно в феврале) — битва при Корупедионе. Лисимах разгромлен Селевком I и убит. Селевк I вскоре убит Птолемеем Керанном — сыном Птолемея I.
- 281–261 — правление Антиоха I Сотера.
- 280–275 — Филетер осуществил дарения городу Кизик деньгами, зерном, маслом, конями.
- 280 — ок. 255 — правление Никомеда I в Вифинии.
- 279 — гибель Птолемея Керавна в битве с кельтами.
- 278 — переправа кельтских племен в Малую Азию.
- 277 — кельты разоряют западную часть Малой Азии.
- 263–241 — правление Эвмена I.
- М/д 263–261 — победа Эвмена I над Антиохом I при Сардах.
- 261–241 — правление Антиоха II Теоса.
- 241–197 — правление Аттала I.
- 238–235 — победа Аттала I над галатами. Принятие царского титула Атталом I.
- Ок. 230 — ок. 182 — правление Прусия I в Вифинии.
- 229–228 — Аттал I одержал победу над Антиохом Гиераксом.
- 223–187 — Правление Антиоха III Великого.
- 221–179 — правление Филиппа V.
- 220 — мятеж полководца Антиоха III Ахей в Малой Азии.
- Ок. 219 — установление дружественных отношений Аттала I с Этолийским союзом.
- 216 — война Аттала I в союзе с Антиохом III против Ахей.
- 215 — Ахей осажден в Сардах.
- 213 — Ахей пленен и казнен.
- 210 (лето–осень) — взятие острова Эгина. Решение Этолийского союза о продаже острова Эгина Атталу I.
- 209–208 (зима) — Аттал I провел зиму на острове Эгина вместе с П. Сульпицием Гальбой.

- 208 — Аттал I возвратился в Пергам из Греции после участия в Первой Македонской войне.
- 204 — «Черный камень» (священный камень Матери Богов Кибелы) при помощи Аттала I доставлен из Пессинунта в Рим.
- 202 — Родос объявил войну Филиппу V.
- 201 — Аттал I и Родос обратились к Риму с просьбой о помощи против Филиппа V. Филипп V ведет военные действия на море и в Малой Азии. Сражения при Хиосе и Ладе. Филипп V блокирован в Баргилии (зима 201–200 г. до н. э.).
- 200 — римское посольство в Грецию и на Восток. Филиппу V после его возвращения из Малой Азии объявлена война (Вторая Македонская война). Филипп V на фракийском побережье, захватил город Абидос в Малой Азии.
- 199 — захват острова Андрос Римом и передача его под власть Атталу I.
- 197 — битва при Киноскефалах между Римом и его союзниками и Филиппом V. Заключение мира между Римом и Филиппом V. Антиох III продвигается в Малую Азию и захватывает Эфес.
- 197–159 — царствование Эвмена II.
- 196 — Смирна и Лампсак обращаются к римскому сенату. Провозглашение Титом Квинкцием Фламинином «свободы Греции» на Истмийских играх. Антиох III вступает с армией во Фракию. Встреча римских послов с Антиохом III в Лисимахии.
- 195 — Заключение мира между Египтом и Антиохом III. Антиох III ведет действия во Фракии и в Малой Азии. Ганнибал присоединяется к Антиоху III в Эфесе.
- 194 — Антиох III возобновляет действия во Фракии и ведет переговоры с Римом.
- 193 — Римское посольство к Антиоху III в составе П. Сульпиция Гальбы, П. Виллия и П. Элия. Встреча посольства с Эвменом II. Разрыв между Римом и Антиохом III.
- 192 — Антиох III переправился в Грецию (октябрь). Рим объявил войну Антиоху III (ноябрь).
- 191 — римская армия во главе с Ацилием высадилась в Греции. Победа римлян над Антиохом III при Фермопилах. Антиох III переправился в Эфес. Ливий привел римский флот к Малой Азии. Эвмен II и родосцы присоединились к римлянам. Флот Антиоха III потерпел поражение у Корика.
- 190 — флот Антиоха III потерпел поражение при Сиде и Мионнесе. П. Корнелий и Л. Корнелий Сципионы высаживаются в Малой Азии. Антиох разбит в битве при Магнессии.
- 189 — предварительные переговоры о мире в Сардах. Манлий Вульсон совершает поход против галатов. Брат царя Эвмена II Аттал участвует в походе против галатов во главе пергамской армии.
- 188 — заключение мирного договора с Антиохом III в городе Апамея. Урегулирование территориальных и иных вопросов в Малой Азии. Женитьба Эвмена II на каппадокийской царевне Стратонике.
- 187 — смерть Антиоха III и восшествие на престол Селевка IV. Филипп V захватил на фракийском побережье Эгейского моря города Эны и Маронея (владел ими до 183 г. до н. э.).
- 186 (184)–183 — война Пергамского царства с Прусием I, царем Вифинии.
- 183–179 — война Пергама с Понтийским царством.

- 182 — основание в Пергаме религиозных празднеств Никефорий в честь Афины Никефоры. Посольства Эвмена II в города Греции и Малой Азии с призывом признать празднества.
- Ок. 182–149 — правление Прусия II в Вифинии.
- 179–168 — правление Персея — царя Македонии.
- 178 — упоминание имен Эвмена II и его трех братьев в списке Великих Панафиней в Афинах как победителей в состязаниях на колесницах.
- 175 — смерть Селевка IV (3 сентября), восшествие на престол Антиоха IV Эпифана.
- 173 — послание Эвмена II римскому сенату с обвинениями в адрес Персея.
- 172 — вторая поездка Эвмена II в Рим. Выступление Эвмена II в сенате с обвинениями против Персея. Покушение на Эвмена II в Дельфах, распространение слухов о его гибели. Скоропалительная женитьба брата царя Аттала на царице Стратонике.
- 171 — начало Третьей Македонской войны.
- 168 — Рим ограничил влияние Пергамского царства и Родоса. Восстание галатов против Пергамского царства.
- 167 — завершение Третьей Македонской войны. Победа Рима. Полибий отправлен в Рим в качестве заложника Ахейского союза. Визит Аттала, брата царя Эвмена II, в Рим. Попытки римских политиков подтолкнуть Аттала к обращению о разделе царства между братьями.
- 167/166 — неудачный визит Эвмена II в Италию. Отказ сената принять пергамского царя.
- 160 — получение официального царского титула Атталом II. Начало совместного царствования Эвмена II и Аттала II.
- 159 — смерть Эвмена II. Прусий II, царь Вифинии, вынужден заключить мир с Пергамом.
- 159–138 (139) — царствование Аттала II.
- 150 — в царстве Селевкидов при помощи Аттала II пришел к власти Александр Балас.
- 149 — приход в Вифинии при помощи Аттала II к власти царевича Никомеда. Убийство Прусия II. Возможно, военный поход Аттала II против фракийского царя Диегила. Победа над фракийцами (по Э. Бикерману — в 145 г. до н. э.).
- 149 — начало восстания Андриска в Македонии (Четвертая Македонская война).
- 149–127 — правление Никомеда II Эпифана в Вифинии.
- 146 — разграбление Коринфа, превращение Македонии в римскую провинцию.
- 138 — смерть Аттала II и воцарение Аттала III (по Э. Бикерману — 139 г. до н. э.).
- 133 — смерть Аттала III. Завещание Аттала III. Декрет Пергама о предоставлении гражданских прав и свободы разным категориям населения. Начало восстания Аристоника.
- 131 — в Пергамское царство прибыла армия консула П. Лициния Красса Муциана для борьбы против Аристоника. Поражение римлян. Гибель Красса.
- 130 — Консул Марк Перперна одержал победу над Аристиком.
- 129 — Окончательное поражение восстания. Марк Перперна и Маний Аквиллий организуют провинцию Азия. Установление римского правления над западной и центральной частями Малой Азии.

*Таблица составлена на основе: Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М., 1976. С. 259–270; Габелко О. Л. История Вифинского царства. СПб., 2005; Allen R. The Attalid Kingdom: A Constitutional History. Oxford, 1983; Hansen J. The Attalids of Pergamon. Ithaca, London, 1971; Hammond N. G. L., Walbank F. W. A History of Macedonia. Vol. III. Oxford, 1988; Hopp J. Untersuchungen zur geschichte der letzten Attaliden. München, 1977 и ряда других работ.

В таблицу включены даты правления отдельных царей ряда династий — Селевкидов, правителей Вифинии, Понта, а также некоторые события римской истории, в которых принимало участие Пергамское государство.

В литературе встречаются различия в датировании отдельных событий. В данной хронологической таблице различия в датировках, как правило, не приводятся.

Особенности престолонаследия в Пергамском царстве

Одна из особенностей власти династии Атталидов заключается в том, что традиционный для эллинистических монархий принцип передачи короны от отца к сыну был установлен в Пергамском государстве только третьим правителем династии — Атталом I (241–197 гг. до н. э.), который принял царский титул после ряда крупных военных побед.

До Аттала I власть передавалась по мужской линии, но не детям правителей, а племянникам. Основатель династии Атталидов Филетер (283–263 гг. до н. э.) был, согласно античной традиции, которую передают Страбон и Павсаний, евнухом (Strab. XIII. 4, 1; Paus. I. 8, 1). Поэтому власть свою он намеревался вручить первоначально усыновленному им племяннику Атталу, сыну Аттала, а затем, после смерти наследника, трон был передан племяннику Эвмену, сыну брата Филетера Эвмена (Strab. XIII. 4, 2). В свою очередь, преемник Филетера передал власть Атталу I, который, согласно Страбону и Павсанию, был двоюродным братом Эвмена I. Античные авторы ничего не сообщают относительно причин этой акции (Strab. XIII. 4, 2; Paus. I. 8, 2). Возможно, в обоих случаях передача власти племянникам была вызвана отсутствием сыновей у пергамских правителей. Вместе с тем можно предположить, что в таком порядке наследования власти нашла отражение древняя малоазийская традиция, смысл которой греческим авторам не был понятен и поэтому не был ими раскрыт.

Ученые давно указали, что имеются основания усомниться в истинности отдельных сведений Страбона, Павсания и некоторых других авторов о первых представителях династии¹. Характеристики их в ряде случаев тенденциозны. Мать Филетера Боа, согласно сообщению историка Каристия, была гетерой (FHG. IV. 358, 12). Сам Филетер в изображении Страбона и Павсания — евнух, а его преемника Эвмена I Афеней причисляет к любителям выпивки. Некоторые исследователи, например Дж. Кардинали, К. Ю. Белох, Д. Мейджи, подвергли сомнению сообщения Страбона и Павсания о том, что основатель династии был евнухом. Дж. Кардинали и К. Ю. Белох считали, что античная традиция передает в такой форме только лишь факт

¹ О родословной Атталидов см.: *Cardinali G. La Genealogia degli Attalidi* // MAB. 1913. Vol. VII. P. 177–185; *Meyer E. Zum Stammbaum der Attaliden* // Klio. 1923–1925. Bd. XIX. S. 462–471; *Hansen E. The Attalids of Pergamon*. Ithaca; London, 1971. P. 15–16, 26. Not. 2. P. 28; *Hoffmann W. Philetairos (1–3)* // RE. 1938. Hlbd. 38. Sp. 2157–2158; *Allen R. The Attalid Kingdom: A Constitutional History*. Oxford, 1983. P. 181–189.

отсутствия детей у Филетера. Г. Бенгтсон объявил данное сообщение Страбона и Павсания «злостной клеветой», усматривая в нем проявление враждебной Атталидам античной исторической традиции². Видимо, ошибочно и сообщение о том, что Боа являлась гетерой³. Известно, что в ее честь сыновьями Филетером и Эвменом была сделана посвяtitельная надпись (AM. 1910. Bd. XXXV. S. 437 f.). Отметим, наконец, что нарративные источники неточно передают родословную ранних Атталидов, не называют некоторых членов семьи или допускают ошибки. Например, Павсаний вообще не дает в связном изложении генеалогии Атталидов, не сообщает о передаче власти Филетером Эвмену I (I. 8, 2). Страбон также передает ошибочную версию о том, что Аттал I являлся сыном Аттала, брата Филетера (XIII. 4, 2), тогда как Э. Мейер убедительно показал, что Аттал I являлся сыном двоюродного брата Эвмена I⁴. Страбон, как и Павсаний, принял Аттала, брата Филетера, и его сына Аттала, отца Аттала I, за одно лицо. Эпиграфические материалы позволили исследователям внести существенные уточнения в генеалогию правителей Пергама.

Итак, в истории ранних Атталидов обнаруживается своеобразный порядок престолонаследия: правитель передает трон не своему сыну, а племяннику, сыну брата или сыну двоюродного брата. И только после принятия царского титула Атталом I был введен порядок наследования от отца к сыну. Возникает естественный вопрос, явился ли этот порядок следствием определенных случайных личных и семейных обстоятельств или все-таки отразил некую закономерность.

В этой связи мы не можем не обратить внимание на тот известный факт, что указанный порядок наследования престола — от правителя к племяннику — встречается в истории целого ряда обществ именно на определенном этапе их развития и имеет многочисленные аналогии в истории разных народов.

Народы Малой Азии, особенно населявшие ее внутренние регионы — горы или разделенные горами небольшие области, долгое время хранили свои традиции, обычаи, язык, культуру. Ряд народов, проживавших в горных или изолированных равнинных областях, не создали собственной государственности, но были включены в состав некоторых малоазиатских царств — в состав империи хеттов, а позже в состав Фригийского и Лидийского царств, наконец, в состав империи Ахеменидов и Александра Македонского. С одной стороны, включение в состав цивилизации обществ, которые еще самостоятельно не преодолели традиций родоплеменных отношений, при-

² Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 274; *Cardinali G. Il regno di Pergamo*. Roma, 1906. P. 6. Not. 1; *Beloch K. J. GG. Bd. 4. Abt. 2*. Berlin; Leipzig, 1927. S. 208; *Magie D. RRAM. Vol. 2*. Princeton, 1950. P. 728.

³ Meyer E. Op. cit. S. 465; *Cardinali G. Il regno...* P. 5. Ю. Белох высказал предположение, что Боа происходила из знатной семьи, но оно не подтверждается материалами источников (*Beloch K. J. GG. S. 207*).

⁴ Meyer E. Op. cit. S. 465. См. также *Allen R. Op. cit. P. 182, 184*.

вело к тому, что цивилизация воспринималась поверхностно, многие обычаи и традиции более раннего общественного состояния сохранялись и приспособлялись к новым общественным и политическим условиям. С другой стороны, вхождение народов Малой Азии в состав государств способствовало разложению родоплеменных отношений, постепенному формированию сословно-классовых структур, новых принципов политического управления обществом, изменению ментальности.

Эти перемены самым непосредственным образом затронули сферу передачи власти и собственности. В эпоху разложения родоплеменных отношений и материнского рода матрилинейный принцип наследования имущества неизбежно уступал место отцовскому. Классическая характеристика данного процесса, его причин, исходного состояния, а также конечного результата была дана, как известно, Л. Г. Морганом, а после — на основе его идей и фактических материалов — Ф. Энгельсом, который писал: «Согласно материнскому праву... умершему члену рода наследовали его сородичи. Имущество должно было остаться внутри рода... Но дети умершего мужчины принадлежали не к его роду, а к роду своей матери... своему отцу они не могли наследовать... Следовательно, после смерти владельца его стада должны были переходить, прежде всего, к его братьям и сестрам и к детям его сестер или же к потомкам сестер его матери»⁵. В связи с дальнейшим развитием частнособственнических отношений и других процессов эпохи разложения родового строя «вводилось определение происхождения по мужской и право наследования по отцовской линии»⁶.

Но данный процесс в силу особенностей развития того или иного конкретного общества мог затянуться, развиваться в своеобразных формах, которые фиксировали состояние, промежуточное между начальным и конечным пунктами развития. Эти неизбежно возникающие в процессе становления патриархальных отношений промежуточные формы наследования имущества и счета родства в отдельных обществах сохранялись долгое время. Таким переходным явлением стала практика наследования имущества или должности племянником — сыном сестры, который принадлежал к роду матери, или братом мужчины, который объединял в себе сразу две линии — отцовскую и материнскую, или племянником — сыном брата⁷.

⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1974. С. 58–59.

⁶ Там же. С. 59.

⁷ Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934. С. 44, 90, 102, 103, 196–203, 250–255, др.; Хазанов А. М. Разложение первобытно-общинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975. С. 99; см. также: Ольдерогге Д. А. Энгельс и проблемы происхождения отцовского рода // Вопросы истории доклассового общества. М.; Л., 1936. С. 853, 858, 864; Токарев С. А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск, 1945. С. 72–73; Косвен М. О. Авункулат // СЭ. 1948. № 1. С. 27–30; Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-Западного побережья Северной

Многочисленные примеры убеждают в том, что данный процесс уже в эпоху существования раннеклассового общества затронул даже такую сторону жизни, как наследование царской власти⁸.

Яркий пример борьбы двух линий наследования царской власти — материнской и отцовской — дает история государства Элам, где во второй половине III тыс. до н. э. наследование осуществлялось, очевидно, по матери. Позже власть переходит от отца к сыну, но также и по линии сестры царя. В первой половине II тыс. до н. э. власть наследовалась только по сестринской линии, во второй половине II тыс. до н. э. трон передавался преимущественно от отца к сыну, но иногда оказывал влияние матрилинейный принцип. В I тыс. до н. э. власть окончательно переходит от отца к сыну — патрилинейный порядок передачи трона одержал окончательную

Америки. М., 1961. С. 41–43, 111–112, 171–172, 261; *Файнберг Л. А.* Общественный строй эскимосов и алеутов. От материнского рода к отцовской общине. М., 1964. С. 130, 126–127, 210–211; *Бромлей Ю. В.* Ф. Энгельс и проблемы архаической формы семейной общины // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972. С. 172–173, 174. Примеч. 50; *Макс Ж.* Цивилизации Африки южнее Сахары. М., 1974. С. 84; *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974. С. 13, 213–214, др.; *Таксами Ч. М.* Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Л., 1975. С. 115; *Гемуев И. Н.* Семья у селькупов (XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 27, 28, 35.

Этнографическая литература дает разнообразные примеры сочетания черт матриархата и патриархата, например, см.: *Штернберг А. Я.* Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933. С. 133–135, др.; *Ольдерогге Д. А.* Указ. соч. С. 860–862, 864; *Косвен М. О.* Указ. соч. С. 21–23; Народы Америки. Т. 1. М., 1959. С. 125, 147, 154–155, 255–256; *Бромлей Ю. В.* Указ. соч. С. 173–175; Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII — начало XX в. М., 1970. С. 73–74, 78–81, 136–137, 152, 255–257, 310, 317–318, 433; *Аверкиева Ю. П.* Разложение родового строя... С. 40–43, 65, 70, 172–179, 239; она же. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974. С. 293, 295, 304–305, др.; *Туголуков В. А.* Кто вы, юагиры? М., 1979. С. 118, 122; *Гемуев И. Н.* Указ. соч. С. 32–33.

⁸ О сохранении пережитков родового строя в сфере семейных отношений и наследования имущества и власти в обществах со сложившейся классовой структурой и государственной организацией см.: *Матье М. Э.* Следы матриархата в древнем Египте // Вопросы истории доклассового общества. М.; Л., 1936. С. 377–380; *Бромлей Ю. В.* Указ. соч. С. 166–169, 171; *Штаерман Е. М.* Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964. С. 163–164; История Африки в XIX — начале XX в. М., 1967. С. 101, 104, 128–129, 131, 137; *Кацнельсон И. С.* Государственный строй Напаты и Мероз (Опыт характеристики) // Древний Египет и Древняя Африка. М., 1967. С. 40–44, 45–46, 49, 71; она же. Кандака и пережитки материнства в Куше // Палестинский сборник. М., 1966. Вып. 15 (78). С. 35–40.

О наследовании царской власти см.: *Тамсон Дж.* Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический Эгейский мир. М., 1958. С. 153–161; *Куббель Л. Е.* Древнейшее сообщение об обычае соправления брата и сестры у африканских народов. М., 1960 (XXV Междунар. конгресс востоковедов: Докл. делегации СССР); *Бромлей Ю. В.* Указ. соч. С. 170–171.

победу⁹. Следует обратить внимание на длительность противоборства двух систем престолонаследия в Эламе, а также на то обстоятельство, что в некоторые периоды истории этого государства матрилинейный принцип вновь становился доминирующим.

Во многом похожей была ситуация, сложившаяся в древнехеттском царстве: в числе законных наследников престола были не только дети царя, но также дети царской сестры, и, кроме того, в кругу наследников по материнской линии упрочился обычай передавать власть от тестя к зятю¹⁰.

В начальный период истории Иберии, пока происходило формирование государственной власти, трон, как правило, переходил от отца к сыну, но известны случаи, когда царю, имевшему сына, наследовал брат¹¹. В Древнем Китае при династии Инь власть наследовал в одних случаях сын, в других, даже при наличии у вана сыновей, — младший брат, в третьих — племянник по мужской линии¹². Близкой была практика наследования власти в древнем государстве Аравии Катабане, в Куше, в государстве суахили Пате, где она сохранялась до XIX в., и ряде других государств Африки¹³. Некоторые специалисты усматривают сохранение матрилинейного принципа наследования власти в Древнем Риме в царскую эпоху¹⁴. По сообщению Полибия, граждане города Локры Эпизефирские сохраняли обычай, по которому «всю наследственную знать свою они производят от женщин (*ἀπὸ τῶν γυναικῶν*), а не от мужчин...» (XII. 5, 6. Пер. Ф. Г. Мищенко).

Важно отметить, что именно в Малой Азии долгое время сохранялись традиции и обычаи, корни которых уходят в далекое прошлое¹⁵. Геродот,

⁹ Юсифов Ю. Б. К вопросу об эламском престолонаследии // ВДИ. 1974. № 3. С. 3–19.

¹⁰ Довгяло Г. И. О переходе к наследованию царской власти по отцовско-правовому принципу (по материалам хеттских клинописных источников XVII–XIII вв. до н. э.) // СЭ. 1963. № 6. С. 82; *он же*. О характере наследования царской власти у хеттов в эпоху Древнего царства // ВДИ. 1964. № 1. С. 24–27; Гиоргадзе Г. Г. О престолонаследии в древнехеттском царстве (К интерпретации параграфа 28 «Указа Телепину») // ВДИ. 1969. № 4. С. 72–73; *он же*. Наследование царской власти в древнехеттском государстве // Вопросы древней истории (Кавказско-ближневосточный сборник). III. Тбилиси, 1970. С. 10–30.

¹¹ Болтунова А. И. Возникновение классового общества и государственной власти в Иберии // ВДИ. 1956. № 2. С. 38.

¹² Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 1. М., 1972. С. 166–178; Т. 3. М., 1984. С. 40–43; Крюков М. В. Социальная дифференциация в Древнем Китае (Опыт сравнительно-исторической характеристики) // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968. С. 233–242; Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. С. 109 сл.

¹³ История Африки в XIX — начале XX в. М., 1967. С. 131, 137; Кацнельсон И. С. Государственный строй... С. 46, 48–49; Лундин А. Г. Престолонаследие в Катабане // СЭ. 1978. № 4. С. 123–130.

¹⁴ Тамсон Дж. Указ. соч. С. 95.

¹⁵ Там же. С. 161–164 (о ликийцах), 164–168 (о карийцах и лелегах), 176–177 (о хеттах). См. также сообщения Геродота о кавнийцах (1.172), о педасийцах (1.175) и др.

например, рассказывает, что у ликийцев «один особенный обычай, какого не найдешь больше нигде: они называют себя по матери, а не по отцу. Если кто-нибудь спросит ликийца о его происхождении, тот назовет имя своей матери и перечислит ее предков по материнской линии» (1. 173. Пер. Г. А. Стратановского). Этот фрагмент стал классическим примером сохранения черт материнского рода в классовом обществе¹⁶. Подчеркнем, что ликийцы ко времени Геродота испытали значительное эллинское влияние.

Необычный порядок наследования власти, при котором тоже сохраняется матрилинейный принцип, демонстрирует история знаменитой династии Гекатомнидов в Кари. Из трех сыновей, которых имел основатель династии, двое — Мавсол и Гидрией — женились на собственных сестрах — соответственно на Артемисии и Аде. После смерти Гекатомна «Мавсол... стал царем; когда он скончался бездетным, то оставил царство жене... После того, как Артемисия умерла от чахотки с горя по мужу, царем стал Гидрией. По смерти последнего ему наследовала жена Ада, однако она была изгнана Пиксодаром, последним из детей Гекатомна» (Strab. XIV, 17. Пер. Г. А. Стратановского)¹⁷.

Своего рода аналогией может считаться обычай Птолемеев жениться на собственных единокровных сестрах. В древнем Египте в практике престолонаследия в течение долгого времени сохранял значение матрилинейный принцип: власть передавалась по женской линии, а фараон считался, как правило, законным обладателем власти, если он был женат на царевне или царице-наследнице. Данный обычай оказался удивительно стойким и сохранялся не только в Древнем царстве, но даже в эпоху Нового царства¹⁸. К моменту завоевания Египта греками и македонянами происхождение обычая было забыто, а его первоначальный смысл утрачен. Тем не менее местная традиция оказалась настолько устойчивой, что была воспринята воцарившейся македонской династией и сохранилась до римского завоевания.

Таким образом, можно полагать, что отмеченная практика наследования трона первыми правителями династии Атталидов — от дяди к племяннику или к сыну двоюродного брата — связана с местными малоазиатскими традициями, корни которых восходят к обычаям родового строя. Но в Пергаме данная традиция претерпела известную эволюцию: сообразуясь с принятыми в греческом мире нормами, первые правители усыновляли преемников. И лишь в связи с принятием царского титула Атталом I был введен принцип престолонаследия от отца к сыну.

¹⁶ *Морган Л. Г. Древнее общество... С. 198; Томсон Дж. Исследования... С. 96, 138, др.*

¹⁷ *Hornblower S. Mausolus. Oxford, 1982. P. 358–363* — с аналогичными примерами из истории других древних обществ.

¹⁸ *Матье М. Э. Из истории семьи и рода в Древнем Египте // ВДИ. 1954. № 3. С. 56–57; Томсон Дж. Указ. соч. С. 158, 160.*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Основные источники

- Ампелий, Луций.* Памятная книжица / Пер. А. И. Немировского // Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампелий. Памятная книжица. М., 1995.
- Аппиан.* Римские войны / Пер. С. А. Жебелева, О. О. Крюгера, С. И. Ковалева, С. П. Кондратьева и др. СПб., 1994.
- Арриан.* Поход Александра / Пер. М. Е. Сергеев. М., 1993.
- Веллей Патеркул.* Римская история // Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампелий. Памятная книжица. М., 1995.
- Евтропий.* Римская история от основания Города // Римские историки IV века. М., 1997.
- Корнелий Непот.* О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Пер. Н. Н. Трухиной. М., 1992.
- Ксенофонт.* Анабасис / Пер. М. И. Максимовой. М.; Л., 1951.
- Ксенофонт.* Греческая история / Пер. С. Я. Лурье. СПб., 1993.
- Ливий, Тит.* История Рима от основания города / Под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирнова. Т. 1–3. М., 1989.
- Павсаний.* Описание Эллады / Пер. С. П. Кондратьева. Т. 1–2. СПб., 1996.
- Полибий.* Всеобщая история / Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. 1–3. СПб., 1994–1995.
- Страбон.* География / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1994.
- Флор.* Две книги Римских войн / Пер. А. И. Немировского, М. Ф. Дашкова // Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампелий. Памятная книжица. М., 1995.
- Юстин.* Эпитома сочинения Помпея Трога «Истории Филиппа» / Пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского // ВДИ. 1954. № 2. С. 302–252; № 3. С. 193–251; № 4. С. 187–239; № 1. С. 199–243.
- Ampelius, Lucius.* Liber memorialis. Stuttgartiae, 1976.
- Appianus Alexandrinus.* Historia Romana / Ed. L. Mendelssohn. Vol. 1. Lipsiae, 1879–1881.
- Arrianus.* Alexandri Anabasis / Rec. Carolus Abicht. Lipsiae, 1886.

- Boeck A., Curtius E., Franz J., Kirchoff A.* Corpus Inscriptionum Graecarum. Vol. I–IV. Berlin, 1828–1877.
- Buckler W. H., Calder W. W.* Monuments and Documents from Phrygia and Caria (Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Vol. 6). Manchester, 1939.
- Buckler W. H., Calder W. W., Guthrie W. K. C.* Monuments and Documents from eastern Asia and western Galatia (Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Vol. 4). Manchester, 1933.
- Buckler W. H., Robinson D. M.* Sardis. Part I. Greek and Latin Inscriptions. Leiden, 1932.
- Calder W. W.* Monuments and Documents from eastern Phrygia (Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Vol. 7). Manchester, 1956.
- Calder W. W.* Monuments from Lycaonia, the Pisido-Phrygian Borderland, Aphrodisias (Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Vol. 8). Manchester, 1962.
- Cagnat R., Jouget P., Lafaye G.* Inscriptiones Graecae ad Res Romanas Pertinentes. Vol. 4. Fasc. 1–4. Paris, 1908–1912.
- Cornelius Nepos.* Vitae cum fragmentis / Ed. P. K. Marshall. Lipsiae, 1977.
- Cox C. W. M.* Monuments from Dorylaeum and Nacolea (Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Vol. 5). Manchester, 1938.
- Crampa J.* Labraunda. Vol. III. Part I. The Greek Inscriptions (Period of Olympichos). Lund, 1969.
- Die Altertümer von Pergamon.* Bd. I–XI. Berlin, 1885–1969.
- Diodorus Siculus.* Bibliotheca historica / Ed. L. Dindorf. Vol. 3–5. Lipsiae, 1867–1868.
- Dittenberger W.* Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Vol. 1–2. Leipzig, 1903–1905.
- Dittenberger W.* Sylloge Inscriptionum Graecarum. 3 ed. Vol. 1–4. Leipzig, 1915–1924.
- Drew-Bear Th.* Three Senatus consulta concerning the province of Asia // Historia. 1972. Vol. 21. P. 75–79.
- Fränkel M.* Die Inschriften von Pergamon. Bd. 1–2. Berlin, 1890–1895.
- Fouilles de Delphes.* T. III. Epigraphie. Fasc. IV. Livr. 2. Inscriptiones de la Terrasse du Temple. Paris, 1954.
- Habicht C.* Ein Neues Bürgerrechtsdekret aus Ephesos // ZPE. 1989. Bd. 77. S. 88–91.
- Habicht C.* New evidence on the province of Asia // JRS. 1975. Vol. 65. P. 64–91.
- Hasluck F. W.* Unpublished Inscriptions from the Cyzicene Neighborhood // JHS. 1904. Vol. XXIV. P. 20–40.
- Herrmann P.* Antiochos der Grosse und Teos // Anadolu (Anatolia). 1965 (1967). Bd. 9. S. 29–159.
- Herzog R.* Griechische Königsbriefe. I. Zwei Briefe des Königs Eumenes II // Hermes. 1930. Bd. LXV. S. 455–471.
- Hiller von Gaertringen F.* Die Inschriften von Priene. Berlin, 1906.
- Hondius J. J.* Supplementum Epigraphicum Graecum. Vol. 1–4. Leiden, 1923–1930.
- Eutropius.* Breviarium Historiae Romanae / Ed. H. Verhoyk. Londini, 1821.
- Florus L. A.* Epitomae rerum romanorum. Lipsiae, 1896.
- Justinus.* Epitoma historiarum philippicarum Pompei Trogi / Ed. O. Seel. Lipsiae, 1935.
- Keil J., Premerstein A.* Bericht über eine dritte Reise in Lydien und den angrenzenden Gebieten Ioniens, ausgeführt 1911 // Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. 1914. Bd. 57. Abh. I.

- Keil J., Premerstein A.* Bericht über eine Reise in Lydien und der Südlichen Aiolis, ausgeführt 1906 // Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. 1910. Bd. 53. Abh. 2.
- Keil J., Premerstein A.* Bericht über eine Zweite Reise in Lydien, ausgeführt 1908 // Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. 1911. Bd. 54. Abh. 2.
- Kern O.* Die Inschriften von Magnesia am Maeander. Berlin, 1900.
- Le Bas Ph., Waddington W. H.* Inscriptiones Graecae et Latinae recueilles en Grece et en Asia Mineure. T. 3. Paris, 1870.
- Malay H.* Greek and latin Inscriptions in the Manisa Museum. Wien. 1994.
- Malay H.* Researches in Lydia, Mysia and Aiolis. With 246 Figures and a Map. Wien. 1999.
- Michel Ch.* Recueil d'Inscriptions Grecques. Bruxelles, 1900.
- Opelt I., Kirsten E.* Eine Urkunde der Gründung von Arsinoe in Kilikien // ZPE. 1989. Bd. 77.
- Obsequens, Julius.* T. Livi Ab urbe condita librorum CXLII Periochae. Recensuit et emendavit Otto Jahn. Lipsiae, 1853.
- Pausanias.* Description of Greece: In 4 vol. With an English translation by W. H. S. Jones and H. A. Ormerod. Cambridge (Mass.), 1977–1979.
- Polybius.* Historiae / Ed. a L. Dindorfio curatam retractavit Th. Buttner-Wobst. Vol. 1–5. Lipsiae, 1882–1904.
- Rigsby K.* Two inscriptions from Mysia // Hermes. 1989. Bd. 117. H. 2. P. 246–250.
- Segre M.* Inscrizioni di Licia // Clara Rhodos. 1938. Vol. IX. P. 190.
- Sherk R. K.* Roman Documents from the Greek East. Senatus consulta and epistolae to the age of Augustus. Baltimore, 1969.
- Stephanus Byzantinus.* Ethnicorum quae supersunt. Berolini, 1849.
- Strabo.* Geographica Graece cum versione reficta. Vol. 1–2. Paris, 1853.
- Tasliklioglu Z., Frisch P.* New Inscriptions from the Troad // ZPE. 1975. Bd. 17. H. 2.
- Tomaschitz K.* Unpublizierte Inschriften Westkilikiens aus dem nachlass Terence B. Mitfords. Wien, 1998. XX Taf.
- Titus Livius.* Ab urbe condita libri / Ed. M. Hertz. Vol. 1–4. Lipsiae, 1857–1863.
- Valerius Maximus.* Factorum et dictorum memorabilium libri novem. Lipsiae, 1865.
- Veligianni Chr.* Weihinschrift aus Maroneia für Philipp V // ZPE. 1991. Bd. 85.
- Velleius Paterculus.* C. Vellei Paterculi ex Historiae Romanae libris duobus quae supersunt. Lipsiae, 1933.
- Welles Ch. B.* Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934.
- Xenophon.* Historia graeca / Ed. C. Hude. Lipsiae, 1930.
- Xenophon.* Expeditio Cyri / Ed. A. Hug. Lipsiae, 1878.

Научная литература

- Аветисян К. А.* Земельные отношения в Сирии конца IV — I в. до н. э. (царские и полисные земли) // Общество и государство в древности и средние века. М., 1984. С. 3–14.

- Авраменко И. Н. Взятие Сард войсками Антиоха III в освещении Полибия // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 30–37.
- Андерсон Дж. К. Древнегреческая конница. СПб., 2006.
- Байбаков Е. И. Происхождение эллинистического культа царей // Сб. статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 767–791.
- Баллестерос-Пастор Л. Некоторые аспекты образа Фарнака II в античной литературе // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал: Сб. научн. тр. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. Казань, 2005.
- Беликов А. П. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003.
- Белов Г. Д. Алтарь Зевса в Пергаме. Л., 1958.
- Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
- Берве Г. Тираны Греции. Ростов н/Д., 1997.
- Бернар П. Проблемы греческой колониальной истории и урбанизм эллинистического города Центральной Азии // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 249–258.
- Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.
- Бикерман Э. Хронология Древнего мира. Ближний Восток и Античность. М., 1976.
- Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983.
- Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н. э. М., 1969.
- Бондарь Л. Д. Гимнасиархия в Афинах // Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения Э. Д. Фролова. СПб., 1998.
- Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 3. От Еврипида до Александрии. М., 1992.
- Бузескул В. П. Государство эллинистической эпохи // Бузескул В. П. Античность и современность. 3-е изд. Л., 1924. С. 72–82.
- Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983.
- Вейнберг И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986.
- Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.
- Всеобщая история архитектуры. Т. 2. М., 1973.
- Габелко О. Л. Гераклея Понтийская и Вифиния в раннеэллинистический период: политико-географический аспект // ВДИ. 1999. № 2. С. 114–126.
- Габелко О. Л. Династическая история эллинистических монархий Малой Азии по данным «Хронографии» Георгия Синкелла // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал: Сб. науч. тр. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. Казань, 2005.
- Габелко О. Л. История Вифинского царства. СПб., 2005.
- Габелко О. Л. Монархии, полисы, племена: международные отношения в эллинистической Малой Азии // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 2. Хрестоматия. Казань, 2002. С. 141–179.
- Габелко О. Л. Некоторые особенности царской власти в Вифинии (к проблеме взаимодействия фракийских и общеэллинистических традиций) // ВДИ. 1995. № 3. С. 161–172.

- Габелко О. Л. Последствия Апамейского мира: Рим и Первая Вифинская война // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань, 2000. С. 226–248.
- Габелко О. Л. Этнический и социальный аспекты психологии Вифинского общества в эллинистическую эпоху (попытка реконструкции) // Социальные структуры и социальная психология античного мира: Докл. конф. М., 1993. С. 60–68.
- Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М., 1980.
- Гиоргадзе Г. Г. Наследование царской власти в древнехеттском государстве // Вопросы древней истории (Кавказско-ближневосточный сб.). Вып. III. Тбилиси, 1970. С. 10–30.
- Гиоргадзе Г. Г. О престолонаследии в древнехеттском царстве (К интерпретации параграфа 28 «Указа Телепину») // ВДИ. 1969. № 4. С. 72–73.
- Глушкина Л. М. Асилия эллинистических полисов и Дельфы // ВДИ. 1977. № 1. С. 82–94.
- Голубцова Е. С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии. I–III вв. М., 1977.
- Голубцова Е. С. Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998.
- Голубцова Е. С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I–III вв. (Независимая сельская община). М., 1962.
- Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии. III в. до н. э. — III в. н. э. М., 1972.
- Голубцова Е. С. Сельская ярмарка (по эпиграфике Сирии) // Торговля и торговец в античном мире: Докл. «круглого стола» 29 января 1997 г. М., 1997.
- Голубцова Е. С. Формы зависимости сельского населения Малой Азии в III–I вв. до н. э. // ВДИ. 1967. № 3. С. 46–63.
- Граков Б. Н. Ранний железный век (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977.
- Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992.
- Дандамаев М. А. Государство, религия и экономика в древней Передней Азии // Государство и социальные структуры на Древнем Востоке. М., 1989. С. 4–16.
- Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
- Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980.
- Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1. Античный мир. СПб., 1994.
- Довгяло Г. И. О переходе к наследованию царской власти по отцовско-правовому принципу (по материалам хеттских клинописных источников XVII–XIII вв. до н. э.) // СЭ. 1963. № 6. С. 68–92.
- Довгяло Г. И. О характере наследования царской власти у хеттов в эпоху Древнего царства // ВДИ. 1964. № 1. С. 24–27.
- Древние цивилизации / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1989.
- Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 1–3. М., 1890–1893.
- Дуров В. С. Художественная историография Древнего Рима. СПб., 1993.
- Егоров А. Б. Рим на грани эпох: проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985.
- Ейне А. Взаимоотношения греческих городов и восточноэллинистических монархий // Тез. докл. молодых ученых науч. конф. МГУ. М., 1968.

- Ейне А. Кирено-египетские отношения при первых Птолемах // Древний Восток и античный мир. М., 1972. С. 165–183.
- Ейне А. Некоторые проблемы истории эллинизма // ВИ. 1976. № 4. С. 72–89.
- Ейне А. Полисы в системе государства Птолемеев (III в. до н. э.): Автореф. ... дис... канд. ист. наук. М., 1970.
- Ейне А. Полис Птолемаида в системе общегосударственного управления эллинистического Египта // Вестник МГУ. 1970. № 4. Сер. 9. История. С. 78–85.
- Жебелев С. А. Древняя Греция. Ч. 2. Эллинизм. СПб., 1922.
- Жигунин В. Д. Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань, 1980.
- Журавлев Д. В. Позднеэллинистический пергамский скифос с аппликативными рельефами из «дома Хрисалиска» // ВДИ. 1995. № 3. С. 72–79.
- Журавлев Ю. Е. Лозунг борьбы за свободу греков в римской политике 90-х гг. II в. до н. э. // Проблемы всеобщей истории. М., 1974. С. 48–62.
- Журавлева Н. В. Малоазийские города в период правления Антиоха III (223–187 гг. до н. э.) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Хрестоматия. Ч. 2. Казань, 2002. С. 180–192.
- Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л., 1985.
- Зелинский Ф. Ф. Религия эллинизма. Пг., 1922.
- Зельдина О. М. Виды налогов в государстве Селевкидов // XXIV Герценовские чтения. Исторические науки. Л., 1971. С. 150–153.
- Зельдина О. М. Города в царстве Селевкидов в свете новой Теосской надписи // ВДИ. 1978. № 2. С. 178–192.
- Зельдина О. М. Доходы полиса в державе Селевкидов // XXVI Герценовские чтения. Исторические науки. Л., 1973. С. 116–119.
- Зельдина О. М. Финансовая политика Селевкидов (налоги и подати). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975.
- Зельин К. К. Исследования по истории земельных отношений в Египте II–I веков до нашей эры. М., 1960.
- Зельин К. К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма // СА. 1955. Т. XXII. С. 99–108.
- Зельин К. К. О государстве в эллинистический период // ВДИ. 1959. № 1. С. 147–149.
- Зельин К. К. Основные черты эллинизма // ВДИ. 1953. № 4. С. 145–156.
- Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969.
- Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев. М., 1971.
- История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Т. 1. Ч. 1. Месопотамия. М., 1983.
- История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Т. 1. Ч. 2. Передняя Азия и Египет. М., 1988.
- История Древнего мира / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. Т. 2. Расцвет древних обществ. М., 1989.
- История Древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. М., 2007.

- История Древней Греции / Под. ред. В. И. Кузищина. М., 2005.
- История Европы. Т. 1. М., 1988.
- Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982.
- Казаров С. С. Царь Пирр: античная историческая традиция и современная историография. Ростов н/Д., 2002.
- Казаров С. С. Царь Пирр и Эпирское государство в эллинистическом мире. Ростов н/Д., 2004.
- Кареев Н. И. Государство-город античного мира. СПб., 1910.
- Кареев Н. И. Монархии Древнего Востока и греко-римского мира. СПб., 1913.
- Кацнельсон И. С. Государственный строй Напаты и Мероэ (Опыт характеристики) // Древний Египет и Древняя Африка. М., 1967. С. 38–73.
- Кацнельсон И. С. Кандака и пережитки материнства в Куше // Палестинский сб. М., 1966. Вып. 15 (78). С. 35–40.
- Кащеев В. И. Договор Филиппа V и Антиоха III в интерпретации античных и современных авторов // Античный мир и археология. Вып. 8. Саратов, 1990. С. 44–52.
- Кащеев В. И. Из истории межгосударственных отношений в эпоху эллинизма: Два очерка. М., 1997.
- Кащеев В. И. Лозунг освобождения греков в межгосударственных отношениях Восточного Средиземноморья (III–II вв. до н. э.) // Античный мир и археология. Вып. 7. 1990. Саратов С. 41–50.
- Кащеев В. И. Некоторые концепции «римского империализма» в англо-американской историографии новейшего времени // Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературоведения и языкознания. Казань, 1981. Ч. 1. С. 139–146.
- Кащеев В. И. Полибий и внешняя политика Рима в конце III — первой половине II в. до н. э. // Из истории социально-этических и политико-правовых идей. Саратов, 1990. С. 44–51.
- Кащеев В. И. Посредничество и арбитраж во взаимоотношениях эллинистических государств и Рима // Из истории античного общества. Н. Новгород, 1991. С. 38–49.
- Кащеев В. И. Римляне как третейские судьи в межгосударственных спорах греков // Античность: мир и образы. Сб. статей. Казань, 1997. С. 32–41.
- Кащеев В. И. Страница из дипломатической истории начала II в. до н. э. Порядок формирования греческого посольства по данным декрета в честь Гегесия (Syll.³ 591) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань, 2000. С. 218–225.
- Кащеев В. И. Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н. э. М., 1993.
- Квезерели-Копадзе Н. Н. Восстание гелиополитов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1955.
- Клейн Л. С. Анатомия «Илиады». СПб., 1998.
- Климов О. Ю. Военная организация городов Малой Азии в эпоху эллинизма // Античный мир и археология. Проблемы истории и археологии древней Ойкумены: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9. Саратов, 1993. С. 50–59.

- Климов О. Ю. Военные поселения Пергамского царства // Античность и средневековые Европы: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1996. С. 101–112.
- Климов О. Ю. Коллегия атталистов в Пергаме // ВДИ. 1986. № 4. С. 102–109.
- Климов О. Ю. [Рец.] Allen R. The Attalid Kingdom: A Constitutional History. Oxford, 1983 // ВДИ. 1988 № 4. С. 221–225.
- Климов О. Ю. Царская власть в эллинистическом Пергаме // Политика и идеология в древнем мире: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1993. С. 55–69.
- Климов О. Ю. Царские должностные лица в полисах Пергамского царства // Вестник ЛГУ. Сер. История, язык, литература. 1982. Вып. 3. № 14. С. 42–45.
- Климов О. Ю. Царство Пергам. Очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998.
- Кобылина М. М. Милет. М., 1965.
- Конолли П. Древняя Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000.
- Ковалев С. И. История Рима. Л., 1986.
- Колобова К. М. Аттал III и его завещание // Древний мир: Сб. статей. М., 1962. С. 545–554.
- Колобова К. М. Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. 1953. № 4. С. 47–71.
- Костяхин Е. А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.
- Кошеленко Г. А. Восточноэллинистический город и государство // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 72–80.
- Кошеленко Г. А. Городской строй полисов Западной Парфии // ВДИ. 1960. № 4. С. 73–82.
- Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Кошеленко Г. А. Древнегреческий полис // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1. М., 1983. С. 13–17.
- Кошеленко Г. А. Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. 1980. № 1. С. 3–28.
- Кошеленко Г. А. Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии // История Иранского государства и культуры. М., 1971. С. 212–218.
- Кошеленко Г. А. Эллинистическая эпоха в современной науке (некоторые проблемы) // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978. С. 45–52.
- Кошеленко Г. А., Маринович Л. П. Археологические работы последних лет в Малой Азии // ВДИ. 1967. № 1. С. 172–182.
- Кряжшарян С. М. Эллинистическое города Малой Азии и Армении и их взаимоотношения с царями: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 1964.
- Круглов Е. А. Греко-Карийское государство в VII–V вв. до н. э. // Античная гражданская община. Л., 1986. С. 48–59.
- Круглов Е. А. Полис и гражданско-храмовая община в Кarii V–IV вв. до н. э. // Проблемы политической истории античного общества. Л., 1985. С. 63–74.
- Круглов Е. А. Юго-Западная Анатолия в протоэллинистический период (этнополитический аспект). Уфа, 1998.

- Крюков М. В. Социальная дифференциация в древнем Китае (Опыт сравнительно-исторической характеристики) // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968. С. 233–242.
- Куббель Л. Е. Древнейшее сообщение об обычае соправления брата и сестры у африканских народов (XXV Междунар. конгресс востоковедов: Докл. делегации СССР). М., 1960.
- Кузьмин Ю. Н. Внутренняя и внешняя политика Македонского царства (270–230 гг. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003.
- Кузьмин Ю. Н. Деметрий II — соправитель Антигона Гоната // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал: Сб. науч. тр. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. Казань, 2005. С. 59–72.
- Кузнецова Т. И., Миллер Т. А. Античная эпическая историография. Геродот. Тит Ливий. М., 1984.
- Культура Древнего Рима. Т. 1–2. М., 1985.
- Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима. М., 1990.
- Кюмон Фр. Восточные религии в римском язычестве. СПб., 2002.
- Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 1. Государственные и военные древности. СПб., 1997.
- Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 2. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997.
- Леви Е. И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.
- Литвиненко Ю. Н. Птолемеяевский Египет Ростовцева (К публикации русского оригинала главы М. И. Ростовцева для «Кембриджской древней истории») // ВДИ. 1999. № 4. С. 180–188.
- Лотухова О. Б. Греческий полис Делос в эллинистическую эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
- Лундин А. Г. Престолонаследие в Катабане // СЭ. 1978. № 4. С. 123–130.
- Маринович Л. П. Александр Македонский и полисы Малой Азии (к постановке проблемы) // ВДИ. 1980. № 2. С. 29–51.
- Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский (к проблеме кризиса полиса). М., 1993.
- Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975.
- Маринович Л. П. О некоторых особенностях армии Пергамского государства // Проблемы античной истории и культуры (Док. XIV Междунар. конф. античников соц. стран «Эйрене»). Т. 1. Ереван, 1979. С. 156–162.
- Массон В. М. Первые цивилизации. Л., 1989.
- Матье М. Э. Из истории семьи и рода в Древнем Египте // ВДИ. 1954. № 3. С. 45–75.
- Матье М. Э. Следы матриархата в Древнем Египте // Вопросы истории доклассового общества. М.; Л., 1936. С. 377–380.
- Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1956.
- Межгосударственные отношения и дипломатия в античности: Учебно-методический комплекс. Ч. 1–2. Казань, 2000–2002.
- Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.

- Мель А. Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в царстве Селевкидов: отношения и ожидания // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал: Сб. науч. тр. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. Казань, 2005. С. 73–85.
- Мирзаев С. В. Полибий. М., 1986.
- Мишулин А. В. Спартак. М., 1947.
- Моисеева Т. А. Переселение кельтов в Малую Азию и договор Никомеда Вифинского с галатами // *Норция*. Вып. 2. Воронеж, 1978. С. 71–82.
- Малев Е. А. Боспор в период эллинизма. Н. Новгород, 1994.
- Малев Е. А. Властитель Понта: О Митридате VI Эвпаторе. Н. Новгород, 1995.
- Малев Е. А. К вопросу о происхождении династии понтийских Митридатов // *ВДИ*. 1983. № 4. С. 131–139.
- Малев Е. А. Митридат Эвпатор: создание Черноморской державы. Саратов, 1976.
- Маммзен Т. История Рима. Т. 1–3, 5. СПб., 1994–1995.
- Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов, 1999.
- Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М., 1974.
- Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934.
- Немировский А. И. Полибий как историк // *ВИ*. 1974. № 6. С. 87–106.
- Немировский А. И. Социально-политические и философско-религиозные взгляды Тита Ливия // *ВИ*. 1977. № 7. С. 103–117.
- Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998.
- Новиков С. В. Городской строй Суз — Селевкии-на-Эвлее по данным эпиграфики // *Вестник МГУ*. 1982. № 2. Сер. 8. История. С. 78–89.
- Новиков С. В. Юго-Западный Иран в античное время (От Александра Македонского до Ардашира I). М., 1989.
- Павличенко Н. А. Коллегия астиномов в эллинистическом полисе // *Античный мир и археология. Проблемы античной государственности, материальной и духовной культуры: Межвуз. науч. сб. Вып. 8*. Саратов, 1990. С. 52–62.
- Пети П., Ларонд А. Эллинистические цивилизации. М., 2004.
- Пёльман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910.
- Пёльман Р. Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1998.
- Периханян А. Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959.
- Попов А. А. Институт царской власти в Греко-Бактрии // *Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире: Сб. статей*. СПб., 2002. С. 95–104.
- Ранович А. Б. Александр Македонский и греческие города Малой Азии // *ВДИ*. 1947. № 4. С. 57–63.
- Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи. I–III вв. н. э. М.; Л., 1949.
- Ранович А. Б. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии // *ВДИ*. 1947. № 2. С. 47–63.
- Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950.
- Ранович А. Б. Эллинизм и его социально-экономические основы // *ВИ*. 1945. № 2. С. 99–116.

- Ревяко К. А. Религиозный аспект внутренней и внешней политики Рима в конце III в. до н. э. (установление государственного культа Кибелы в Римской республике) // Проблемы античной истории и культуры (Докл. XIV Междунар. конф. античников соц. стран «Эйрене»). Т. 1. Ереван, 1979. С. 242–248.
- Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи. Т. 1–2. СПб., 2000.
- Рунг Э. В. Дипломатические отношения греков и Персии в 370–343 гг. до н. э. // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности: Хрестоматия. Ч. 2. Казань, 2002. С. 114–140.
- Самохина Г. С. Антигон и греческие города Малой Азии // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 3. Л., 1976. С. 152–158.
- Самохина Г. С. Держава первых Антигонидов (К вопросу об организации и структуре раннеэллинистического государства): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1976.
- Самохина Г. С. Место и роль армии в системе раннеэллинистического государства // ВДИ. 1979. № 3. С. 146–155.
- Самохина Г. С. О системе исторических доказательств в интерпретации Полибия // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 49–58.
- Самохина Г. С. Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н. э. // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982.
- Самохина Г. С. Полибий: эпоха, судьба, труд. СПб., 1995.
- Самохина Г. С. Polybiana: История как наука в эллинистической историографии III–II вв. до н. э. // ВДИ. 1986. № 4. С. 95–105.
- Сапрыкин С. Ю. Академик М. И. Ростовцев о Понтийском и Боспорском царствах в свете достижений современного антиковедения // ВДИ. 1995. № 1. С. 200–209.
- Сапрыкин С. Ю. Гераклеийские тираны // ВДИ. 1982. № 1. С. 134–149.
- Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI–I вв. до н. э. М., 1986.
- Сапрыкин С. Ю. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1979. № 3. С. 43–59.
- Сапрыкин С. Ю. О культе Геракла в Херсонесе и Гераклее в эпоху эллинизма // СА. 1978. № 1. С. 38–52.
- Сапрыкин С. Ю. Насильственный и ненасильственный мир в эллинистическую эпоху // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань, 2000. С. 159–177.
- Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996.
- Свенцицкая И. С. Восприятие царя и царской власти в эллинистических полисах (по данным эпиграфики) / Государство, политика и идеология в античном мире. М., 1990. С. 97–108.
- Свенцицкая И. С. Гражданин и полис в эллинистических государствах // Eirene. 1967. № 6. С. 27–34.
- Свенцицкая И. С. Греческие города в составе Лидийского царства // ВДИ. 1978. № 1. С. 26–38.

- Свенцицкая И. С. Зависимое население на землях городов Западной Малой Азии в период эллинизма // ВДИ. 1957. № 3. С. 91–103.
- Свенцицкая И. С. Земельные владения городов Западной Малой Азии в период эллинизма // ВДИ. 1960. № 3. С. 89–104.
- Свенцицкая И. С. Значение термина «свободный» в малоазийских надписях эллинистического времени // ВДИ. 1976. № 1. С. 202–205.
- Свенцицкая И. С. К вопросу о гражданских и имущественных правах в эллинистических полисах Малой Азии // ВДИ. 1966. № 2. С. 44–53.
- Свенцицкая И. С. Категория ΠΑΡΙΟΙΚΟΙ в эллинистических полисах Малой Азии // ВДИ. 1959. № 2. С. 146–153.
- Свенцицкая И. С. Книга Э. Бикермана «Государство Селевкидов» и проблемы социально-политической истории эллинизма // Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 243–250.
- Свенцицкая И. С. Крупные городские объединения и политика эллинистических держав (III–II вв. до н. э.) // Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сб. науч. статей к 65-летию со дня рождения Э. Д. Фролова. СПб., 1998. С. 200–208.
- Свенцицкая И. С. Особенности гражданской общины на эллинистическом Ближнем Востоке // ВДИ. 1999. № 3. С. 23–38.
- Свенцицкая И. С. Полис и империя: эволюция императорского культа и роль «возрастных» союзов» в городах малоазийских провинций I–II вв. // ВДИ. 1981. № 4. С. 33–51.
- Свенцицкая И. С. Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени (по материалам Малой Азии) // ВДИ. 1985. № 4. С. 43–61.
- Свенцицкая И. С. Святилища в социально-политической структуре эллинистического полиса (на примере Западной Малой Азии) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 5. Античный полис. Л., 1979. С. 48–59.
- Свенцицкая И. С. Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 1963.
- Свенцицкая И. С. Эллинистическая Малая Азия в современной зарубежной литературе // ВДИ. 1960. № 2. С. 156–161.
- Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.
- Семенова Е. Е. Царская власть и общинное самоуправление на Боспоре // Античная гражданская община: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1984. С. 22–29.
- Сергеев В. С. История Древней Греции. М., 1963.
- Сизов С. К. Ахейский союз. История древнегреческого федеративного государства (281–221 гг. до н. э.). М., 1989.
- Сизов С. К. Податный устав Гиерона II // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 47–64.
- Сизов С. К. Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз. Н. Новгород, 1990.
- Соколов Ф. Ф. Договор Евмена с наемными войнами // Тр. Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910. С. 405–410.

- Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
- Тэн И. Тит Ливий. Критическое исследование. М., 1900.
- Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима. III–I вв. до н. э. М., 1977.
- Фихман И. Ф. Введение в документальную папиологию. М., 1987.
- Фролов Э. В. Парадоксы истории — парадоксы античности. СПб., 2004.
- Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001.
- Фролов Э. Д. Греческие тираны. Л., 1972.
- Фролов Э. Д. Исторические предпосылки эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 14–58.
- Фролов Э. Д. История эллинизма в биографиях его творцов // Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 3–26.
- Фролов Э. Д. Ксенофонт и его «Киропедия» // Ксенофонт. Киропедия. М., 1977. С. 243–267.
- Фролов Э. Д. М. И. Ростовцев и его место в науке об античности: судьба ученого // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции в память академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 10–12.
- Фролов Э. Д. М. И. Ростовцев: социально-экономическое направление в русском антиковедении (аналитический обзор) // История европейской цивилизации в русской науке. Античное наследие. М., 1991. С. 37–61.
- Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988.
- Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979.
- Фролов Э. Д. Тирания в Геракле Понтийской // Античный мир и археология: Межвуз. сб. статей. Вып. 2. Саратов, 1974. С. 117–139.
- Фролов Э. Д., Никитюк Е. В., Петров А. В., Шарнина А. Б. Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб., 2002.
- Фюстель де Куланж Н. Д. Гражданская община Древнего мира. СПб., 1906.
- Хабиخت Хр. Афины: история города в эллинистическую эпоху. М., 1999.
- Хазанов А. М. Разложение первобытно-общинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975. С. 88–139.
- Хазина А. В. Античная традиция и «мифологизирующая» утопия эллинизма // Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал: Сб. науч. тр. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. Казань, 2005.
- Хайнен Х. Эллинистический Египет в трудах М. И. Ростовцева // ВДИ. 1992. № 2. С. 163–179.
- Ханиотис А. Театральность вне театра. «Постановка» общественной жизни в эллинистическом мире // Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал: Сб. науч. тр. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. Казань, 2005.
- Хилинский К. Laoi в Малой Азии // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Т. 2. № 3. С. 106–112.
- Цибукидис Д. И. Древняя Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии (1850–1974). М., 1981.

- Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. 1–2. Новосибирск, 1992.
- Шарнина А. Б. Межполисные культурные связи в эллинистическо-римский период (союзы технитов Диониса): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Шарнина А. Б. Союзы технитов Диониса в эллинистических полисах // ВДИ. 1987. № 2. С. 102–117.
- Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1986.
- Шелов Д. Б. Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ. 1986. № 1. С. 36–42.
- Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // ВДИ. 1980. № 3. С. 28–43.
- Шелов Д. Б. Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1. С. 55–72.
- Шелов Д. Б. Тира и Митридат Евпатор // ВДИ. 1962. № 2. С. 95–102.
- Шелов Д. Б. Феодосия, Гераклея и Спартокиды // ВДИ. 1950. № 3. С. 168–178.
- Широкова Н. С. Древние кельты на рубеже старой и новой эры. Л., 1989.
- Шифман И. Ш. Александр Македонский. Л., 1988.
- Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи принципата. М., 1977.
- Шифман И. Ш. Социально-правовые группы в сирийском обществе эллинистическо-римского времени // ВДИ. 1971. № 2. С. 119–128.
- Шифман И. Ш. Царские люди в эллинистической Сирии и Малой Азии // Палестинский сборник. 1969. Вып. 19 (82). С. 32–38.
- Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976.
- Шофман А. С. Градостроительная деятельность Александра Македонского // Klio. 1957. Bd. 57. H. 1. S. 123–145.
- Шофман А. С. Дипломатическая деятельность Персея // Проблемы истории и историографии. Античность. Средние века. Уфа, 1990. С. 29–37.
- Шофман А. С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984.
- Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964.
- Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.
- Штоль Г. А. Боги и гиганты. М., 1971.
- Эллинизм: восток и запад / Под общей ред. Е. С. Голубцовой. М., 1992.
- Эллинизм: экономика, политика, культура / Под общей ред. Е. С. Голубцовой. М., 1990.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1974.
- Юлкина О. Н. Пергамский декрет 133 г. до н. э. // ВДИ. 1947. № 4. С. 160–168.
- Юсифов Ю. Б. К вопросу об эламском престолонаследии // ВДИ. 1974. № 3. С. 3–19.
- Якобсон В. А. Цари и города в Древней Месопотамии // Государство и социальные структуры на Древнем Востоке. М., 1989. С. 17–37.
- Aalders G. J. D. City-state and world-power in hellenistic political thought // Proceedings of the VII-th congress of the International federation of the Societies of Classical Studies. Vol. 1. Budapest, 1984. P. 293–301.

- Africa Th.* Aristicus, Blossius and the City of Sun // *International review of Social History*. 1961. Vol. 6. P. 110–124.
- Allen R.* Attalos I and Aigina // *ABSA*. 1971. Vol. 66. P. 1–12.
- Allen R. E.* The Attalid Kingdom. A Constitutional History. Oxford, 1983.
- Andrews A.* Notion and Kyzikos: the sources compared // *JHS*. 1982. Vol. 102. P. 15–25.
- Atkinson K. M. T.* The Seleucids and the Greek Cities of Western Asia Minor // *Antichthon*. 1968. Vol. 2. P. 32–57.
- Badian E.* Foreign Clientela (264–70 B. C.). Oxford, 1958.
- Badian E.* Hegemony and independence. Prolegomena to a study of the relations of Rome and the hellenistic states in the second century B. C. // *Proceedings of the VII-th congress of the International federation of the Societies of Classical Studies*. Vol. 1. Budapest, 1984. P. 397–414.
- Badian E.* Rome and Antiochus the Great: A Study in Cold War // *CIPh*. 1959. Vol. LIV. N. 2. P. 81–99.
- Badian E.* The testament of Ptolemy Alexander // *RhM*. 1976. Bd. 110. S. 178–192.
- Bagnall R.* The Administration of the Ptolemaic Possessions outside Egypt. Leiden, 1976.
- Balsdon J.* Rome and Macedon, 205–200 B. C. // *JRS*. 1954. Vol. 44. P. 30–42.
- Baltazzi D.* Borne des Pergamenes // *BCH*. 1881. Vol. V. P. 283–284.
- Baslaugh R. A.* The Date of the unique portrait tetradrachm of Eumenes II // *AJA*. 1981. Vol. 85. P. 185–186.
- Beloch K. J.* Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd. 3. Abt. 2; Bd. 4. Abt. 1, 2. Berlin; Leipzig, 1925–1927.
- Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2. München, 1944.
- Bengtson H.* Griechische Geschichte. 4. Aufl. München, 1969.
- Berthold R. M.* Lade, Pergamum and Chios // *Historia*. 1975. Bd. 24. H. 2. P. 150–163.
- Berthold R.* Rhodes in the Hellenistic Age. Ithaca; London, 1984.
- Bickerman E.* Bellum Antiochenum // *Hermes*. 1932. T. LVII. P. 47–76.
- Bickerman E.* La cite grecque dans les monarchies hellenistiques // *RPh*. 1939. T. LXV. P. 335–349.
- Bickerman E.* Notes sur Polybe. I. La status des villes d'Asie apres la paix d'Apamee // *REG*. 1937. T. 50. P. 217–239.
- Bickerman E.* Rom und Lampsakos // *Philologus*. 1932. Bd. LXXXVII. S. 277–299.
- Billows R. A.* Kings and colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York; Köln, 1995.
- Boerma A. H. N.* Justinus' boeken over de diadochen, een historisch commentaar. Boek 13–15. Cap. 2. Amsterdam, 1979.
- Braund D. C.* Three hellenistic personages: Amynder, Prusias II, Daphidas // *CIQ*. 1982. Vol. 32. N 2. P. 353–357.
- Brian P.* Dans la terres et de villes: L'Asie Mineure dans le contexte Achemenide // *REA*. 1985. T. 87. N 1/2. P. 53–72.
- Bringmann K.* The King as Benefactor: Some Remarks on Ideal Kingship in the Age of Hellenism // *Images and Ideologies: Self-definition in the Hellenistic World* / Ed. by

- A. Bulloch, E. Gruen, A. Long and A. Stewart. Berkeley; Los Angeles; London, 1993. P. 7–24.
- Brisco J.* Eastern policy and Senatorial Politics (168–146 B. C.) // *Historia*. 1969. Vol. XVIII. P. 49–70.
- Broughton T. R. S.* Roman Asia // *An Economic Survey of Ancient Rome*. Vol. 4. Baltimore, 1938. P. 499–916.
- Broughton T. R. S.* Stratonikeia and Aristonikus // *CIPh*. 1934. Vol. 29. P. 252–254.
- Bruce T.* Political unity in Lycia during the «dynastic» period // *Journal of Near Eastern Studies*. 1983. Vol. 42. N. 1. P. 31–49.
- Bücher K.* Die Aufstände der unfreien Arbeiten, 143–129 v. Chr. Frankfurt am Main, 1874.
- Bürchner C.* Attaleia // *RE*. 1896. Bd. 2. Sp. 2155.
- Cambridge Ancient History*. Vol. VII. Part 1. The Hellenistic World. Cambridge, 1984.
- Cambridge Ancient History*. Vol. VIII. Rome and the Mediterranean to 133 B. C. Cambridge, 1989.
- Cardinali G.* Ancora per confini nella pace di Antioco // *Klio*. 1910. Bd. 10. S. 249–251.
- Cardinali G.* Il regno di Pergamo. Roma, 1906.
- Cardinali G.* La Genealogia degli Attalidi // *MAB*. 1913. Vol. VII. P. 177–185.
- Cardinali G.* La morte di Attalo III e la rivolta d'Aristonico // *Saggi di Storia Antica e di Archaeologia offerti a G. Beloch*. Roma, 1910. P. 269–320.
- Cardinali G.* L'amministrazione finanziaria del commune di Pergamo // *MAB*. 1915–1916. Vol. X. P. 192–193.
- Carpenter T. H.* Art and Myth in Ancient Greece. London, 1992.
- Carrata Thomes Fr.* La rivolta di Aristonico a la origini della provincia romana d'Asia. Torino, 1968.
- Cary M.* History of the Greek World from 323 to 146 B. C. London, 1932.
- Cohen G.* Hellenistic Settlements in Europe, the Islands and Asia Minor. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1995.
- Cohen G. M.* Katoikia, katoikoi and macedonians in Asia Minor // *Ancient Society*. 1991. Vol. 22. P. 41–50.
- Cohen G. M.* Property rights of Hellenistic colonists // *Proceedings of the VII-th congress of the International federation of the Societies of Classical Studies*. Vol. 1. Budapest, 1984. P. 323–325.
- Conze A., Philippon A., Dorpfeld W., von Prott H., Kolbe W., Thiersch H.* Die Arbeiten zu Pergamon, 1900–1901 // *AM*. 1902. Bd. XXVII. S. 1–160.
- Conze A., Schuchhardt C.* Die Arbeiten zu Pergamon, 1886–1898 // *AM*. 1899. Bd. XXIV. S. 97–240.
- Conze A., Schazmann P.* Mamurt-Kaleh. Ein Tempel der Gottermutter unweit Pergamon. Berlin, 1911.
- Cook J.* The Troad. An Archaeological and Topographical Study. Oxford, 1973.
- Cook J. M., Blackmore D.* Greek Archaeology in Asia Minore // *Archaeological Reports for 1964–1965*. London, 1965. P. 32–62.
- Corsaro M.* Oikonomia del re e oikonomia del satrapo // *Annali scuola normale superiore di Pisa. Classi di lettera e filosofia*. Ser. 3. 1980. Vol. 10. N 4. P. 1198–1199.

- Corsaro M.* Tassazione regia e tassazione cittadina dagli Achemenidi // REA. 1985. T. 87. N 1/2. P. 73–95.
- Cotton H. M.* A note on the organization of taxfarming in Asia Minor (Cicero. Fam. XIII. 65) // Latomus. 1986. T. 45. Fasc. 2. P. 367–373.
- Crowford M.* The Roman Republic. London, 1992.
- Daubner Fr.* Bellum Asiaticum. Der Krieg der Römer gegen Aristonikos von Pergamon und die Einrichtung der Provinz Asia. München, 2003.
- Daux G.* Craton, Eumene II et Attale II // BCH. 1935. T. 59. P. 210–230.
- Davies J. K.* Democracy and Classical Greece. London, 1993.
- De Laix A.* Probouleusis in Athens. A Study of Political Decision-Making. Berkeley; Los Angeles; London, 1973.
- De Sanctis G.* Eumene II e la città greche d'Asia // RFIC. 1925. Vol. LIII. P. 68–78.
- Die Altertümer von Pergamon. Bd. I–XI. Berlin, 1885–1969.
- Die Inschriften von Metropolis. T. 1: Die Dekrete für Apollonios: Stadtische Politik unter den Attaliden und im Konflikt zwischen Aristonikos und Rom / Hrsg. B. Dreyer; H. Engelmann. München, 2003.
- Dmitriev Sv.* City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor. Oxford, 2005.
- Dörpfeld W.* Das südliche Stadthor von Pergamon // ABA. 1901. Abh. 1. S. 1–20.
- Dörpfeld W., Hepding H.* Die Arbeiten zu Pergamon, 1908–1909 // AM. 1910. Bd. XXXV. S. 345–526.
- Dörpfeld W., Ippel A., Schazmann P.* Die Arbeiten zu Pergamon, 1910–1911 // AM. 1912. Bd. XXXVII. S. 233–408.
- Dörpfeld W., Jakobsthal P., Schazmann P.* Die Arbeiten zu Pergamon, 1906–1907 // AM. 1908. Bd. XXXIII. S. 327–441.
- Dörpfeld W., Kolbe W.* Die Arbeiten zu Pergamon, 1904–1905 // AM. 1907. Bd. XXXII. S. 161–469.
- Dörpfeld W., Schroder B., Schrader H.* Die Arbeiten zu Pergamon, 1902–1903 // AM. 1904. Bd. XXIX. S. 113–207.
- Downey G.* A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab conquest. Princeton, 1961.
- Dudley D. R.* Blossius of Cumae // JHS. 1941. Vol. 31. P. 94–99.
- Dumont J.-Ch.* A propos d'Aristonikos // Eirene. 1966. N 5. P. 189–196.
- Dunst G.* Die Bestimmungen des Vertrages zwischen Eumenes II. und den kretischen Städten vom Jahre 183 v. Chr. // Philologus. 1956. Bd. 100. H. 2. S. 305–311.
- Dusinberre E.* Aspects of Empire in Achaemenid Sardis. Cambridge, 2003.
- Eddy S.* The King is dead. Studies in the Near Eastern resistance to Hellenism, 344–31 B. C. Lincoln, 1961.
- Ehrenberg V.* Alexander and the Liberated Greek Cities // Ehrenberg V. Alexander and the Greeks. Oxford, 1939. P. 1–51.
- Ehrenberg V.* The Greek State. London, 1969.
- Engster D.* Attalos III. Philometor — ein «Sonderling» auf dem Thron? // Klio: Beiträge zur Alten Geschichte. 2004. Vol. 86. Fasc. 1. S. 66–82.
- Errington M.* Antiochos II, Zeuxis und Euromos // Epigraphica Anatolica. 1986. H. 8. S. 1–8.

- Errington M.* The alleged Syro-Macedonian Pact and the Origine of the Second Macedonian War // *Athenaeum*. 1971. Vol. 79. P. 336–354.
- Ferguson W. S.* The Premature Deification of Eumenes II // *CiPh*. 1906. Vol. 1. P. 231–234.
- Ferrabino A.* La guerre di Attalo I contro i Galati e Antioco Ierace // *AAT*. 1913. Vol. XLVIII. P. 233–244.
- Foucart P.* De collegiis scenicorum artificum apud Graecos. Paris, 1873.
- Foucart P.* La formation de la province Romaine d'Asie // *Memoires de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1904. T. 37. P. 297–339.
- Fränkel M.* Das grosse Siegesdenkmal Attalos des Ersten // *Philologus*. 1895. Bd. LIV. S. 1–10.
- Fritze H. von.* Die Münzen von Pergamon // *ABA*. 1910. Abh. I. S. 1–108.
- Gabbert J.* Piracy in the early Hellenistic period: a career open to talent // *Greece and Rome*. 1986. Vol. XXXIII. N 2. P. 156–163.
- Giovannini A.* Greek Cities and Greek Commonwealth // *Images and Ideologies: Self-definition in the Hellenistic World* / Ed. by A. Bulloch, E. Gruen, A. Long and A. Stewart. Berkeley; Los Angeles; London, 1993. P. 265–286.
- Goodenough E.* The Political Philosophy of Hellenistic Kingship // *Yale Classical Studies*. 1928. Vol. 1. P. 55–102.
- Graf F.* Bemerkungen zur bürgerlichen religiosität im Zeitalter des Hellenismus // *Stadt-bild und Bürgerbild im Hellenismus. Kolloquium, München, 24. bis 26. Juni 1993* / Hrsg. von M. Worrle und P. Zanker. München, 1995. S. 103–114.
- Gräber F.* Die Wasserleitungen von Pergamon // *ABA*. 1887. Abh. I. S. 1–31.
- Green P.* *Alexander to Actium: The historical evolution of the Hellenistic Age*. Berkeley; Los Angeles, 1990.
- Griffith G. T.* *The Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambridge, 1935.
- Gruen E.* *The Hellenistic World anf the coming of Rome*. Vol. 1–2. Berkeley, 1984.
- Gunther R.* *Der Aufstand des Spartacus*. Berlin, 1987.
- Habicht Chr.* *Athen in Hellenistischer Zeit*. München, 1994.
- Habicht Chr.* *Göttmenschentum und Griechische Stadte*. München, 1956.
- Habicht Chr.* *Neue Inschriften aus Kos* // *ZPE*. 1996. Bd. 112. S. 83–94.
- Habicht Chr.* *New Evidence on the Province of Asia* // *JRS*. 1975. Vol. LXV. P. 68–92.
- Habicht Chr.* *Über die Kriege zwischen Pergamon und Bithynien* // *Hermes*. 1956. Bd. 84. H. 1. S. 80–100.
- Hadley R. A.* *Royal propaganda of Seleucus I and Lysimachus* // *JHS*. 1974. Vol. 94. P. 50–65.
- Haederli R.* *Die hellenistischen Astynomen und Agoranomen, vornehmlich im alten Athen* // *Jahrbücher für classische Philologie. Supplbd.* 15. Leipzig, 1887. S. 45–94.
- Hahn I.* *Perioken und Periokenbesits in Lycien* // *Klio*. 1981. Bd. 63. H. 1. S. 51–61.
- Hamon P.* *Les prêtres du culte royal dans la capitale des Attalides: note sur le décret de Pergame en l'honneur du roi Attale III (OGIS 332)* // *Chiron*. 2004. Vol. 34. P. 169–185.
- Hammond N. G. L.* *The Macedonian State. The Origins, Institutions and History*. Oxford, 1992.

- Hammond N. G. L., Walbank F. W.* A History of Macedonia. Vol. III. 336–167 B. C. Oxford, 1988.
- Hansen E.* The Attalids of Pergamon. Ithaca; London, 1971.
- Hansen E.* The Great Victory monument of Attalus I // *AJA*. 1937. Vol. 41. P. 48–59.
- Head B.* Historia Numorum. A Manual of Greek Numismatics. Oxford, 1911.
- Heckel W.* Somatophylakia: a Macedonian cursus Honorum // *Phoenix*. 1986. Vol. 40. N 3. P. 279–294.
- Heckel W.* The early career of Lysimachus // *Klio*. 1982. Bd. 64. H. 4. P. 373–381.
- Heinen H.* Zur Sklaverei in der hellenistischen Welt // *Ancient Society*. 1976. Vol. 7. S. 127–149.
- Herrmann P.* Antiochos der Grosse und Teos // *Anadolu (Anatolia)*. 1965 (1967). Bd. IX. S. 29–159.
- Hesberg H. von.* Das griechische Gymnasium im 2. Jh. v. Chr. // *Stadt und Bürgerbild im Hellenismus. Kolloquium. München, 24. bis 26. Juni 1993 / Hrsg. von M. Worrle und P. Zanker. München, 1995. S. 13–27.*
- Heuss A.* Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren staats- und volkerrechtlichen Beziehungen (*Klio. Bh.* 39). Leipzig, 1937.
- Hirschfeld G.* Apollonis // *RE*. 1896. Bd. 2. Sp. 163.
- Hirschfeld G.* Apollonia (21) // *RE*. 1896. Bd. 2. Sp. 116.
- Hoffmann W.* Philetairos (1–3) // *RE*. 1938. Hbhd. 38. Sp. 2157–2161.
- Holleaux M.* Inscription trouvée a Brousse // *BCH*. 1924. T. XLVIII. P. 1–57.
- Holleaux M.* La clause territoriale au traité d'Apamee // *REG*. 1931. T. XLIV. P. 304–319.
- Holleaux M.* L'expédition d'Attale I-er en 218 // *Holleaux M. Etudes d'Epigraphie et d'Histoire Grecques. Vol. 2. Paris, 1940. P. 17–42.*
- Holleaux M.* L'expédition de Philippe V en Asie (201 av. J. C.) // *REA*. 1920. T. XXII. P. 237–258; T. XXIII. 1921. P. 181–212; 1923. T. XXV. P. 330–366.
- Holleaux M.* L'expédition de Philippe V en Asie Mineure. La bataille de Chios (201 av. J.-C.) // *Klio*. 1909. Vol. IX. P. 450–460.
- Holleaux M.* Recherches sur l'histoire des négociations d'Antiochos III avec les Romains // *REA*. 1913. T. 15. Fasc. 4. P. 1–24.
- Holleaux M.* Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au III-e siècle av. J.-C. Paris, 1921.
- Holleaux M.* Un nouveau document relatif aux premiers Attalides // *REA*. 1918. T. XX. P. 9–15.
- Hopp J.* Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. München, 1977.
- Hornblower S.* Mausolus. Oxford, 1982.
- Hošek R.* Kyme (A Historical Survey) // *Anatolian Collection of Charles University. Kyme I. Praha. 1974. P. 3–28.*
- Images and Ideologies: Self-definition in the Hellenistic World / Ed. by A. Bulloch, E. Gruen, A. Long and A. Stewart. Berkeley; Los Angeles; London, 1993.*
- Imhoof-Blumer Fr.* Die Münzen der Dynastie von Pergamon. München, 1885.
- Jones A. H. M.* The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1971.
- Jones A. H. M.* The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940.

- Kabakciiev V.* La Thrace et la politique des monarchies hellénistiques au III-e siècle av. n. e. // *Bulgarian Historical revue.* 1985. A. 13. N 3. P. 52–58.
- Kaerst J.* Geschichte des Hellenismus. Bd. 1–2. Leipzig; Berlin, 1926–1927.
- Kasčeev V.* Schiedsgericht und Vermittlung in den Beziehungen zwischen den hellenistischen Staaten und Rom // *Historia.* Bd. XLI. H. 4. S. 419–433.
- Kassel R.* Die Phalaeceen des neuen hellenistischen Weihepigramms aus Pergamon // *ZPE.* 1990. Bd. 84. S. 299–300.
- Keil J.* Temnos // *RE.* 1934. Hbbd. 9. Sp. 461.
- Keil J.* Tripolis // *RE.* 1939. Bd. 13. Sp. 203.
- Kern O.* Attalistai // *RE.* 1896. Bd. 2. Sp. 2157.
- Kern O.* Die Religion der Griechen. Bd. 3. Berlin, 1938.
- Kertešz I.* Das religionsleben von Pergamon und seine politische Bedeutung // *Humanismus und Menschenbild im Orient und in der Antike: Konferenz-vorträge.* Halle (Saale). 1977. S. 201–211.
- Kertešz I.* Der Telephos-Mythos und der Telephos-Fries // *Oikumene.* 1982. Bd. 3. S. 203–215.
- Kertešz I.* Religionsgeschichtliche Voraussetzungen zur Herausbildung des Herrscherkultes in Athen // *Oikumene.* 1983. Bd. 4. S. 61–69.
- Klaffenbach G.* Die Astynomeninschrift von Pergamon. Berlin: Akademie Verlag, 1954. S. 25.
- Klaffenbach G.* Symbolae ad historiam collegiorum artificum Bacchiorum: Diss. Berlin, 1914.
- Kleiner Fr., Noe S. Ph.* The early cistophoric coinage. New York, 1977.
- Koehn Cl.* Krieg-Diplomatie-Ideologie. Stuttgart, 2007.
- Koenen L.* The Ptolemaic King as a religious Figure // *Images and Ideologies: Self-definition in the Hellenistic World /* Ed. by A. Bulloch, E. Gruen, A. Long and A. Stewart. Berkeley; Los Angeles; London, 1993.
- Koepp F.* De Attali III patre // *Rh. Mus.* 1893. Bd. XLVIII. S. 154–157.
- Kohler U.* Die grundung des Konigreichs Pergamon // *Historische Zeitschrift.* 1882. Bd. XLVII. S. 1–14.
- Koperberg S.* De origine Attali III // *Mnemosyne.* 1926. Bd. LIV. P. 195–205.
- Kopp F.* Über die Galaterkriege der Attaliden // *RhM.* 1885. Bd. XL. S. 114–132.
- Kosmetatou E.* Pisidia and the Hellenistic kings from 323 to 133 B. C. // *Ancient Society.* 1997. Vol. 28. P. 5–37.
- Kreissig H.* Die Polis in Griechenland und im Orient in der hellenistischen Epoche // *Hellenische Poleis.* Bd. 2. Berlin, 1973. S. 1074–1084.
- Kreissig H.* Hellenistische Grundbesitzverhältnisse im oströmischen Kleinasien // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte.* 1967. Bd. 1. S. 200–206.
- Kreissig H.* Wirtschaft und Gesellschaft in Seleucidenreich. Die Eigentums- und die Abhängigkeitsverhältnisse. Berlin, 1978.
- Kümpel Ed.* Die Quellen zur Geschichte des Krieges der Römer gegen Antiochus III // *Realschule an der Weidenallee zu Hamburg.* 1893. № 1. S. 1–30.
- Lampela A.* Rome and the Ptolemies of Egypt. The development of their Political relations. 273–80 B. C. Helsinki, 1998.

- Larsen J.* The peace of Phoenice and the Outbreak of the Second Macedonian War // CIPH. 1937. Vol. XXXII. P. 15–31.
- Lebek W. D.* Neue Phalaikene aus Pergamon // ZPE. 1990. Bd. 82. S. 297–298.
- Leuze O.* Die Feldzüge Antiochos' des Grossen nach Kleinasien // Hermes. 1923. Bd. LVIII. S. 187–201.
- Lüders O.* Die Dionysische Kunstler. Berlin, 1873.
- Ma J.* Antiochus III and the Cities of Western Asia Minor. Oxford, 2000.
- Magie D.* Roman Rule in Asia Minor. Vol. 1–2. Princeton, 1950.
- Magie D.* Rome and the City-States of western Asia Minor from 200 to 133 B. C. // Anatolian Studies presented to W. H. Buckler. Manchester, 1939. P. 161–185.
- Magie D.* The «Agreement» between Philip V and Antiochus III for the partition of the Egyptian Empire // JRS. 1939. Vol. XXIX. Part I. P. 32–44.
- Manganaro G.* Kyme e il dinasta Philetairos // Chiron. 2000. Bd. 30. P. 403–414.
- Mattingly H. B.* The Date of the senatus consultum de agro pergameno // AJPh. 1972. Vol. 93. P. 412–423.
- McDonald A. H.* The Treaty of Apamea (188 B. C.) // JRS. 1967. Vol. 57. N 1. P. 1–8.
- McDonald A. H., Walbank F. W.* The Origine of the Second Macedonian war // JRS. 1937. Vol. XXVII. N 2. P. 180–207.
- McDonald A. H., Walbank F. W.* The Treaty of Apamea (188 B. C.): the Naval Clauses // JRS. 1969. Vol. 59. P. 30–39.
- McShane R.* The foreign policy of the Attalids of Pergamon. Urbana, 1964.
- Meischke K.* Symbolae ad Eumenis II Pergamenorum regis historiam. Leipzig, 1892.
- Meyer E.* Die Grenzen der hellenistischen Staaten in Kleinasien. Zürich; Leipzig, 1925.
- Meyer E.* Zum Stammbaum der Attaliden // Klio. 1923–1925. Bd. XIX. S. 462–471.
- Meyer Ed.* Die Makedonischen Militarkolonien // Hermes. 1898. Bd. XXXIII. S. 643–647.
- Meyer Ed.* Die Quellen unserer Ueberlieferung über Antiochos des Grossen Romerkrieg // RhM. 1881. Bd. 36. S. 120–126.
- Michel J. H.* Rhodes ou le dynamisme de l'Etat-cite a l'epoque hellenistique // Chronique d'Egypt. 1985. T. 60. N 119/120. P. 204–213.
- Mileta Chr.* Der Aristonikosaufstand // Das Altertum. 1985. Bd. 31. H. 2. S. 119–123.
- Mileta Chr.* Der König und sein Land. Untersuchungen zur Herrschaft der hellenistischen Monarchen über das königliche Gebiet Kleinasien und seine Bevölkerung. Berlin, 2008.
- Mooren L.* La hierarchie de cour Ptolemaïque. Contribution a l'etude des institutions et des classes dirigeantes a l'epoque hellenistique. Louvain, 1977.
- Mooren L.* The Aulic Titulature of the Ptolemaic Egypt. Brussel, 1975.
- Mooren L.* The Ptolemaic Court System // Chronique d'Egypt. 1985. T. 60. N 119/120. P. 214–222.
- Mommsen Th.* Der Friede mit Antiochos und die Kriegzüge des Cn. Manlius Vulso // Mommsen Th. Römische Forschungen. Berlin, 1879. Bd. 2. S. 511–545.
- Müller H.* Bemerkungen zu Funktion und Bedeutung des Rats in den hellenistischen Städten // Stadtbild und Bürgerbild im Hellenismus. Kolloquium. München, 24. bis 26. Juni 1993 / Hrsg. von M. Worrie und P. Zanker. München, 1995. S. 41–54.
- Müller H.* Ein neues hellenistisches Weihepigramm aus Pergamon // Chiron. 1989. Bd. 19. S. 499–553.

- Müller H. Hemiolios. Eumenes II, Toriaion und die Finanzorganisation des Alexanderreiches // Chiron. 2005. Bd. 35. S. 355–384.
- Muller H., Worle M. Ein Verein im Hinterland Pergamons zur Zeit Eumenes' II // Chiron. 2002. Bd. 32. S. 191–235.
- Müller R. Sozialutopien der Antike // Das Altertum. 1977. Bd. 23. H. 4. S. 227–233.
- Nicolet C. Rome et la Conquete du Monde Meditteraneeen, 267–27 av. J.-C. T. 2. Paris, 1978.
- Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd. 1–3. Gotha, 1893–1903.
- Nissen H. Kritische Untersuchungen über die Quellen der IV. und V. Dekade des Livius. Berlin, 1863.
- Nock A. Notes on Ruler-cult // Essays on religion and the Ancient World. Vol. 1. Cambridge, 1972. P. 134–159.
- Nock A. ΣΥΝΝΑΟΣ ΘΕΟΣ // Essays on religion and the Ancient World. Vol. 1. Cambridge, 1972. P. 202–251.
- O'Neil J. The ethnic origine of the friends of the Antigonid Kings of Macedon // Classical Quaterly. 2003. Vol. 53. Part 2. P. 510–522.
- Ohlemutz E. Die Kulte und Heiligtümer der Gotter in Pergamon. Wurzburg, 1940.
- Oehler J. Agoranomoi // RE. 1894. Bd. 1. Sp. 883–885.
- Oehler J. Astynomoi // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 1870–1872.
- Oehler J. Γυμνασιάρχος // RE. 1912. Bd. 7. Sp. 1969–2004.
- Oliver J. H. The Date of the Pergamene Astynomic Law // Hesperia. 1955. Vol. XXIV. P. 88–92.
- Pareti L. Per la storia di alcune dinastie greche nell' Asie Minore // AAT. 1911. Vol. XLVI. P. 615–628.
- Petit P. L'integration des cites ioniennes dans l'Empire Achemenide // REA. 1985. T. 87. N 1/2. P. 43–52.
- Poland F. Geschichte des griechischen Vereinswesens. Leipzig, 1909.
- Poland F. Technitai // RE. 2 Rh. 10 Hbbd. Sp. 2473–2558.
- Potter D. Where did Aristonicus' revolt begin? // ZPE. 1988. Bd. 74. S. 293–295.
- Prott H. von. Dionysos Kathegemon // AM. 1902. Bd. XXVII. S. 161–188.
- Quandt W. De Baccho ab Alexandri aetate in Asia Minore culto. Halle, 1913.
- Radet G. La Lydie et la Monde grec au temps des Mermnades. Paris, 1893.
- Ramsay W. H. The Cities and Bishoprics of Phrygia. Vol. 1. Part 2. West and west-central Phrygia. Oxford, 1897.
- Ramsay W. H. The Historical Geography of Asia Minor. London, 1890.
- Regel G. [Rev.] Cohen G. The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands, and Asia Minor (Hellenistic Culture and Society). Vol. 17. 1995. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press // Bryn Mawr Classical Review. 1998.11.19 —<http://ccat.sas.upenn.edu/bmcr/1998/1998-11-19.html>.
- Reinack Th. Les origines de la ville de Pergame // RH. 1886. T. XXXII. P. 73–85.
- Robert L. La campagne d'Attale I-er en 218 // Robert L. Etudes Anatoliennes. Paris, 1937. P. 185–198.
- Robert L. Villes d'Asie Mineure. Paris, 1935.

- Robinson E. S.* Cistophori in the name of king Eumenes // NC. 1954. Vol. 14. P. 1–8.
- Rohde E.* Pergamon. Burgberg und Altar. Berlin, 1982.
- Rostovtzeff M.* Notes on the Economic Policy of the Pergamene Kings // Anatolian Studies presented to W. M. Ramsay. Manchester, 1923. P. 359–390.
- Rostovtzeff M.* Pergamum // The Cambridge Ancient History. Vol. 8. Cambridge, 1930. P. 590–618.
- Rostovtzeff M.* Some Remarks on the Monetary and Commercial Policy of the Seleucids and Attalids // Anatolian Studies presented to W. H. Buckler. Manchester, 1939. P. 277–298.
- Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. 1–3. Oxford, 1941.
- Roussel P.* Le testament du roi de Cyrena // REG. 1932. T. XLV. P. 286–292.
- Rubina, Raja.* Urban development and built identities. The case of Aphrodisias in Caria in the late republican period // «Romanization»? Digressus Suppl. 1. 2003. Vol. 1. P. 86–98 // <http://www.digressus.org>.
- Ruge W.* Attaleia (3) // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 2156.
- Ruge W.* Dionysopolis // RE. 1905. Bd. 5. Sp. 1009.
- Ruge W.* Eumeneia (1) // RE. 1909. Bd. 6. Sp. 1082.
- Ruge W.* Ticon // RE. 1936. Rh. 2. Hbbd. 11. Sp. 860.
- Sacks K.* Polybius on the Writing of History. Berkeley; Los Angeles; London, 1981.
- Sarton G.* Galen of Pergamon. Lawrence, 1954.
- Saucine-Saveanu Th.* Le decret an l'honneur du Macedonien Corrhagos // REG. 1923. T. XXXVI. P. 197–216.
- Savalli-Lestrade I.* Les Attalides et les Cites Grecques d'Asie Mineure au IIe siècle A.C. // Les Grecques d'Asie Mineure Occidentale au IIe siècle A.C. / Ed. A. Bresson, R. Descat. Bordeaux, 2001. P. 77–91.
- Schleussner B.* Die Gesandtschaftsreise P. Scipio Nasicas im Jahr 133/2 v. Chr. und die Provinzialisierung des Königreichs Pergamon // Chiron. 1976. Bd. 6. S. 97–112.
- Schneider K.* Kulturgeschichte des Hellenismus. Bd. 1–2. München, 1967–1969.
- Schubart W.* Das Königsbild des Hellenismus // Die Antike. 1937. Bd. XIII. S. 272–288.
- Schuchhardt C.* Die Makedonischen Kolonien zwischen Hermos und Kaikos // AM. 1888. Bd. XIII. S. 1–17.
- Schuler Chr.* Kolonisten und Einheimische in einer attalidischen Polisgründung // ZPE. 1999. Bd. 128. S. 124–132.
- Schuler Chr.* Ländliche Siedlungen und Gemeinden im hellenistisch-romischen Kleinasien. München, 1998.
- Schulten A.* Die Makedonischen Militarkolonien // Hermes. 1897. Bd. XXXII. S. 523–537.
- Schwahn W.* Strategos (hellenistisch) // RE. 1935. Supplbd 6. Sp. 1081–1158.
- Scullard H. H.* A History of the Roman World. 753 to 146 B. C. London; New York, 1980.
- Scullard H. H.* Roman Politics. 220–150 B. C. Oxford, 1973.
- Secunda N.* Achaemenid colonization in Lydia // REA. 1985. T. 87. N 1/2. S. 7–29.
- Segre M.* Ἑστεγνωποιημένοι // RFIC. 1935. Vol. LXIII. P. 222–225.
- Segre M.* Giulio Cesare e la χῶρα pergamena // Athenaeum. 1938. Vol. XVI. Fasc. 2. P. 119–127.

- Segre M.* L'Institution des Nikephoria de Pergame // *Hellenica*. 1948. Vol. V. P. 102–128.
- Sherk R. K.* The Eponymous Officials of Greek Cities. I–V // *ZPE*. 1990. Bd. 83. S. 249–288; Bd. 84. S. 231–295; 1991. Bd. 88. S. 225–260; 1992. Bd. 93. S. 223–272; 1993. Bd. 96. S. 267–295.
- Sherwin-White A. N.* Roman Foreign Policy in the East. London, 1984.
- Sherwin-White A. N.* Roman Involvement in Anatolia, 167–88 B. C. // *JRS*. 1977. Vol. VXXVII. P. 62–75.
- Smith R. R.* Kings and Philosophers // *Images and Ideologies: Self-definition in the Hellenistic World* / Ed. by A. Bulloch, E. Gruen, A. Long and A. Stewart. Berkeley; Los Angeles; London, 1993.
- Starr Ch.* Rhodes and Pergamum. 201–200 B. C. // *CIPh*. 1938. Vol. XXXIII. P. 63–68.
- Swoboda H.* Zu den Urkunden von Pergamon // *RhM*. 1891. Bd. 64. S. 497–510.
- Thompson H.* The Stoa of Attalos II in Athens. Princeton, New Jersey, 1992.
- Thraemer E.* Pergamos. Untersuchungen über die Frühgeschichte Kleinasiens und Griechenlands. Leipzig, 1888.
- Tibiletti G.* Rome and the Ager Pergamenus: The Acta of 129 B. C. // *JRS*. 1957. Vol. 47. P. 136–138.
- Tietze Chr.* Priene — Reconstruction einer antiken Stadtplanung // *Das Altertum*. Bd. 34. H. 4. S. 217–223.
- Tscherikover V.* Die Hellenistischen Stadtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit. Leipzig, 1927.
- Ussing J.* Pergamos. Seine Geschichte und Monumente. Berlin, 1899.
- Van Capelle A. C.* Commentatio de regibus et antiquitatibus Pergamenis. Amsterdam, 1840.
- Van Looy H.* Apollonis reine de Pergame // *Ancient Society*. 1976. Vol. 7. P. 151–165.
- Vavřinek V.* Aristonicus of Pergamum: Pretender on the Throne or Leader of a Slave Revolt // *Eirene*. 1975. Vol. 13. P. 109–129.
- Vavřinek V.* La revolte d'Aristonikos. Praha, 1957.
- Vavřinek V.* On the structure of the Slave Revolts // *Socialen Problemen in Hellenismus and im Römischen Reich* / Ed. P. Oliva und J. Burian. Praha, 1973. P. 203–212.
- Viereck P.* Die Festsetzung der Grenze im Frieden des Antiochos // *Klio*. 1909. Bd. 9. S. 371–375.
- Vogt J.* Pergamon und Aristonikos // *Atti del terzo congresso internazionale d'epigraphia greca e latina*. Roma, 1959. S. 45–54.
- Walbank F.* The Hellenistic World. Brighton, 1981.
- Walbank F. W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. 1–3. Oxford, 1957–1979.
- Walbank F. W.* Philipp V of Macedon. London, 1967.
- Walbank F. W.* Polybius. Berkeley; Los Angeles; London, 1972.
- Walsh J. J.* Flamininus and the propaganda of liberation // *Historia*. 1996. Bd. XLV. H. 3. P. 344–363.
- Walsh P. G.* Livy. His Historical Aims and Methods. Cambridge, 1961.
- Westermann W. L.* Slave maintenance and slave revolts // *CIPh*. 1945. Vol. XL. N 1. P. 1–10.
- Westermarck U.* Das Bildnis des Philetairos von Pergamon. Corpus der Münzprägung. Stockholm, 1961.

- Wiegand Th.* Bericht über die Ausgrabungen in Pergamon, 1927 // ABA. 1928. S. 1–22.
- Wilcken U.* Apollonis // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 163–164.
- Wilcken U.* Aristonikos // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 962–964.
- Wilcken U.* Attalos // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 2162.
- Wilcken U.* Attalos II // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 2170.
- Wilcken U.* Attalos III // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 2175.
- Will Ed.* Histoire politique du monde hellénistique. T. 1–2. Nancy, 1966–1968.
- Wolski J.* The Seleucids. The decline and fall of their Empire. Krakow, 1999.
- Worrle M.* Antiochos I, Achaïos der Altere und die Galater // Chiron. 1975. Bd. 5. S. 59–87.
- Ziebarth E.* Das griechische Vereinswesen. Leipzig, 1896.
- Ziebarth E.* Nomophylakes // RE. 1936. Hbbd. 33. Sp. 832–833.
- Zinserling G.* Abriss der griechischen und römischen Kunst. Leipzig, 1977.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ААТ — Atti della Reale Accademia della Scienza di Torino
АВА — Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin
АВSA — Annals of British School at Athens
АЖА — American Journal of Archaeology. Cambridge (Mass.)
АЖФ — American Journal of Philology. Baltimore
АМ — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Athen
ВСН — Bulletin de Correspondance Hellenique. Paris
Велок К. J. GG — *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. Bd. 2. Berlin; Leipzig, 1912–1927
САН — The Cambridge Ancient History. Cambridge
СІG — *Boeck A., Curtius E., Franz J., Kirchhoff C.* Corpus Inscriptionum Graecarum. Vol. 1–4. Berlin, 1828–1877
СІPh — Classical Philology. Chicago
СІQ — Classical Quaterly. Oxford
DWA — Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse
ЕА — Epigraphica Anatolica: Zeitschrift für Epigraphik und historische Geographie Anatoliens. Bonn
FHG — *Muller K. et Th.* Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. I–V. P., 1841–1872
IG — Inscriptiones Graecae. Vol. I–... Berolini, 1873–...
IGR — *Cagnat R., Jouguet P., Lafaye G.* Inscriptiones Graecae ad Res Romanas Pertinentes. Vol. 1–4. Paris, 1906–1928
IOSPE — *Latyshev V.* Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti euxini Graecae et Latinae. Vol. I–II, IV. Petropoli, 1885–1890, 1901 (Vol. I² 1916)
IvMM — *Kern O.* Die Inschriften von Magnesia am Maeander. Berlin, 1900
I. Metropolis. I — Die Inschriften von Metropolis. T. 1. Die Dekrete für Apollonios: Stadtische Politik unter den Attaliden und im Konflikt zwischen Aristonikos und Rom / Hrsg. B. Dreyer; H. Engelmann. München, 2003.

- IvP — *Fränkel M.* Die Inschriften von Pergamon. Bd. 1–2. Berlin, 1890–1895
- IvPr — *Hiller von Gaertringen F.* Die Inschriften von Priene. Berlin, 1906
- JDAI — Jahrbuch der Deutschen Archäologischen Instituts
- JHS — Journal of Hellenic Studies. London
- JRS — Journal of Roman Studies. London
- Keil–Premenstein. I. — *Keil J., Premenstein A.* Bericht über eine Reise in Lydien und der Südlichen Aiolis, ausgeführt 1906 // Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. 1910. Bd. 53. Abh. 2
- Keil–Premenstein. II. — *Keil J., Premenstein A.* Bericht über eine Zweite Reise in Lydien, ausgeführt 1908 // Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. 1911. Bd. 54. Abh. 2
- Keil–Premenstein. III. — *Keil J., Premenstein A.* Bericht über eine dritte Reise in Lydien und den angrenzenden Gebieten Ioniens, ausgeführt 1911 // Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. 1914. Bd. 57. Abh. I
- MAB — Memorie della Reale Accademia della Scienza dell' Istituto di Bologna. Bologna
- Magie D. RRAM — *Magie D.* Roman Rule in Asia Minore. Vol. 1–2. Princeton, 1950
- Malay H. Researchers... — *Malay, Hasan.* Researchers in Lydia. Mysia and Aiolis. With 246 Figures and a Map. Wien, 1999
- MAMA — Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Manchester, 1933–1962
- Michel — *Michel Ch.* Recueil d'Inscriptions Grecques. Brüssel, 1900–1927
- Müller H., Worrie M. Ein Verein... — *Müller H., Worrie M.* Ein Verein im Hinterland Pergamons zur Zeit Eumenes' II // Chiron. 2002. Bd. 32. S. 191–235.
- Niese B. GGMS — *Niese B.* Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd. 1–3. Gotha, 1893–1903
- NC — Numismatic chronicle. London
- OGIS — *Dittenberger W.* Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Vol. 1–2. Leipzig, 1903–1905
- RC — *Welles Ch. B.* Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934
- RE — Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
- REA — Revue des études anciennes. Bordeaux
- REG — Revue des études grecques. Paris
- RH — Revue Historique. Paris
- RPh — Revue Philologique. Paris
- RhM — Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt am Main
- Rostovtzeff M. SEHW — *Rostovtzeff M.* Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. 1–3. Oxford, 1941
- RFIC — Rivista di filologia e di storia classica. Torino
- Sardis — *Buckler W. H., Robinson D. M.* Sardis. Part I. Greek and Latin Inscriptions. Leiden, 1932
- SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden
- Syll.² — *Dittenberger W.* Sylloge Inscriptionum Graecarum. Ed. 2. Vol. 1–3. Leipzig, 1898–1901
- Syll.³ — *Dittenberger W.* Sylloge Inscriptionum Graecarum. Vol. 1–4. Leipzig, 1915–1924
- ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

Оглавление

Введение	5
Г л а в а 1. Проблемы политической истории Пергамского царства	31
1.1. История доэллинистического Пергама.....	31
1.2. Образование Пергамского государства: правление первых Атталидов	45
1.3. Возвышение Пергамского государства во второй полови- не III в. до н. э.	58
1.4. Расцвет государства Атталидов в первой половине II в. до н. э.	79
1.5. Кризис и падение Пергамского царства. Правление Аттала III.....	117
1.6. Восстание Аристоника и установление римского господства	125
Г л а в а 2. Государственное управление	152
2.1. Царская власть Атталидов	152
2.2. Центральное управление	167
2.3. Административно-территориальное деление царства	179
2.4. Налоговая система и экономическая политика.....	194
2.5. Военные силы государства	207
Г л а в а 3. Города в Пергамском царстве	227
3.1. Социально-экономическое развитие городов Малой Азии в эпоху эллинизма	227
3.1. Городской строй Пергама.....	239
3.3. Города Пергамского царства.....	258
3.4. Управление городами в царстве Атталидов	268
3.5. Градостроительная деятельность династии.....	286

Глава 4. Религиозная политика Атталидов	304
4.1. Царские культы и религиозная политика династии	304
4.2. Коллегия атталистов.....	318
4.3. Пергамский алтарь Зевса	327
Заключение.....	344
Приложения	351
Список использованных источников и литературы.....	372
Список сокращений	397

Климов Олег Юрьевич

**ПЕРГАМСКОЕ ЦАРСТВО:
проблемы политической истории
и государственного устройства**

Редактор М. М. Козлова

Корректор В. О. Кондратьева

Технический редактор С. В. Кузнецов

Художественное оформление С. В. Лебединского

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 17.12.2009.

Формат 60 × 90^{1/16}. Усл. печ. л. 25. Тираж 500 экз. Заказ № 416.

Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано в типографии «Нестор-История».
Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21, тел. (812) 622-01-23